

СМЕНА

ноябрь
№ 001

Возвращение блудного мужа

40 руб. Плосников

■ Боб Рэндолл **Зов**

ЗНАК КАЧЕСТВА

МОТОРНОГО МАСЛА

«ЛУКОЙЛ-ЛЮКС» – универсальное моторное масло на полусинтетической основе, первое российское масло, получившее официальное одобрение API (США). Рекомендуется к применению в бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения. Имеет допуск компании Mercedes-Benz пункт 229.1 и ОАО «АвтоВАЗ» для перспективных двигателей. Лауреат конкурса «100 лучших товаров России».

«ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ» – универсальное моторное масло, предназначенное для применения в умеренной климатической зоне. Рекомендовано в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

«ЛУКОЙЛ-СУПЕР» – универсальное моторное масло с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлено с применением присадок фирм Shell, Lubrol, Exxon. Допущено к применению компанией Mercedes-Benz.

«ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК» – полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с увеличенным сроком замены. Имеет допуск Mercedes-Benz пункт 229.1 и 229.3, BMW Special Oil List и BMW Longlife, Porsche, Volkswagen 502 00 и 505 00 выпуска 1/97.

ДИСТРИБЬЮТОРЫ И ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИЛЕРЫ ОАО «ЛУКОЙЛ»

ООО «ЛУКОЙЛ-Адыгея»	385006, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Промышленная, 26	(87722) 2-30-98
ОАО «ЛУКОЙЛ-Аркагельск»	154500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. К. Маркса, 5а	(81842) 2-71-50
ООО «ЛУКОЙЛ-Астраханьнефтепродукт»	414000, г. Астрахань, ул. Филолетова, 44	(8512) 39-05-88
ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепродукт»	400048, г. Волгоград, ул. Лесгородская, 85	(8442) 36-93-44, 39-60-88
ООО «ЛУКОЙЛ-Вологданефтепродукт»	160035, г. Вологда, ул. Ленина, 13	(8172) 72-97-48
ОАО «ЛУКОЙЛ-Калининграднефтепродукт»	236016, г. Калининград, ул. Куйбышева, 13	(8112) 46-14-38
ООО «ЛУКОЙЛ-Кировнефтепродукт»	610014, г. Киров, ул. Комсомольская, 89	(8332) 63-16-88
ОАО «ЛУКОЙЛ-Кореньнефтепродукт»	167610, г. Сиктыктар, ул. Интернациональная, 142	(8212) 42-53-88
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Нефтьпродукт»	101000, Москва, д/м 302	(095) 917-59-22
ООО «ЛУКОЙЛ-Пермьнефтепродукт»	614058, г. Пермь, ул. Ленина, 77	(3422) 10-05-70, 10-06-44
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Пермь»	614600, г. Пермь, ГСП, ул. Орджоникидзе, 4а	(3422) 10-39-44
ОАО «ЛУКОЙЛ-Санкт-Петербург»	197110, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 37	(812) 346-84-00
ОАО «ЛУКОЙЛ-Саратов»	410098, г. Саратов, ул. Рабочая, 22	(8422) 29-15-77
ООО «Торговый Дом «ЛУКОЙЛ»	119121, Москва, ул. Бурденко, 24/2	(095) 753-89-22
ООО «ЛУКОЙЛ-Томск»	625027, г. Томск, ул. Республики, 139	(3452) 49-39-11
ООО «ЛУКОЙЛ-Холдинг-Сервис»	143400, Московская обл., г. Красногорск-5	(095) 753-82-50
ООО «ЛУКОЙЛ-Челябиннефтепродукт»	454045, г. Челябинск, ул. Нефтебазовая, 1	(3512) 34-96-50

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ» ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела
литературы и искусства

Шамара Чинина

2001
ноябрь (1645)

Сдано в набор 20.9.2001.
Подписано к печати 15.10.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 2591

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@gamet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО ОИД "Медиа-Пресса"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию:

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

- 54 *Юрий Поляков*
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЛУДНОГО МУЖА**
Альковная повесть
- 134 *Боб Рэндолл*
ЗОВ
Мистический триллер
- 4 *Светлана
Бестужева-Лада*
КУЛЬТУРА ПРЕТ!
- 40 *Борис Сопельняк*
ПА-ДЕ-ДЕ С КГБ
- 126 *Михаил Любимов*
**АГЕНТ —
ВЕЛИКИЙ САДОВОД**
- 228 *Сергей Золовкин*
**КУРОРТНАЯ
КОРРИДА**
- 238 *Виктория Мурашева*
ЛЕШИИ
- 245 *Галина Калниина*
**ОРЗ — ОБИЖЕННАЯ,
РАЗОЧАРОВАННАЯ,
ЗАБЫТАЯ?..**
- 252 *Андрей Ильин*
**БЕРЕЖЕНОГО
БОГ БЕРЕЖЕТ**

ноябрь '2001

В НОМЕРЕ:

стр. 120

На 1-ой обложке:
Фото FOTO BANH.

стр. 10

12 *Алексей Рибников:*
**"И СНОВА ПОЯВИТСЯ
 МОЦАРТ..."**

18 *Любовь Русева*
**ХИТРЫЙ
 ПОЛКОВОДЕЦ**

102 *Владимир
 Соколовский*
ПОНТОРМО

120 *Валерия:*
**"ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ —
 ЛЮБОВЬ..."**

206 *Елена Прокофьева*
**ДЬЯВОЛ,
 ЗАЖИГАВШИЙ
 ЗВЕЗДЫ**

216 *Иван Зюзюкин*
**АЛЕКСАНДР,
 КОНЕЧНО, ГЕРОЙ...**

260 *Наталья Дабига:*
**"КУКЛЫ — МОИ
 ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ..."**

стр. 40

31 *Николай
 Шамсутдинов*

*Дмитрий
 Фаминский*
**"ПИКНИК
 В БАРСКОЙ
 УСАДЬБЕ"**

Детективная повесть молодого нижегородского литератора — его дебют в "Смене". Действие происходит в деревушке Затокино, куда приезжает главный герой — сотрудник ФСБ Вадим Петров. И выясняется, что в обычной, на первый взгляд, усадьбе "нового русского" действует целый научный центр, где происходят таинственные, необычные даже для пресыщенного подобными сюжетами читателя события...

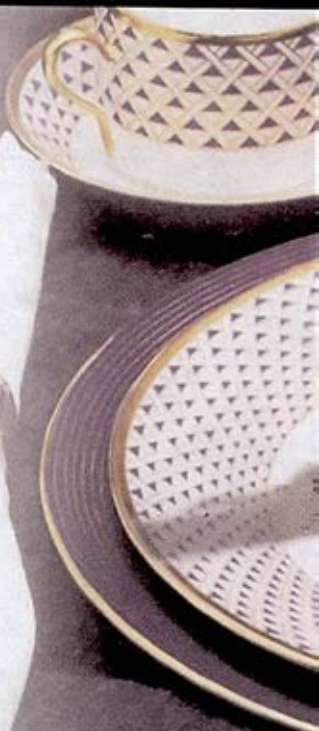
Иван Зюзюкин
**ИЗ РОССИИ —
 В РОССИЮ**

Почему Федор Иванович Шаляпин, выехав однажды на гастроли за рубеж, так и не вернулся в СССР? Ответ, казалось бы, известен. Но разрыв с Родиной по идейным соображениям — соблазнительно легкое объяснение драмы великого певца. На взгляд автора очерка, ее корни лежат глубже.

декабрь '2001

12

АНОНС:

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

КУЛЬТУРА

Недавно довелось мне участвовать в международной конференции по вопросам культуры. Повестка дня была насыщенной, доклады — интересными, а общая атмосфера — рафинированно-интеллигентная. Но всю эту благодать внезапно взорвало одно выступление, в котором оратор высказал такую вот нестандартную мысль:

— Уровень культуры нации измеряется чистотой сортиров в стране.

Боже мой, что тут началось! Нет, иностранные гости хранили недоуменное молчание: они просто не

поняли, почему на **таком** форуме предлагают обсудить **такую** тему. Но наши, российские участники конференции, поняли все прекрасно и тут же возмутились. Чем? — спросите вы. Да возможностью измерения того, что именуется "духовным потенциалом нации", такой вот странной мерной. И при чем тут вообще сортиры?

А действительно — при чем? Увы, связь очевидна. Чем больше проходит времени, тем актуальнее для нас становятся произведения Михаила Булгакова. Такой вот временно-исторический парадокс. По-

ПРЁТ!

этому и я сошлюсь на классика, который устами профессора Преображенского очень точно подметил, что разруха начинается в головах людей, а не где-нибудь еще.

“Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует! Что вы подразумеваете под этим словом? — яростно спросил Филипп Филиппович у несчастной картонной утки, висящей сверху ногами рядом с буфетом, и сам же ответил за нее. — Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать,

каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха! Если я, ходя в уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и там же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной получится разруха. Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах!”

Прошу прощения за развернутую цитату, но точнее вряд ли скажешь. Создается впечатление, что действительно “господа все в Париже”, а в России остались только Шариковы, которые и ведут себя соответственно: превращают аре-

ал своего обитания в одну большую помойку. Или, пардон, в привокзальный туалет. И никакие высокие духовные и моральные ценности тут не помогут: скотский образ жизни не способствует росту культуры. Равно как и постоянное пение хоров вместо выполнения прямых и непосредственных обязанностей. Равно как и абсолютное пренебрежение элементарными правилами поведения в обществе.

Прошу правильно понять меня: культурному человеку желательно, конечно, знать основные правила этикета: в скатерть не сморкаться, в сапогах на постель не ложиться, ну, и так далее. Но смешно, право, требовать, чтобы мы, живя в XXI веке, соблюдали правила века позапрошлого. Поэтому способы использования ножей, салфеток, ложек, вилок и прочей утвари тут не обсуждаются. Тем более, что научиться этому можно часа за два. Было бы желание.

А вот желания, снажу я вам, у многих моих соотечественников как раз и нет. Наоборот, есть стремление превратить трущобный образ жизни в норму. Часто вы видите, чтоб кто-то возмущался тем, что граждане на улице плюются, сморкаются в два пальца об асфальт, лузгают семечки (чавкают попкорном или жвачкой), пьют "из горла" пиво (спрайт, фанту, водку), матерятся и, простите, отправляют естественные надобности? Вот и я говорю: не часто. А что, не "графья, анадемиев не кончали". Зато мы — самая читающая нация в мире.

Да... были. Но и тогда, и сейчас людям — скажем так — с другим менталитетом было очень трудно соотнести российское духовное богатство с российским же матери-

альным убожеством. Любой подъезд любого дома практически мгновенно превращался (и превращается) в клоаку. Лифт, лестница, площадка — все это обганивается с нажимом изощренным садизмом, причем не пришлыми вандалами, а самими жильцами. Ну, хорошо, их детьми, но ведь детей-то воспитывают. Значит, так воспитали. Чему нас учит семья и школа? Ах, не этому? Тогда откуда все берется?

Конечно, легко и сладостно найти у тех же классиков исторические объяснения такому феномену. Мол, русские гадили вокруг своих жилищ испокон веков, точнее, начали сразу после татаро-монгольского ига. Вот как у ночевнинов научились, так по сей день и не могут с этой привычкой расстаться. Мол, тут европейская культура нужна, а мы — Азия-с. Что с нас взять?

Ну, где ничего не положено, там и взять нечего. Но... Но в той же Азии, между прочим, есть жестко установленные нормы поведения каждой конкретной личности в быту и в обществе, за несоблюдение которых человек практически мгновенно становится изгоем. Поэтому не стоит путать азиатскую культуру вообще с образом жизни представителя Золотой Орды. Во-первых, она давным-давно приказала долго жить, а во-вторых, азиатские правила приличия по степени сложности и изощренности дадут сто очков вперед любому версальскому церемониалу. Не зря же говорят: "китайские церемонии".

Более близкие нам (хотя бы территориально) древние греки видели в "воспитанности", которую они считали синонимом культуры, главное свое отличие от "некультурных" варваров. Эпоха Рима, особенно в поздний ее период, органично впи-

тав философские взгляды древнегреческих мыслителей, породила свое представление о культуре, которое более близко к понятию цивилизации. Культура стала ассоциироваться с признаниями личного совершенства. Так что корни у этого явления не только и не столько европейские, сколько общемировые.

Так что же такое этикет, то бишь правила поведения в обществе, для нормального человека? По мнению некоторых наших современников-соплеменников, это пережитки скучного прошлого, когда люди "из высшего света" с охотой разыгрывали друг перед другом церемониальный спектакль. У Владимира Ивановича Даля в Толковом словаре велинорусского языка значится:

"Этикет — чин, порядок; принятая условная вежливость; церемониал, внешняя обрядливость".

Да, этикетничать, соблюдать "внешнюю обрядливость" в нашей ежедневной заморочной суете слонно. До того ли? Однако иногда нелишне вспомнить, что встречают все-таки по одежке, то есть и по манерам в том числе. С одежкой вроде бы все в порядке. А вот с манерами...

Как театр начинается с вешалки, так человек начинается с дома, точнее — с семьи. Тут у нас, если честно, полная беда. В отличие от англичан, которые выражение "мой дом — моя крепость" понимают буквально и практически никого и никогда в эту самую крепость не впускают, мы считаем свой дом чем-то вроде буннера, но доступ туда практически неограничен. А поскольку в этом самом "буннере-крепости" обязательно есть запасы продовольствия и воды, а также страте-

гически важного сырья в виде старого шнафа или нескольких канистр с бензином, то нетрудно себе представить царящий в такой квартире "порядок". А ведь бытие действительно определяет сознание — не мною первой подмечено.

Ладно, в конце концов в своем доме каждый — хозяин-барин. Но один барин под завязку забивает балкон всевозможным хламом, расстаться с которым никак не решится. Второй барин считает, что пепельница и мусорное ведро непорочно испортят эстетику его дома, поэтому и мусор, и окурки швыряет прямо на улицу. Получить на голову картофельные очистки — удовольствие сомнительное, но получить тлеющий окурочек на пачки макулатуры или обломки фамильного комода — это уже страшно. Практически ежедневно из таних искр возгорается пламя пожаров в жилых домах. Второе, между прочим, место после пресловутого "курения в нетрезвом виде".

Я уже не говорю о том, что зрелище замусоренных балконов отнюдь не радует глаз. Когда-то запрещали даже белье на лоджии сушить, во всяком случае, в Москве. Чтобы не портить внешний вид города-героя. Теперь запреты если и существуют, то только на бумаге. А в жизни каждый волен "украшать" свой кусок коммунального фасада так, как ему Бог на душу положит. "Мой дом — моя крепость". И если бы только фасад...

Состояние наших подъездов уже давно — притча во языцах. Любой ребенок проходит стадию рисования на стене, это понятно. Но когда велиновозрастные балбесы считают самым "крутым приколом" расписать подъезд в стиле... Черт его знает, в каком стиле: послед-

нее время нас "радует" диний гибрид родного мата и каких-то английских названий. Конечно, хорошо, что детишки осваивают иностранный язык. Но почему-то никто из них не украшает таким образом санузел в родной квартире. То есть какие-то тормоза все-таки имеются. Но за дверью — тут же отказывают.

Между прочим немудрено, что отказывают. Взрослое население подъезда, думаю, стены не расписывает, зато сам подъезд, извиняюсь, описывает по самое дальше нелюда. Про окурки и мусор даже не говорю, это само собой. И чем "улучшеннее" планировка, тем больше простора для нерях. Забитый мусоропровод, заплывающие лестницы в многоэтажных домах (и ведь по ним практически никто не ходит, по этим лестницам-то!), до отказа забытые старьем коридоры. Стекла в окнах, а уж тем более — стеклянные двери и стены подъездов разбивают до того, как в новый дом въезжают все жильцы. Что это? Загадочная русская душа, степная удаль или элементарное бескультурье? Я не готова ответить на этот вопрос.

В прессе часто можно найти заметки о том, что страстные любители животных держат у себя в квартирах несколько десятков собак или кошек. Есть оригиналы, которые изобретаются пестовать в тех же квартирах козочек и свинок. Любовь к братьям нашим меньшим дело, конечно, похвальное, но не за счет окружающих, особенно в тех домах, которые под зверофермы никак не подходят. Равно как и страсть к свирепым собакам не на собственной ферме, а там же, в спальном районе. Пострадавшим от породистых любимцев несть чис-

ла, но никого это, похоже, не волнует, кроме них самих. В квартирах держат змей, крокодилов, обезьян... "Мой дом — моя крепость", хочу в помойку превращу, хочу — в филиал зоопарка. Слов нет, одни эмоции.

Ну, хорошо, окружающих мы не уважаем и в грош не ставим. Но мертвых-то? Уж если такая духовность, то вечный покой следует чтить и уважать. Даже выбранные нами в качестве некоего эталона кочевники-азиаты относились к могилам с пиететом. Даже динари не оскверняют мест последнего упокоения. Только не мы! Украсть с могилы цветы, разбить памятник, сдать приглянувшуюся ограду в металлолом — это, как говорится, святое! Свообразное проявление любви к отеческим гробам. Простите за банальность, но умом Россию действительно понять невозможно. И даже какие-то сравнения исключены.

Хотя... сейчас очень модно сравнивать Москву с Чикаго 20-30-х годов. Не была, не знаю. Но предлагаю вспомнить сценку из фильма "В джазе только девушки". Главные герои в женском облике заходят в лифт, где уже едут гангстеры. И те немедленно снимают шляпы: появились дамы! Сможете найти аналог в российской действительности? Боюсь, что нет, у нас депутаты женщин за волосы таскают прямо перед объективами теле- и фотокамер. Что, кстати, тоже показательно: если так себя ведет как бы элита, то чего ждать от "плебса"? Только того, что мы имеем: выматериться в присутствии женщины так же естественно, как прилюдно высморкаться в два пальца или смачно сплюнуть. И первое, и второе, и третье уже дав-

но — объективная реальность, данная нам, увы, в очень непосредственном ощущении.

Специалисты мгновенно нашли этому объяснение. Цитирую: *"Культура каждой эпохи неразрывно связана с потребностями и интересами различных классов, социальных слоев и групп. В этом суть механизма влияния различных классов, социальных слоев, групп на содержание культуры"*. Закончила цитировать и перевожу на нормальный язык: коль скоро наша теперешняя жизнь почти полностью определяется социальным слоем, весьма далеким от культуры вообще и хороших манер, в частности, то апофеозом "хорошего тона" является страхование имущества в определенной компании. И точно. Других потребностей нет. В области культуры.

Мне могут возразить, что корни всех этих бед — в нищете широких масс. Мол, если бы все имели возможность нанять детям гувернанток и бонн, уровень культуры поднялся бы мгновенно, как ртуть в нагретом градуснике. Позволю себе не согласиться с этим утверждением. Самый безнадежный и отпетый хам мгновенно вскочит с места и изобразит придворный реверанс, если в помещение войдет Босс, Патрон или какой-нибудь Генеральный. Тут воспитанность проявится на генетически-холуйском уровне. Но, значит, она все-таки есть, несмотря на отсутствие бонн и гувернанток?

Приведу еще один пример. Ни разу, ни на одном представлении балета или классической оперы не доводилось слышать модных нынче диких воплей "а-ля новбой в прерии" или свиста. Значит, народ прекрасно соображает, где что умест-

но, а где — как бы не совсем. И дело опять-таки не в том, что в оперу или балет ходят нищие "осколки прежнего строя", то бишь совковая интеллигенция. Им этот вид досуга и не по карману сейчас. Ходят те же "новые", но не свистят и не улюлюкают. Правда, вполне могут позвонить себе побеседовать с кем-то по мобильному телефону прямо из зрительного зала. Но тут все понятно: испокон веков дети ходили на представления с любимыми игрушками.

Истати, об игрушках. Как выяснилось, уровень развития техники никак не влияет на общий уровень культуры. Мы еще не научились правильно разговаривать по телефону, то есть соблюдать при этом хотя бы элементарную вежливость, как уже ринулись осваивать Интернет. Там, если кто еще не в курсе, существует возможность общения в режиме диалога, так называемые "чаты", в просторечье "болтални". Так вот, девять из десяти таких болталок переполнены... обыкновенным матом. Нормальных русских слов, по-видимому, катастрофически не хватает, вот и восполняют теми, которые лучше всего знают. То ли это считается хорошим тоном, то ли никто не объяснил гражданам, что подобная форма общения низводит их до скотского уровня, — сказать не берусь. Но факт остается фактом: матерный язык "прописался" в "стране Ру" достаточно прочно. А ведь сейчас компьютеры есть лишь у четырех процентов россиян. Что будет при дальнейшем развитии этой техники — боюсь даже подумать.

Впрочем, наши нынешние "властители дум", они же "инженеры человеческих душ", то бишь писатели тоже не обременяют себя поиском

наиболее удачных выражений, а пересыпают страницы своих бес­ смертных произведений тем же ма­ том. Благо цензуры, как таковой, не существует, а бумага, понятное дело, все стерпит. И не нашлось ни одного критика, который возмутил­ ся бы: ребята, вы что, совсем с ума сошли?! Вы же плюете в лицо сво­ им читателям, вы же расписываете в своем глубоком к ним неува­ жении. Нет, тишина. Наоборот, на­ кое-то премии дают. За виртуозное владение матом, что ли?

Наиболее "продвинутые" гово­ рят о том, что мы просто догоняем цивилизованный мир. Мол, в Аме­ рике вообще все пишется и произ­ носится, никаких ограничений. Да, но в английском языке нет **такого** мата и **таких** традиций его использо­ вания. Алофеоз американского ругательства: "Да пошел ты!" Да и цензура там, кстати, помягче, по­ скольку нравы все-таки пуритан­ ские, как были, так и остались. И не только нравы, но и законы. В том числе относительно этичности или неэтичности той или иной рек­ ламы...

Ну, реклама — это вообще от­ дельная песня. Очень долго изош­ рялись в иронических высказыва­ ниях относительно уместности и по­ лезности слоганов типа "Летайте самолетами Аэрофлота" или "Хра­ ните деньги в сберегательной кас­ се". Параллельно сетовали, что вот, мол, "там", в "демократиче­ ском мире", реклама — это да! Это просто отдельное произведение ис­ кусства. Дождались: данное иску­ ство обрушилось и на наши, совер­ шенно неподготовленные к нему и потому весьма уязвимые головы.

Рекламу сейчас не лягнул толь­ ко слепоглухонемой, да к тому же неграмотный. Она развращает, оту­

пляет, нивелирует извечные духов­ ные ценности до уровня прокладок и жвачки. Не буду спорить, по­ скольку реклама — это всего лишь двигатель торговли. Для нашей страны очень даже неплохо узнать о том, что существуют дезодоран­ ты, зубные щетки и лосьоны после бритья. Ибо замечание Пушкина: "Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей" у нас, мягко говоря, непопулярно. Мы все боль­ ше о духовности радеем.

Я не ерничаю. Просто довольно часто приходится сталкиваться с неглупыми и образованными людьми, которые считают ниже своего достоинства соблюдать элементар­ ные правила личной гигиены. Должна сказать, что общения это не облегчает. Можно читать в под­ линнике Монтескье и Шпенглера, прекрасно разбираться в отличиях классической музыки от репа, попа и степа, рисовать гениальные кар­ тины, но вызывать исключительно негативные эмоции у окружающих. Естественный запах хорош только у детей, да и то — грудных и ухожен­ ных.

Ну, хорошо, у нас свой, особен­ ный, ни на кого не похожий мента­ литет. Мы сильны своей духовно­ стью, своей приверженностью к подлинным, а не мнимым ценно­ стям. Да? Тогда как вам такой вот пример: в одном из спальных рай­ онов столицы решили построить храм. И даже место выбрали, крест водрузили, стали средства соби­ рать. Но вот некоторым жителям это не понравилось, они крест снесли и чуть было не сонгли. Нет, они не сатанисты и даже не воинст­ вующие атеисты. Просто полагают, что колокольный звон будет ме­ шать им нормально жить и отды­ хать. В смысле — культурно. Знае-

те, **это** даже комментировать не хочется. Как говорится, дожили.

Состояние культуры общения (да и вообще культуры) в нашем современном обществе не просто плохое — оно чудовищно плохое. Не хочу снова приводить цитаты из классиков, но все равно лучше и точнее Булгакова никто об этом не сказал. Перечитайте, не поленились.

Со времени событий, описанных в "Собачем сердце", прошло чуть ли не восемьдесят лет, а что изменилось? Разве что на балалайке не играют, так ее с успехом заменили радиоприемники и магнитофоны, которые голосят чуть ли не из каждого окна практически в любое время суток. Тяжелый рок — этим все сказано, хоть в прямом, хоть в переносном смысле слова.

Вольно или невольно это переносится все в ту же рекламу. "Посидим, побеседуем..." Об окружающих при этом думать совершенно не обязательно. Зато, по замыслу авторов, пропагандируются высокие духовные ценности — человеческое общение за чаем, — а не какие-то там, извините, прокладки.

Так вот и сидим, беседуем о вечном и нетленном. При этом не умеем слушать друг друга, никого не уважаем, считаем мат и плевки сквозь зубы — символами какой-то необыкновенной "крутизны", богатых — мерзавцами и жуликами, бедных — идиотами и неудачниками, представителей других национальностей — людьми второго, если не третьего сорта, женщин — дурами, мужчин — нозлами, детей — обузой, стариков — балластом...

При этом культура из нас всех буквально прёт, во всяком случае о "духовности" и "загадочности" Рос-

сии мы без конца звоним во все колокола. Не устаем подчеркивать, что для подлинного культурного взлета к невиданным еще вершинам нам не хватает самой малости — денег. Пусть правительство ассигнует необходимые средства и...

И ничего сверхъестественного, уверяю вас, не произойдет. Культурнее мы не станем даже если нас всех в принудительном порядке отправят на курсы хороших манер и бальных танцев. Возможно, после этого не будут сморкаться и плевать на улицах, но и только.

Мне кажется, что культуру, как и духовность, нельзя воспитать или, тем паче, привить. Еще недавно сетовали на то, что отсутствие свободы вероисповедания, насандение атеизма ожесточает и отупляет народ. Пожалуйста: храмы восстанавливаются, молиться и соблюдать религиозные предписания никто не запрещает, скорее, даже поощряют. И что? Пышным цветом расцвели милосердие, забота о сирых и убогих? Да полно! Крест на шее стал просто символом: как мобильный телефон или "голливудская" улыбка.

А самое, пожалуй, забавное заключается в том, что на низкий культурный уровень сетуют не только в России. Свист и улюлюканье на концертах, страсть сунуть нос в чужую личную жизнь и туда же нагадить, неформальная лексика — все это достаточно распространено по всему миру. Так, может быть, преннее понимание культуры общения непоправимо устарело? И нам просто нужно приспособиться к окружающему нас обществу, а не жаловаться на него?

Да и глупо, в конце концов, пенять на зеркало.

А Л Е К С Е Й

"И С Н О В А

МО

Композитор Алексей Рыбников был кумиром людей самого разного возраста в семидесятые-восьмидесятые. Его рок-оперы "Звезда и смерть Хоакина Мурьеты", "Юнона" и "Авось" стали супер-хитами того времени. Его имя не сходило с газетных полос, "Юнону" и "Авось" не раз транслировало телевидение. А потом вдруг наступило затишье...

— В моем творчестве ни затишья, ни кризиса не было... В самом ближайшем будущем состоятся премьеры — опера "Мазстро Массимо" и балет "Вечные танцы любви".

— Алексей, где их можно будет услышать и увидеть?

— В Москве очень сложная обстановка с концертными залами. Крупнейшие из них находятся в аварийном состоянии и закрываются на ремонт. Но мне повезло, недавно я стал художественным руководителем большого концертного зала "Академический". Это прекрасное помещение с оркестровой ямой в здании Академии наук на тысячу двести мест. До сих пор он почти пустовал, а теперь есть надежда, что заживет творческой жизнью.

— В ваших произведениях всегда был некий вызов — времени, традициям. А что сейчас?

— Не знаю, как насчет вызова, не мне судить, "Мазстро Массимо" — это гимн творчеству. Идея принадлежит безвременно ушедшему от нас Григорию Горину. Действие происходит в XVIII веке, главный герой — русский композитор, музыка которого уничтожена. По сюжету современный композитор услышал ее и донес до нас. Передо мной стояла очень увлекательная задача — сделать не стилизацию, а музыку, которая могла быть написана именно в России, и

П О Я В И Т С Я

Дарт...

именно в то время. За основу взяты судьбы таких композиторов, как Максим Березовский и Дмитрий Бортнянский. Идея — рукописи не горят и музыка вечна. Жанр необычен — смесь оратории с драматическим спектаклем.

"Вечные танцы любви" — первый мой балет, и он пройдет под эгидой ЮНЕСКО в программе "Музыка, сближающая народы". Спектакль покажут в Москве и в Вероне. Это виртуальное путешествие молодой пары в прошлое и будущее... Они действуют по правилам компьютерной игры, но переживают все в реальности. На сцене будут звезды из разных театров: Мариинки, Большого. Написана партия для знаменитого мирового тенора и американского рок-гитариста. Артисты разных стран объединятся, чтобы донести идеи красоты и добра.

Кроме того, закончена работа над музыкой к фильму Павла Чухрая "Дети бездны". Американский проект посвящен Холокосту — истреблению евреев во время Второй мировой войны. Задумана целая серия таких фильмов, которые сделают лучшие мастера в разных странах. В Польше, например, снял на эту тему фильм Анжей Вайда. Финансируется проект Стивеном Спилбергом. В российском варианте рассказывается о судьбах чудом выживших людей в Бабьем Яре и других местах. Я мечтаю, чтобы наши зрители услышали эту музыку и увидели ленту.

— Алексей, согласитесь, по эмоциональной силе воздействия на человека среди искусств равному музыке нет. Здесь какая-то тайна?

— Музыка, действительно, самое необъяснимое из искусств.

Писатель или поэт описывают конкретные ситуации, художник, даже абстракционист, иллюстрирует жизнь. Музыка же не имеет никаких прообразов в реальности, не отражает действительность. Это чистый продукт той части человеческого существа, которое отрицается материалистами — души. Музыка — одно из доказательств того, что она все-таки существует.

Для меня, например, остается загадкой и то, почему великая музыка появилась лишь лет триста назад. Ведь великая живопись и литература существовали уже тысячелетия. Эсхил и Софокл, Андрей Рублев и Дионисий... Была и великолепная архитектура, а музыки не было. Вообще! Может, это связано с тем, что люди долгое время жили разрозненно, не осознавая своего места в системе мироздания, пока шел процесс формирования души человечества? А когда она оформилась, юная и чистая, появился и Моцарт...

— Как вы стали композитором?

— Я вырос в полумузыкальной семье. Отец — скрипач-самоучка, мама — художница. Они хотели, чтобы я стал либо дипломатом, либо музыкантом. Кстати, случилось несколько забавных "предзнаменований" Так, когда мне исполнилось три года, на День Ангела — а семья у нас очень религиозная, верующая — пришел сосед, и ни с того ни с сего поднял тост за будущего великого композитора. Маме это запало в душу. Другой случай произошел в церкви. Семья стояла в очереди причащаться, и я вдруг начал церковным хором дирижировать. В полтора-то года! Так определилась моя судьба. Му-

зыне тем не менее начал учиться поздно, в семь лет. А когда исполнилось десять, пришел в консерваторию и показал Хачатуряну свой балет "Нот в сапогах". Арам Ильич сразу взял меня в свой класс. Такой вот "запоздалый вундеркинд".

— Вам повезло, не каждый композитор может похвастаться таким учителем.

— Это были сложные 60-е годы. Атмосфера духовной закрепощенности. Существовали установки, какую музыку можно писать, какую нельзя. Под запретом оказались джаз, авангардисты. Арам Ильич везде и всюду отстаивал право композитора писать так, как ему хочется. Как Бог на душу положит. Неважно, в каком стиле, главное — чтобы талантливо. Если дело касалось творчества, он не признавал никаких рамок, и научил меня раскрепощенности, свободе мышления.

Его учителем был знаменитый Николай Яковлевич Мясновский. И он многое перенял у него. Например, деликатность в отношении творчества студентов. Если Шостакович, будучи яркой индивидуальностью, никогда не преподавал, ему легче было переписывать за ученика, чем объяснять, то у Хачатуряна все происходило по-другому. Он рассказывал, как в молодости играл Мясновскому свою пьесу, и тот вдруг хмыкнул, а затем сказал: "Нет-нет, ничего, продолжайте..." Но студент уже знал: это сигнал о серьезном прочтении... Приходилось ловить выражение глаз, жесты, даже то, как он ерзает на стуле. Так же и Хачатурян. Он не говорил, что это никуда не годится, у него просто портилось настроение, и по выражению

лица, глаз все сразу становилось понятным.

А у меня в те годы как раз все совпало — только женился, появились другие интересы, и Хачатурян переживал, что я не могу отдаться полностью музыке. Расстраивался, когда я делал что-то небрежно... Вообще, то было золотое время консерватории, практически в одном классе учились сегодняшние звезды первой величины — Николай Петров, Владимир Крайнев, Владимир Спиваков.

Закончил я консерваторию с "красным" дипломом, а потом вел вместе с Арамом Ильичом его класс. Оборвалась моя преподавательская карьера в одночасье. Однажды Хачатурян вдруг доверил мне свои сомнения: "Ты не чувствуешь, что преподавание сушит композитора? Он должен выступать с каких-то правильных позиций, психологически ему трудно быть молодым, дерзким и бросать вызов". Я настолько испугался стать "засушенным", что оставил это дело. Наверное, можно вернуться к преподавательству в более позднем возрасте. А пока есть возможность сочинять — сочиняй, твори...

— Как сложилось содружество таких творческих личностей, как Марк Захаров и Алексей Рыбников? Как вы нашли друг друга?

— Нас познакомил поэт Юрий Энтин. Марку Захарову понравилась моя музыка к фильму "Остров сокровищ" и он предложил поработать вместе над "Звездой и смертью..."

Я начал со сцены гибели героини, написал реквием, которым и увлек Захарова. Дальше все пошло как по маслу, за год работа была сделана. Что касается "Юно-

ны" — то тут ставились иные духовные задачи. У меня возникло страстное желание, чтобы общество услышало голос русской интеллигенции со сцены. Впервые тогда прозвучала музыка духовная — старинная и современная — на православные тексты, впервые поднят дореволюционный российский флаг. Было много просмотров, пришлось пожертвовать какими-то фрагментами духовной музыки (чем она-то мешала?), но самые острые вещи остались.

— Вдохновение важно в работе?

— Однажды я пришел к Хачатуряну в депрессии, дескать, сплошные проблемы, все плохо. А тот говорит — так пользуйся этим, садись и пиши. В такие моменты получают самые сильные вещи. Стресс способствует проявлению сверхвозможностей. Иногда бьешься-бьешься, не получается. Так было, например, с хором "Прощай!" для "Хоанина Мурьеты". Однажды мы с женой собирались в гости и потеряли ключи, искали, нервничали, а нас уже ждали, и вдруг я сел за фортепьяно и сыграл этот хор. Иногда музыка приходит через пальцы, которыми управляет подсознание. А вообще Чайковский говорил: вдохновение — гостья, которая не любит приходить к ленивым. Нужно разработать мозги, душу, чтобы она появилась.

— В ваших спектанлях совершенно четко прослеживается философская тема борьбы добра и зла. Это случайность или отражение мировоззрения?

— У каждого человека есть свое мировоззрение, направленное на созидание или уничтожение. Моя философия простая —

как можно полнее самовыразиться в искусстве. Я христианин, и в этом для меня заключено все.

К сожалению, окружающий нас мир и душа человеческая сегодня не в гармонии, а в противодействии. Если душа стремится к чему-то высокому, "мир", условно говоря, такие светлые души отслеживает и уничтожает. Христос сказал — "я пришел нести не мир, но меч". Любовь и ненависть, жизнь и смерть, добро и зло, — таким "мечом" Бог разделил наш мир. Можно идти во тьму, а можно стремиться к свету. Об этом все искусство. Других тем нет, если речь идет не о бульварщине.

— Больше всего шума надела-ла "Литургия оглашенных". Спектанль, которым восхищалась Американа, но не оценили по достоинству наши соотечественники.

— Так получилось, что ее смогли показать только в моем частном театре да на сцене Театра киноактера. Спектанль мне дорог — будем его "восстанавливать". "Литургия" — своего рода "Божественная комедия" Данте, перенесенная в наше время. Герой, находящийся за колючей проволокой, совершает путешествия в Рай и Ад. Через это познается судьба России: что с нами происходит, что будет происходить? Я собрал все вопросы, которые ученики задавали Христу. Как нам молиться, как поститься, на что похоже Царство Небесное, когда наступит конец света, как жить дальше? Каждый человек, наверное, задает эти вопросы себе и Богу. И в конце перед заключенными открывается светлый туннель, в который они уходят из этого мира, а Земля по-прежнему остается во мраке.

— Алексей, а вам не кажется, что современная музыка в основном несет мрак, а не свет?..

— Сейчас, когда началось новое тысячелетие, происходит резкое духовное разделение. В духовном плане все онажутся по разные стороны баррикад — светлые к светлым, темные к темным. И темное уже сейчас ярче проявляется, не подделываясь под свет, не маскируясь, сбрасываются маски. У каждого есть выбор духовного пути. Никто никогда не говорил, что человеческая история закончится победой света. Просто хочется в это верить.

Музыка проходит тот же путь, что и человечество. Восемнадцатый век — открылись небеса, и музыка полилась с них, только успевай подставлять ведра... Создавались сотни симфоний, сегодня даже трудно представить себе такой объем. Дальше — девятнадцатый, когда появились революционные мотивы, музыка бунтарского склада: Бетховен, Шопен, Вагнер... И уже просматривалась борьба добра и зла, Рая и Ада.

И предвосхищение и осмысление Ада на земле — Гитлер и Сталин. Это музыка Стравинского, Прокофьева и Шостаковича. Чем все заканчивается? Конечно, смертью и разложением. Это слышится в музыке Шнитке и авангардистов. Убито все, бесконечный Ренвием...

В последнее время пишется в основном прикладная музыка. Церковная — для богослужений, популярная — для танцев, ритуальная и так далее. Дело в том, что, если измерить изменения, которые произошли в духовном мире людей, в их психологии за последнее столетие, музыка точнее всего

их отражает. Думаю, это просто кризис в истории человечества, который нужно пережить. Есть в психиатрии понятие — "реактивное состояние", оно наступает после тяжелейших стрессов.

А сколько всего человечество пережило за последнее столетие! Две мировые войны, десятки миллионов погибших... И сегодня продолжают войны. Не бывает так — "страхнули" с себя все и пошли дальше, в двадцать первый век. Убиенные остались с нами, никто за них не понаялся...

Вот почему умерла музыка. Но — не навсегда. Депрессия, покаяние, натарсис — возможно, на это уйдут столетия. А потом снова появится Моцарт...

Беседовала

Татьяна ХАРЛАМОВА.

фото **Владимира Чейшвили**

Любовь РУСЕВА

ЖИТРИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

*“Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет”
(Суворов о Кутузове)*

— Клянусь не полагать оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в моем царстве! — воскликнул Александр I, узнав о форсировании Немана наполеоновскими войсками.

Государь дал слово, но слово это сдержал... Михаил Илларионович Кутузов. Фельдмаршал командовал в это время войсками, располагавшимися в Петербурге, Кронштадте и Финляндии. С тоскою следил он издали за отступлением русской армии, с которой привык побеждать. Спустя три недели император обнародовал Манифест, призывавший каждого россиянина к обороне Отечества. Дворянство съехалось в губернские города для избрания предводителей ополчений. Обе столицы единогласно назвали Кутузова. Петербургская депутация отправилась к полководцу с известием и приглашением в собрание. Явившись, Михаил Илларионович остановился посреди зала. Подождав, когда стихнут восторженные крики “ура!”, полководец обратился к присутствовавшим:

— Господа! Я вам многое хотел говорить... Скажу только, что вы украсили мои седины... — глаза наполнились слезами.

Всего двадцать дней командовал ополчением полководец. 29 июля 1812 года за заслуги перед Отечеством, разгром Оттоманской Порты, заключение выгодного мира и расширение “пределов империи” император возвел его в достоинство Светлейшего Князя. Спустя несколько дней Кутузов был назначен членом Государственного Совета, а 8 августа — главнокомандующим всеми армиями и ополчением.

— Я принял повеление из уст императора с христианским смирением, как призвание свыше, — признался полководец вечером семье. — Я не оробел и с помощью Божиею надеюсь успеть, но слушая государя, я был растроган новым назначением моим.

11 августа, в воскресенье полководец выехал из Петербурга, провожать его вышел весь город и карета продвигалась шагом. На первой же станции, в Ижоре, Кутузов узнал от курьера из армии о падении Смоленска.

— Ключ к Москве взят... — прошептал старый воин.

Карета повезла по русским дорогам убеленного сединами полководца. По пути к армии, с которой связано 53 года, он вспоминал свою жизнь.

Вся жизнь...

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился в Петербурге 5 сентября 1745 года, но вскоре лишился матери. Крепыш-младенец начал ходить и говорить еще на первом году. Отец его генерал-поручик и сенатор Илларион Матвеевич 30

лет служил по Инженерному корпусу, участвовал в первой турецкой войне. Из-за обширных знаний не только в военных делах, но и в гражданских знаниях его прозвали "разумной книгой". Любовь к знаниям и постоянному чтению передалась сыну. Илларион Матвеевич в свободное время от службы занимался воспитанием Михаила, сам обучал его.

Михаил рос красивым, смелым, отважным и предприимчивым. Он был веселого и пылкого нрава, добрым и сердечным человеком, если его шалости и насмешливость кого-нибудь обижали, он расстраивался. В нем смешались страстный темперамент с беззаботной негой: любил поспать и вкусно поесть.

Кутузов успешно учился в дворянской артиллерийской школе, особенно ему давались языки, математика и инженерные науки. 14-летним юношей Михаил начал службу в чине капрала артиллерии (1759), но уже 1 января 1761 года его произвели в прапорщики, он командовал ротой в Астраханском пехотном полку, командиром которого был Суворов. Своей расторопной службой молодой офицер обратил внимание Екатерины II, которая произвела его в капитаны. Именно в ее царствование Кутузов последовательно получал чин за чином, поэтому императрица называла его "мой генерал".

Начавшиеся военные действия в Польше дали возможность Михаилу Илларионовичу отличиться. Но истинную славу ему принесла русско-турецкая война. Летом 1774 года, ведя свой батальон на штурм укрепленной крымской деревни Шумы, он был тяжело ранен в левый висок пулей, вылетевшей у правого глаза. Кутузов выжил, за героизм его наградили орденом Св. Георгия 4 степени. Во время второй турецкой войны под Очаковым Михаил Илларионович вторично был ранен: пуля попала в щеку и вылетела через затылок. "Надобно думать, — писал врач, — что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна".

1790 год принес Кутузову еще большую славу. Ему подчинялись войска, расположенные в Аккермане и его окрестностях до самой Бендерской крепости. Успешно отразив атаки неприятеля, Кутузов двинулся по приказанию Главнокомандующего к Измаилу на соединение с Суворовым. По дороге генерал разбил вражеский отряд, предводимый Осман-пашей, и обратил его в бегство. Прибыв под стены крепости, Кутузов снова сразился с турками, рассеял их и захватил в плен пашу. За эти успехи его наградили орденом Св. Александра Невского.

11 декабря Суворов повел войска на Измаил. Кутузов командовал шестой колонной. "Показывая собою личный пример храбрости и неустрашимости, он преодолел под сильным огнем неприятеля все встреченные им трудности; ...мужественно и отважно нагрянул на врагов, превозмог упорное сопротивление, удержал место, утвердился в крепости, продолжал наносить

удары и распространять свои поражения до самой середины города, одерживая везде поверхность, победу и одоление”, — писал в донесении Суворов. В списке представленных к наградам Александр Васильевич собственноручно приписал: “Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правую моею рукою”.

Екатерина II произвела Михаила Илларионовича в генерал-поручики и пожаловала его орденом Св. Георгия 3 степени. Она не раз говаривала: “надобно беречь Кутузова”.

Михаил Илларионович, как истинный полководец, отличался красноречием, дальновидностью, осторожностью и хитрым умом. Именно эти качества и решила использовать Екатерина II, назначив “своего генерала” чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь. Государыня поручила Кутузову склонить Диван присоединиться к Европейским дворам против Франции.

Еще во время военных действий в Крыму Кутузов овладел турецким языком и навыками расшифровки арабской графики. Учителем его был старший письмоводитель последнего крымского хана. “Грамоту турецкую постигаю на живых бумагах, — писал Кутузов, — только вчера полученных из османской столицы...”

Попрощавшись с императрицей, Михаил Илларионович быстро добрался до Бессарабии, но дальше он двигался не спеша. От Днестра до Константинополя всего две недели пути, посол же преодолевал его более трех месяцев. Свита чрезвычайного посла состояла из 650 человек. Среди них было и несколько “людей неприметных, но смысленых и к дознанию благополезных вещей способных”. Они-то и были причиной столь длительного вояжа, добывая для Кутузова необходимые компроматы. Медлительность тучного генерала, любившего негу и неторопливое путешествие в удобной карете, не вызвала особых подозрений. Однако вместо любимых французских романов на сей раз чрезвычайный посол читал другое: досье на всех приближенных вельмож султана, высших чиновников Оттоманской Порты и влиятельных представительниц гарема. Изучая предоставленные разведчиками бумаги, он пытался разобраться в сложных взаимоотношениях при дворе турецкого султана и отношениях Порты с европейскими державами. Пока Кутузов изучал документы, более 20 офицеров (в будущем ядро военно-топографического бюро при главном штабе российских войск) снимали подробнейшие планы местностей, места возможных стоянок, колодцы и прочее, что могло пригодиться русской армии при ее возможном движении к османской столице.

Наконец посол прибыл в Константинополь. Во время аудиенции султан Селим III оказал Михаилу Илларионовичу особые знаки уважения. Министры иностранных дворов, находившиеся в Константинополе, капитан-паша и великий визирь сдела-

лись его друзьями. Последние удивлялись, каким образом человек, ужасный в боях, мог быть столь любезен в обществе.

Переговоры начались успешно: французы получили приказ покинуть Константинополь, молдавский господарь Мурузи, враждебно настроенный к России, был сменен, плавание наших купеческих судов в Архипелаге обеспечено со стороны Турции. Французы тщетно пытались золотом уничтожить русское влияние на султана: Кутузов умел сохранить перевес на стороне России.

Вопрос о проходе русских военных кораблей через черноморские проливы посол затронул в переговорах только один раз, как бы между прочим, и встретил жестокое сопротивление со стороны вице-адмирала Шеремет-бея, в ведении которого находились проливы и оборона побережья. Кутузов упомянул только, что будь русские и турки заодно — никто на проливы не покусился бы. Слова эти, благодаря его агентам, которые “растворялись” в многочисленной стамбульской толпе, стали предметом обсуждений в кофейнях, причем большинство относилось к такой возможности довольно доброжелательно. Французский поверенный с тревогой сообщил об этом своему двору. Высказывание русского посла появилось и во французской печати с ядовитыми комментариями: “Екатерине Второй мало потемкинских деревень на юге России. Еще одну, как говорят в Стамбуле, уже строят на берегу Босфора...”.

Кутузов внимательно следил за начавшимися военными реформами, о чем подробно доносил нашему двору. Особенно ценными оказались его сведения о намерениях в области судостроения и производства пороха. Его бесценные наблюдения пригодились при заключении Бухарестского мира с Турцией в мае 1812 года — мира, который был жизненно необходим России накануне вторжения наполеоновских войск в наше Отечество.

Кутузов блестяще справился с поручением императрицы. Он сохранил и упрочил мир с Турцией, расположил к себе образованного и проницательного султана-реформатора Селима III, предотвратил сближение Порты с Францией, содействовал развитию торговли, обмену военнопленными.

“... Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная. Ежели ее делать как надобно”, — писал полководец жене. Пребывание в Константинополе Кутузов называл самым счастливым временем в своей жизни.

С возобновлением военных действий на территории Польши Екатерина II отзывает “своего генерала” из Константинополя и назначает его главнокомандующим над всеми сухопутными войсками, флотилией и крепостями в Финляндии. Подвиг Кутузова ускорил мир в Польше: он зашел неожиданно в тыл полякам и принудил Костюшко отступить с большими потерями.

Полководец назначается директором Сухопутного кадетского корпуса и становится одним из самых доверенных лиц Ека-

терины II. Он ежедневно посещает государыню и проводит с Екатериной Великой последний вечер перед ее кончиной (так же, впрочем, как и с императором Павлом).

Сев на престол, Павел I удалил многих военачальников, но Кутузову он доверял и отправил его послом в Берлин. После убийства Павла Михаил Илларионович недолго прослужил и попросился в отставку в 1802 году. В своем уединении фельдмаршал узнал о начале войны с Наполеоном и о своем назначении главнокомандующим русской армией. Полководец отправляется в Европу.

Сдача Вены заставила фельдмаршала ускорить соединение двух русских армий. Но вскоре французы настигли его в Голлабрюнпе. Кутузов прибегнул к хитрости: вступил в переговоры с Мюратом и, получив акт перемирия, продержал его более 20 часов, тем самым дав возможность нашей армии отойти на два перехода. После упорных боев у Ламбаха и Кремса главнокомандующий вывел армию из-под удара. Соединившись с Буксгевденом, он дал отдых утомленным войскам. Опытный полководец не желал действовать наступательно против победоносного соперника, превосходившего в силах. Кутузов избегал решительной битвы, ожидая резервы, а также прибытия эрцгерцогов Карла и Иоанна со свежими полками, но вынужден был подчиниться обстоятельствам... Несмотря на возражения Кутузова, русский и австрийский императоры решили дать Бонапарту генеральное сражение. 20 ноября в присутствии трех монархов произошло Аустерлицкое сражение. Рано утром на полях лежал густой туман, войска союзников начали разворачиваться. Александр I подъехал к Кутузову. Увидев, что ружья стоят в козлах, император обратился к главнокомандующему:

— Михаил Илларионович! Почему вы не идете вперед?

— Я поджидаю, чтобы все войска в колонны пособирались.

— Вы ведь не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки.

— Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу... впрочем, если прикажете?

Приказание было отдано. Но французская 90-тысячная армия сама атаковала союзников, которых было на 20 тысяч меньше, и разгромила их. В начале сражения Кутузова ранило в лицо. Во время боя был убит его любимый зять — молодой граф Тизенгаузен. Ни ранение, ни смерть не поколебали твердость Кутузова во все время битвы, но на следующий день приближенные застали его в слезах.

— Вчера я был генерал, сегодня — отец.

После этого неудачного похода Кутузов сменил несколько командных и административных должностей. А Россия тем временем вела на юге войну с Персией и Турцией. Последнюю подстрекал французский император, обещая ей вернуть Крым, Грузию, Сербию и Дунайские княжества. Султан поддался вли-

янию Наполеона. Поводом к русско-турецкому конфликту послужило смещение прорусски настроенных господарей Молдавии и Валахии в августе 1806 года. Началась война. Россия оказалась в сложном положении, к ее западным границам приближался Бонапарт. В обеих столицах все больше стали говорить о необходимости заключить мир. Весной 1808 года Кутузов был направлен в Молдавскую армию для принятия ее главного корпуса, но из-за конфликта с главнокомандующим вынужден был покинуть Бессарабию. Его снова назначили литовским военным губернатором.

В 1811 году наполеоновские дипломаты прилагали все усилия, чтобы склонить Турцию к заключению тесного союза. Султан колебался. Именно в этот тяжелый период Александр I снова направляет Михаила Илларионовича в Молдавию — на этот раз командовать армией. Уже к концу года Кутузов разгромил турецкие войска. Император торопил полководца с заключением мира.

4 мая 1812 года Михаил Илларионович подписал предварительные условия мира, по которым Турция уступила России всю Бессарабию (с крепостями Измаил, Килия, Аккерман) и часть Молдавии на левой стороне Прута (с крепостями Хотин и Бендеры). Вновь, уже в который раз в истории России, главнокомандующий проявил блестящие дипломатические способности.

Восемь месяцев

Став главнокомандующим всеми армиями и ополчением, Кутузов прибыл в армию. Появление князя вызвало воодушевление, его встретили восторженно.

— Боже мой! Кто бы мог меня уверить, чтоб когда-либо враг наш осмелился сразиться на штыках с такими молодцами, как вы, братцы!

В то время, как князь объезжал полки, над полем взвился в ясное солнечное небо огромный орел. Он парил над Кутузовым: куда тот ехал — туда и орел. Главнокомандующий снял белую фуражку и закричал “Ура!”, приветствуя царя пернатых как вестника победы. Вслед за ним закричала и армия. Ее громогласное “Ура!” потрясло русскую землю. Тогда и родилась поговорка: “Приехал Кутузов бить французов”.

Через восемь дней после прибытия князь дал генеральное сражение под Бородиным. Михаилу Илларионовичу оставалось жить и воевать всего восемь месяцев...

Авторитет 67-летнего полководца был в то время очень высок. Кутузов удивлял военных и дипломатов всех держав своими обширными знаниями теории и практики каждого рода войск, ибо был офицером инженерным, артиллерийским и квартирмейстерским; министром при иностранных дворах, правителем городов. Кутузов образовал не существовавшие до того в России легкую конницу и легкую пехоту; брал крепости;

предводительствовал армиями в счастливые и неудачные времена. Даже недоброжелатели отдавали справедливость его уму, пронизательности, обширной памяти. Во время войны он был осторожным, медлительным, как Фабий, умел по достоинству ценить неприятеля, с которым сталкивался, дорожил запасными войсками и говаривал:

— Если в шесть часов вечера резервы не вступили еще в дело, то хотя тогда я и не выиграю сражения, но верно не буду разбит.

Во время битвы он сохранял хладнокровие; не интересовался мнением посторонних; не терпел советы и пресекал неповиновение, за неисполнение приказов строго взыскивал с виновных, несмотря на звания и заслуги. И в то же время это был добрейший человек: подписывая смертные приговоры или подвергая наказаниям, он делался мрачным, удалялся во внутренние комнаты и ничего не ел. Кутузов никогда не роптал, никого за себя не просил, не завидовал, но возбуждал зависть. Он приучал подчиненных к беспрекословному повиновению:

— Не тот истинно храбр, кто, по произволу своему, мечется в опасность, а тот, кто повинуется.

К тому же Михаил Илларионович до последней минуты своей жизни оставался страстным обожателем прекрасного пола. Михайловский в “Записках о походе 1813 года” писал, что в Калише во время бала, выйдя из танцевального зала, он в одной из отдаленных комнат услышал хохот, “вхожу туда и что же вижу? Обремененного лаврами Фельдмаршала, привязывавшего ленты у башмаков прекрасной шестнадцатилетней польки Мачевской”.

Кутузов был блестящим психологом и распознавал человека с первого взгляда. Он любил и ценил солдата, умел с ним говорить, как и Суворов, на таком же доступном языке. Сидя в кругу солдат на соломе и разделяя с ними пищу, Кутузов приговаривал: “хлеб да вода солдатская еда”.

Перед Бородинским сражением еще заря не занималась, войско еще спало, а главнокомандующий один, без свиты, обозревал расположение при деревне Горки. Утром князь объехал полки и напомнил всем, что они будут защищать землю родную, должны служить верой и правдой до последней капли крови.

Неустрасимость старого главнокомандующего, осыпаемого вражескими ядрами, поражала молодых офицеров. Во время Бородинского сражения приближенные несколько раз отводили его лошадь за повод, чтобы вывести его из-под огня неприятельских батарей. Михаил Илларионович гневался на них, возвращался и продолжал следить за битвой, до последней минуты руководя действиями русской армии. Когда непобедимый Наполеон уверовал уже в свою победу, он получил известие, что левое крыло французов атаковано русской кавалерией. Французский император приказал приостановить наступление сво-

его правого крыла, чтобы выяснить, к чему приведет движение русских. "Превосходный маневр Князя Кутузова, — писал Михайловский, — лишил Наполеона возможности воспользоваться победою, уже склонявшеюся на его сторону..."

"...Несмотря на самое упорное сопротивление, — писал в записках маршал граф Гувьон-Сен-Сир, — русские были побеждены, но они не были разбиты; ни на одной точке их линии не было ни малейшего поражения: поражено было тело, но не душа их армии. Потеря ее была велика, даже громадна, но она почти вознаграждалась потерей Наполеона, и на стороне русских было то огромное преимущество, что беспрестанно получаемые ими подкрепления должны были вскоре изгладить следы ее, между тем пустота, открывшаяся в наших рядах, не пополнялась..."

После Бородинской битвы, решив для себя сдать Москву, Кутузов не сразу высказал это свое мнение. Собрав военный совет, фельдмаршал задал офицерам вопрос:

— Должно ли ожидать нападения неприятеля в позиции, занимаемой армией, или уступить столицу без боя?

Первым о сдаче Москвы заговорил Барклай де Толли. Мнения офицеров разделились. Когда в спор вступил начальник главного штаба 1-й армии Ермолов, с жаром доказывавший невозможность принять сражение у самой столицы, хитрец Кутузов взял его за руку и, пощупав пульс у него, спросил:

— Здоров ли ты?

Воцарилось молчание.

— С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность обрушится на меня; но жертвую собою для блага Отечества. — В мертвой тишине Кутузов встал со стула. — Приказываю отступить!

Оставшись один, Михаил Илларионович долго ходил взад и вперед по избе. Старый князь, по свидетельству его любимого офицера Кайсарова, в эту ночь горько плакал. Но расчет его оказался верным, и скоро это понял Наполеон. Встревоженный тем, что от русского царя долго нет курьеров с предложением о мире, французский император послал к Кутузову генерала Лористона под предлогом обмена пленными. Вечером 23 сентября состоялось свидание генерала с фельдмаршалом. Кутузов отклонил предложение посланника. Тогда Лористон стал жаловаться на действия партизан.

— Поступки поселян не употребительны между просвещенными народами!

— Если б я и желал удержать это начало народной войны, — отвечал ему Кутузов, — то не мог бы переменить образа мыслей в народе, который, почитая вторжение неприятеля в Россию

как бы нашествием татар, считает обязанностью противиться оному вооруженной рукою.

Тогда французский генерал стал говорить о мире, о желании Наполеона восстановить дружбу с Александром I.

— Неужели эта необычная, неслыханная война должна вечно продолжаться? Император, государь мой, имеет искреннее желание прекратить распрю между двумя великими и великодушными народами, и прекратить оную навсегда!

— Я не снабжен наставлением по этому предмету. При моем отправлении к армии о мире не было даже разговора. Впрочем, сделанное мне предложение ни в коем случае не будет известно Государю, хотя бы оно и проистекало от высшего источника, ибо при настоящем положении дел я страшусь подвергнуться проклятию потомства, как первый виновник какого бы то ни было примирения.

Но Кутузов не был бы Кутузовым, если бы не воспользовался ситуацией. Для быстрейшего и полного разгрома врага ему нужно было еще время. С этой целью он в конце встречи становится более “сговорчивым”.

— Я обещаю донести моему государю о намерении французского императора Наполеона отправить в Петербург вас, генерал Лористон, но сам на перемирие не согласен.

Александр I, вероятно, не понял своего главнокомандующего и выговорил ему за то, что тот принял генерала Лористона в главной квартире русской армии. “В настоящее время, — заканчивал свой рескрипт император к Кутузову, — никакие предложения неприятеля не побудят Меня прервать брань — и тем ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное Отечество!”

Гневный рескрипт был написан 9 октября. Но Михаил Илларионович достиг своего — он выиграл время. 7 октября Наполеон выступил из Москвы. Узнав об этом, старый фельдмаршал расплакался и обратился к образу Спасителя:

— Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!

Наполеон двинулся к Калуге, но Кутузов сторожил каждое его движение. Он совершил замечательный маневр: двигаясь по рязанской дороге, неожиданно свернул на калужскую. Расположившись у села Тарутино, главнокомандующий защитил и Калугу с ее военными складами, и Тулу с оружейными заводами. В Тарутино русская армия увеличилась до 120 тысяч, а Наполеон после оставления Москвы имел всего 100 тысяч. Обе армии ожесточенно схватились в Малоярославце. Город несколько раз переходил из рук в руки. Главнокомандующий все сражение находился на передовых позициях, подвергая свою жизнь смертельной опасности. Ядра перелетали через него; вокруг свистели пули. Тщетно упрасивали его удалиться: он не внимал просьбам окружающих, желая удостовериться собственными глазами в

намерениях Наполеона, ибо речь шла о судьбе России. Ни в одном из сражений Отечественной войны князь не находился так долго под огнем неприятеля, как при Малоярославце.

Наполеон повернул на Можайск, а затем на Смоленск. Он вынужден был возвращаться в Европу по дороге, опустошенной им. Кутузов же армию повел параллельно, что до сих пор вызывает нарекания некоторых историков. Но мудрый полководец считал дееспособными отряды Милорадовича, Платова и Паскевича, которые гнали француза, изматывая его в боях. Кроме того, ни днем ни ночью не давали покоя захватчикам партизаны. Впереди была богатая и теплая Европа, там Кутузову нужна была сильная и большая армия, а здесь князь рассчитывал на предстоящие морозы и на разоренную землю, где найти продовольствие врагу было невозможно.

— Настают зима, вьюги и морозы, но вам ли бояться их, дети севера? — обратился к войску главнокомандующий. — Железная грудь ваша не страшится ни суровости непогод, ни злости врагов: она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается... Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением; старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идем вперед! С нами Бог! Перед нами разбитый неприятель!

Скоро ожидания старого фельдмаршала исполнились. Началась суровая зима. Французы сотнями гибли на дорогах от холода и голода. Русские офицеры рвались к крупной битве, чтобы окончательно разбить противника. Многие были недовольны "медлительностью" князя. Видя это, Кутузов сердился:

— За десятерых французов не отдам я одного русского. Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу?!

Наполеон позже сознался, что хитрец Кутузов обманул его в 1812 году своим фланговым маршем, называл его старою лисицею.

— Разбить он меня может, — говорил о Наполеоне Кутузов, — но обмануть никогда!

Наполеону не только не удалось обмануть, но и разбить Кутузова. В междуречье Днепра и Березины остатки неприятеля едва спаслись бегством. Не ввязываясь в генеральное сражение, Кутузов разбивал отдельные корпуса неприятеля, и за четыре дня уничтожил более половины корпуса Наполеона. Из окружения вышли только 30 тысяч оборванных и голодных французов. Никогда непобедимой армии Наполеона больше не существовало.

Тактика Михаила Илларионовича оказалась верной. "И так, — писал он из Вильны, — этот Бонапарте, этот гордый завоеватель, бич человечества, или лучше сказать, бич Божий, бежит от меня несколько сот верст, как дитя от школьного учителя. Но я не хочу более о нем распространяться, боясь возгор-

даться. Неприятель теряет великое число людей. Его солдаты, офицеры и даже генералы принуждены питаться лошадиным мясом. Меня уверяли, что вчера видели двух таких несчастных, которые жарили члены своего товарища! Это приводит в содрогание. Странно, что мне суждено заставлять кормиться конским падалищем и армию Великого Визиря, и армию Наполеона! Я иногда плакал над жребием турок, но, признаюсь, я не плакал, и даже не пролил ни одной слезы о французах...”

За освобождение Смоленска князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов стал называться Смоленским, а за сражение под Красным он первым был награжден орденом Св. Георгия I класса.

1 января 1813 года русские войска перешли границу. За Неманом Кутузов приветствовал воинов:

— Братцы, добрые русские солдатушки! Нам надобно довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Нам еще далеко идти, много будет трудов, но мы русские! Бог нам поможет. — Фельдмаршал снял фуражку и, обнажив голову, убреленную сединами, воскликнул: — Ура! С нами Бог!

Когда русская армия переправлялась через Одер по мосту, украшенному гирляндами, ее встретил прусский король. Он преподнес Александру I лавровый венок. Но император отослал его Кутузову, приказав сказать, что венок есть достояние фельдмаршала.

Осторожный главнокомандующий не желал распространять военные действия за Эльбой, считая, что неприятель, отступая к главным силам, будет увеличиваться “подобно снежному клубу”. Он с жаром отстаивал свое мнение в присутствии обоих монархов во время совещания. Не сумев убедить их, он уехал на дрожках в Бунцлау. Погода была сырая, туманная, попеременно шли то дождь, то снег. Взволнованный намерением венценосных правителей, Михаил Илларионович расстегнул свой мундир и простудился. Болезнь, свалившая его, оказалась смертельной. Через десять дней великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов скончался.

В 1815 году прусский король соорудил в Бунцлау памятник Кутузову, на котором на русском и немецком языках было написано: “До сих мест Князь Кутузов-Смоленский довел победоносные войска; но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы; да будет благословенна память Героя”.

В “Истории нашествия Наполеона на Россию” Бутурлин писал о Кутузове: “...Зависть и другие столь же низкие страсти могут на время помрачить славу Кутузова; но бессмертие уже началось для имени его, и потомство, не столь пристрастное, как современники, не откажет дать ему место за услуги, оказанные Отечеству, возле Пожарского, а за военные дарования возле Суворова”.

Николай ШАМСУТДИНОВ

СИБИРЬ

Сибирь сегодня — больше, чем Сибирь...
В обыденных чертах,
Чертах подробных,
Она встает — грядущего прообраз,
Не просто — приручаемая ширь.
Она несет огни свои — завет
Веков минувших будущим,
Стекающая
От полюса,
Такая вот крутая
И с молодою дерзостью в родстве.
Как избежать мне общих мест,
Суметь обнять глаголом ее дали,
В стремительном движении деталей
Ее живую суть не проглядеть?
Как в трудном постижении своем
Ее судьбы,
Нет, в вечном приобщенье,
Осмыслить всю ее — как средостенье
Легенд и былей, судеб и времен?

Сибирь!

Она крепка и дерзновенна,
Она вперед раскованно спешит
И говорить велит мне непременно
Про бытие — развернутое в быт.
В ее земле нелегкой — ее корни...
И каждому пора сказать о том,
Что это честь — не по капризу крови,
А по призванью — быть сибиряком!

ДЖУЛЬЕТТА

Ты опускаешь синий взор...

Не спится многим до рассвета
С тех пор,
Как ветреный актер
Вручил бессмертию Джульетту.
...Бураны выстудили сон...
Здесь, в сумрачных снегах Сибири,
Мои стада.
Здесь я влюблен и счастлив —
Милостью Шекспира.
Пусть ветробоя снежный залп
Бьет в мою дверь! —

Так много знача,
По острым скулам, по глазам
Прошла любовь горячка.
И упоенной кровью поет,
Когда из воя, свиста, теми
Тебя, бессмертные оленя,
Выносят белые оленя!
...Поземка ластится у ног
Лисицею — не наглядеться.
Покоем выстелила ночь
Зимы серебряное действо.
Клубится даль в глазах твоих...
Ты прячешь руки — от мороза? —
Под шалью в алых, золотых,
Могучих рубенсовских розах.

Дыханьем талой белизны,
Ночную музыкой над нами,
Предощущением весны —
Ты напитала мою память.
...И через два десятка лет
Такой же вьюжною порою
Вот так же глухо охнет снег
Под осторожную стопою,
Где в злую, ветреную ночь,
В окне с тяжелою резьбою,
Тепло мерцает твоя дочь
тяжелокованной косою.
И — упоение в крови! —
Знобящий стук в минуту эту,
Как в дни минувшие,
К любви воздымет новую Джульетту.
Все то же, то же забытье,
Все те же отсветы на лицах.
И нетерпение твое
Ее смятенностью продлится,

И, от листа подьемля взор,
Вновь улыбается актер...

БАБЬЕ ЛЕТО

Скупей багрянец бересклета...
И нет сомнения в судьбе,
Покуда ясно бабье лето
Отстаивается в тебе.
В слепящих бликах редколесья,
Царит в задумчивой глуши

*Возвышенное равновесье
Спокойных мыслей и души.*

*Но лишь подступит мгла ночная,
Бессонницу не обороть,
Пока, в потемках изнывая, —
Невозмогу! — тоскует плоть.
И губ, и рук слепые зовы...
Невозмогу! — всю ночь подряд
Хмельные игры знойной крови
Томят и голову кружат.
Слоится долгий бред потемок...
Но ты поверишь —
Тень в окне! —
В щеколде,
Вскрикнувшей спросонок
В ознобной, чуткой тишине.
И словно вздох пройдет по дому,
Когда, счастливо пряча дрожь,
К теплу случайному, чуждому
Зазывной нежностью прильнешь.
... Скупой восход...
Все по-иному.
Тебе расскажет трезвый свет,
Как, уходя в туман от дома,
Тяжелый
Настывает след.
Он прет, в крушине увязая,
Кусты промокшие круша...
И вслед за ним,
Изнемогая,
Идет бессонная душа.
Она бредет, одна на свете,
Забыв сомнения свои,
И одинокий путь свой метит
Слезами горя и любви...*

от рожде

Мы продолжаем публикацию о значении имен. Как известно, в каждой шутке есть доля истины, а в высказывании "Как вы яхту назовете, так она и поплывет" истины, пожалуй, 99,9 процента. Так что к именам нужно относиться с бо-о-льшой осторожностью. Особенно к таким, которые "обязывают". Хорошо, если девочка Роза, когда подрастет, действительно будет похожа на этот царственный цветок. А если нет? Замечательно, если из мальчика по имени Гений получится лауреат Нобелевской премии. А если у него даже в начальной школе возникнут проблемы с получением знаний?

В общем, выбор имени для новорожденного — серьезнейшая задача. Надеемся, что наши публикации помогают вам решить ее наилучшим образом.

Итак, рассказываем об именах, начинающихся на буквы "Н", "О" и "П".

НАДЕЖДА. Имя заимствовано из старославянского языка. Древнерусская форма этого имени — Надежа.

Надежда часто бывает единственным ребенком в семье. Она очень подвижна, любит шумные игры, эмоции у нее бьют через край. Всегда стремится быть в компании и командовать своими сверстницами.

В более старшем возрасте характер приобретает мужские черты. Она тверда в своих намерениях, целеустремленна, не проявляет излишней чувствительности. Ей свойствен расчет в действиях.

Надежда способна на проявление бурных чувств, у нее могут быть многочисленные романы. Выйдя замуж, начинает вести более раз-

меренный образ жизни, становится сдержанной и организованной. В отношениях с мужем способна проявить эмоциональность, но душевные порывы хранит внутри себя. Ее общительность и веселость принимают умеренный характер.

Старается заниматься конкретным делом и не тратит впустую время на бессодержательные разговоры. В семье занимает главенствующее положение и командует своим мужем, но делает это с тактом и неназойливо. Большую часть времени Надежда посвящает домашнему хозяйству. Она трудолюбива и все успевает сделать. Детей воспитывает приученными к скромности в поведении и в быту. Мать для них безоговорочный авторитет. За здоровьем Надежда не следит,

НИЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

поэтому возможны любые сюрпризы.

Брак будет удачным с Александром, Виталием, Егором, Константином, Юрием. Неудачным скорее всего будет брак с Анатолием, Владимиром, Иваном, Николаем, Федором.

НАТАЛЬЯ. Имя происходит от латинского слова "наталис" — родной.

В детстве Наталья — жизнерадостный ребенок. Любит играть и шалить, в школьные годы проявляет бурную активность, хорошо учится, стремится стать отличницей. Успевает участвовать во всех общественных делах, любит слышать похвалу в свой адрес. У нее добрый и веселый характер, она решительна и деятельна.

Недостатком является ее нетерпимость к критическим замечаниям — может внезапно вспыхнуть из-за сказанных мимоходом нескольких слов.

Замуж выходит рано. Выбирая будущего супруга, серьезных колебаний не испытывает. Все члены семьи будут чувствовать себя любимыми и нужными ей. Она гостеприимна сама и любит путешествовать.

Наталья — самолюбивый человек, и похвала для нее является мощнейшим стимулом в жизни. Мужу необходимо почаще пользоваться этой слабостью своей жены и в то же время постараться навсе-

гда избавиться от привычки делать замечания и давать ценные указания по всяким пустякам. Это очень раздражает Наталью, выбивает ее из работоспособного состояния.

Наталье противопоказано курение — у нее слабые легкие. Нужно также следить за работой почек.

Удачным брак будет с Александром, Андреем, Борисом, Владимиром, Олегом, Юрием. Неудачными отношения могут быть с Владиславом, Григорием, Захаром, Нинитой, Степаном.

НИНА. Имя происходит от греческого слова Нинос — так звали основателя Ассирийского государства, такое же название носила столица Ассирии.

В детстве Нина упряма, не всегда может сдерживать свои чувства, не прислушивается к советам и предостережениям старших. Чтобы добиться какой-то цели, может проявить завидное упорство. Способна защитить более слабого сверстника и применить при этом даже силу.

Учится хорошо, чувство самолюбия не позволяет быть среди отстающих. С возрастом становится заметной щепетильность в вопросах собственной чести. Со своими ровесниками поддерживает нормальные отношения, хотя бывает временами излишне претенциозна и нравоучительна. Получив специальность, Нина всегда становится особенно ответственным работни-

ном, пунктуально исполняющим любое задание. Способна быть обаятельной и очаровательной в служебной обстановке.

Для Нины, обладающей множеством положительных качеств, не составляет труда найти себе в мужа хорошего человека. Стремится сделать свою семью идеальной и в этом своем стремлении проявляет иногда слишком много усердия и настырности. Дети начинают страдать от того, что, кроме хорошей учебы, от них требуется посещать всевозможные кружки и секции. Начинает придираться к мужу, считая, что в работах по дому он недостаточно энергичен. Нина — замечательная хозяйка, способная выполнить любую работу.

Нина вынослива, у нее слабы лишь органы внутренней секреции.

Особенно удачно брак может сложиться с Валентином, Виктором, Георгием, Михаилом, Семеном, Сергеем. Большие сложности в семейной жизни будут с Анатолием, Дмитрием, Иваном, Федором.

НИКОЛАЙ. Имя происходит от древнегреческого имени Николаос, которое переводится как "победитель народов".

Николай с детства растет крепким и здоровым, болеет редко. Не пристаёт с напризами к родителям, наверное, поэтому они не всегда уделяют Николаю достаточно времени. Учится хорошо по всем предметам. Среди сверстников его отличает сила, активность и смекалка.

Трудности преодолевает без посторонней помощи. Уравновешен, трудолюбив и работоспособен. Николай способен овладеть любой профессией, будет хорошо зарабатывать. В коллективе прост в общении, дружелюбен.

В Николаеве-руководителе могут проявиться черты, характеризующие его как жестокого и даже деспотичного человека. Подчиненные будут побаиваться его. В порыве гнева плохо контролирует свое состояние и способен наломать дров.

Николай легко увлекается слабым полом. Женщину, которая ему понравилась, сразу же приглашает на свидание и через несколько дней может предложить ей выйти за него замуж. Мнение окружающих его при этом не интересует.

В любви страстен, но ревнив. Способен многие работы, связанные с благоустройством своего дома, выполнять самостоятельно. Помогает жене в уборке, ходит за покупками. Очень любит детей. Балует их, потакает всем их прихотям и капризам. Николаю надо быть осторожным с алкоголем, так как он быстро к нему привыкает и может стать алкоголиком.

Слабые места Николая — кости и печень.

Удачным для Николая окажется союз с Анной, Дарьей, Зинаидой, Зоей, Ларисой, Любовью, Эльвирой. Следует остерегаться брака с Аллой, Валентиной, Галиной, Екатериной, Еленой, Инной, Людмилой, Мариной, Надеждой, Ольгой, Риммой, Юлией.

ОКСАНА. Украинская разговорная форма имени Ксения. Предположительно, происходит от "ксения" — "гостеприимство".

В детстве Оксана производит впечатление угрюмого и замкнутого ребенка. Она избегает шумных игр с другими детьми, ей больше нравятся настольные игры, требующие внимания и сообразительности. Оксана держится самостоятельно, настойчиво добивается же-

лаемого и болезненно воспринимает попытку хоть в чем-то ей воспрепятствовать.

Учится без особого усердия, но хорошо успевает по всем предметам. Дружит в основном с девочками, но своих тайн не доверяет никому. Онсана не бросается в глаза, держится скромно, но в мечтах строит грандиозные жизненные планы.

Выйдя замуж, Онсана остается непредсказуемым человеком. Если муж нечаянно разбудит ее утром, то у нее может испортиться настроение на весь день. Она может неожиданно увлечься чем-то, начать посещать занятия на каникулах курсов или заниматься в спортивной секции.

В отношениях с детьми способна проявить безграничное терпение, занимаясь с ними уроками. Пытается перевоспитать мужа, но, столкнувшись с сопротивлением, оставляет его в покое. Трудно уживается со свекровью.

Подвержена мигреням и депрессиям, часто склонна к полноте.

Возможен счастливый брак с Александром, Арнадием, Виктором, Григорием, Нириллом. Скорее всего отношения будут сложными с Борисом, Иваном, Петром, Станиславом, Степаном.

ОЛЬГА. Имя заимствовано из скандинавских языков, происходит от имени Хельга, означающего "святая".

В детстве Ольга — серьезная и вдумчивая девочка. Она очень болезненно переживает нанесенные ей обиды, может заплакать после безобидного замечания. Не лишена упрямства, может долго отрицать свою вину, ни за что не попросит прощения.

В школе учится нормально, держится "золотой" середины и за пределы школьной программы не выходит. В обществе сверстников ведет себя спокойно, учителя всегда удовлетворены ее поведением.

Взрослая Ольга не добивается больших успехов в жизни, ей не хватает твердости и настойчивости в поступках. Склонна к постоянному самоанализу, копанию в собственных чувствах. Может испытывать чувство зависти к преуспевающим подругам.

Ольга старается следить за своей внешностью, она довольно привлекательна. Если первая любовь не закончится замужеством, то Ольга долго переживает эту неудачу. Она постоянно будет сравнивать своих новых поклонников с первым в ее жизни мужчиной и долго не сможет выйти замуж.

Ольга будет верной женой. Способна хорошо приготовить любое кушанье. Любит ходить в кино или на выставки вместе с мужем или детьми. Не стремится командовать в семье, но не терпит советов от мужа в ее хозяйственных делах.

Слабые места Ольги — печень и половые органы.

Счастливым может быть брак с Анатолием, Виктором, Владиславом, Семеном, Степаном. Менее вероятно счастье с Денисом, Константином, Николаем.

ОЛЕГ. Имя имеет скандинавское происхождение и означает "священный".

В детстве легко поддается чужому влиянию и может быстро усвоить дурные привычки, поэтому родителям надо следить за кругом знакомых своего сына. Учится хорошо по всем предметам, но большие способности проявляет в точ-

ных науках. У Олега аналитический склад ума, и склонность подвергать все анализу будет проявляться и в повседневной жизни. Присущая Олегу сосредоточенность дает особенно положительные результаты в занятиях науками.

Олег труден в общении, так как он не всегда находит понимание своих взглядов и к тому же ему не всегда удается подавить в себе чувство некоторого превосходства над другими людьми.

Идеалом женщины для Олега является его мать, поэтому, выбирая будущую спутницу жизни, стремится найти в женщине черты характера, свойственные его матери. Если женщина не сможет понять этой тонкости отношений с Олегом, тогда в семье возможны частые ссоры.

С тещей у Олега обычно устанавливаются вежливые отношения без проявления каких-либо сильных чувств. Олег — верный муж. Стараются оказать помощь жене во всех домашних делах, у него золотые руки. В отношениях с детьми Олегу не хватает теплоты и искренности, поэтому у его детей часто трудный характер.

Олег не прочь выпить, в нетрезвом состоянии трудно управляем. Склонен к простудам, но в основном просто мнителен.

Крепкий брак ожидается с Антониной, Ларисой, Майей, Натальей, Риммой, Светланой, Софьей, Татьяной, Элеонорой. Неудачным брак может быть с Верой, Дарьей, Екатериной, Елизаветой, Ниной, Ольгой, Оксаной.

ПОЛИНА. Разговорная форма имени Аполлинария. Происходит от имени древнегреческого Бога солнца Аполлона.

Среди друзей Полина особенно выделяется своей доброжелательностью, отзывчивостью, бескорыстием. Она всегда готова приласкать обиженную подружку, успокоить малыша, посочувствовать заболевшей бабушке. Чувство зависти ей не знакомо — будет радоваться вместе со всеми.

Взрослая Полина в делах обстоятельна и надежна, берется за любую работу. Не забывает и о своем внешнем виде. Способна сама себе сшить красивое платье. В замужестве очень терпимо относится к вольностям мужа, будет даже пытаться найти ему оправдание. Интересы семьи для нее превыше всего.

Она не стремится сделать служебную карьеру, получить престижную специальность. Всегда старается найти работу поближе к дому, чтобы была возможность заскочить домой в обеденный перерыв и проверить, чем занимаются дети. После работы спешит скорее к своим домашним делам.

Полина — замечательная мать. Много внимания уделяет детям, всегда в курсе их дел, активно посещает родительские собрания, советуется с учителями, как лучше заниматься воспитанием своих детей.

Здоровье шаткое, нервная система не стабильна.

Хороший брак, скорее всего, получится с Александром, Виталием, Денисом, Константином, Юрием. Могут быть неудачными отношения с Анатолием, Вадимом, Игорем, Станиславом, Филиппом.

ПАВЕЛ. Имя происходит от латинского слова "паулюс", означающего "маленький".

Павел — добрый и отзывчивый ребенок. Он с большим желанием

будет помогать матери ухаживать за младшим братом или сестренкой. Никогда не нарушит запретов взрослых и будет убеждать своих друзей не переступать рамки дозволенного.

С возрастом у Павла еще больше проявится способность к сопереживанию, сочувствию. Люди смогут ему доверить свои тайны. Павел склонен пофилософствовать и нередко профессию выбирает соответственно своему спокойному характеру.

Коллеги по работе будут ценить в Павле трудолюбие, надежность и способность в любой момент прийти на выручку товарищу. Выполняет свою работу так, что ни подгонять, ни заставлять его не надо.

В характере Павла нет ничего слишком яркого и выдающегося, и отношения с женщиной у него, как правило, ровные и теплые. Он не способен испытывать страстные и бурные чувства. Оказывает помощь жене по дому, большое внимание уделяет воспитанию детей. Предпочитает принимать гостей у себя, чем ходить самому в гости. Пьет Павел в меру, за столом не проявляет сильных эмоций.

Слабые места — вестибулярный аппарат, пищеварительный тракт, слух. Неважный обмен веществ.

Удачным будет брак с Верой, Енаториной, Елизаветой, Зинаидой, Майей, Эльвирой. Трудным брак может оказаться с Дарьей, Натальей, Ниной, Татьяной, Юлией.

ПЕТР. Имя происходит от древнегреческого слова "Петра", означающего "утес, каменная глыба".

Петр — любознательный мальчик. С раннего возраста он начинает мучить родителей вопросами. Маленький Петр музыкально одарен, у него может быть неплохой голос. Родителям было бы неплохо устроить сына в музыкальную школу.

Петр учится легко и не доставляет хлопот учителям. В юности часто занимается коллекционированием фотографий артистов и музыкальных записей певцов.

Петр по окончании школы стремится продолжить образование. В своей специальности борется за лидерство, поэтому очень тщательно относится к своей профессиональной подготовке. У Петра есть склонность к анализу и систематизации, поэтому он может стать следователем, математиком, инженером.

В выборе жены не торопится, долго оценивает, соответствует ли избранница его идеалу. Одно из основных требований к жене — это быть верной, остальные качества для Петра не столь важны. В ревности может быть несдержанным. Очень любит свою мать, потому жене Петра придется считаться с влиянием свекрови на поступки мужа. Домашней работой занимается от случая к случаю. Пьет немного и редко, в основном по праздникам.

Слабые места — опорно-двигательная система и глаза. Должен избегать возбуждающих средств, так как легко может стать наркоманом.

Хорошей женой для Петра может стать Вера, Вероника, Евгения, Енаторина, Лариса, Людмила, Наталья, Светлана. Неудачный брак сложится с Валерией, Еленой, Зинаидой, Мариной, Онсаной, Татьяной. ■

Эта трагическая история, в центре которой оказался балетный гений, началась в июне 1961-го и закончилась в июле 1998 года.

Передо мной Заключение по материалам уголовного дела, архивный № 50888, утвержденное

старшим помощником Генерального прокурора Российской Федерации Г. Ф. Весновской. Насажает оно бывшего артиста Ленинградского театра оперы и балета им. Нирова Рудольфа Хамитовича Нуреева. И хотя этот документ не так уж и велик, читать его будем по ча-

**Дело
Рудольфа
Нуреева.
Танцовщик-
невозвращенец
мог быть
расстрелян**

Па- де-де с КГБ

Борис СОПЕЛЬНЯК

стям, ибо в каждой из них звучит голос эпохи — той, когда уверенные в своей безнаказанности вожди, секретари, председатели и всякого рода начальники и начальнички могли делать даже с выдающимися людьми что угодно и где угодно.

Итак, первая часть этого жестокого и, не боюсь этого слова, бесчеловечного документа.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 2 апреля 1962 года Нуреев Р.Х. по ст.64 "а" УН РСФСР с применением ст. 43 УН РСФСР осужден к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества по обвинению в том, что находясь в гастрольной поездке в составе балетной труппы Ленинградского театра оперы и ба-

лета им.Нирова во Франции, отказался возвратиться из-за границы в СССР при следующих обстоятельствах.

16 июня 1961 года по окончании гастролей в Париже Нуреев вместе с труппой прибыл в аэропорт, чтобы лететь в Лондон. Перед посадкой в самолет директор театра сообщил Нурееву, что по указанию министерства культуры СССР ему надлежит убыть в Москву для участия в концертных выступлениях, в связи с чем его вылет в Лондон отменяется.

Вместо выполнения этого распоряжения Нуреев обратился к французским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища и от возвращения в Советский Союз в беседе с представителями посольства и руководителем труппы отказался. Отказ Нуреева возвратиться в СССР был использован буржуазной прессой для клеветнической кампании, чем нанесен значительный ущерб интересам Советского Союза.

Факт отказа Нуреева возвратиться в СССР доказан материалами дела".

Такой фант, действительно, доказан. Но что предшествовало ре-

шению Нуреева не возвращаться в Советский Союз? Чем оно вызвано? Не подтолкнул ли его кто-то и не было ли здесь примитивной провокации? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, Управление КГБ по Ленинградской области возбудило уголовное дело, которое принял к своему производству капитан Валдайцев. А обвинялся Рудольф Нуреев, ни много, ни мало, в измене Родине, и в постановлении об избрании меры пресечения в случае его появления на территории Советского Союза предписывалось подвергнуть Нуреева заключению под стражу. Так что ситуация была далеко не шуточной, а за измену Родине, в соответствии со статьей 64 "а", Нуреева ждал смертный приговор.

Как водится, следовательно начал с допроса свидетелей. Одной из первых в так называемый "Большой дом" была приглашена сестра Рудольфа — Роза, педагог по образованию. Она рассказала об отце, который прошел всю войну, о матери, которая в труднейших условиях эвакуации тянула четверых детей, о том, что свое первое жилье, 30-метровую комнату на шестерых, они получили уже после возвращения отца с войны.

— Танцевальное дарование брата обнаружилось еще в детском саду, — продолжала Роза, — но родители категорически запрещали ему посещать хореографический кружок. Еще больше обострились отношения в его школьные годы: и в дом учителя, и во дворец пионеров Рудольф бегал тайно от родителей, а я, как могла, его прикрывала. Потом на него обратил внимание балетмейстер Уфимского театра оперы и балета — он предложил брату место в театре.

Родители — ни в канюю! И тогда я в открытую пошла против них и настояла на том, чтобы Рудольф занимался любимым делом. Так в 16-летнем возрасте он поступил в балетную труппу театра, а учиться перешел в вечернюю школу.

— А как он оказался в Ленинграде?

— В 1955-м в Москве проходила декада Башкирского искусства. Рудольфа заметили и московские, и ленинградские хореографы — учиться его приглашали и те, и другие. Брат выбрал Ленинград. В училище его зачислили сразу в шестой класс, а через две недели перевели в восьмой. В 1958-м он сдал выпускные экзамены и был приглашен в Кировский театр.

— А что вы можете сказать о его политических взглядах?

— Ничего. По-моему, их у него вообще не было. Наверное, это прозвучит слишком красиво, но он жил искусством и ради искусства. Судите сами. За два года он подготовил десять ведущих партий в балетных спектаклях Кировского театра. Мало кто знает, но за это же время он выучился играть на пианино, а после гастролей в Египте, не желая, как он говорил, быть глухим, засел за английский и довольно быстро его освоил. Я уже не говорю о том, что Рудольф не вылезал из музеев, театров и филармонии. Иначе говоря, он прекрасно понимал ущербность своего провинциального воспитания и, не жалея сил, ликвидировал многочисленные пробелы. При такой занятости, как вы понимаете, ему было не до политики.

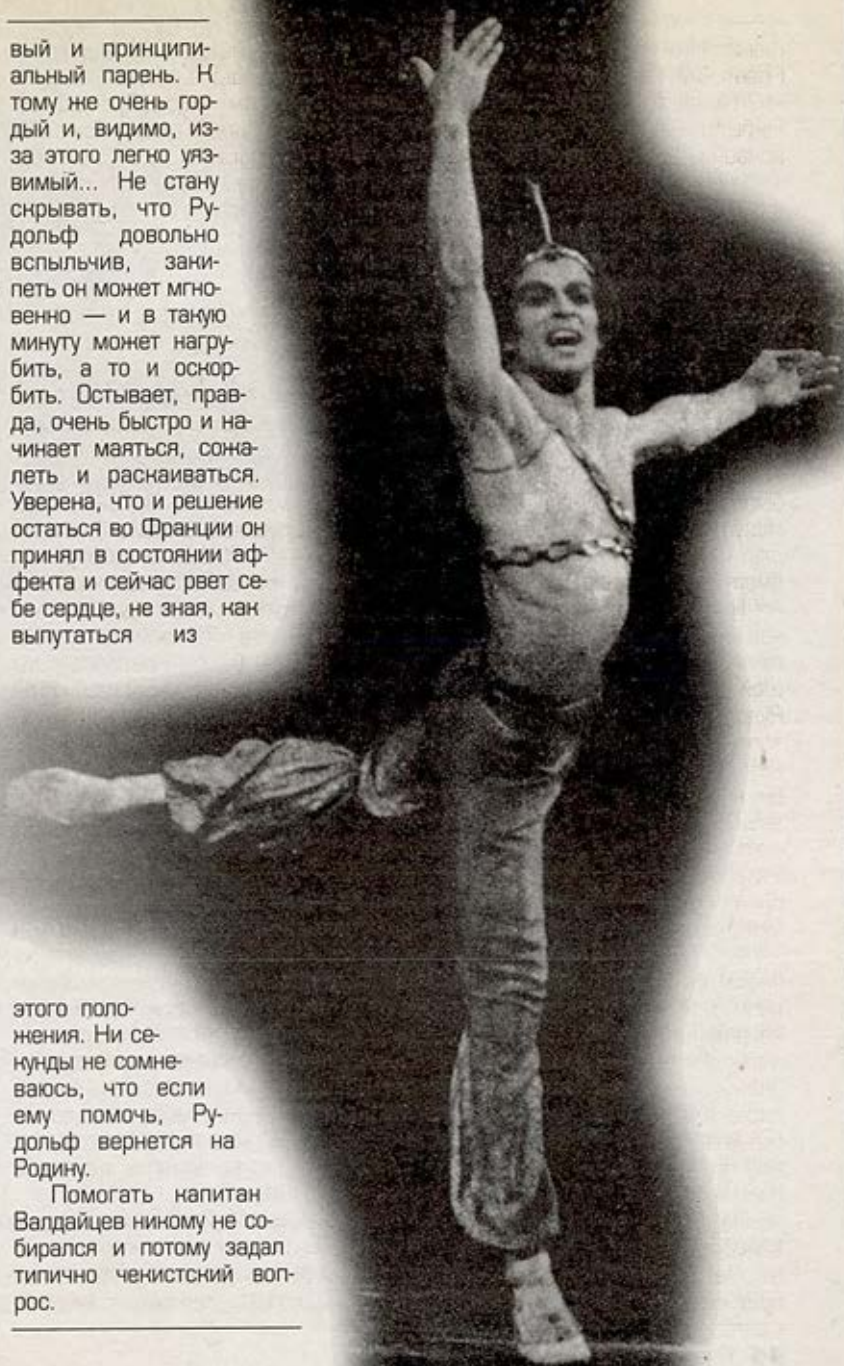
— Говорят, у него был довольно сложный характер?

— Да какой там сложный?! Он очень добрый, честный, заботли-

вый и принципиальный парень. К тому же очень гордый и, видимо, из-за этого легко уязвимый... Не стану скрывать, что Рудольф довольно вспыльчив, закипеть он может мгновенно — и в такую минуту может нагрубить, а то и оскорбить. Остывает, правда, очень быстро и начинает маяться, соннеть и раскаиваться. Уверена, что и решение остаться во Франции он принял в состоянии аффекта и сейчас рвет себе сердце, не зная, как выпутаться из

этого положения. Ни секунды не сомневаюсь, что если ему помочь, Рудольф вернется на Родину.

Помогать капитан Валдайцев никому не собирался и потому задал типично ченистский вопрос.

— Известны ли вам близкие связи Нуреева?

— Что вы имеете в виду? — не поняла Роза.

— Его друзья, подруги... Короче говоря, круг общения.

— Поклонников и поклонниц было множество, а вот друзей, к величайшему сожалению, не было. Единственным по-настоящему близким человеком Рудольфу был Пушкин.

— Кто-о?

— Пушкин. Точнее, Александр Иванович Пушкин — он был педагогом брата в училище. Насколько мне известно, Пушкин продолжал с ним заниматься и в театре. Пушкина Рудольф любил и уважал, как никого на этом свете... Других, как вы говорите, близких связей я не знаю.

Естественно, Александра Пушкина немедленно вызвали в "Большой дом" и учинили довольно продолжительный допрос. Трудно сказать, чем руководствовался следователь, задавая нелепейший по своей сути вопрос (скорее всего, его так учили), но он его задал.

— Вы знаете Рудольфа Нуреева?

— Конечно, знаю, ведь он был моим учеником. Три года Рудольф занимался в моей группе в училище, а после поступления в театр регулярно посещал мой класс усовершенствования солистов театра.

— И что вы можете о нем сказать?

— Талантливейший человек! Таких одаренных людей я никогда не видел. К тому же, он очень упорный и целеустремленный парень. За три года окончить полный курс хореографического училища, в тот же год стать солистом одного из популярнейших театров мира, стан-

цевать ведущие партии в десяти спектаклях, стать лауреатом конкурса в Москве, а затем и на фестивале в Вене — согласитесь, что такое далеко не каждому по плечу. А если учесть и жуткую травму, которую получил на одной из репетиций, то можно себе представить, какой ценой давались Рудольфу все эти достижения.

— Травма? Что за травма?

— Он подвернул ногу и не мог ходить. Жил он тогда в общенинии, ухаживать за ним было немому и мы с женой взяли его к себе. Относились к нему, как к родному и близкому человеку. Он нам платил тем же. Мы так привыкли друг к другу, что даже когда Рудольф получил комнату, то переезжать туда не стал, а поселил в ней сестру. Так мы и жили, можно сказать, одной семьей до самого отъезда Рудольфа на гастроли в Париж.

— А что вы можете сказать о его характере?

— Вспыльчивый, но отходчивый. Он из тех одаренных людей, которые требуют индивидуального подхода. Я это понимал, и, видимо,

поэтому никаких проблем в общении с Рудольфом у меня не было.

— Почему, по вашему мнению, Нуреев решил изменить Родине и остаться за границей? Ведь в театре его не занимали, а наоборот, выдвигали, на конкурсы и фестивали посылали, за границу отпускали, комнату в Ленинграде дали... Чего ему не хватало?

— Вы правы, внешне все было нормально. Но никто не знает, что творилось в его душе... Я думаю, что решение остаться за границей Рудольф принял в состоянии аффекта, вызванного совершенно неожиданным изменением его маршрута.

Александр Иванович прекрасно понимал, где находится и с кем беседует, поэтому не стал называть вещи своими именами. "Изменение маршрута" звучит достаточ-

но завуалированно, а на самом деле это была бездарнейшим образом подготовленная акция по доставке Нуреева в Москву и, не исключено, преданию его суду. Теперь, по прошествии тридцати девяти лет, когда совершенно секретные документы стали достоянием гласности, это не вызывает никаких сомнений.

Так что же натворил самый талантливый из танцовщиков Кировского театра? Какие он выдал секреты, какие продал тайны, чем подорвал могущество надежды прогрессивного человечества — великого и грозного Советского Союза?

Ответы на эти вопросы есть. Они — в объяснительных записках и протоколах допросов артистов, рабочих и представителей администрации Кировского театра.

"Артист балета прыгает к свободе"

Под таким заголовком десятка два газет, разумеется, западных, рассказали тогда о совершенно неожиданном поступке Нуреева. На самом же деле никаких прыжков

не было, ни о какой свободе он не думал и руководствовался только одним — страхом, жутким страхом оказаться в лапах КГБ. И хотя на дворе была так называемая "оттепель", Рудольф прекрасно понимал, что означает изменение его маршрута — в лучшем случае его ждет увольнение из театра, а в худшем — тюремная камера, ведь от статьи 121-й (это специальная статья для людей с нетрадиционной, как сейчас говорят, сексуальной ориентацией), ему не отвертеться, а это лишение свободы на срок до пяти лет. Так что выбирал он свободу не в политическом, а в чисто физическом смысле слова — он не хотел жить за решеткой. Не будем лукавить, оставаясь на Западе, Нуреев выбирал и другую свободу — свободу общаться с кем угодно и сколько угодно, причем в чисто сексуальном смысле слова (уже в те годы геи на Западе любили друг друга, никого и ничего не опасаясь).

А теперь — о бездарнейшей операции, организованной против Нуреева казгэбшниками. Началась она 15 июня, когда в посольство СССР во Франции вызвали директора театра Георгия Коркина и сотрудника КГБ Виталия Стрижевского, который числился заместителем руководителя гастрольной поездки.

Вот что рассказал следователю об этом сам Коркин. Кстати говоря, в "Большой дом" он явился уже как бывший директор. И хотя Георгий Михайлович в цепочке лиц, занимавшихся вывозом Нуреева, был самым последним, наказали, как водится, прежде всего "стрелочника".

— Гастроли в Париже закончились 15 июня, а 16-го утром мы

должны были вылететь в Лондон. И вдруг, в последний день пребывания во Франции, ни свет, ни заря меня вызвали в посольство. Именно вызвали, а не пригласили! Вместе со мной затребовали и Стрижевского. Примчались, ждем... Я-то думал, что будут хвалить за успешные выступления, а нам объявили, что есть решение Москвы (именно так и сказали — Москвы, а не министра культуры или кого-либо еще) о немедленном отномандировании Рудольфа Нуреева в Советский Союз. Я пытался возражать, говорил, что Нуреев блестяще танцевал в Париже, что о нем писали все французские газеты, что его с нетерпением ждут в Лондоне, что его отсутствие скажется на выступлениях всей труппы, но мне в категорической форме заявили, что это решение окончательное и обсуждению не подлежит.

— И как вы действовали?

— Так, как мне велели. А сценарий, должен вам сказать, был довольно странный: мне было предложено объявить об этом решении в аэропорту, в тот момент, когда вся труппа будет проходить паспортный контроль перед посадкой на лондонский самолет. Я считал, что это неразумно, что это не только повергнет в шок самого Нуреева, но и может вызвать международный скандал — ведь вокруг огромное количество иностранцев, и мы не в Шереметьево, а в Ле-Бурже. Но меня никто не слушал.

Рано утром вся труппа отправила свой багаж на лондонский рейс, среди прочих были и чемоданы Нуреева. В них, кстати, ничего не было, кроме театральных костюмов и... игрушек. Да-да, детских игрушек! Судя по всему, в родительском доме их не хватало, и теперь

Рудольф восполнял для себя этот недостаток.

Перед выходом на летное поле я вызвал Нуреева из очереди и сказал, что его срочно отзывают в Москву для участия в очень важном концерте. С ним летит один из администраторов, переводчица и двое рабочих сцены. "Этого не может быть!" — воскликнул Нуреев. Ему сразу сделалось плохо, он сильно побледнел, ослаб и едва не упал. Подбежали наши люди, стали его успокаивать, станцуете, мол, в Москве и прилетишь в Лондон, но Нуреев, назалось, ничего не слышит.

— Да-да, его состояние было близко к обморочному, — подтвердил Виталий Стрижевский. — Потом он пришел в себя, говорил, что не хочет в Москву, что хочет быть с труппой и должен выступать в Лондоне. Мы просили его взять себя в руки, понять, что Москва есть Москва и мы ничего сделать не можем, что концерт в столице очень представительный, что рейс Москва-Лондон для него уже заказан... На какое-то мгновение он в это поверил, стал сетовать, что его костюмы улетают в Лондон и в Москве ему не в чем будет танцевать. Тем временем заканчивалась посадка на лондонский самолет, и Нуреев попросил разрешения попрощаться с труппой. Вместе с работником посольства Романовым я проводил его к самолету, он со всеми тепло попрощался — и мы вернулись в зал ожидания. В мою задачу входило обеспечить посадку Нуреева в самолет Аэрофлота, а потом догонять труппу.

Мы зашли в кафе, заказали кофе, но Нуреев пить отказался. Он был страшно взвинчен и нервозен, поэтому мы не спускали с него

глаз. И вдруг в кафе появилась Клара Сэн! Нуреев вскочил и подбежал к ней.

— Кто такая Клара Сэн? — уточнил следователь.

— Его поклонница, — ответил Стрижевский. — Молодая, красивая девушка, по слухам, дочь чилийского миллионера. Она не отходила от Нуреева чуть ли не с первого дня гастролей. Мы считали, что именно из-за нее он пропадает по ночам и в гостиницу возвращается под утро.

— Вы знали об его отлучках и ничего не предпринимали? — пошутил следователь.

— Как это не предпринимали?! — возмутился Коркин. — Еще как предпринимали! Я не раз с ним беседовал на эту тему, требовал, увещевал и даже угрожал. И, знаете, что он мне отвечал? "Если вы подчините меня общей дисциплине, я покончу жизнь самоубийством!" Каково, а?! Между нами говоря, на будущее я решил никогда больше не брать его за границу.

— Я тоже делал ему замечания, — поддержал Стрижевский, — просил не пропадать по ночам и прекратить общение с сомнительными личностями. На что он отвечал, что лучше вообще не жить, чем жить по регламенту.

Капитана Валдайцева очень интересовало, что это за сомнительные личности, из-за невозможности общения с которыми Нуреев готов был покончить жизнь самоубийством. Ответить на этот вопрос не смог ни главный художник театра Симон Вирсаладзе, ни заведующий балетной труппой Владимир Фидлер, ни главный администратор Александр Грудзинский. Совершенно неожиданно, назвав вещи своими именами, все проясни-

ла партнерша Нуреева, известная балерина А. О.

— Хочу подчеркнуть, — сказала она на допросе, — что Нуреев был только моим партнером, и никаких личных отношений у меня с ним не было... Да и не могло быть, — добавила она после паузы. — Не могу не отметить, что за дерзость, грубость и зазнайство в коллективе его не уважали. Хамил он буквально всем. Авторитетов для него не существовало. Нуреев знал, что он талантливый и одаренный танцовщик. Знал и беззащитно этим пользовался, считая себя незаменимым. Однажды он даже нахамил постановщицу "Легенды о любви" Юрию Григоровичу, и тот снял его со спектакля.

Точно так же он вел себя и в Париже: из-за съемок в рекламном ролике не постеснялся сорвать очень важную репетицию со мной. В гостинице мы его почти не видели — все время где-то пропадал. Очень скоро мы узнали, где именно: среди его поклонников было много лиц с отклонением от нормы, то есть гомосексуалистов.

Так вот в чем, оказывается, дело! Значит, всему виной не юная миллионерша, а богатые гомосексуалисты! Это они сбили Нуреева с истинного пути, это они вынудили нагэбзшников принимать срочные меры для спасения советского гражданина от их тлетворного влияния. Но, как мы видим, операция была разработана бездарно, и Нуреев ускользнул: как ни грустно об этом говорить, ускользнул на свою погибель.

А тогда, в июне 1961-го, события в Ле-Бурже развивались стремительно и, что самое главное, не соответствуя нинаному сценарию.

— После того, как Нуреев поговорил с Кларой, он вернулся к нам и присел на подлокотник кресла, — рассказывал на допросе Стрижевский. — Клара куда-то ушла, но вскоре снова вернулась. Нуреев опять подбежал к ней, о чем-то коротко поговорил, вернулся и как-то весь сжался. Я спросил, что с ним, почему на нем лица нет? Он молчал. А потом вдруг вскопчил и быстро двинулся из кафе. Я — за ним. "Куда ты? — спросил я. — Вернись. Скоро самолет на Москву". Он пробормотал что-то нечленораздельное, из чего я понял только то, что он что-то решил, что его решение окончательное и бесповоротное и он его не изменит.

О каком решении шла речь, я так и не понял. Тем более, что откуда-то появилось шестеро полицейских в форме, один в штатском, они скрутили мне руки и оттеснили от Нуреева. Воспользовавшись этим моментом, Нуреев исчез в одной из многочисленных комнат. Мы с Романовым пошли туда же, заявили протест и позвонили в наше посольство. Вскоре приехал генеральный консул и нам дали возможность поговорить с Нуреевым. Мы умоляли его одуматься, объясняли, что его поступок — не что иное как измена Родине, что он наносит непоправимый ущерб театру, родственникам и самому себе, что он просто-напросто губит свою жизнь. Но Нуреев, как заведенный, твердил, что в СССР возвращаться не желает.

И тогда я предложил ему то, что надо было делать в самом начале всей этой истории. Я сказал, что пусть меня уволят, но я беру ответственность на себя и предлагаю первым же рейсом вылететь в Лондон, продолжить гастроли и уж по-

том вместе со всеми вернуться в Москву. Нуреев задумался, а затем сказал, что это ловушка, что он перестал верить людям, что своего решения не изменит и просит прекратить встречу.

Нас тут же выставили, но мы не оставили попыток отговорить Нуреева и попросили пустить к нему нашего осветителя Сергея Мельникова; у которого с Нуреевым были более или менее приличные отношения.

— Рудольфа я нашел в весьма и весьма растрепанных чувствах, — рассказывал несколько позже Мельников. — Я объяснил ему, что ошибку еще не поздно исправить, что власти его поймут и, конечно же, простят, тем более, что Стриневский предлагает отправиться в Лондон, где ждут многочисленные почитатели его таланта. "Поздно, — сказал Нуреев. — Уже поздно. Я подписал прошение о предоставлении мне политического убежища". Конечно же, я сказал, что черт с ней, с этой бумагой, дело не в ней, а в том, что если он не вернется, большие неприятности ждут всех его родных и знакомых. "Это я прекрасно понимаю, — бросил он. — Но мне никогда не жалко. Никого, кроме Пушкина... Я знаю, что делаю и на что иду. А возвращаться мне нельзя. Теперь, когда меня можно обвинить в измене Родине, они могут меня расстрелять". "Бог с тобой, за что? — возражал я. — Ты же никогда не продал и не предал". "Они знают, за что, — мрачно заметил Рудольф. — И в Союзе мне не жить — расстреляют, и здесь — скорее всего, покончу с собой". "Не дури! — вскочил я. — Брось ты этот Париж и айда домой!"

Он тоже встал, обнял меня, заплакал и вроде бы даже сделал движение в сторону двери, но полицейский схватил меня за плечи и выпроводил из комнаты. У меня создалось впечатление, что Рудольфа можно было уговорить вернуться на Родину, но он боялся, очень сильно боялся самого сурового наказания.

К такому же выводу пришел и Александр Грудзинский, не побоявшийся заявить: "Я считаю, что этот позорный случай не произошел бы, если бы Нурееву не предложили в

столь грубой и нетактичной форме вернуться в Москву. Если на то пошло, то ничего бы не случилось, если бы он улетел в Лондон, а оттуда вместе с театром вернулся бы в Москву. Если уж так понадобилось, то арестовать его можно было и после гастролей".

Золотые слова! Но сказаны они, к великому сожалению, не тем руководителем КГБ, который отдавал приказ о немедленной доставке Нуреева в Москву, а простым театральным администратором, который на поверку онаязился куда мудрее и, если хотите, профессиональнее высокопоставленного чиновника с Лубянки.

Но... дело сделано. Рудольфа Нуреева спровоцировали на впоследствии оказавшийся трагическим поступок. Французские газеты захлебывались от восторга, рассказывая о "прыжке артиста к свободе", о его баснословном контракте с труппой де Кузваса, который подписала лично маркиза де Кузвас-Ронфеллер, о его успехе в первом же спектакле труппы.

В довольно сплоченном положении оказались советские дипломаты. Они писали ноты, заявляли протесты, давали лживые интервью, но успокоить мировую общественность не удавалось еще довольно долго. Само собой разумеется, копии этих материалов немедленно отправлялись в Москву. Один из них, своеобразный отчет первого секретаря посольства СССР во Франции М.Ф. Клейменова, представляет несомненный интерес.

"Вскоре после прибытия в Париж Ленинградской балетной труппы в театральных и газетных кругах стали ходить слухи о том, что один из главных артистов труппы Нуреев (азиатин, как его называли в этих

кругах) недоволен своей жизнью и подумывает о невозвращении на Родину. Эти слухи привели к тому, что на него началась подлинная охота с целью убедить его остаться во Франции.

Искусителями при этом руководили разные мотивы. Парижские газеты сообщили по этому поводу много неверных сведений, вроде романа Нуреева с французской или даже английской. На самом деле погоня за Нуреевым шла по трем линиям, причем ни одна из них не имела политической окраски.

Наиболее активную роль в попытках сманить Нуреева играл Пьер Ланотт — балетный предприниматель, неоднократно прогоравший, но продолжавший вести широкий образ жизни. Источники его богатства известны: Пьер Ланотт — гомосексуалист, имеющий обширные знакомства в этом специфическом кругу, насчитывающем немало крупных промышленников, банкиров и всякого рода дельцов. Привлечение Нуреева в эту порочную среду сулило Ланотту немалые выгоды. Помогали Ланотту в его затее журналист Тевнон и балетный деятель Нурнон, тоже гомосексуалисты.

Встречи между ними и Нуреевым проходили в ресторане "Пам-Пам", на улице Обер, напротив здания Оперы. Свидетели утверждают, что Нуреев не шел навстречу Ланотту и даже не делал вида, что понимает, чего от него хотят.

Равным образом слабо Нуреев реагировал на особое внимание, которое проявляла к нему Клара Сэн, молодая, взбалмошная миллионерша, слишком часто менявшая любовников. Нуреев пригласился ей с первого дня знакомства

и она не отставала от него ни на шаг, сопровождая его днем в прогулках по Парижу, а вечером — в ресторанах. По отзывам свидетелей, это внимание со стороны молодой, красивой и богатой женщины Нурееву явно льстило, но романтического сближения между ними никто не замечал.

Гораздо большее влияние на Нуреева оказал третий нажим, ведущийся не по гомосенсуальной и не по женской линии, а в области весьма прозаической — чисто коммерческой. Этот нажим вели балерина Парижской оперы Клэр Мотт и руководитель балетной труппы маркиза Нузваса Ларрен. Труппа находилась накануне распада, им нужна была новая "звезда", и именно в таком качестве они видели Нуреева. Его захваливали, задабривали, пели дифирамбы, утверждая, что здесь его будут на руках носить, Америка осыплет золотом и, вообще, "Запад ждет Нуреева". Эти слова произвели на него особенно сильное впечатление.

В результате этой обработки Нуреев внутренне созрел для измены, но продолжал колебаться. План побега, который разработали представители всех трех "линий нажима", мог лопнуть в мгновение она, так как Нуреев все еще не принял окончательного решения. Ланотт утверждает, что не будь "счастливого обстоятельства", то есть неожиданно объявленного решения о возвращении Нуреева в Советский Союз, побег вряд ли бы состоялся. Об этом же говорил и Нуреев корреспонденту одной из газет. "Я в одно мгновение понял свое положение: если вернусь, меня уже никогда не выпустят за границу. Выбора у меня не было. И я принял решение остаться".

По мнению известного в парижских артистических кругах Сержа Лифаря, своим поступком Нуреев погубил себя как артиста. Ни в Европе, ни в Америке он не найдет труппы, достойной его. А без твердой руки балетмейстера, без коллективной дисциплины он быстро распустится и так же быстро увянет.

Судя по всему, отдавал себе отчет в этом и сам Нуреев. По рассказам лиц, находившихся в общении с ним, в течение первых семи-восьми дней после бегства он находился в подавленном состоянии и к нему дважды вызывали врача. Репетиции, а затем торжественная обстановка выступления 23 июня в "Спящей красавице" несколько подбодрили его, но уже после третьего акта с ним приключился нервный припадок.

Теперь Нуреев высказывает недовольство своими партнерами, порядками в труппе и т.д. Он с нетерпением ждет возможности поехать в Америку, где, как он продолжает верить, его будут на руках носить".

Что касается балетной карьеры, то так оно и было: Нуреева носили на руках и в прямом, и в переносном смысле слова. Не было проблем и с деньгами — гонорары Нуреева достигли столь неправдоподобных величин, что он стал приобретать не только квартиры, картины, дворцы и ранчо, но даже целые острова. А вот в личной жизни счастья не было. Его любовники были один корыстолюбивее другого, к тому же изменяли ему направо и налево. Нуреев переживал, расстраивался, искал утешения в дешевых притонах — и в конце концов заболел СПИДом. То, что это СПИД, Нуреев понял далеко не

сразу, хотя все признаки были налицо: он заметно похудел, стал страдать выпадением памяти, терять сознание...

Лишь через четыре года врачи установили диагноз. Когда Нуреев понял, что за беда на него свалилась, он не впал в отчаяние и не сложил руки. Лечился он довольно своеобразно — изматывающим до потери пульса трудом. Он много танцевал, ставил спектакли, дирижировал оркестрами, мотался по всему свету и... жил. Врачи недоумевали: обычно вирус иммунодефицита расправляется с жертвой за год-два, а Нуреев сражался с ним восемь лет!

Как видите, проблем и забот у Рудольфа было предостаточно и его совершенно не интересовала нагэбзшная возня вокруг его имени. Но машина репрессий была запущена, против Нуреева возбудили уголовное дело об измене Родине, а 2 апреля 1962 года состоялся суд. Суд как суд, с допросом свидетелей, выступлениями сторон и т.п. Но вот что знаменательно: даже представитель обвинения прокурор Ронжин нашел смягчающие вину обстоятельства. Вот что он, в частности, сказал:

— При вынесении приговора прошу учесть, что Нуреев молод, неопытен, имеет неуравновешенный характер. Со стороны наших работников были допущены неправильности при сообщении ему о вылете в Москву. Прошу определить ему минимальное наказание.

По большому счету, выступление прокурора — оглушительная пощечина КГБ. Ведь "неправильности" — это непрофессионализм, глупость и бездарность. Справедливости ради надо сказать, что первые лица в руководстве КГБ до-

вольно объективно оценили ситуацию, строго наказав, а то и уволив из органов участников этой операции.

Напомню, что в соответствии со статьей 64"а" Нурееву грозил смертный приговор. Прокурор потребовал минимального наказания. А адвокат Отмегова попросила "определить Нурееву наказание ниже низшего предела с учетом личности и обстоятельств совершения преступления". Суд все это учел и, как мы знаем, приговорил Нуреева к семи годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

А теперь вернемся к тому документу, с которого начали этот рассказ. Но сперва — небольшой комментарий Г.Ф.Весновской.

— В середине июля 1998 года к нам поступило письмо от сестры Рудольфа Нуреева — Разида Евграфовой (Нуреевой) с просьбой о реабилитации брата. Как известно, Рудольф Нуреев умер в январе 1993 года и похоронен под Парижем на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Уже будучи тяжело больным, Нуреев трижды приезжал на Родину, в том числе, как танцовщик и как дирижер. Гарантии его неприкосновенности были весьма зыбкими, ведь приговора Ленинградского городского суда никто не отменял. Разида Евграфова просила вернуть брату его доброе имя, тем более, что осенью этого года в Нью-Йорке состоится презентация книги Дианы Солвей "Рудольф Нуреев", и автор хотела бы внести коррективы, касающиеся несправедливого приговора. Мы рассмотрели это заявление и приняли соответствующее решение.

Вот оно, это решение, исправившее роковую ошибку 39-летней давности. Начнем с последней строчки первой части этого документа.

"Факт отказа Нуреева возвратиться из-за границы в СССР доказан материалами дела. Вместе с тем, ответственность за это деяние, согласно действовавшему в тот период уголовному законодательству, могла наступить в случае, если оно было совершено в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР. Однако в уголовном деле нет никаких данных о наступлении указанных выше последствий.

Что касается приобщенных к делу публикаций "буржуазной" прессы, которые, наряду со свидетельскими показаниями, положены в основу обвинения, то они освещают лишь имевший место факт отказа Нуреева возвратиться из-за границы в СССР и связанные с ним интервью, не содержащие враждебной информации, направленной против СССР.

При таких обстоятельствах в действиях Нуреева Р.Х. отсутствует состав вмененного ему в вину преступления, предусмотренного ст.64 "а" УК РСФСР.

Кроме того, в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года по делу о

проверке конституционности ряда положений ст.64 "а" УК РСФСР, квалифицирующих бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы как форма измены Родине, признаны не соответствующими статьям 27 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и утратившими силу.

С учетом изложенного, на Нуреева Р.Х. распространяется действие Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий".

Итак, Рудольф Нуреев чист. Отныне его имя принадлежит лишь богине танцев Терпсихоре, но никак не богине правосудия Фемиде. ■

Саша Калязин, совсем даже неплохо сохранившийся для своих сорока пяти лет высокий интересный мужчина, был безукоризненно счастлив. Напевая себе под нос "Желтую субмарину", он торопливо и неумело готовил завтрак, чтобы отнести его прямо в постель любимой женщине. Уже три недели он обитал на квартире приятеля-журналиста, уехавшего на месяц в Чечню. За это время жилплощадь, светившаяся прежде дотошной чистотой и опрятностью, какую могут поддерживать только застарелые холостяки, превратилась в живописную свалку отходов Сашиной бурной жизнедеятельности. Немытые тарелки вышались в мойке, накренившись, как Пизанская башня, а в ванной вырос холм из нестиранных калязинских сорочек. Брюки, в которых он ходил на работу в издательство, после отчаянной глажки имели теперь две стрелки на одной штанине и три на другой. Кроме того, кончались деньги: любовь не считает денег,

рисунок **Алексея Остроменцкого**

возвращение блудного мужа

как юность не считает дней... Но все это было сущей ерундой по сравнению с тем, что теперь он мог засыпать и просыпаться вместе с Инной.

Калязин зубами сорвал неподатливые шкурки с толсто нарезанных кружочков копченой колбасы, нагромоздил тарелки, чашки и кофейник на поднос и двинулся в спальню, поваливая бедрами, как рекламный лакей, несущий кофе "Голдспун" в опочивальню государыне-императрице. К Сашиному огорчению, Инны в постели не оказалось, а из ванной доносился шум льющейся воды. Калязин устроил поднос на журнальном столике, присел на краешек разложенного дивана, потом не удержался и уткнулся лицом в сбитую простынь. Постель была пропитана острым ароматом ее тела, буквально сводившим Сашу с ума и подвигавшим все эти ночи на такие мужские рекорды, о которых еще недавно он и помыслить не мог.

Наконец появилась Инна — в одних хозяйских шлепанцах, отороченных черной цигейкой. Саша, как замороженный, уставился сначала на меховые тапочки, потом взгляд медленно заскользил по точеным загорелым ногам и потерялся в "Малом Бермудском" треугольнике. Инна любила ходить по квартире голой, гордо, даже чуть надменно делясь с восхищенным Калязиным своей идеальной двадцатипятилетней наготой. При этом на ее красивом смуглом лице присутствовало выражение совершеннейшей скромницы и недотроги. Саша ощутил, как сердце тяжело забилося возле самого горла, вскочил, сгреб в охапку влажное тело и опрокинул на скрипучий диван.

— Подожди, — прошептала она. — Я хочу нас видеть...

Он понятливо подскочил к старенькому шифоньеру и распахнул дверцу. На внутренней стороне створки — как это делалось в давние годы — было укреплено узкое зеркало, отразившее его перекосенное счастьем лицо и ее ожидающую плоть...

...Потом они лежа завтракали.

— В ванной полно грязных рубашек, — сказала она.

— Да, надо бы постирать, — согласился он.

— Конечно! Но сначала надо их обязательно замочить, а воротники и манжеты натереть порошком.

— Натереть?

— Да, натереть. А ты не знал? Показать?

— Нет, Инночка, я сам...

— Ах, ты мой самостоятельный, все сам. Все сам! — Она засмеялась и нежно укусила его за ухо.

— Нет, не все...

— А что — не сам?

— Да есть, знаешь, одна вещь, даже вещьца... — загнутил он и почувствовал, как только-только улегшееся сердце снова подбегает к горлу.

— Ну, Саш, ну не надо. Опоздаем на работу!

— Не опоздаем...

...Потом одевались. Этот неторопливый процесс сокрытия наготы, этот стриптиз наоборот, начинавшийся с ажурных трусиков и заканчивавшийся строгим офисным брючным костюмом, неизменно вызывал у Калязина священный трепет. Нечто подобное, наверно, испытывали первобытные люди, наблюдавшие, как солнце, сгорая, исчезает за горизонтом. А вдруг навсегда?

...Он высадил Инну за квартал до издательства, а сам, чтобы не вызывать ненужных ухмылок сослуживцев, все прекрасно понимавших, поехал заправляться и даже хотел заодно подрегулировать карбюратор в сервисе рядом с бензоколонкой, но потом передумал. Зачем? На днях он должен отдать машину своему недавно женившемуся сыну. Так они условились с Татьяной.

На решающий разговор с женой Калязин отважился три недели назад, убедив себя в том, что дальше так продолжаться не может. Полгода Саша, наоборот, был вполне доволен тем, что делит жизнь между двумя женщинами. А что еще нужно? Дома — Татьяна, привычная и надежная, как старый, в прошлом веке подаренный к свадьбе кухонный комбайн, а на службе — отдохновенная Инна. В любой момент можно было приоткрыть дверь в приемную и увидеть ее — деловитую, недоступную, прекрасную... Или даже подойти и спросить: "Инна Феликсовна, "Будни одалисок" ушли в типографию?" И получить ответ: "Конечно, Александр Михайлович, еще вчера..." И успеть заглянуть в ее глаза, темные, невозмутимые, лишь на мгновение — специально для него — вспыхивающие тайной нежностью. И тогда весь рабочий день, наполненный верстками, сверками, сигнальными экзemplярами, занудными авторами, превращался в томительно-трепетное ожидание того момента, когда она, выйдя из издательства и прошмыгнув квартал, сядет в его конспиративно затаившуюся во дворике "девятку" и скажет: "Ну вот и я..." Скажет так, точно они не виделись вечность.

Проклиная красный сигнал светофоров, он мчал Инну в Измайлово, чтобы успеть все, все, все и насытиться на неделю вперед. Чаще просить ключи было неловко. К возвращению друга-журналиста, любившего поболтать по фуршетам и презентациям, каковые в изобильной Москве случаются ежедневно, они уже пили кофе и долгими молчаливыми взглядами рассказывали друг другу обо всем, что меж ними происходило полчаса назад. Так дети, выйдя из кино, тут же начинают пересказывать друг другу только что увиденный фильм. Друг возвращался с заранее заготовленной шуткой, вроде "Пardon, но я тут живу!", бросал на Калязина насмешливо-завистливый взгляд и приоткрывал, проверяя, холодильник: бутылка хорошего конька была условленной платой за эксплуатацию помещения вкупе с мебелью. У ног журналиста тем временем терся черный и пушистый Черномырдин — и в желтых кошачьих глазах горела немая мука, точно он хотел и не мог доложить вернувшемуся хозяину про все удивительное, что происходило в квартире в его отсутствие.

Из Измайлово Саша отвозил Инну в Сокольники. Под окнами ее дома они еще некоторое время сидели в машине, не решаясь расстаться, обсуждая издательские интриги или какого-нибудь особенно странного автора, обещавшего объявить сухую голодовку, если его рукопись не будет принята. “Ну, я пошла...” — говорила наконец Инна так, словно вот здесь, в “девятке”, можно было остаться жить навсегда. “Подожди!” — шепотом просил Саша, и они продолжали сидеть, молча наблюдая, как окрестные жители выводят собак на вечернюю прогулку. Сигналом к расставанию обычно служило появление толстой дамы, ровно в десять выгуливавшей своего одетого в синий комбинезончик и, вероятно, жутко породистого недопеска. “Все, пошла, — сама себе приказывала она. — А то завтра буду сонная и вредная...” Последний поцелуй был таким долгим и страстным, что Сашины губы ныли аж до самой Тишинки.

Он жил в “сталинском” доме, выходявшем окнами на монумент, воздвигнутый в честь добровольного присоединения Грузии к России. Гордые кавказцы давно уж обрели свой вожделенный цитрусовый суверенитет, но ажурная чугунная колонна, свитая из закорючистых грузинских букв, продолжала стоять как ни в чем не бывало.

В великолепный, с тяжелыми лепными балконами, дом подле снесенного теперь дощатого Тишинского рынка они въехали шестнадцать лет назад. Татьяна год занималась обменом, выстраивала сложные цепочки, ухаживала за полубезумной старухой-генеральшей, жившей в этой квартире, и совершила невозможное: из двухкомнатной “распашенки” в Бирюлеве семья перебралась сюда, в тихий центр, под трехметровые лепные потолки, вызвавшие буйную зависть у приглашенных на новоселье сослуживцев. Саша работал тогда в “Прогрессе”. У него, как у старшего редактора, в неделю было два присутственных и три “отсутственных” дня. И если раньше, уходя с работы, он напоминал: “Завтра я работаю с рукописью дома”, то после новоселья стал говорить иначе, с тихой гордостью: “Завтра я — на Тишинке”.

Теперь многое изменилось, округу застроили причудливыми многоэтажными сооружениями с зимними садами, подземными гаражами — “сталинский” дом, недавно отреставрированный, стал походить на старый добротный комод, забытый в комнате, заполненной новой стильной мебелью. Впрочем, не старый — старинный.

Возвращаясь домой, Калязин заставал обыкновенно одну и ту же картину: Татьяна в домашнем халате лежала на диване и работала. Обменный опыт, обретенный много лет назад, не прошел даром. Когда ее зарплата заведующей районной библиотекой превратилась в нерегулярно выдаваемую насмешку, она устроилась в риэлтерскую фирму “Московский домовой” и стала вполне прилично зарабатывать. Саша, привыкший в своем номенклатурном издательстве к приличной зарплате, тоже, кстати, ушел из обни-

щавшего “Прогресса” и некоторое время, вместе с секретарем партбюро редакции стран социализма, которых внезапно не стало, затеял издавать эротический еженедельник “Нюша” — от слова “ню”. Работали так: бывший парторг выискивал в старых порножурналах забойные снимки девочек, а Калязин сочинял сексуальные исповеди, якобы присланные читателями.

Такие, например: “Дорогая редакция, до тридцати пяти лет я никогда не изменяла мужу. Но этим летом я познакомилась в Сочи с Кириллом, скромным милым студентом из Кременчуга. Не скрою, мне были приятны его робкие ухаживания, но ни о чем таком я даже не помышляла. Однажды мы уплыли в открытое море, и вдруг Кирилл, несмотря на воду, властно привлек меня к себе. Я пыталась сопротивляться, даже кричать, но берег был далеко, а юноша вдруг утратил всю свою робость и начал с бесстыдной дерзостью ласкать самые интимные уголки моего тела. Потом что-то огромное и пылающее, как безумное южное солнце, вторглось в меня с неистовой силою. Никогда я не испытывала ничего подобного с мужем, оргазмы накатывались на меня, словно волны, — один за другим, я захлебывалась счастьем и соленой водой. Как мы не утонули, даже не знаю... На следующий день я улетела домой. Я очень люблю своего мужа и дочь, но все время думаю о Кирилле. Что мне делать, дорогая редакция? Ольга З. Поселок Железьяк-Каменский Свердловской области”.

— Я бы точно утонула! — засмеялась Татьяна, прочитав Сашино сочинение.

Дела поначалу шли хорошо, но потом рынок буквально завалили крутой эротикой и мягкой порнографией — и “Нюша” прогорела. Бывший парторг, лет двадцать назад получивший выговор за растрату взносов, умудрился доказать в Американском посольстве, что его злобно преследовали при советской власти, получил “грин-карту” и скрылся. Кредит, взятый на издание, Калязину пришлось возвращать одному, поэтому спешно продали приберегаемую для взрослеющего сына квартиру умерших Сашиных родителей.

Несколько лет Калязин занимался более или менее успешными проектами, вроде полной энциклопедии “Шулерских приемов”, пока не встретил своего студенческого приятеля Левку Гляделкина и не устроился к нему в издательство “Маскарон”.

Татьяна обычно, увидев вернувшегося с работы мужа, на мгновение отрывалась от телефона, сочувственно улыбалась и махала рукой в сторону кухни. Сочувственная улыбка означала сожаление, что на новом месте Саше приходится самоутверждаться и работать на износ, а взмах руки свидетельствовал, что ужин ждет его на плите. Отправляясь на кухню, он слышал, как жена продолжала увещевать какого-то недоверчивого клиента:

— Ну что вы, Степан Андреевич, деньги будут лежать в ячейке, и никто, кроме вас, взять их не сможет... Ячейка — это сейф, очень надежный... А вот этого делать нельзя! Если вы снимете и

увезете паркет — ваша квартира будет стоить на тысячу долларов дешевле... Я понимаю, что паркет дубовый и уникальный, но нельзя!..

Жадно поедая ужин, Саша находил даже какое-то удовольствие в этой своей двойной жизни — неистово постельной там и уютно-кухонной здесь. Но все это когда-нибудь должно было закончиться. И вот однажды, вернувшись после очередного, особенно тягостного, расставания с Инной и застав жену говорящей по телефону все с тем же недоверчивым Степаном Андреевичем, Калязин вдруг осознал: на две жизни его больше не хватает. Надо выбирать. Выбирать между застарелым уютом семейной жизни и тем новым, что открылось ему, благодаря Инне. А открылось ему многое! Он с ужасом понял, что все эти годы его мужской интерес томился и чах, подобно орлу, заточенному в чугунную клетку, питаясь не свежим дымящимся мясом, а сухим гранулированным кормом “Пернатый друг”. Кроме того, в нем за бурлила давно забытая деловитость, замаячили мечты о собственном издательстве, он даже стал придумывать название, в котором обязательно должны были переплестись, как тела в любви, два имени — Инна и Александр, или две фамилии — Журбенко и Калязин. “Жук” не подходил в принципе. Красивый, но бессмысленный “Иннал” он, поколебавшись, тоже отверг и пока остановился на названии “Калина”. Не Бог весть что, но все-таки...

Однажды Саша зачем-то рассказал о своих планах жене, но она только пожала плечами, осторожно напомнив, что бизнес в его жизни уже был, и ничего путного из этого не вышло. Зато Инна пришла в восторг, зацеловала его и сообщила, что к ней неравнодушен директор целлюлозного комбината, и на первое время она выпросит у него бумагу в долг под небольшие проценты. Этой вопиющей нечуткостью жены Калязин и хотел воспользоваться для решающего объяснения, но почему-то не воспользовался, а потом навалились хлопоты со свадьбой сына. Дима спокойно учился на третьем курсе Полиграфического и вдруг как с ума сошел: женюсь!

Девочка оказалась премиленькой и скромной, работала товароведом в фирме, торгующей керамической плиткой. Познакомились они, к удивлению Саши, в Интернете. Выяснилось, Дима выходил в сайт знакомств под “ник-неймом”, сиречь псевдонимом, “Иван Федоров”.

— Ну ты хоть первопечатником оказался? — спросил, смеясь, Калязин.

— Какое это имеет значение? — покраснел сын.

— А про геномию слышал?

— Что это?

— Когда дети наследуют черты добрачных партнеров матери.

— Ну и на кого я похож?

— Дима, как не стыдно! — возмутилась Татьяна.

В юности у нее случился полугодичный студенческий брак, очень неудачный. Мимолетный муж был, кажется, адыгом, учился с ней на одном курсе, страстно влюбился, сломил сопротивление юной москвички, ошарашенной его черкесским напором, и женился, не получив разрешение родителей. В один прекрасный день приехали братья и увезли самовольника в Майкоп, где он, по слухам, строго охраняемый, и заканчивал свое образование. С тех пор Татьяна терпеть не могла кавказцев.

Со своей будущей женой Саша познакомился в стройотряде за год до окончания Полиграфического. Они возводили колхозную ферму, и, когда заканчивали кирпичную кладку, к ним прислали бригаду штукатуриц из института культуры. Татьяна, тогда еще стройная, худенькая, но уже полногрудая, понравилась ему сразу: было в ней какое-то грустное завораживающее обаяние. Шарм, как говорят французы. Калязина, правда, сильно смущало обручальное кольцо на ее пальце. Дело в том, что свою семейную драму Татьяна ото всех скрывала, плела подружкам, будто муж уехал ухаживать за больной матерью и скоро вернется. Вела она себя, кстати, как замужняя: постоянно подкатывавших к ней стройотрядовских жеребцов отшивала с суровым высокомерием или насмешливой снисходительностью — это зависело от того, насколько нагло вел себя пристававший. А среди них были лихие, видные ребята, щеголявшие в отлично подогнанной по фигуре стройотрядовской форме с золотым значком ударника ССО. Да взять хотя бы того же Левку Гляделкина — бригадира, гитарера, девичьего искусителя и обаятельного расхитителя колхозной собственности, небескорыстно снабжавшего близ живущих садоводов дефицитными стройматериалами.

Трудно сказать, почему Татьяна обратила внимание на Сашу, возможно, именно потому, что он единственный не пытался после трудового дня увлечь ее в подсолнуховые джунгли, подступавшие к самой стройплощадке. Он только иногда тайком клал ей на заляпанный раствором дощатый помост букетики лесных цветов. Интеллигентные штукатурицы, стараясь всячески соответствовать своей временной специальности, пихали смущавшуюся Татьяну в бок, громко хохотали и предупреждали робкого воздыхателя:

— Ой, смотри, Каляскин, у Таньки муж ревнивый! Черкессец! Отрэжэт кинжалом!

Татьяна страшно злилась, начинала убеждать, что муж из интеллигентной профессорской семьи, и только полные идиотки верят, будто в Адыгее все ходят с кинжалами. Саша, слушая эти разъяснения, грустнел и сникал, сознавая бессмысленность своих робких ухаживаний, но цветы продолжал подкладывать.

Все произошло в воскресенье, в День строителя. Несмотря на то, что в отряде был объявлен строжайший сухой закон, студенты, с молчаливого согласия начальства, хорошо выпили и закусили. Стол, кстати, не считая денег, накрыл ушлый, но щедрый

Гляделкин. Разожгли огромный костер, дурачились, танцевали и пели под гитару:

За что вы Ваньку-то Морозова,

Ведь он ни в чем не виноват...

Разошлись глубокой ночью. Одни, большинство, поодиночке разбрелись в вагончики спать, а другие, меньшинство, попарно улизнули в черные заросли подсолнечника — предаваться беззаботной студенческой любви. У изнемогшего, подернувшегося седым пеплом костра остались только Саша и Татьяна. Они сидели молча, слушая ночную тишину, нарушаемую изредка треском стеблей и глухими вскриками.

— Я тебе нравлюсь? — спросила вдруг она.

— Очень.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Тогда можешь обнять меня. Холодно...

— А муж? — Саша задал самый нелепый из всех вопросов, допустимых в подобной ситуации.

— Объялся груш... — с горькой усмешкой ответила Татьяна. — Ладно, пора спать...

— Может, пройдемся перед сном? — жалобно попросил Калязин.

— Может, и пройдемся... — кивнула она, а потом, наверное, через час вцепилась пальцами в его голую спину и прошептала: — Они смотрят на нас!

— Угу... — не поняв, согласился Саша, погруженный в глубины плотского счастья, столь внезапно перед ним расступившиеся.

— Они смотрят! — повторила Татьяна.

— Кто? — Калязин испуганно извернулся и посмотрел вверх.

На фоне уже сереющего неба подсолнухи были похожи на призрачную толпу дистрофиков, которые обступили лежащую на земле пару и осуждающе покачивали головами...

На следующий день, в понедельник, приехал комбайн и выкопал подсолнечное поле. Оставшиеся две недели прошли в строительной штурмовщине и конспиративных поцелуях в глухих, пахнущих свежим цементом уголках недостроенной фермы.

На вокзале Татьяна протянула ему бумажку с номером телефона и шепнула:

— Ну пока! Звони!

— А муж? — снова спросил Саша, к тому времени уже влюбленный до малинового звона в ушах.

— Коляскин, — рассердилась она. — Если ты еще раз спросишь про мужа, я... Я не знаю, что сделаю...

Известие о том, что никакого мужа уже три года нет и в помине, ввергло Сашу в совершенно индийский восторг. Он издал нечеловеческий вопль и, одним махом разрушая всю старательную многодневную конспирацию, поцеловал ее в губы прямо на перроне на глазах изумленной общественности. Через неделю, накупив

на половину стройотрядовской зарплаты роз, он сделал ей предложение, однако, наученная горьким опытом, Татьяна вышла за него только через год, после окончания института, когда грядущий Дмитрий доставил своей будущей маме первую неприятность — задержку, оказавшуюся, к Сашиному восторгу, беременностью.

От тех, полудетских времен, остался их главный семейный праздник — День строителя и привычка постельное супружеское сплочение именовать не иначе, как “прогуляться перед сном”.

...А неудачный разговор с сыном удалось свести к шутке, потому что даже теща, достаточно скептически относящаяся к Саше, всегда говорила, что Димка “до неприличия вылитый Калязин”. И про геномию он ляпнул совсем по другой причине.

Однажды Инна, одеваясь, спросила как бы невзначай:

— Тебе нравится имя “Верочка”?

— Нравится... А что?

— Если у меня будет от тебя девочка, я назову ее Верой...

— А если у меня от тебя, — засмеялся Саша, — будет мальчик, я назову его...

Он осекся и помрачнел, вспомнив Гляделкина. Нет, конечно, Саша понимал, что все это жуткие глупости, бред каких-то генетических шарлатанов, но ничего не мог с собой поделать. Инна поняла его по-своему.

— Не расстраивайся! У меня все в порядке. Полагаю, ты не думаешь, что я могу тебя этим шантажировать?

— Нет, ты не поняла... Просто... Просто я хочу поговорить с женой...

— А ты не торопиться? — Инна поглядела на него напоминающе.

— Нет, не тороплюсь... Я просто тебя люблю.

После свадьбы Дима переехал к жене и родителей навещал нечасто.

Во внезапной женитьбе сына Саша увидел особый знак того, что под его жизнью с Татьяной подведена черта и настало время принимать решение. Надо сказать, Инна никоим образом не подталкивала его к этому шагу, не заводила разговоров о будущей совместной жизни и только иногда, в опасные дни, доставая из сумочки яркие квадратные упаковочки с характерными округлыми утолщениями посередине, она смотрела на него вопрошающе... И однажды Калязин зашвырнул эти квадратики под диван.

— Ты смелый, да? — спросила Инна, когда они потом лежа курили.

— Да, я смелый...

— Хочешь с ней объясниться?

— Откуда ты знаешь?

— Я про тебя все знаю. Не рассказывай ей обо мне. Просто скажи, что разлюбил ее, ваш брак исчерпан, и ты хочешь пожить один... Ты принял решение. Понял?

В самих этих словах, а особенно в жестокой и простой формулировке “брак исчерпан”, прозвучала какая-то непривычная и неприятная Калязину командная деловитость. Инна почувствовала это.

— Знаешь, не надо с ней говорить, — поправились она. — Нам ведь и так хорошо. Я тебя и так люблю...

— Что ты сказала?

— А что я такого сказала?

— Ты этого раньше никогда не говорила!

— Разве? Наверное, не говорила вслух, а про себя — много раз...

Но объяснение все-таки состоялось, и в самый неподходящий момент. В воскресенье вечером Саша принимал ванну, а Татьяна зашла, чтобы убрать висевшие на сушилке носки.

— Ого, — улыбнулась она. — Хоть на голого мужа посмотреть...

Особенно обидного в этом ничего не было, жена уже давно относилась к их реликтовым “прогулкам перед сном” с миролюбивой иронией, но Саша аж подпрыгнул, расплескав воду.

— Скоро вообще не на кого смотреть будет!

— Почему?

— Потому что нам надо развестись!

— Ты серьезно?

— Серьезно!

И его понесло. Ровным металлическим голосом, словно диктор, объявляющий войну, он говорил о том, что она не понимает его, что их совместная жизнь превратилась в пытку серостью, что ему нужна совершенно иная жизнь, полная планов и осуществлений, и что его давно бесит ее бесконечный риэлтерский дундеж по телефону. Татьяна слушала его, широко раскрыв от ужаса глаза.

— Я все обдумал и принял решение, — закончил Калязин и, гордясь тем, что ни разу не сбился, потянулся за шампунем.

— Какое решение?

— Я хочу пожить один. Без тебя...

— Ну и сволочь ты, Сашка! — прошептала Татьяна и швырнула в мужа носки, которые, не долетев, поплыли по воде. — Уходи! Собирайся и уматывай! — Она выскочила из ванной, так хватив дверью, что осыпалась штукатурка.

Вытершись, расчесав влажные волосы и ощутив некоторое сострадание к оставляемой жене, Саша зашел на кухню. Татьяна плакала, уставившись в окно. Стекло от появления распаренного Калязина чуть запотело, и жена, продолжая всхлипывать, стала чертить на стекле мелкие крестики, потом, повернувшись, долго вглядывалась в его лицо покрасневшими глазами.

— У тебя кто-то есть? — спросила она.

— Н-нет... Просто наш брак исчерпан!

— Есть... Я догадалась. Молоденькая?

— Никого у меня нет. Просто я хочу жить один.

— Саша, Саша. — Она подошла и ледяными пальцами схватила его за руки. — Зачем? Не делай так! И перед Димкой неудобно... Он же только женился...

— При чем тут Димка?

— Ну-у Са-аша! — снова заплакала она, некрасиво скособочив рот. — Я же не смогу без тебя... Что я буду делать?

— Квартиры менять! — бухнул он и подивился своей безжалостности.

— За что? За что мне это? Са-аша! Какой ты жесто-окий!... Саша... Ну, ладно... Пусть будет она. Пусть! Я не заругаюсь... Только не уходи!

— Я принял решение! — повторил он, чувствуя, что от этого неуклюжего слова — “не заругаюсь” — сам сейчас расплчется.

На мгновение ему вдруг показалось: это и есть выход. Татьяна, гордая, ревнивая Татьяна разрешает ему иметь любовницу, в голове даже мелькнула нелепая картина тройственного семейного ужина, но уже был раскручен веселый маховик разрушения, и сердце распирает восторг забытой за двадцать один год супружества мужской самостоятельности.

— Саша! — взмолилась она.

— Нет, я ухожу...

Жена побрела в спальню и упала на кровать. Когда зазвонил телефон, она даже не шелохнулась. Калязин снял трубку — и дрожащий старческий голос попросил позвать Татьяну Викторовну.

— Тебя! — сообщил Саша.

Но она лишь еле заметно качнула головой.

— Татьяны Викторовны нет дома.

— Странно. Она сама просила меня позвонить... Это Степан Андреевич. Передайте ей, что я согласен постелить вместо паркета линолеум...

На следующий день он ушел рано, даже не заглянув в спальню. А в обед позвонил приятель-журналист и сообщил, что едет в Чечню.

— Чего ты там не видал? — удивился Калязин.

— Командировка. Обещали автомат выдать. Мужская работа. Ты-то хоть помнишь тяжесть АКМа на плече?

— Не помню...

— Ну, конечно, тебя только Инкины ноги на плечах интересуют. Вот так мы Империю и профукали.

— А можно без пошлостей?

— Можно, но скучно... Черномырдина не забывай кормить! Если похудеет, откажу от дома. Понял? Ключи оставлю, где обычно...

— Понял, спасибо!

Инна, привыкшая к еженедельности их свиданий, удивилась, обрадовалась и стала звонить, отменяя примерку, назначенную на вечер. По пути Саша остановился у супермаркета и, делая вид, что не понимает ее недоуменных взглядов, накупил целую сумку

вина и разных вкусовностей. Черномырдину достался такой огромный кусок колбасы, что кот долго не мог сообразить, с какой стороны начать есть, а потом, наловившись, круглыми желтыми глазами удивленно следил за ненасытными людьми, нежно терзавшими друг друга на скрипучем диване.

Когда Инна с обычной неохотой встала, чтобы идти в душ, Калязин тихо попросил:

— Не надо!

— Милый, но мы же не можем здесь остаться?

— Можем...

— Ты... Сделал это?

— Да, я сделал это! — рассмеялся он и изобразил зачем-то идиотский американский жест: — Й-е-е-ccc!

— А она?

— Она сказала, что теперь согласна, чтобы у меня была любовница!

— Зато я теперь не согласна, чтобы у тебя была жена...

Сказав это, Инна посмотрела на него с той строгой неприступностью, какую напускала на себя только в издательстве.

К вечеру следующего дня Калязин заехал домой за вещами. Татьяна все так же неподвижно лежала на кровати и не брала трубку звонившего не переставая телефона. Казалось, она вообще за эти двое суток не вставала. На столе осталась грязная посуда, чего никогда прежде не было, а в пустой ванне так и валялись все еще мокрые носки.

— Я пошел! — сообщил Калязин, заглянув в спальню с большой спортивной сумкой, с которой Димка, занимавшийся легкой атлетикой, ездил на сборы.

Но Татьяна даже не пошевелилась.

Инна ждала его в машине, и они помчались в Измайлово.

Но в эту ночь уснуть им вместе не удалось. Иннина мать с отцом уехали на юг и оставили на нее шестилетнюю сестру. В течение двух недель каждый вечер Инна уезжала от него, а добравшись до дома, звонила — и они говорили, говорили до глубокой ночи. О чем? А о чем говорят люди, для которых главное — слышать в трубке голос и дыхание любимого человека?

Как-то он лежал в постели и, заложив руки за голову, с привычным упоением наблюдал Иннин стриптиз наоборот. А она, зная эту его слабость, специально с расчетливой грацией затягивала одевание, придумывая разные волнительные оплошности:

— Ой, я, кажется, трусики забыла надеть... Ах, нет, не забыла... Слушай, а, может, мне вообще лифчик не надевать?

— Тебе можно! — блаженно кивнул он, по-хозяйски восхищаясь ее маленькой круглой грудью с надменно вздернутыми сосками.

И вдруг запищал телефон. Дело обычное: в основном звонили из каких-то редакций и возмущались, что журналист опять вовремя не сдал заказной материал, а узнав, что тот в Чечне, обещали, если вернется живой, убить его за нарушение всех сроков и до-

говоренностей. Потом, конечно, спохватывались и осторожно выпытывали, где он именно — в Грозном или Ханкале, и все ли у него в порядке.

Калязин привычно снял трубку.

Это была Татьяна, видимо, в конце концов вычислившая местонахождение блудного мужа. Голос у нее был грустный, но твердый.

— Ну как тебе живется одному? — спросила она.

— Нормально.

— Не голодаешь?

— Нет...

— Решение не переменял?

— Нет.

— Я думала, ты позвонишь сегодня...

— Почему?

— День строителя.

— А-а...

— Ты, конечно, наговорил мне страшных вещей, но кое в чем был прав... Я заходила к тебе сегодня на работу. Хотела поговорить. Но ты рано ушел. Левка сказал, у вас выставка?

— Да, выставка...

— Димке звонил?

— Нет.

— Позвони. Я ему пока ничего не говорила...

— Позвоню...

— Она рядом?

— Кто?

— Она! Не делай из меня дуру!

— Нет.

— Врешь! Я знаю, где ты, и сейчас приеду! — сказав это, жена бросила трубку.

Инна уже давно поняла, с кем беседует Калязин, и наблюдала за ним с пристальным неудовольствием. А когда он закончил разговор, оделась быстро, даже как-то по-военному, и спросила холодно:

— А чего ты, собственно, испугался?

— Почему ты так решила?

— Не разочаровывай меня, Саша! Прошу тебя!

В тот вечер она уехала, даже не выпив ставшего уже традиционным чая. Едва закрылась дверь, Калязин вскочил и начал стремительно уничтожать и прятать свидетельства Иннинного пребывания в квартире. Потом оделся, даже повязал галстук и ждал, барабанив пальцами по столу. Внезапно вскочил, метнулся к разложенному дивану и спрятал одну из двух подушек в шифоньер, а на оставшейся отыскал длинный черный волос любовницы. И выпустил его в форточку.

Но Татьяна не приехала. Она позвонила. Калязин сорвал трубку, надеясь, что это добравшаяся до дому Инна, и снова услышал голос жены.

— Это я.

— А разве ты?..

— Здорово я тебя напугала? Значит, так, — продиктовала она. — Машину отдашь Диме. Через неделю. Пусть лучше он жену возит, чем ты... эту свою... Когда будешь подавать на развод, предупреди: я найму адвоката. Квартиру я разменивать не собираюсь. Понял? Спи спокойно, дорогой товарищ!

А Инна в тот вечер так и не позвонила.

Целую неделю все попытки дождаться, когда она останется в приемной одна, и поговорить наталкивались на ледяное дружелюбие. Она слушала объяснительный шепот и только растягивала тщательно покрашенные губы в ничего не значащую секретарскую улыбку. А ведь его тело еще помнило влажные прикосновения этих на все способных губ! От ненависти к себе хотелось закрыться в кабинете и разорвать в клочья верстку романа "Слепой снайпер". После работы он тщетно ждал ее в своей "девятке" — через квартал, в заветном дворике. Она специально проходила мимо него к метро в компании бдительных корректоров. Вечером он звонил ей домой, но шестилетняя сестренка, видимо, выполняя порученное ей важное дело, старательно отвечала: "А Инки нету дома..."

В понедельник Инна занесла ему в кабинет иллюстрации к "Озорным рассказам". Калязин схватил ее за руку, и она вдруг погладила его по голове:

— Эх, ты! Как мальчишка... Измучился?

— Измучился...

— Ты меня больше не будешь разочаровывать?

— Нет!

— Смотри, Саша! Мужчина, приняв решение, не должен бояться сделанного!

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Сначала тебе надо развестись. У тебя есть адвокат?

— Зачем?

— Не будь ребенком!

— Нет, адвоката у меня нет.

— Я знаю одного, грамотного и недорогого.

— Я понял.

— У меня для тебя хорошая новость.

— Какая?

— Мама вернулась.

С этого дня они засыпали и просыпались вместе. Впереди была целая неделя и вся жизнь.

Инна заглянула в Сашин кабинет и строгим голосом объявила:

— Александр Михайлович, Лев Иванович просит вас зайти!

На ее лице при этом не было ничего, кроме досады на сломавшийся селектор, из-за чего она вынуждена мотаться по кабине-

там и вызывать сотрудников на ковер к начальству. Инна внимательно, даже слишком внимательно следила за тем, чтобы при упоминании имени директора оставаться совершенно невозмутимой, но именно поэтому всякий раз, если заходила речь о Гляделкине, в ней появлялась еле уловимая, но внятная Саше напряженность...

— Спасибо, Инна Феликсовна, сейчас зайду! — ответил он весело, но настроение сразу испортилось.

О том, что у Гляделкина с секретаршей что-то было, знал в издательстве самый распоследний курьер. Окончание их романа Калязин даже успел застать, когда пришел на собеседование. Впрочем, собеседование — громко сказано.

Со своим однокурсником Левкой Гляделкиным Саша встретился совершенно случайно — на книжной ярмарке. Калязин стоял у стенда и устало расхваливал немногим любопытствующим уникальный иллюстрированный том “Энциклопедия знаменитых хулиганов”. Это был лично им придуманный проект. Начиналась книга с биографии бузотера-ирландца Хулихана, давшего имя всему этому подвиду нарушителей общественного покоя. А дальше шли Жириновский, Калигула, Маяковский, маркиз де Сад, вплоть до Хрущева, колотившего башмаком по трибуне ООН и, как показало время, правильно делавшего. Но вопреки всем бизнес-планам и маркетингам, книга плохо расходилась, и назревал конфликт с издателем. Ему Саша наобещал чуть ли не миллионные тиражи, объясняя, что каждый человек в душе хулиган и обязательно захочет иметь этот уникальный том у себя дома.

Итак, Калязин уныло стоял у стенда и мысленно готовил оправдательную речь, когда мимо деловито, во главе небольшой свиты, прошагал по узкому ярмарочному проходу Левка Гляделкин — собственной персоной. Он был в отличном костюме из тонкого переливчатого материала, который если даже и мнется, то непременно какими-то особенными, стильными и дорогостоящими складками. Надо сказать, Левка всегда был стилистом: он единственный на их курсе носил кожаный пиджак, купленный у какого-то заезжего монгола, да и авторучки у него всегда водились особенные — “Паркер”, например, или “Кросс”. А ведь происхождения Левка был самого обыкновенного и даже провинциального, но в то время, пока Калязин, изнемогая, учился ради повышенной стипендии, Гляделкин делал деньги. Сначала толкал лицензионные пластинки, нашлепанные, кажется, в Сухуми. Потом грянул знаменитый скандал, когда Левка насамиздательски выпустил книжку Высоцкого “Нерв”, безумно дефицитную в ту пору и стоившую, между прочим, с рук пятьдесят рублей — большие в то время деньги! На Гляделкина даже дело завели, но он убедил следователей, будто напечатал всего шесть штук для себя и друзей. По закону, если семь экземпляров — то уже статья... Но какие там шесть штук! Саша собственными глазами видел Левкину комнату в студенческом общежитии, заваленную пачками “Нерва”. Пого-

варивали, Гляделкин просто втихую отдал весь тираж следователям, а они распространили среди своих коллег, которые, как и все советские люди, тоже тащились от Владимира Семеновича.

Потому что движенье направо

Начинается с левой ноги...

Нет, это, кажется, Галич...

У Левки оборотистость и предприимчивость были, очевидно, наследственные. Однажды после занятий они пили пиво в Парке культуры, и Гляделкин рассказал историю своего отца... Кстати, в пивные Левка умел проходить, минуя длиннющие многочасовые очереди, так как знал фамилии руководителей всех столичных баров, мало того — умудрялся отслеживать по каким-то своим каналам кадровые перемены, чтобы не попасть впросак. Сделав морду, как говорится, кирпичом, он деловито пробирался в самое начало очереди, уткнувшись в роковую табличку “Мест нет”, и властно стучал в дверь. Через некоторое время высовывался швейцар, обычно из отставных военных. Лица этих стражей “ячменного колоса” всегда выражали одно и то же легко угадываемое чувство: “Будь при мне табельное оружие — пострелял бы к чертовой матери!”

— К Игорю Аркадьевичу... — тихо и значительно сообщал Гляделкин.

— Какому еще Игорю Аркадьевичу? — закипал швейцар, привыкший ко всяким уловкам жаждущих.

— Не задавайте глупых вопросов! — с усталой угрозой говорил Левка. — Товарищи со мной...

— Ладно, проходите, — внезапно сдавался охранник и, повернувшись к завозмущавшейся очереди, объяснял. — Заказано у людей, заказано!

Вся хитрость заключалась именно в этой особой устало-грозной интонации, которая бывает только у настоящих начальников и которой студент Гляделкин владел в совершенстве. А вот Калязин так и не смог освоить ее, даже когда в течение полутора лет исполнял обязанности заведующего редакцией стран социализма.

Так вот, однажды за пивом Гляделкин рассказал про своего бату, фронтовика, прошедшего всю войну и привезшего из Берлина чемоданчик со швейными иголками. Да, с иголками! Недогадливые товарищи по оружию везли из поверженной Германии патефоны, штуки бархата, канделябры, обувь, кто с образованием — картины или старинные книги, а Гляделкин-старший припер обычный чемоданчик, где в воценой бумаге бесчисленными рядами лежали сто тысяч иголок к швейным машинкам “Зингер”, обшивавшим в ту пору послевоенную замученную страну. Одна иголка стоила всего рубль, но было их в чемоданчике сто тысяч. Как только в семье кончались деньги, отец шел на рынок и продавал сотню иголок. Так, на иголках, пятерых детей поднял, да и жену, как барыню, одевал-обувал. Надежный этот бизнес

был подорван, когда наладили производство отечественных машинок, отличавшихся по конструкции от зингеровских, а сбережения сожрала реформа 61-го. Деньги-то в чулке от греха подальше держали...

— До сих пор иголок тыщ пять осталось! — радостно сообщил Гляделкин.

После института их пути разошлись: краснодипломника Казянина распределили роскошно — в “Прогресс” в редакцию стран социализма, а Гляделкина, как неблагонадежного, запихнули в “Промстройкнигу”, выпускавшую какие-то сборники по технике безопасности. Однако Левка и там что-то придумал — начал штамповать руководства по возведению садовых домиков — тогда всем выделяли участки, и брошюрка шла нарасхват. Когда началась буза в конце 80-х, Левку на собрании трудового коллектива единогласно избрали директором издательства, а вскоре он его приватизировал, выкупив акции у своих же сотрудников, которые по совковой наивности были и рады расстаться с этими, как казалось тогда, совершенно никчемными бумажками. “Промстройкнига” превратилась в Издательский Дом “Маскарон” и завалила прилавки детективными романами, а Левка, по слухам, стал богатеем и купил себе большую квартиру в центре и загородный дом в Звенигороде...

Вот этого самого Левку Гляделкина, только раздобревшего, полысевшего, обзаведшегося очками в стильной золотой оправе, и окликнул Саша, неожиданно для себя воспользовавшись давней студенческой кличкой однокурсника. Кстати, это прозвище Левка получил за манеру останавливаться на улице и со вздохом провожать страждущим взором призывно удалявшиеся ягодицы прохожих дам. Иногда, не выдержав и бросив товарищей, Гляделкин кидался в погоню за незнакомкой, а наутро, приползая к третьей паре, демонстрировал друзьям счастливую усталость и рассказывал о незабываемой ночи, каковую пробезустовал в постели изголодавшейся разведенки или в кровати девственницы, тщетно пытавшейся уберечь от Левки лепесток целомудрия. Чаще всего врал, конечно...

— Глядун! — крикнул Саша.

Левка остановился, удивленно осмотрелся и захохотал:

— Коляскин!

Помнил, оказывается, не забыл!

Они обнялись. От Гляделкина пахло вкусной жизнью. Свита замерла поодаль, наблюдая за встречей друзей с тем вымученным умилением, с каким обычно созерцают личную жизнь начальника, его избалованных до омерзения детей или любимую собачку, злобную визгливую тварь...

Они поговорили о том о сем, но в основном о бывших однокурсниках: кто-то преуспевал, кто-то эмигрировал, кто-то просто исчез из поля зрения, а вот Витька Корнелюк умер...

— Да ты что? — обомлел Левка.

— Да, умер... — подтвердил Саша с чувством того печального превосходства, которое обычно испытываешь, сообщая кому-нибудь, неосведомленному, о чьей-то кончине.

— От чего?

— От сердца.

— Не бережемся, не бережемся! — вздохнул Левка и погладил свой обширный живот.

Потом Гляделкин с интересом полистал “Энциклопедию знаменитых хулиганов” и вдруг предложил:

— Слушай, Коляскин, а иди-ка ты ко мне главным редактором! Я своего выгнал. Хороший мужик, но пил, как ихтиозавр! Забегай после выставки. Обговорим наш расклад и твой оклад... — Он достал из кармана плоскую золотую коробочку, вынул оттуда карточку и протянул Саше.

— А у меня нет визитки, — смущаясь, сознался Калязин. — Кончились...

— Все когда-нибудь кончается! — Левка хлопнул однокашника по плечу и, возглавив затомившуюся свиту, убыл.

Оставшись один, Калязин изучил глянцевую, явно недешевую визитную карточку. На ней была золотом оттиснута скорбная маска — такими в начале позапрошлого века украшали фасады домов, а сбоку шла тоже стилизованная под модерн надпись: “Издательский дом “Маскарон”...”

Через неделю он позвонил Гляделкину, в душе побаиваясь, что предложение было сделано в приливе ностальгического великодушия и давно уже забыто, а место занято. Но Левка обрадовался его звонку.

— Куда пропал? Приезжай прямо сейчас!

Калязин примчался и долго ждал, пока Гляделкин, наконец, его примет. От скуки наблюдал за тем, как виртуозно врет по телефону красивая черноволосая секретарша в строгом офисном костюме. То же самое делал сидевший рядом с ним здоровенный стриженный парень в кожаной куртке. Но лицо его при этом было совершенно неподвижно, словно на нос ему села муха, и он мужественно воздерживается от малейшего мимического цевеления, дабы не спугнуть насекомое.

Одним звонившим секретарша холодно, почти сурово отвечала, что Льва Ивановича нет на месте и сегодня уже не будет. Вторым дружелюбно советовала перезвонить попозже. Третьим участливо обещала поискать шефа в соседнем кабинете, клала трубку на стол и с печальным вызовом смотрела на улыбавшегося ее секретарским хитростям Сашу. На неподвижного парня девушка вообще внимания не обращала. Минуты через две она брала трубку и с искренним огорчением докладывала:

— На этаже его нет. Наверное, спустился в производство. Как только вернется, сразу скажу, что вы звонили...

А в те редкие минуты, когда телефон молчал, она сидела тихая, погруженная в какое-то свое девичье горе.

— Почему вы такая грустная, Инна Феликсовна? — спросил Калязин, уже успев выяснить, как ее зовут.

— А вот это... — она скосила глаза на бумажку, где было записано его имя, — ...Александр Михайлович, совершенно не ваше дело!

Скорее всего, Инна сочла его одним из докучливых авторов, принесшим в издательство рукопись. Парень в куртке вдруг сочувственно подмигнул Калязину и снова заиндевел.

“Строгая девица!” — подумал Саша и погрузился в размышления о том, что завоевать строгую, неприступную женщину, добиться от нее нежной привязанности — это особенно трудно и почетно, что-то наподобие сексуального альпинизма, хотя, впрочем, кто-то из знакомых скалолазов рассказывал ему, будто бы с покоренной вершины спускаться не в пример труднее, а главное — утомительнее, нежели взбираться на нее.

И тут как раз на пороге кабинета появился весело смеющийся Гляделкин. Он провожал какого-то, судя по золотой цепи на шее, крутого инвестора, долго жал ему руку и передавал бесчисленные семейные приветы. Парень в куртке мгновенно напряжился, вскочил и стал внимательно озирать приемную, точно в отделанных искусственным дубом стенах могли внезапно открыться потаенные бойницы. Наконец “крутой” вырвался из Левкиного расположения и ушел вместе со своим огромным телохранителем.

Гляделкин удовлетворенно похлопал себя по животу, но встретившись глазами с напрягшейся секретаршей, сразу посерьезнел, кашлянул и распорядился:

— Александр Михайлович, заходите! Инна Феликсовна, ни с кем не соединять.

— Даже с Маргаритой Николаевной? — поинтересовалась она с осведомленной и очень недоброй иронией.

— Маргарита Николаевна может позвонить мне на мобильный. Вы отлично это знаете! — строго ответил Левка, глядя мимо Инны.

“Э-э, да у них тут непросто!” — завистливо подумал Калязин, заходя в кабинет, обставленный дорого и со вкусом.

На стене висела большая фотография: на ней Гляделкин вручал книгу самому президенту. В углу в специальной стеклянной витрине стоял манекен, одетый в синий золотопуговичный мундирчик.

— Лицейский мундир Дельвига, — похвастался Гляделкин. — Купил по случаю. Жалко, треуголка потерялась...

Они выпили отличного коньяка, название которого Левка произнес с гордостью, а Калязин, естественно, не запомнил, говорили о жизни, о семейных делах. У Гляделкина была уже вторая жена — Маргарита и трое детей. Он показал фотографию в полированной деревянной рамочке. Жена оказалась дородной крашеной блондинкой с усталыми глазами домохозяйки. Даже детей она обнимала, точно наседка, прикрывающая крыльями цыплят.

Сам же Левка на снимке стоял чуть отстранившись, как выполнивший свое дело кочет. Потом он расспрашивал Сашу про Татьяну, даже как-то сочувственно завидовал такому многолетнему семейному постоянству однокашника:

— Наши-то все уже по сто раз женились-разводились...

Он попросил показать фото жены и сына и очень удивился, узнав, что такой фотографии Саша с собой не носит. Наконец, посерьезнев и перейдя на руководящий тон, Левка очертил Калязину круг его будущих обязанностей и назвал оклад жалования, такой большой, что Саша аж вспотел от неожиданности. Ударили по рукам, и уже на пороге Гляделкин остановил своего нового подчиненного неожиданным вопросом:

— Понравилась?

— Кто?

— Секретарша.

— Красивая...

— Не просто красивая — увлекательная! — вздохнул он. — Но будь осторожен. Она — девушка с целью...

Согретый коньяком и будущим окладом, Калязин вышел из кабинета уже главным редактором.

— Так почему же вы все-таки грустная? — с хмельной настойчивостью спросил он Инну, прикладывая печать к его разовому пропуску.

— Я же сказала — вас это не касается.

— Главного редактора, — ответил он с совершенно нехарактерной для него хвастливостью, — касается все. В том числе и настроение сотрудников.

— Так вы наш новый главный редактор?

— Аз есмь! — ответил он и смутился от собственного мальчишества.

— Что ж, очень приятно! — отозвалась она, подозрительно глянув на выпившего нового главреда, пришедшего на смену прежнему — алкоголику.

— У вас неприятности? — снова спросил он — теперь уже и вообще тоном волшебника, специализирующегося на устранении невзгод и неурядиц.

— Может быть, когда-нибудь расскажу... — ответила Инна и посмотрела на него с мимолетным интересом.

О том, что у Инны Журбенко с Гляделкиным было не просто что-то, а серьезный роман, в результате которого шеф чуть не развелся с женой, но в последний миг одумался, Калязину нашептали на первом же редакционном винопитии по случаю Восьмого марта. То ли это была фирменная издательская история, которой потчевали каждого новичка, то ли Саша, несмотря на все усилия, не сумел скрыть от окружающих своего к ней интереса, нараставшего, подобно медленной, но неотвратимой болезни.

После очередного тоста за “дам-с” он вышел покурить на лестничную площадку с корректоршами — пожилой, подслеповатой

Серафимой Матвеевной и относительно молодой еще Валеи, накрашенной так вызывающе ярко, что на ее лицо следовало бы смотреть с большого расстояния и сквозь сложенную трубочкой ладонь, как на картину художника-пуантилиста. И вдруг они сами, возбужденно, перебивая друг друга, точно давно ждали подходящего момента, стали рассказывать ему про директорскую секретаршу.

Инна пришла в издательство сразу после школы на место своей матери, которая проработала здесь корректором пятнадцать лет, а потом во втором браке родила и сделалась домохозяйкой, благо новый муж неплохо зарабатывал установкой спутниковых антенн на многочисленных подмосковных особняках.

— Ах, какая была девочка! — восхищалась Серафима Матвеевна. — Как струнка! Прямо Ассоль! Строчим сверку, а она вдруг в окно уставится и все забудет... Инн, спрашиваю, о принце, что ли, мечтаешь? “Да ну вас...” — и смеется...

— Совсем простенькая была. Я ее краситься учила! — добавила Валя, заманчиво поглядывая на Сашу.

Вскоре появился и принц — выпускник института военных переводчиков.

— Видный парень и с характером, — сообщила Серафима Матвеевна. — Часто заходил к нам, ждал, когда закончим. Мы — Инке: “Да иди ты! Без тебя, сопливой, дочитаем!” А она: “Ну как же, нельзя... Володя подождет...”

— А однажды, — захохотала, вспомнив что-то веселое, Валя, — сидит он, ждет и на меня смотрит. Внима-тельно! Я не пойму... А потом сообразила, что дала Инке свою блузку — мне из Франции полюбовник привез — на свидание надеть. Вовка-то и узнал... Не понравился! Он парень-то с гонорком ...

— Это — да, — согласилась Серафима Матвеевна. — Два любимых выражения у него были: “Я полагаю...” и “Я принял решение...” Непростой парень. Но — хорош! А уж как форма ему шла! Прямо — Лановой!

— А Лановой ко мне на Пицунде приставал! — доложила Валя.

— Послушать, так к тебе все, кроме академика Сахарова, приставали! — одернула ее Серафима Матвеевна.

Из дальнейших рассказов стало понятно, что вопрос о замужестве был решен: как говорится, шили платье. Инна с мужем после свадьбы собиралась ехать куда-то за границу и уже немного свысока поглядывала на сослуживиц, намекая на то, что военные переводчики за границей занимаются не только переводами, а и другими, гораздо более ответственными и необходимыми Державе делами. И ей, как жене человека, выполняющего специальные задания, тоже, конечно, придется соучаствовать.

— А мы ее подначивали по-простому: “Радисткой, что ли, будешь?” Обижалась: “Вы плохо себе представляете деятельность современных спецслужб!” — добродушно передразнивала ту давнюю, наивную Инну Серафима Матвеевна.

— А я... А я спрашиваю на голубом глазу: “Ин, а спецсексу учить тебя не будут? Могу проконсультировать!” — радостно вспоминала Валя.

— В общем, счастлива была до потери сознания! — грустно вздохнула Серафима Матвеевна. — Бедная девочка...

Свадьба не состоялась, в последний момент военный переводчик принял решение и мгновенно женился на дочке какого-то снабженческого генерала. Инна страшно переживала, попала даже в больницу и вернулась оттуда совсем другой — как робот. Тут-то Гляделкин, давно присматривавшийся к красивой корректорше, и взял ее ... секретаршей.

— Так сразу и взял? — сглотнув комок, спросил Калязин, до этого только слушавший.

— Сразу и взял, — кивнула Валя.

— Не сразу... Ты с собой-то не путай! Долго он ее обхаживал, — пояснила Серафима Матвеевна. — Подарки таскал, слова говорил... Умеет, подлец! Ну, вы, Александр Михайлович, лучше нашего знаете! Однажды в темных очках на работу пришел. В чем дело? Ячмень? Или хуже — синяк под глазом? “Нет, — объяснил. — Не могу на вас, Инна Феликсовна, смотреть! Слепляет...” Ну, у девки снова крыша и поехала. У Гляделкина, правда, тоже набекренилась... Потом, конечно, спохватился. Маргарита у него свое дело туго знает. Детей, сказала, не увидишь! Ну он и опал...

— А что это, Александр Михайлович, вы так Инночкой интересуетесь? Влюбились? — захихикала Валя.

— Да нет, я так просто...

— Да ладно — просто так! Влюбитесь лучше в меня! Безопасность и семейную целостность гарантирую...

— Уже влюбился, — отшутился Калязин и дал маху.

В тот вечер Валя упросила Сашу, почти не пившего, подбросить ее домой в Химки и всю дорогу, пьяно хохоча, норовила управиться с главным редактором таким же образом, каким он сам, ведя машину, управлялся с рычагом переключения скоростей. Наконец Саша разозлился, остановил машину и накричал на распускающую руки корректоршу.

— Да ну вас, мужиков! — сказала она, сразу протрезвев и погрузнев. — Сами не знаете, чего хотите, а потом... Ладно, поехали! Больше не буду.

После того, как Калязин узнал Иннину историю, его влечение к ней стало другим. Нет, конечно, по-прежнему это было прежде всего вожделение, но облагороженное состраданием.

А как-то вечером, в опустевшем издательстве Калязин готовил окончательный темплан на второе полугодие. Точнее, Инна вносила поправки в файл, а он, склонясь над ней, вглядывался в экран компьютера, выискивая опечатки, и, совершенно неожиданно для себя, поцеловал девушку в длинную, смуглую, покрытую нежным пушком шею.

— Вы с ума сошли? — вспыхнула она.

— Сошел. А разве вы только что это заметили?

Довольно долго он тайно ухаживал за ней: если удавалось, подвозил домой на машине. Несколько раз уговорил по пути остановиться и посидеть в каком-нибудь ресторанчике, благо Татьяна не знала о том, что, кроме зарплаты, у него есть еще и ежеквартальные премии. Инна принимала его приглашения с чуть насмешливой благосклонностью, с какой принимают услуги чересчур уж любезного официанта. Однажды Саша повел ее в новомодный кинотеатр, где звук как бы дробится, обступая тебя со всех сторон, а экран завораживает глаз такой насыщенной чистотой цветов, за которую Ван-Гог, не задумываясь, отдал бы и второе свое ухо. Калязин давно не бывал в кинотеатрах, и его странно поразило, что все эти чудеса техники, эти безумно дорогие и в самом деле талантливые актеры, эти поминутно взлетающие на воздух мерседесы и целые городские кварталы, эта виртуозно выстроенная сюжетная головоломка — нужны, в сущности, лишь затем, чтобы рассказать полупустому залу какую-то бесполезную и совершенно бессмысленную историю. Что-то наподобие катания на американских горках: промчался с визгом и холодком в паху — и забыл.

Но там, в кинозале, в темноте Инна впервые доверила ему свою теплую руку. Этим бы Калязину ограничиться для начала, но он не удержался и в тот момент, когда героиня фильма, проникнув, наконец-то, в банк, обнаженно-прекрасные, любили друг друга прямо на рассыпавшихся долларах, Саша обнял ее и поцеловал в губы. Инна не сопротивлялась, но в поцелуе было что-то странное. Что именно, Саша понял, когда оторвался. Он целовал усмешку.

— Александр Михайлович, вы напрасно тратите время! — предупредила Инна. — Полагаю, вы многое про меня узнали, и должны понимать: ничего не будет. Вы ничего не добьетесь.

— А я ничего и не добиваюсь! — отводя взгляд, ответил Калязин. — Я просто хочу видеть вас...

— Вы меня видите каждый день на работе, — словно не понимая, о чем идет речь, сказала она.

— Мне этого мало!

— Ах, вот оно как! Если хотите большего, займитесь Валецкой. Вы ей, кажется, нравитесь...

— Ну, зачем вы так! — Он попытался снова обнять ее.

— Александр Михайлович, я вас прошу. — Она резко, с неудовольствием высвободилась.

— Зовите меня — Саша...

— Ну какой вы Саша! Вы — Александр Михайлович. И навсегда останетесь для меня Александром Михайловичем...

От этого "навсегда" все калязинское существо наполнилось плаксивой оторопью, сродни той, что иной раз накатывает во время бессонницы, когда вдруг приходит не умственное, а животное понимание неизбежности смерти, ничем неотвратимой. Ничем —

даже если выскочить голым на полночный балкон и завять по-собачьи. Вой хоть всю жизнь — ничего не изменится...

И он решил победить себя: два месяца держался так, словно ничего меж ними не было, старался как можно реже появляться в приемной, а вызванный по селектору к Гляделкину, проходил мимо нее с бодрой, заранее подготовленной улыбкой, и даже, словно нырятьщик, задерживал дыхание, чтобы пропитанный ее духами воздух приемной не проник в легкие, не одурманил и не заставил броситься перед ней на колени прямо на глазах у всех. Она тоже вела себя с ним ровно, приветливо, стараясь ни единым намеком не напоминать о его постыдно неуспешном домогательстве.

Клин вышибают клином — и Калязин сам предложил Вале подвезти ее в Химки. Она, помня его прежнюю суровость, сидела тихая, скромная и ко всему готовая, точно в очереди к гинекологу. Сначала он долго не решался, а потом где-то в районе Северного речного вокзала положил руку не на отполированный набалдашник рычага скоростей, а на ее круглое колено. В ответ корректорша часто и многообещающе задышала. Калязин осторожно погладил ее голую ногу и почувствовал под рукой старательно выбритые, но уже чуть покалывающие волоски — и это страшно его возбудило. Они остановились на каком-то строительном пустыре возле огромного бульдозера, напоминающего в темноте подбитый танк. Валя приблизила к нему свое ярко намакияженное лицо (наверное, так в ночном музее выглядит какой-нибудь Дега или Матисс), и Саша догадался, что надо целоваться. Никогда ему еще не приходилось получать такого бурного разнообразия сексуальных даров в такой короткий отрезок времени и в такой тесноте. Когда, чуть не выбив каблуком лобовое стекло, Валя затихла, Калязин понял, что совершил страшную ошибку. Она, кажется, тоже. Отдышавшись, перебравшись на свое место и поправив одежду, корректорша сказала:

— Зря мы это... Не бойся, я ей не скажу. Но и ты тоже — никому... Договорились?

Любопытно, что никакого раскаяния перед Татьяной он не испытывал — вернулся домой злой и даже ни с того ни с сего наорал на жену за то, что она, мол, все время занимает телефон своими дурацкими ризлтерскими переговорами, а ему из-за этого не могут дозвониться очень серьезные люди. Татьяна вспыхнула, отправила его к чертовой матери, а потом долго извинялась перед Степаном Андреевичем, принявшим это на свой счет. Саша, сурово сопя, проследовал в ванную, глянул в зеркало и ахнул: белая сорочка напоминала расцветкой тряпку, о которую живописцы вытирают кисти. Спасла его Татьяна близорукость. Он спрятал рубашку в портфель и наутро по пути на работу выбросил в мусорный контейнер.

Зато ему было мучительно стыдно перед Инной. Весь следующий день он даже боялся смотреть на нее. Проходя через приемную к начальству и поймав на себе, как ему померещилось, подо-

зревающий взгляд, он облился потом и ему даже показалось, будто все вчерашние разгоряченные Валины щедроты теперь стекают с его тела подобно отвратительной слизи, оставляя следы на паркете. Но Инна смотрела на него все тем же приветливо равнодушным взглядом.

И так продолжалось долго, очень долго.

Все изменилось в одночасье. Они снова остались вечером в редакции вдвоем — нужно было срочно отредактировать рекламу мемуаров недавно скончавшейся старушки, служившей в тридцатые годы уборщицей в высших сферах и оказывавшей, как она утверждала, интимные услуги чуть ли не всему тогдашнему Политбюро. Книжка называлась чрезвычайно ликвидно — “Кремлевский разврат”, но отдел рекламы, как всегда, написал такую белиберду, что Гляделкин разнервничался и приказал главному редактору лично переписать аннотацию и подобрать забойные отрывки из мемуаров для периодики.

Покидая кабинет, Гляделкин вдруг обнаружил, что во всем издательстве остаются только два человека — Инна и Калязин, не считая, разумеется, охранника внизу. Он как-то сразу забеспокоился, потом совладал с собой и погрозил им пальцем:

— Вы, ребята, тут не озорничайте! — Захохотал и ушел.

Инна посмотрела ему вслед с ненавистью и начала собираться домой.

— Инна Феликсовна, — пробормотал Саша. — Если подождете полчаса, я отвезу вас домой...

— Спасибо, не надо.

— Почему?

— Я не хочу домой...

— В кино? — жалобным детским голоском спросил Калязин.

— Почему тогда не в театр? — Она посмотрела на него с насмешливым состраданием.

— Инна, я так больше не могу... — еле выдавил из себя Калязин.

— Допустим... — после долгого молчания проговорила она. — И куда вы меня повезете?

— В каком смысле? — Он даже растерялся от неожиданности.

— Александр Михайлович, вы меня удивляете! Но учтите, в гостиницу я не поеду...

Сообразив, наконец, что происходит, он занервничал, засуетился, метнулся в свой кабинет, к телефону, дрожащими руками раскрыл записную книжку и, мысленно умоляя Господа о неподобающей помощи, на что способен только закоренелый атеист, стал набирать номера друзей.

Никто не подходит.

Занято!

“А, старик, привет! Лежу вот дома — ногу сломал...”

Опять занято!

Спас журналист, с которым Калязин много лет назад, еще при советской власти, познакомился во время турпоездки в Румы-

нию. Потом они несколько раз пересекались на разных презентациях и пресс-конференциях, обнимались, договаривались “собраться и посидеть”, но от слов к делу так и не перешли. За эти годы Саша сменил уже штук пять истрепавшихся книжек, но телефон журналиста каждый раз старательно переписывал — словно чувствовал...

Тот сначала даже не сообразил, кто ему звонит, потом понял и долго выслушивал сбивчивую, витиеватую мольбу, смысл которой сводился к тому, что если он, журналист, на два часа предоставит ему, Саше, свою квартиру, то Калязин в благодарность готов отдаться чуть ли не в пожизненное рабство.

— Неужели так приспичило? — удивился квартирохозяин.

Ему, как холостяку с собственной жилплощадью, была непонятна и смешна эта истерическая горячка женатого мужчины, схватившего за хвост долгожданную птицу супружеской измены.

— Ладно, — согласился он великодушно. — Такса — коньяк. Хороший. Сэкономись — больше не звони. Ключ будет за дверцей электрощита. Записывай адрес! Да... Забыл... Еще одно условие!

— Какое?

— Черномырдина за хвост не дергать!

— Кого?

— Кота.

Калязин вбежал в приемную, зажимая в потной руке бумажку с благословенным адресом, и радостно крикнул:

— Вот... Я договорился!

— Хорошо, — спокойно ответила Инна. — Сейчас отправлю факс — и поедем...

... Дверь долго не открывалась. Отчаявшись и вспотев, Саша сообразил, наконец, что ключ надо вставить до упора. В прихожей их встретил большой черный кот, судя по размерам, — кастрированный. Инна тут же взяла это покорное существо на руки и стала гладить, долго, с удовольствием. В какой-то момент Калязину показалось, что вся Иннина ласка достанется сегодня исключительно Черномырдину. Но он ошибся — ему тоже перепало...

Истрадавшийся Саша был бурно лаконичен. Инна сдержанно отзывчива. Почти сразу она встала с дивана, с удовлетворением оглядела себя в зеркале и начала медленно, собирая разбросанные по комнате вещи, одеваться, а Саша, лежа, со священным ужасом следил за тем, как постепенно скрывается под одеждой только что принадлежавшая ему нагота. Застегнув блузку, она поправила перед зеркалом волосы и спокойно сказала:

— На этом, полагаю, мы и закончим наш с вами служебный роман.

— Почему?

— Вы сделали то, что хотели. И я сделала то, что хотела...

— Я люблю вас... — вдруг бухнул Калязин, еще минуту назад не собиравшийся говорить этих слов ни сейчас, ни в обозримом будущем.

— Ах, вот оно как? — удивленно улыбнулась Инна. — Ты понимаешь, что сейчас сказал?

— Понимаю.

Она пожала плечами и медленно начала расстегивать блузку...

После той, первой, близости острое любовное помешательство перешло у Саши в неизлечимую хроника. Вся его жизнь превратилась в одно знобящее ожидание свиданий на квартире журналиста, который теперь мог открыть при желании небольшой коньячный магазинчик.

Калязин отвозил Инну в Сокольники и, развернувшись, чтобы ехать на Тишинку, начинал жить уже мечтами о новой встрече.

На следующий день после грехопадения директор с утра вызвал к себе Сашу и строго спросил:

— Ну, получилось?

— Что? — зарделся Калязин.

— Что... что... Аннотация к мемуарам этой старой профуры! — буркнул однокурсник и поглядел на него с обидой.

Наверное, Левка сразу обо всем догадался и, зная Инну, ревниво, в деталях, представлял себе, как это у них происходит.

А происходило нечто невообразимое, испепеляющее калязинские чресла и душу. Нет, в их объятиях не было ничего неизведанного. Незнанием была запредельная, поработавшая нежность, которую он испытывал к возлюбленной. Порой Саша с усмешкой вспоминал убогие сексуальные исповеди, сочиненные когда-то для "Нюшки", и поражался. Оказывается, он не знал об этом ничего! Или почти ничего... Если оставалось немного времени до возвращения журналиста, они расслабленно лежали, курили и разговаривали, обсуждали издательские сплетни и интриги. В этих разговорах Гляделкин никогда не назывался ни по имени, ни по фамилии, просто — "Он". Инна рассказывала Саше о себе, о матери, о сестренке, о том, как в десятом классе в нее влюбился молодой учитель физики, а однажды очень подробно изложила и всю историю своих отношений с военным переводчиком. Спокойно, даже с иронией, сообщила, что в больницу попала, потому что хотела покончить с собой.

— Знаешь, мама меня на подоконнике поймала.

— Разве можно из-за этого? — удивился Саша.

— А из-за чего же тогда еще? — в ответ удивилась она.

Кстати, военный переводчик впутался потом в какие-то нехорошие махинации с военным имуществом за границей, вылетел из армии, развелся, страшно запил и даже приползал к ней на коленях — умолял простить.

— Знаешь, что я ему сказала?

— Что?

— Я его спросила: "Вова, что полагается в армии за предательство?" Он ответил: "Высшая мера". А я — ему: "В любви тоже..."

— И что стало с этим Вовой? — спросил Калязин.

— Зашился и снова женился на чьей-то дочке, — равнодушно сообщила она. — Что ты еще хочешь знать обо мне — спрашивай.

— Нет, все понятно...

— Неужели тебе совсем не интересно, что у меня было с Ним?

— У всех что-то было... — отозвался он с трудно давшимся равнодушием... — Было и прошло...

— И тебе даже не интересно, любила ли я его? Спрашивай — я отвечу!

— Нет, это неважно. Теперь. Мне гораздо важнее знать, любишь ли ты меня?

— Не торопись. Я боюсь этих слов. Мне они приносят несчастье...

На самом деле ему было болезненно важно знать, что у них было, как у них это все происходило, какие слова она ему при этом говорила и главное — любила ли... Но услышать — “любила” — значило навсегда получить в сердце отравленную занозу. А услышать “не любила” — еще хуже: гадай потом, солгала тебе, пожалев, или в самом деле из корысти была слишком исполнительницей секретаршей. А это и совсем уж плохо.

— Скажи мне только — Он для тебя хоть что-то еще значит? — осторожно подбирая слова, спросил Калязин.

— Ни-че-го... Полагаю, этого достаточно, — ответила она с вызовом.

— Конечно... Не обижайся!

Нет, недостаточно! Ему очень хотелось спросить, например, вот о чем. Когда Он вызывает ее к себе в кабинет и дает обычные секретарские поручения, что она чувствует, зная, что этот вот человек выведает некогда все ее потайные трепеты и все ее изнемогающие вскрипы? А она сама, записывая в блокнотик задание и холодно поглядывая на Него, неужели ни разу, исподволь, не вспоминает его лежащим в постели и бормочущим в ее разметавшиеся волосы какую-то альковную чушь... Но Саша прекрасно знал: спрашивать такое у женщины недопустимо. Скорее всего, просто не ответит. А если и ответит? Куда потом, в какие глухие отстойники души затолкать ее ответ?..

И от этих мыслей, составлявших неизбежную, а может, даже и необходимую часть обрушившегося на него счастья, Калязин начинал ненавидеть Гляделкина — его хитрый прищур из-под тонких золотых очков, остатки кудрей на вечно лоснящейся лысине, ненавидеть даже его дружеское расположение. А вот к тому вероломному военному переводчику, первому, надо надеяться, Иннинному мужчине, так жестоко с ней поступившему, Саша не испытывал никакой ненависти, скорее даже, благодарность. Ведь если бы он женился на Инне, увез ее за границу... Но об этом даже не хотелось думать.

Зазвонил телефон. Иннин голос удивленно спросил:

— Александр Михайлович, вы забыли? Он вас ждет!

— Иду...

Калязин встал, взял папочку с договорами и, пройдя мимо глянувшей на него с еле заметным осуждением любовницы, зашел в кабинет директора.

Гляделкин по телефону вдохновенно ругался с Карельским комбинатом, опять взвинтившим цены на бумагу, и, увидев Калязина, только кивнул на стул. Саша сел и некоторое время вслушивался в разговор, рассматривая появившееся в витрине рядом с мундирчиком обглоданное гусиное перо — якобы пушкинское.

Надо признаться, Гляделкин был мастером телефонных баталий: он то переходил на жесткий, почти оскорбительный тон, то вдруг обращал все это в шутку с помощью уместного анекдота или изящного начальственного матерка. Вот и сейчас директор, кажется, уже почти добился того, чтобы эту партию бумаги комбинат все-таки отпустил им по старым расценкам. На минуту отвлекшись от разговора, Гляделкин сочувственно подмигнул Калязину.

Саше это сочувствие не понравилось. Левка никогда не показывал ему свою осведомленность, но, как передавали, в кругу особо приближенных, в разговорах с главным бухгалтером и замом по коммерции, например, он именовал главного редактора не иначе, как “наследник Тутти”, и восхищался “Инкиной хваткой”. Жалкие люди! Им неведомы те слова, которые они, сладостно обессиленные, шепчут друг другу. Ничтожество! Их деловитые аорты разорвались бы, как гнилые водопроводные трубы, доведись им хоть раз испытать то счастье, которое переполняет сейчас Сашу...

— Ну как дела, Саш? — спросил Гляделкин, довольный одержанной над бумажниками победой.

— Нормально. Договора подпишешь?

— Завтра. А вот скажи-ка мне, как ты относишься к семейным катастрофам?

— К чему? — оторопел Калязин и на минуту вообразил, что Татьяна по старой советской методе приходила к Левке и жаловалась на свою беду.

— Знаешь, есть такая передача “Семейные катастрофы”.

— Ну, знаю... И что?

— Будь другом — выручай! Сегодня запись... Я обещал. А теперь не могу. Из Сибири распространители приехали. Надо в баню их вести. Съезди, пофигуряй перед камерами и обязательно покажи им нашу “Энциклопедию семейных тайн”! Бесплатная реклама. По дружбе устроили. Рейтинг у передачи чудовой. Договорились?

— Если надо...

— Конечно, надо! Первым делом, сам понимаешь, самолеты... Ну а девушки, как догадываешься, потом... — Сказав это, Левка посмотрел на него не с обычной хитрецей, а с каким-то униженным сочувствием. — Спасибо, друган! Жене привет!

“Еще, гад, издевается!” — зло подумал Саша, встал и исполнительно улыбнулся. Пока Калязин жил в семье, Гляделкин никогда не передавал Татьяне приветов.

В приемной Саша остановился возле секретарского стола и сказал деловито, чтобы не привлекать внимание возившейся у факса сотрудницы:

— Инна Феликсовна, если меня будут спрашивать, я на телевидении, а оттуда сразу домой... — Поймав ее насторожившийся взгляд, шепотом разъяснил: — в Измайлово... — Он незаметно положил на стол ключ от квартиры.

— Я буду ждать... — беззвучно, одними губами предупредила она. — Я тебя люблю...

В отличие от Саши, постоянно признававшегося ей в любви, сдержанная Инна эти слова говорила ему только дважды. В первый раз, когда он сообщил о своем намерении объясниться с женой. Во второй — совсем недавно, когда он, расвирепев, под утро замучил ее до блаженных рыданий, до счастливого женского беспмятства.

Это был третий раз. Самый главный...

Передача “Семейные катастрофы” и в самом деле пользовалась чудовищным успехом. Вел ее странный дурашливый тип, зачем-то наголо обритый. Во времена советского Сашиного детства такая прическа называлась “под Котовского”. Кроме того, знаменитый шоу-мен носил в ухе серьгу, но не маленькую — гейскую, а большую — почти цыганскую. Фамилия его была Сугробов. В последнее время он сделался популярен до невероятности: на баночках с детским питанием и упаковках памперсов красовались его портреты и надписи: “От Сугробова с любовью!”. Даже Татьяна, редко смотревшая телевизор, эту передачу старалась не пропускать. Чужие семейные катастрофы интереснее людям, нежели свои собственные.

Калязину раньше никогда не приходилось бывать в Останкинской телестудии. Он с невероятным трудом припарковался, втиснув свою обшарпанную “девятку” между серебристым шестисотым “мерседесом” и огромным бронированным “ландровером”, которому для полного сходства с боевой машиной не хватало только пулемета на крыше.

“Вот они где, народные денежки!” — зло подумал Саша, окинув взором бескрайние ряды дорогих автомобилей, и направился к 17-му подъезду. Там было оживленно: вбегали и выбегали какие-то люди с камерами, сновали длинноногие соплюшки с мобильными телефонами, диковатого вида старикан развернул на груди, словно гармонию, лист ватмана с корявой надписью, требовавшей немедленного удаления всех евреев из русского эфира.

Вооруженный автоматом милиционер отыскал фамилию Калязина в длинном списке, благосклонно кивнул, и Саша боязливо прошел сквозь контур металлоискателя, который, разумеется, подло пискнул, среагировав на ключи — от служебного кабинета и от Тишинской квартиры. Калязин полез, было, смущенно в

карман, но охранник снисходительно кивнул: мол, чего уж там — проходи!

Телестудия своими бесконечными коридорами и табунами спешащего во всех направлениях люда напомнила Домодедовский аэропорт. Среди спешащих Саша успел заметить две-три эфирные знаменитости и подивился тому, какие они наяву незаманчивые. Так бывает в магазине: прилюбишься к какой-нибудь вещичке, лежащей под стеклом освещенной витрины, а возьмешь в руки — категорическое не то...

Поплутав, Калязин все-таки нашел на втором этаже четвертую студию и обнаружил возле нее необычайное, даже для Останкина, скопление народа. Люди толклись в холле и напоминали пассажиров, уже сдавших багаж и теперь в “накопителе” нетерпеливо ожидающих вылета. Саша устроился у большого окна, откуда виднелась серая телебашня с черными следами недавнего пожара. Прислушался к разговорам: толпа шумно обсуждала какого-то мерзавца, укравшего у матери сына и увезшего его в религиозно-трудовую коммуну в Сибирь. Саша подивился такому единодушию интересов этой разношерстной публики, но недоумение вскоре разъяснилось. К нему робко приблизился коренастый лысый мужичок с большим портфелем, постоял молча рядом, видимо, собираясь с духом, и наконец спросил:

— Вы тоже на “Катастрофы”?

— Угу, — ответил Калязин, не расположенный к беседе.

— Из Москвы? — осторожно поинтересовался незнакомец.

— Угу, — отозвался Саша, надеясь этим невежливым угуканьем отшить привязчивого мужичка.

— А я из Людинова. Знаете? В Калужской губернии...

— Знаю. Людиновское подполье... — кивнул Саша, когда-то редактировавший сборник воспоминаний о героях-партизанах для социалистических стран.

— Господи ты, Боже мой! — покраснел от радости мужичок. — Вы первый человек в Москве, который знает про Людиново!

И сделавшись от восторга еще словоохотливее, людиновец вывалил на Сашу целый ворох сведений самого разнообразного свойства. Он сообщил, что раньше, при советской власти, был начальником автохозяйства и членом бюро райкома, а теперь владеет двумя шиномонтажными мастерскими и живет вполне прилично: построил дом, закупил недавно итальянские вулканизаторы, но бардак в стране его просто убивает. В Москву же он приехал, чтобы показать знающим людям свой трактат о том, что только крепкая семья спасет Россию. А сюда, на передачу, прорвался именно потому, что здесь-то как раз и можно встретиться со знающими и влиятельными людьми, в обычной жизни совершенно недоступными. Сегодня он тут с самого утра. Оказывается, в день они снимают целых четыре передачи, так как аренда студии стоит страшных денег. До обеда записывали — “Моя жена не умеет готовить...” и “Я люблю зятя...”

— Ох, вас не было! — восхищенно докладывал людиновец. — Явилась одна! Про свои шуры-муры с зятьком рассказывала! Ох, баба! Я бы и сам такую тещу... А вы сколько дали?

— Чего?

— Денег.

— Зачем?

— Чтобы на передачу пустили. Я — сто долларов!

— Я — ничего...

— Наверное, москвичам бесплатно, — вздохнул людиновец и продолжил рассказ. — После обеда обсуждали одного козла, который сына у жены умыкнул и в Сибирь увез... А сейчас будет — “Я ушел от жены...”

— Как? — обомлел Калязин.

— Как уходят — с вещичками, — разъяснил мужичок.

Но Саша уже не слушал его, а гневно думал о том, что Гляделкин наверняка нарочно подстроил ему эту передачу, придумав распространителей из Сибири. Но зачем? Как — зачем? Жаба его душил, что Инна теперь с ним, с Калязиным. Вот и мстит, мерзавец!

Тем временем из толпы ожидающих вынырнула немолодая дама в кожаном брючном костюме с органайзером в руках. Ее лицо показалось Саше знакомым. Она явно кого-то выискивала в толпе. Поколебавшись, дама подошла к Калязину.

— Простите, вы случайно не из издательства “Маскарон”?

— Да.

— Александр Михайлович?... — она заглянула в органайзер. — Калязин?

— К вашим услугам.

— Замечательно! А то наш ассистент вас на входе прозвал.

Я — Нина Трусковецкая, редактор передачи, — и она протянула ему руку.

— Очень приятно!

Ее пальцы были так густо унизаны кольцами и перстнями, что Калязину показалось, будто он пожал стальную рыцарскую перчатку.

— “Энциклопедию семейных тайн” не забыли?

— Нет. — Саша похлопал по полиэтиленовому пакету.

— Только очень коротко. А то рекламщики меня убьют. Скажут: “Джинса”.

— Что?

— Левая реклама. Вот что! Стойте здесь и никуда не уходите! — приказала Трусковецкая и умчалась, мелко подергивая бедрами.

Саша глянул на людиновца и обнаружил, что тот смотрит на него со священным трепетом:

— Вы из издательства?

— Да.

— Вот повезло! Я, понимаю, вас интересуют в основном пищевые продукты. Но в моем трактате есть большой раздел о семейном питании! Сейчас покажу...

— Почему продукты? — удивился Саша.

— Ну как же! Издательство ваше “Макарон” называется?

— “Маскарон”.

— А что это?

— Каменная маска на фасаде дома...

— Тем более! — обрадовался людиновец. — У меня тут даже чертеж идеального дома для семьи есть...

Пока он, сопя, извлекал из портфеля трактат, Калязин злобно подумал о том, как завтра обязательно расскажет про этот “макарон” Гляделкину, чрезвычайно гордившемуся редкостным названием своего издательства.

— Вот! — Мужичок наконец достал из здорового портфеля толстенную красную папку. — Десять лет писал! — гордо доложил он. — С двумя женами из-за этого развелся...

— Видите ли, — начал Калязин, опасливо косясь на рукопись, — мы издаем литературу несколько иного плана...

— Не волнуйтесь! Я заплачу, — пообещал людиновец и полез в боковой карман.

Выручила Трусковецкая — она внезапно выскочила из толпы и подбежала к Саше. Лицо ее было перекошено ужасом:

— Что вы со мной делаете, Александр Михайлович!

— Я?!

— Вы давно уже должны сидеть во втором ряду с экспертами!

Она схватила Сашу за рукав, протасила сквозь толпу и проводила по лабиринту узких проходов между фанерных перегородок, с которых свисали клочья разноцветной материи. Наконец они оказались в ярко освещенной студии. Посредине высился круглый подиум. На нем стояли три массивных кресла, а рядом — большой розовый куст в керамической кадке. Розы, судя по всему, были искусственные. С одной стороны подиум окаймлял сложно изломанный высоченный задник с переливающейся огромной надписью “Семейные катастрофы”. Причем гигантская буква “А” представляла собой довольно сложную конструкцию. Верхний треугольник являлся отверстием в человеческий рост, а нижняя, трапециевидная, часть циклопической буквы образовывала лестницу, по которой, очевидно, должны были спускаться к зрителям герои ток-шоу. С противоположной стороны подиум полукругом обступал уходящий вверх амфитеатр, составленный из желтых пластмассовых сидений. По сторонам съемочной площадки на специальных возвышениях торчали две камеры и возле них возились операторы с большими наушниками на головах. Третья камера была укреплена на длинной — метров шесть — ажурной стреле, вроде тех, что бывают у передвижных подъемных кранов. Благодаря какой-то хитрой механике два паренька управляли стрелой таким образом, что камера плавно перемещалась по всему подиуму и зрительному залу.

Трусковецкая усадила Сашу во втором ряду между тяжело дышавшим толстяком в массивных очках и крашеной блондинкой,

одетой почему-то в генеральскую форму времен Отечественной войны 1812-го года.

— Знакомьтесь, наши эксперты, — представила Нина. — Великий магистр белой магии Данилиана Юзбашянц.

— Великий магистр высшей белой магии! — строго поправила Данилиана и кивнула.

— Конечно, великий, и разумеется, высшей... — поправилась Трусковецкая. — Извините!

— Калязин... — отрекомендовался Саша.

— А это профессор сексопатологии Константин Сергеевич Либидовский.

— Калязин... Издательство "Маскарон". — Саша пожал мягкую влажную руку сексопатолога.

— Это у вас выходила книга Хуппера "Алиса в Заоргазмье"? — спросил профессор, борясь с одышкой.

— У нас.

— И напрасно. Хуппер не сексопатолог, а шарлатан.

Зал тем временем заполнился. Подбежал патлатый паренек и показал, как нужно держать микрофон, если захочется что-нибудь сказать — не далеко ото рта, но и не впрытик.

— Скажите что-нибудь! — приказал он Калязину.

— А что я должен сказать?

— Звук нормально! — раздался зычный голос откуда-то сверху — и паренек умчался.

Следом появилась девчушка в клеенчатом передничке. Обмакнув в пудру большую кисточку, она легко обмахнула лицо Калязина, потом долго возилась с потной физиономией Либидовского. К Данилиане она даже не притронулась, ибо над недвижимым лицом магессы уже основательно поработал даже не гример, а, наверное, скульптор.

— Будем начинать! — распорядилась Трусковецкая и спросила в микрофон: — Что со светом?

— Свет — нормально! — ответил громовой голос сверху.

— Где Альберт?

— Сейчас освободится. Дает интервью каким-то американцам...

— Каким еще американцам? — возмутилась она. — Через час нас выгонят из студии к хренам собачьим!

— А ты пока зал погрей! — посоветовали сверху.

Трусковецкая тихо выругалась и с нелегко давшейся ей балетистостью взбежала на подиум.

— А вот сейчас мы проверим, как вы будете приветствовать нашего ведущего! Представьте, что я — это он. Итак, встречаем: Альберт Сугробов — автор и ведущий теле-шоу "Семейные катастрофы"!

Зал заплодировал.

— Неплохо, — похвалила она. — Но как-то безрадостно. Еще раз. Встречаем: автор и ведущий теле-шоу "Семейные катастрофы" Альберт Сугробов!

Зал снова захлопал.

— Уже лучше! Но без огонька. А теперь еще раз и с огоньком!

Это повторялось раз семь, и напомнило Калязину новогодние елки его детства, когда вот так же ненасытный Дед Мороз с садистой Снегурочкой заставляли ребятишек отбивать ладошки, чтобы зловредная елочка наконец-то зажглась.

Внезапно на подиум выбежал хмурый Альберт Сугробов — и зрители встретили его шквалом аплодисментов. Удовлетворенная Трусковецкая спустилась в зал и села на свободное место впереди Саши.

Шоу-мен был одет в длинный красный пиджак с белыми муаровыми лацканами и черные брюки в обличку, напоминавшие, скорее, спортивное трико. Его наголо обритая голова сияла как чугунное ядро. Глядя в зал с умело скрываемой ненавистью, он терпеливо переждал овацию, расправил плечи, оснастился ребяческой улыбкой и начал:

— Добрый день, дорогие телезрители! В эфире ток-шоу “Семейные катастрофы”! Хочу напомнить, что спонсор нашей программы — самый крупнейший во всем мире производитель детского питания фирма “Чайлдхудфудинтернейшнл”! — Выкрикнув последнее слово с восторженным надрывом, он указал рукой на висевшую в воздухе на тросиках эмблему фирмы — румяного карапуза с прожорливо разинутым ртом.

— Стоп! Еще раз! — гаркнул злой голос сверху.

Дело в том, что в этом прямо скажем непростом слове — “Чайлдхудфудинтернейшнл” — уставший от многочасового говорения шоу-мен допустил некую, не совсем приличную, невнятность... Сидевшая впереди Трусковецкая передернула плечами, оглянулась, встретилась взглядом с Калязиным и, видимо, ища сочувствия, тяжело вздохнула. Саша понимающе кивнул. Сугробов тем временем прошелся по подиуму взад-вперед, поигрывая плечами, точно готовясь к теннисной подаче.

— Работаем! — приказали сверху.

— Добрый день, дорогие телезрители, в эфире ток-шоу “Семейные катастрофы”... Хочу напомнить, что спонсор нашей программы крупнейший в мире производитель продуктов для детей фирма “Чайлдхудфудинтернейшнл”... — Выговорив опасное слово, шоу-мен торжествующе глянул вверх и продолжил: — Сегодня мы поговорим о таком тяжелом случае, как уход мужа из семьи в целях... в целях... Стоп! Сначала... — Он замахал руками, достал из кармана шпиргалку, исследовал ее сначала молча, а потом прочитал вслух: “...в целях создания новой семьи или в поисках свежих сексуальных ощущений...” Кто это написал? — заорал он. — Голову оторву!

Трусковецкая дернулась, снова повернулась к Саше и поделилась:

— Дебил! Двух слов выучить не может... Когда я была диктором Центрального телевидения, он работал осветителем... Маразм!

— Мд-а-а... — Калязин покивал и сразу вспомнил, откуда ему знакомо лицо редакторши.

На ходу поправили текст, и с третьей попытки Сугробов ододел вступление. Но тут выяснилось, что парчовый галстук ведущего сбился набок и пришлось делать еще один дубль. Наконец шоу-мен перешел к сути дела:

— Брошенная, оставленная на произвол судьбы жена! — В его голосе появились патетические подвывания. — Что чувствует она? Как мыкает свое горе? Как борется за утраченное счастье? Об этом нам расскажет домохозяйка Ирина! Встречаем: брошенная жена Ирина!

Натренированный зал взорвался аплодисментами, показавшимися Саше совершенно кощунственными в данном конкретном случае, и он в знак протеста хлопнул только два раза, да и то еле слышно.

Тем временем в верхней части буквы "А" в луче прожектора возникла женщина и, смущаясь, стала неловко спускаться по лестнице. Ей было около сорока. Чуть располневшая фигура скрадывалась скромным, но со вкусом выбранным платьем. На милом, еще вполне привлекательном лице застыла скорбь семейной драмы. Особенно понравились Калязину ее глаза — темные, глубокие и чем-то знакомые. Саша вздрогнул: брошенная жена Ирина напомнила ему собственную брошенную жену. Нет, не внешне, хотя и Татьяна в последнее время от своих бесконечных лежачих телефонных переговоров немного располнела. Похожими их делал тот особый неброский шарм, очень редко встречающийся, который когда-то свел Калязина с ума и который с годами не исчезает, а становится тоньше, сообщая женщине некое позднее, прощальное благородство. Конечно, в Татьяне этого шарма Саша давно уже не замечал, но сейчас, глядя на печальную Ирину, он словно бы в смутном зеркальном отражении увидел свою жену...

— Фрустрационный аффект... — пробормотал справа Либиловский.

— Что вы сказали? — уточнил Саша.

— Нет, это я так...

Ирина медленно, глядя себе под ноги, прошла по подиуму и села в одно из кресел, бессильно уронив руки на колени.

— Скажите, Ирина, — задушевно спросил, выдержав странную паузу, Сугробов. — Что-нибудь предвещало вашу семейную катастрофу?

— Нет, ничего... — тихо ответила она, стараясь не смотреть в зал.

— Пожалуйста, громче.

— Нет, ничего... — Голос ее задрожал. — У нас была прекрасная семья. Мы знакомы с мужем со школы. И он всегда был так внимателен. Не пил, мастерил что-нибудь по дому. Соседи завидовали... Мама даже говорит: сглазили...

Данилиана слева удовлетворенно хмыкнула.

— У вас есть дети? — спросил Сугробов.

— Да. Коля недавно женился... Леночке — десять лет... Очень послушная девочка, безумно любит отца...

Это случайное совпадение — недавно женившийся сын — наполнило Калязина нехорошим предчувствием.

— И ничто не предвещало беду? — зловеще удивился Сугробов.

— Нет, ничего. Все было так хорошо. Муж устроился на новую работу в банк. Он экономист, очень опытный. Стал прилично зарабатывать. Я даже ушла с работы. Я была воспитательницей в детском саду... У нас появились деньги... Мы поменяли мебель... Я стала одеваться... Вот платье купила... — Она всхлипнула и, чтобы скрыть волнение, расправила подол.

— Так что же случилось?

— У него появилась другая женщина. Его секретарша... Молоденькая... Не то что я теперь... Она буквально его приворожила...

— Дисморфомания, — пробурчал справа Либидовский.

Данилиана слева победно засопела.

“Идиотизм какой-то! — содрогнулся про себя Калязин, и на минуту ему показалось, что это шоу специально устроено, чтобы унижить и оболгать его. — Но не мог же Гляделкин организовать все это специально? Это же стоит безумных денег, а он за копейку удавится! Нет, простое совпадение...”

— Когда вы узнали об этом? — решительно спросил брошенку Сугробов.

— Сначала я догадалась...

— Каким образом?

— Не знаю, как об этом сказать... Здесь...

— Я вам помогу. Муж к вам охладел?

— Да, охладел, — облегченно подтвердила она. — Он приходил домой, отдавал деньги, но как женщина я его больше не волновала...

— И что вы сделали?

— Ничего. Ждала, пока нагуляется...

— А он не нагулялся?

— Нет. Однажды он пришел с работы раньше обычного, позвал меня на кухню, чтобы Леночка не слышала, и сказал, что уходит от меня...

— И чем же он мотивировал этот поступок?

— Мотивировал? Да, мотивировал... Он сказал, что в банке многое понял, что у него теперь новая жизнь, и в этой новой жизни ему нужна другая женщина, которая его понимает и помогает ему... И такая женщина у него теперь есть...

— А вы ему, значит, не помогли?

— Помогала! В институте я ему конспекты переписывала...

— Вот она, мужская неблагодарность! — воскликнул Сугробов и впился взором в зал, ища сочувствия.

Зрители, надо сказать, уже возмущенно роптали. Да и сам Калязин на минуту представил себе, что вместо Ирины в кресле сидит Татьяна — и ему стало горько.

— Печальный случай, — покачал головой ведущий. — Но, подозреваю, тут дело сложнее. Наверное, вы в какой-то момент перестали соответствовать его жизненным стандартам. Ведь так?

— Я села на диету... — вымолвила женщина.

— Наверное, этого оказалось недостаточно?

— Наверное...

— И с тех пор вы с мужем не виделись?

— Нет, он собрал вещи. Оставил мне квартиру. Даже из новой мебели ничего не взял, кроме своего письменного стола... Деньги он мне присылает по почте...

— А вы бы хотели его увидеть?

— Хотела бы, — прошептала она безнадежно. — Но он больше не придет...

— Не придет? — победно возвысил голос Сугробов. — То, что невозможно в жизни, возможно на телевидении! Встречаем: Анатолий, муж, бросивший Ирину!

И зал снова зааплодировал, вызвав у Калязина приступ тошноты. Из буквы "А" решительно вышагнул и ловко сбежал по лестнице невысокий подтянутый Анатолий, одетый в характерный для банковских служащих дорогой костюм с изящным — не в пример ведущему — галстуком. У Анатолия было узкое лицо, крупный нос и близко поставленные глаза, смотревшие настороженно. Увидев его, Ирина страшно побледнела, ее губы задрожали, она судорожно вцепилась в брошь на груди и отвернулась, чтобы не смотреть на блудного мужа. Он сел рядом с бывшей женой и машинально отодвинулся вместе с креслом.

— Не двигайте стул! — раздался суровый окрик сверху. — Свет собьете!

Он неохотно вернул кресло на прежнее место. Сугробов подошел к нему и некоторое время молча смотрел с осуждающим любопытством.

— Здравствуйте, Анатолий, — наконец заговорил Сугробов. — Спасибо, что согласились принять участие в нашей передаче!

— Пожалуйста, — ответил тот, бросив короткий взгляд на Ирину.

— Скажите, Анатолий, неужели вам не жаль разрушенной семьи?

— Жаль.

— Так, может быть, вы совершили ошибку и вот сейчас на глазах у многомиллионных телезрителей исправитесь? Ирина, вы бы простили Анатолия?

— Простила бы... — еле слышно отозвалась она, мертво глядя в угол студии. — Ради детей...

— Громче! — потребовал голос сверху.

— Не могу я громче, не могу! — закричала она и забилась в истерике.

Зал нехорошо зашумел. Пока помреж бегал за водой, а сексоптолог, борясь с одышкой, лазил на подиум и щупал пульс рыдающей Ирине, Сугробов стоял возле розового куста, меланхолически поглаживая бутоны. А Калязин в смятении вспоминал свой последний разговор с Татьяной и особенно то, как она впиалась в него ледяными пальцами, вглядывалась в его глаза и шептала, плача: “Са-аша, какой ты жесто-окий!”

Наконец все успокоились.

— Скажите, Анатолий, — строго спросил ведущий, оставляя в покое розы. — Вы готовы вернуться к Ирине?

— Нет!

Зал ахнул.

— Почему же?

— Это невозможно. Я не хочу возвращаться в прошлую жизнь. Я встретил другую женщину... Алену. Мне с ней хорошо.

— А с Ириной вам было плохо?

— Не плохо... Не знаю даже, как сказать. Мне с ней было никак.

— Всегда?

— Теперь я понял, что — всегда.

Данилиана слева коротко хохотнула.

— Диапазон приемлемости, — шепнул справа Либидовский.

— А с Аленой вам хорошо?

— Да.

— Что же это за Алена такая волшебная? Чем же она так хороша?

— Тем, что я ее люблю.

— А Ирину не любите?

— Нет, не люблю... Я благодарен ей за все хорошее, что у нас было. За детей... Но жить с женщиной, которую не любишь, моему, безнравственно...

— А жену с детьми бросать нравственно?! Гаденыш! — злобно крикнула из зала какая-то вполне приличная женщина.

Трусковецкая оглянулась и поискала глазами нарушительницу телевизионной дисциплины.

— Во-первых, давайте без взаимных оскорблений! — призвал Сугробов. — На нас смотрят миллионы. А во-вторых, мы дадим слово и вам, уважаемая. Но позже... Потерпите! Что вы на это скажете, Анатолий?

— Скажу: если бы вы хоть раз увидели Алену, то не называли бы меня “гаденышем”...

— Ах, так?! Будь по-вашему! — радостно завопил шоу-мен. — Встречаем: разлучница Алена!

Зал взвыл от такой наглости и бешено заплодировал. По ступенькам уже спускалась молодая длинноногая особа в черных брючках. У нее были короткие рыжие волосы, и эта мальчише-

ская стрижка вкупе с узкими подвижными бедрами пикантно противоречила ее большой груди, волновавшейся под полупрозрачной кофточкой без всякий утеснений.

— Предклимактерическая девиация с фрагментарной гомосексуальностью... — вздохнул справа Либиловский.

Данилиана слева презрительно фыркнула, а Калязин с облегчением отметил, что эта хищная разлучница совершенно не похожа на Инну, разве что только четкой, поставленной секретарской походкой.

Алена решительно подошла к креслу, села рядом с Анатолием и успокаивающе погладила его напряженную руку. Пальцы у нее были длинные, с ярко-красными острыми ноготками. Угрюмое, почти злое лицо неверного мужа потеплело. А потрясенная Ирина смотрела на соперницу в каком-то жалком оцепенении, точно только сейчас, наконец, поняла всю бессмысленность надежд на возвращение мужа...

— Хороша-а, стерва! — шепнула, обернувшись, Трусковецкая.

— Хороша! — кивнул сексопатолог, видимо, посчитав, что вопрос обращен к нему.

— Не в моем вкусе, — отозвался Саша.

Данилиана только пожала эполетами. Сугробов несколько раз обошел вокруг Алены, облизнулся и спросил:

— Алена, вам не стыдно?

— А почему мне должно быть стыдно? — Она нахмурила тонко выщипанные брови.

— Вы разрушили семью!

— Нельзя разрушить то, что уже разрушено!

— Ну и бесстыжая! — взвизгнула в зале все та же вполне приличная женщина.

— Выведу! — сурово пообещал Сугробов, найдя взглядом оскорбительницу, и снова обернулся к Алене: — Поясните, что вы имели в виду?

— Семья должна помогать мужчине состояться в жизни, а не наоборот.

— Что значит — наоборот?

— А то! Анатолий — человек выдающихся способностей. В банке его считают одним из лучших, и я уверена — он сделает блестящую карьеру. Это для него главное! А знаете, чем его заставляли заниматься в прежней семье?

— Вы нас пугаете... Чем же?

— Обои клеить! — с гадливостью сообщила она.

— Что же в этом плохого? — картинно изумился Сугробов.

— А что плохого в том, если компьютером гвозди забивать! — тонко улыбнулась Алена.

— Я думала... ему нравится... по дому... — пробормотала Ирина, совершенно раздавленная происходящим.

— А как вы познакомились? — полюбопытствовал шоу-мен.

— Мы вместе работаем. Толя мне сразу понравился... Я восхищалась его талантом и работоспособностью. Я ему старалась во всем помогать. Мы сблизились. Сначала просто как коллеги... Потом поехали вместе в командировку. И так получилось...

— Что случилось?

— Мы стали близкими... людьми...

— Кто сделал первый шаг?

— Не помню. Мы оба этого хотели... Когда все случилось, я поняла еще одну вещь: он был несчастен как мужчина...

— То есть, вы хотите сказать, в прежней семье Анатолий был не удовлетворен сексуально?

— Да, именно это я и хочу сказать.

Лицо Ирины исказилось беспомощной гримасой, и слезы заструились по щекам. Она закрыла лицо руками. Зал зароптал. И тут раздался по-базарному истошный вопль:

— Тварь ты гулящая, а не помощница! — Это вопила, вскочив со своего места, все та же приличная дама.

— Я полагаю, нам лучше уйти! — крикнула Алена, густо покраснев, и вскочила. — Толя, мы немедленно уходим!

— Нам гарантировали, что все будет в рамках приличий! — добавил, вставая, Анатолий.

— Прошу... Умоляю вас остаться! — заегозил Сугробов. — А вас, гражданочка, я, кажется, предупреждал...

Он махнул рукой. Откуда-то возникли три дюжих охранника в черном. Под руководством сорвавшейся с места Трусковецкой они стащила бузотерку с кресла и повлекли к выходу. Почти уже утащенная за выгородку, ругательница вдруг на мгновение извернулась и перед тем, как исчезнуть навсегда, плюнула в сторону разлучницы Алены:

— Будь ты проклята, лярвь паскудная! Из-за такой же суки я одна троих детей подымала!..

Зал возмущенно шумел, выражая солидарность с выведенной.

— Сублемативная аффектация по истероидному типу, — доверительно пояснил Либидовский, наклонившись к Саше.

Трусковецкая тем временем решительно схватила микрофон и строго предупредила.

— Если сейчас же не успокоитесь, остановлю съемку!

Но зал ревел.

К счастью, голос сверху объявил, что нужно поменять кассеты и поэтому объявляется перерыв — пять минут. Это было очень кстати. Трусковецкая метнулась в ряды, стыдя и отчитывая наиболее горлопанистых зрителей. Сугробов грудью заступил дорогу Анатолию и Алене, которые, взявшись за руки, направились к выходу. Он им что-то жарко говорил, а гримерша тем временем обмахивала кисточкой его вспотевшую от переживаний лысину. Данилиана четким военным шагом поднялась на подиум, подошла к рыдающей Ирине и стала делать успокаивающие пассы над

ее головой, время от времени стряхивая со своих пальцев что-то очень нехорошее.

Калязин смотрел на все происходящее с тошнотворным ужасом. Ему померещилось, что в кресле плачет никакая не Ирина, а неутешная истерзанная Татьяна, словно это его, Сашу, а не замороженного банкира, пытается увести с подиума неумолимо-хваткая Алена. Ему даже показалось, что вот сейчас она возьмет и скажет Инниным голосом: "Анатолий, не разочаровывай меня!". Он вдруг словно прозрел — и во всем безобразии внезапно увидел жуткую, неприличную, непоправимую изнанку своего нового счастья... Конечно, изнывая от любви к Инне, он знал об этой страшной изнанке, не мог не знать, но теперь увидел — и содрогнулся...

Наконец все потихоньку успокоились и вернулись на свои места. Голос сверху сообщил, что кассеты заменены и можно продолжать съемку. Сугробов веселой трусцой сбегал с подиума и направился к зрителям. Его густо запудренный голый череп напоминал уже не чугунное, а каменное ядро.

— Ну а теперь давайте послушаем зал! И прежде всего я хотел бы услышать мнение известного специалиста в области семьи и секса профессора Либидовского!

Профессор взял микрофон, старательно определил его не далеко и не близко от рта, а именно так, как положено, и долго, с лекционной монотонностью, говорил про то, что половой деморфизм, в принципе осложняющий взаимоотношения мужчины и женщины, особенно обостряется после многих лет супружества и зачастую ведет к стойкому несовпадению диапазонов сексуальной приемлемости, а это в конечном счете чревато стертым воллюстом у мужчин и аноргазмией у женщин. И хотя отношения между супругами регулируются прежде всего психоэмоциональными и иными внегенетальными, в том числе — социальными факторами, тем не менее нарушение гармонии коитуса может привести не только к распаду нуклеарной семьи, но и к опасным половым девиациям и тяжелым психическим расстройствам. Однако всего этого можно счастливо избежать, если своевременно обратиться за консультацией в возглавляемый им, Либидовским, центр брачно-сексуального здоровья "Агапэ". А словом "Агапэ" древние греки называли...

— Константин Сергеевич, — с мягким раздражением перебил Сугробов. — Надеюсь, вы еще не раз придете к нам в гости, и мы обязательно спросим у вас и про агапэ, и про коитус, и про катарсис... А сейчас, дорогие телезрители, давайте выслушаем мнение высшего магистра великой белой магии несравненной Данилианы!

Либидовский нехотя передал микрофон, увенчанный большим поролоновым шаром, посуровевшей магессе. У нее оказался низкий, почти мужской голос и сильный кавказский акцент. С усмешкой глянув на профессора, она заявила, что там, где бес-

сильна наука, на помощь людям приходит безгрешное колдовство, освященное — в ее конкретном случае — благословением митрополита Кимрского и Талдомского Евлогия.

Далее Данилиана гарантировала всем обратившимся к ней полный отворот от разлучника или разлучницы, пожизненный приворот к законной семье, снятие порчи, сглаза, а также родового проклятия с попутной корректировкой кармы и, наконец, установку стопроцентного кода на удачу в деньгах и личной жизни...

— Значит, вы можете вернуть Анатолия к Ирине? — воскликнул Сугробов.

— Пусть пойдет! — кивнула Данилиана и странно усмехнулась, обнаружив полный рот золотых зубов.

Сугробов осторожно, словно боясь сглаза или порчи, забрал у нее микрофон и заметался по амфитеатру, выясняя мнение зрителей. А мнения разделились. Большинство шумно кляло похотливого Анатолия и жестокую Алену. Некоторые осуждали Ирину, проморгавшую мужа, а теперь вот пришедшую на телевидение — жаловаться. Третьи философски рассуждали о любви, как о разновидности урагана, сметающего и правого и виноватого...

Калязин даже немного успокоился, обнаружив, что есть, оказывается, люди, способные понять Сашину безвинное непотворение обрушившейся на него любви. Но это был уже не тот покой, не та уверенность в своей сердечной и плотской правоте, с которыми он час назад приехал в Останкино.

Сугробов порхал между рядами, поднося микрофон то одному, то другому желающему. Наконец он остановился возле юноши, сидевшего низко опустив голову.

— Ну, а вы, молодой человек, ничего не хотите сказать?

— Хочу! — дерзко выкрикнул парень, вскочил и вырвал микрофон у опешившего ведущего. — Отец, ты нас предал!

Зал застонал и заухал, заметив, насколько юноша похож на Анатолия: то же узкое лицо с крупным носом, те же близко поставленные глаза, те же волосы... Банкир дернулся, точно ему дали пощечину. Алена выпрямилась и гневно потемнела лицом. А Ирина смотрела на сына с мольбой, будто хотела спросить: "Зачем ты здесь? Зачем?"

— Да, дорогие телезрители! — скороговоркой спортивного комментатора разъяснил обстановку Сугробов. — Сын Ирины и Анатолия Коля тоже решил прийти на нашу передачу. И мы не посмели ему отказать! Простите, Коля, что перебил вас! Так что вы хотели сказать отцу?

— Я... я... — покраснел сбитый с толку юноша, но справился с собой и крикнул, срывая свой неокрепший басок: — Ты предал нас! Я никогда не прощу тебе того, что ты сделал с мамой! У тебя больше нет сына!

С этими словами, плача и расталкивая потрясенных зрителей, Коля бросился вон...

— Снято! — весело крикнули сверху. — Давай финал. Потом — перебивки.

Зал оцепенел. Трое несчастных недвижно сидели в креслах. Сугроб медленно вернулся на подиум, несколько раз в раздумье обошел розовый куст и, наконец, с усилием, словно одолевая горловой спазм, проговорил:

— Да, я понимаю... Это жестоко... Это горько... Но, может быть, катастрофа, разрушившая эту семью, научит нас с вами хоть чему-нибудь. Спасибо, что были с нами! До новых встреч... Ирина, Анатолий, Алена, простите меня! — Он наклонился и, положив к их ногам микрофон, словно странный черный цветок к подножью скорбного памятника, тихо удалился.

Измученный Калязин невольно подумал о том, что в этом дурацком Сугробове все-таки что-то есть, какой-то особенный — паскудный и печальный талант.

Юпитеры погасли. Народ потянулся из студии к выходу, обсуждая увиденное. Несколько женщин окружили Данилиану, выясняя адрес ее колдовского офиса. Людиновец с пухлой папкой под мышкой увязался за сексопатологом. Алена, крепко схватив под локоть, увела с подиума Анатолия, ставшего сразу каким-то жалким и неуклюжим. И только Ирина все так же сидела, уронив руки на колени, и неподвижно смотрела в пустеющий зал. Подойти к ней никто не решался.

— А вы чего ж не выступили, Александр Михайлович? — участливо спросила Трусковецкая.

— Я... Зачем? — вяло отозвался Саша, вспомнив, что так и не выполнил гляделкинское задание, ради чего, собственно, его и отправили на телевидение.

— У вас неприятности? — посочувствовала редакторша и вдруг заметила, как кто-то из зрителей пытается на память отщипнуть бутон от розового куста.

— Да как вам сказать...

— Не трогайте икэбану! — взвизгнула она. — Извините, Александр Михайлович! — и умчалась наводить порядок.

Калязин побрел к выходу. Проходя мимо все еще сидевшей в кресле Ирины, Саша остановился и тихо сказал:

— Не расстраивайтесь! Он одумается и обязательно вернется. Я знаю...

Прямо из Останкина Калязин поехал домой, но не в Измайлово — к Инне, а на Тишинку — к Татьяне...

Он тихо открыл дверь своим ключом и тут же почувствовал запах родного жилища. Нет, не жилища — жизни. Неизъяснимый словами воздух квартиры словно вобрал и растворил в себе всю Сашину жизнь до самой последней, никчемной мелочи. Ему даже почудилось, будто он ощущает вольерный дух кролика по имени Шапкин, купленного когда-то, лет пятнадцать назад, к дню рож-

дения Димке. Шапкин давным-давно издох от переедания, но в веянях квартирных сквозняков осталось что-то и от этого смешного длинноухого зверька.

Жена была на кухне — стряпала. На сковородке шипели, поджариваясь, как грешные мужья в аду, котлетки. Увидев Калязина, она сначала растерялась, стала поправлять передничек, подаренный мужем к 8-му марта, но быстро взяла себя в руки. От той, прежней Татьяны, униженно соглашавшейся на все, даже разрешавшей ему иметь любовницу, ничего не осталось. В лице появилась какая-то сосредоточенная суровость.

— Здравствуй! — тихо сказал он.

— Здравствуй!

— Как дела?

— Нормально...

— Закончила со Степаном Андреевичем?

— Нет, не закончила. — Татьяна удивленно посмотрела на мужа. — Он умер. Снял паркет и от расстройства умер...

— Жаль...

— Очень жаль! Хороший был дядька. Фронтвик. Ты за вещами?

— Нет...

— Если пригнал машину, то напрасно. Мы с Димой посоветовались — нам от тебя ничего не надо. Проживем...

— Нет... Я вернулся...

— Что значит — вернулся?

— Насовсем...

— Сначала ушел насовсем. Теперь вернулся насовсем. Так не бывает!

— Бывает... Я хочу вернуться, — поправился Калязин. — Если простишь...

— А любовь? Неужели кончилась! Так быстро?

— Не было никакой любви. Я же тебе объяснял: я просто хотел пожить один...

— Ну и как — пожил?

— Пожил.

— Не ври! Гляделкин мне все рассказал. У вас прямо с ним какая-то эстафета получилась!

— Не надо так, Таня!

— А как надо?

— Не так...

— Только так и надо. Наблудился?

— Мне уйти?

— Как хочешь... Но лучше уйди!

— Почему?

— А ты не понимаешь? От тебя за версту этой твоей Инной... или как ее там... разит. Проветрись, Саша!

Но по тому, как она это сказала, Калязин понял, что жена его простит, не сразу, конечно, не сейчас, но простит обязательно.

— Я пошел? — спросил он, глядя на шипящую сковородку и чувствуя урчащий голод в желудке.

— Иди. Котлеток дать с собой?

— Не надо...

— Значит, кормленный? — усмехнулась жена.

— Можно, я завтра после работы приду?

— Можно.

Он направился к двери.

— Подожди! — Татьяна подошла к нему, безглаголиво глянула на несвежий воротничок сорочки и ушла в спальню. Вернулась она оттуда с двумя аккуратно сложенными рубашками. Отдала их мужу.

— Спасибо...

— Какой же ты, Коляскин, дураком! — грустно проговорила жена и легонько щелкнула его по носу. Ему показалось, что сейчас она бросится ему на шею и никуда не отпустит, но Татьяна подтолкнула его к двери:

— Иди! Я тебе позвоню в Измайлово. И если... Учти, я по твоему голосу сразу пойму!

— Зачем ты меня обижаешь?

— Иди, обидчивый, проветришься! И Димке позвони. Стыдно перед мальчиком...

Калязин вышел из подъезда, постоял немного в скверике возле грузинского памятника. Ехать в Измайлово за вещами он не мог. Надо было, конечно, хотя бы позвонить Инне, предупредить, чтобы не ждала. Но он не мог: в ушах, набухая, шумело ее беззвучное "Я тебя люблю!". Наверное, подскочило давление. Он побрел по Васильевской улице к Тверской, соображая, у кого бы из друзей переночевать.

Проходя мимо Дома кино, Саша вспомнил про котлеты, снова почувствовал голод и решил поужинать. В киношный ресторан он иногда захаживал по-соседски, если появлялись лишние деньги. Когда-то сюда было невозможно попасть — пускали только своих, и Саше приходилось предъявлять издательское удостоверение, ссылаясь на служебную необходимость. Но теперь настали другие времена — и каждому, желающему потратиться, радовались, как родному.

Здесь с женой они отмечали двадцатилетие совместной жизни, в День строителя, разумеется. За соседним столиком гуляли настоящие строители, шумно пили за какой-то таинственный "Объект". Один из них, сильно захмелев, стал заглядываться на Татьяну, а когда заметил, что Калязину, тоже уже поплывшему, это не нравится, встал, пошатываясь, подошел и с преувеличенной пьяной вежливостью обратился к Саше:

— Я извиняюсь... Я всего-навсего имею честь заявить, что у вас оч-чаровательная жена! Хочу, чтоб вы знали!

— Спасибо, я знаю, — сдержанно отозвался счастливый обладатель.

— А что, если не секрет, отмечаете?

— День строителя! — кокетливо улыбнулась явно польщенная Татьяна и под столом ущипнула мужа.

— Да вы что? — озарился незнакомец. — Да вы же наши люди! За “Объект” — до дна!

Саша очнулся в том потустороннем состоянии, когда мир приходится познавать заново, соображая, к примеру, как надеваются брюки. Он заглянул в кошелек и установил, что на выпивку с закуской хватит. Поднялся на четвертый этаж, сел за свободный столик в уголке, заказал графинчик водки, соленья, киевскую котлету и в ожидании стал листать записную книжку, прикидывая, к кому бы ловчее напроситься на ночлег. При этом у него в голове уже начали выстраиваться обрывки будущего разговора с Инной. Он отмахивался от этих обрывков, убирал куда-то вглубь, но они снова вылезали наружу, как иголки из мозгов Страшилы — так, вроде, звали соломенного человечка в “Волшебнике Изумрудного города”.

“Инна, ты должна меня понять... Жизнь человека состоит... И прожитые годы... Нет, не так! Инна, давай рассуждать здраво: мне сорок шесть, тебе двадцать пять... Я тебя тоже люблю, но пойми... И потом, ты прости, но Он всегда будет... между нами... Нет, как раз вот этого нельзя говорить ни в коем случае!.. И вообще ничего говорить не надо! Она сама все поймет, презрительно засмеется и скажет: “На этом, полагаю, наш с вами служебный роман можно закончить...” А если не скажет? Господи, у всех нормальных людей сердце как сердце: “Да-да... Нет-нет...” А у тебя, слизняка: “Если-если-если...”

Тем временем в ресторанный залу ввалилась шумная компания, судя по возгласам, собиравшаяся что-то немедленно отметить. Калязин поднял глаза и обмер: это были Ирина, Анатолий, Алена и Коля из сегодняшнего теле-шоу. Да, именно они, два часа назад чуть не разорвавшие Саше душу своими муками. Но только сейчас все они были веселы, шумливы, радостно кивали сидящей за столиками знакомой киношной публике, даже кое с кем, как это водится у творческих работников, обменивались мимолетными поцелуями. Ирина, переодевшаяся в короткое малиновое платье с глубоким вырезом и совершенно не похожая теперь на безутешную брошенку, пронзительно визжа, повисла на шее у какого-то смутно узнаваемого актера. Алена собственнически держала Колю под руку, а возбужденный Анатолий поощрительно трепал его по волосам, громко хваля за органику и одновременно советуя в следующий раз не переигрывать...

Сомнений не оставалось: они были актерами и актерами, конечно, хорошими, если до сих пор от их подлой игры там, в Останкине, — у Саши болело сердце!

Наконец принесли водку. Калязин выпил две рюмки подряд и понял, что сегодня лучше всего ему переночевать на вокзале... ■

Св. Иованн Евангелист и Архангел Михаил

ПОИТОРМО

Джорджо Вазари, знаменитый биограф итальянских художников XIII-XVI веков, в своем "Жизнеописании Якопо Понтормо" рассказывает следующий эпизод. Когда великий Микеланджело увидел аллегорические фигуры Веры и Милосердия, написанные на фасаде флорентийской церкви Сантиссима Аннунциата 19-летним Якопо, то в восхищении воскликнул: "Судя по тому, что я вижу, этот юнец, если только он выживет и будет продолжать в том же духе, вознесет искусство на Небеса". Слова Микеланджело оказались пророческими — и не только в смысле тех высот, которых затем достиг в своем искусстве Понтормо. Движение вверх — когда фигуры, стремительно поднимаясь, словно воспаряют ввысь, или когда его "персонажи" просто обращают свой взор на небо — стало композиционной основой большинства произведений Понтормо. В этом нашли отражение глубина личной веры и цельность характера Понтормо, почти полностью отказавшегося от личной жизни во имя служения высокому искусству.

Увы, творчество Понтормо не всегда находило понимание у его современников. А через некоторое время после своей смерти он был забыт, и лишь в начале XX века на его работы вновь обратили внимание. Именно тогда Понтормо осознали как последнего художника Высокого Возрождения и одновременно первого крупнейшего представителя пришедшего ему на смену направления — маньеризма.

Термин "маньеризм" происходит от итальянского слова "maniera" — "манера", "стиль", впервые введенного Вазари в отношении трех столпов Высокого Ренессанса — Леонардо, Рафаэля и Микеланджело. Представители маньеризма — направления, утвердившегося в европейском искусстве с 20-х годов XVI века, использовали произведения этих мастеров, как примеры для подражания, творчески перерабатывая их. Однако собственные работы маньеристов утратили безмятежную гармоничность мировосприятия, присущую их учителям. Это объяснялось особенностями времени, отмеченного трагическими катаклизмами — политическими заговорами, войнами, жестокими межконфессиональными столкновениями, эпидемиями, уносившими жизни тысяч людей. Что и породило острое ощущение бренности человеческого бытия, чувство тревоги, смятения, беспокойства. И оно нашло выражение в особой драматичности, повышенной эмоциональности и экспрессивности искусства представителей маньеризма первого поколения, самым ярким из которых стал Понтормо.

Якопо Каруччи, прозванный "Понтормо", родился 24 мая 1494 года. Его отец, Бартиоломео Каруччи, был по происхождению флорентинец, однако его предки происходили из Анчизы, которая, как считается, является также родиной предков Франческо Петрарки. Сам Якопо родился в местечке Понтормо

Снятие с креста (фрагмент)

ноби.

В раннем детстве Понтормо испытал тяжелые потрясения. Один за другим ушли из жизни его ближайшие родственники: отец, мать и дед. Ребенка взяла на воспитание тетя, Монна Бриджида. Она научила его читать, писать и началам латинской грамматики. А когда Якопо исполнилось тринадцать лет, привезла его во Флоренцию и приписала к Опекунскому совету, чтобы этот магистрат сохранял небольшое состояние ее племяннику. Во Флоренции Понтормо провел всю свою дальнейшую жизнь.

Первыми учителями Понтормо стали знаменитый Леонардо да Винчи, а также Мариотто Альбертинелли — художник менее известный, но, несомненно, обладавший ярким дарованием и пользовавшийся уважением во флорентийских художественных кругах. В возрасте 14 лет, находясь в мастерской Альбертинелли, Якопо написал небольшую картину “Благовещение” (самая ранняя из его работ, название которой дошло до нас). Альбертинелли очень гордился работой своего ученика и охотно показывал ее всем, кто посещал мастерскую. Там ее увидел и сам Рафаэль, приехавший во Флоренцию из Рима. Великий мастер дал высокую оценку произведению юного художника, пожелал познакомиться с ее автором и предрек ему блестящее будущее.

Похвала великого урбинца окрылила Якопо. Но их встреча оказалась хотя и яркой, но кратковременной. Рафаэль уехал в Рим. Вскоре для выполнения заказа из Флоренции отозвали и Альбертинелли. Но оставался в городе еще один из самых уважаемых художников — Андреа дель Сарто. В это время тот завершал работу над циклом фресок с изображением эпизодов из жизни св. Филиппо Беницци для монастыря ордена сервитов Сантиссима Аннунциата. К нему и направился Понтормо: ведь он так восхищался новой работой дель Сарто, да и его манерой и рисунком в целом. Видя одаренность и редкую работоспособность Понтормо, Сарто охотно принял его к себе в ученики, а позднее и в помощники. И вскоре, в 1512-1513 годах, Понтормо написал пределлу к Благовещению Андреа дель Сарто, которую мастер исполнил для монахов-августинцев церкви Сан-Галло. Пределла изображала мертвого Христа, освещенного светом факелов; их держат в руках оплакивающие Его ангелы. Андреа остался весьма доволен работой ученика и со временем все чаще стал поручать ему проработку отдельных деталей и завершение своих собственных картин. Так что смело можно утверждать, что ко многим работам, автором которых считают Андреа дель Сарто, приложил руку и молодой Понтормо.

В 1512 году в Риме произошло событие, всколыхнувшее всю

Мадонна с Младенцем, святой Анной и четырьмя святыми.

ходивший из дома Медичи. И весь город пожелал украсить гербами нового понтифика. Решили не отстать от других и монахи ордена сервитов. Они поручили художнику Андреа ди Козимо выполнить позолоту мраморных гербов на фасаде церкви Сантиссима Аннунциата — главного храма сервитского монастыря. Андреа ди Козимо уже давно выполнял заказы по оформлению этого монастыря, а так как объем работы оказался очень большой, он решил привлечь к ней и Понтормо, который к тому времени уже стал весьма известной во Флоренции фигурой. Якопо поручили написание фреской фигур Веры и Милосердия вокруг герба. Отгородившись от внешнего мира строительными лесами, он в кратчайшие сроки создал произведение, по словам видевшего его Вазари, настолько превосходное и совершенное, что превзойти его было просто невозможно. Однако сам Понтормо, как видно, придерживался иного мнения. Покинув рабочее место у фасада храма, он заперся в своей мастерской и стал рисовать эти фигуры уже абсолютно по-иному, намерившись соскоблить готовую фреску и все написать заново. Тем временем, видя, что работа в лесах прекращена, а сам Понтормо несколько дней не появляется, Андреа ди Козимо распорядился открыть герб. И тут разыгрывается следующая сцена. Понтормо поздно вечером спешит к своему детищу, чтобы немедленно все переделать, но застаёт свою фреску открытой и в окружении восторженно смотрящих на нее монахов. Здесь же среди них и Андреа ди Козимо. Понтормо чуть не плачет от обиды и досады. Но его со смехом успокаивает Андреа: “Не волнуйся, мой дорогой! Эта работа уже сделана. А что касается твоих новых задумок и планов, которых, как я знаю, у тебя всегда много, то они пригодятся тебе на будущее”. Так эти великолепные фигуры и остались на своем месте, вызывая всеобщее восхищение, и удостоившиеся самых лестных слов Микеланджело. В этом почти анекдотическом эпизоде, рассказанном Вазари, сказался весь Понтормо. Ему всегда была свойственна неудовлетворенность достигнутым. Движимый постоянными “муками ума” (как он сам это называл), Понтормо устремлялся ко все новым и новым вершинам, все выше и выше — “к Небесам”.

В декабре 1514 года во дворике монастыря Сантиссима Аннунциата начинаются работы по созданию цикла фресок “Жизнь Марии”, к ним привлечены видные флорентийские мастера: Андреа дель Сарто, Франчабиджо, Россо Фьорентино и Понтормо. Понтормо поручается фреска “Посещение Марией Елизаветы”. Ее главный смысл — прославление Богоматери, которую св. Елизавета приветствует словами: “Благословенна Ты между женами и благословен плод чрева Твоего!” В Еванге-

Портрет мужчины с алебардой.

Христос в Эммаусе.

фигуры, представляющие другие сюжеты Евангелия от Луки, непосредственно связанные с изображаемым событием. Запечатлен здесь и сам евангелист Лука. Он стоит справа с раскрытой книгой в руке и смотрит на зрителя, как бы вовлекая его в действие и совершая прорыв живописного пространства фрески в окружающий мир. В верхней части картины изображена ветхозаветная сцена "Жертвоприношение Авраама", призванная подчеркнуть значение глубокой веры, смирения и преданности Божественной воле. Композиционно Понтормо выделяет Мать Спасителя, помещая Ее в центр картины, ставя Ее, как на постамент, на вершину лестницы и подчеркивая особую цветовую звучность Ее желто-голубого одеяния.

Изображая большую многофигурную сцену, Понтормо отталкивается от произведений Андреа дель Сарто, но, в отличие от своего учителя, сжимает пространство, лишает его пространственной глубины и насыщает напряженным психологизмом и жестикуляцией. И это выводит фреску за пределы классических схем, уже возвещая наступление маньеризма.

Еще большей напряженностью насыщена атмосфера исполненного Понтормо в 1515-1518 годах цикла "Истории Иосифа", четыре картины его ныне находятся в Лондонской Национальной галерее. В то время во Флоренции, как и по всей Италии, широкое хождение получили гравюры Луки Лейденского и Альбрехта Дюрера. И в цикле заметно влияние северной художественной школы — в обилии фигур, повышенной экспрессивности, подчас гротескности мимики, поз и жестов, причудливости композиции. Из них особенно известна самая большая по формату картина — "Иосиф в Египте". Здесь художник использует принцип одновременного показа разных по времени эпизодов. Единое живописное пространство распадается на четыре пространственные зоны, наполняясь множеством фантастических и загадочных деталей. Статуи словно бы живые, размахивают руками, и, напротив, персонажи, стоящие на вершинах колонн, застыли, как скульптуры... Крутые лестницы, без опор и перил, уходящие вершиной в небо и приобретающие значение не столько реальной архитектурной детали, сколько метафоры духовного подъема... Все это — свидетельство уже полного разрыва Понтормо с классической традицией и выхода художника в маньеристский мир, ничем не сдерживаемой творческой свободы и фантазии. И совершается подлинное рождение маньеризма. Потому почти символической кажется фигура мальчика, который скорчившись сидит на нижней ступеньке лестницы на переднем плане. По свидетельству Вазари, это портрет ученика Понтормо — юного Бронзино, со временем ставшего титаном маньеризма, именно в то время, когда это направление достигнет кульминации своего развития и будет совершать триумфальное шествие по Европе.

И здесь также проявляется главная черта в искусстве Понтормо, затем усиливающаяся в каждом последующем произведении. Устремленность ввысь всего и всех: фигур, вытянутых готических соборов, траекторий движений... И даже ветхозаветный патриарх Иаков, изображенный в верхней части картины — благословляющий сына Иосифа и внуков Эфраима и Манассию, также приподнимается со смертного одра, устремив к небу угасающий взор.

Затем Понтормо пишет святого Квентина, воздевшего забитые в колодки руки словно в жесте благодарения и лицом настолько безмятежным, будто не чувствует боли от пронзившего горло меча. Он пишет Мадонну с Младенцем в окружении усиленно жестикулирующих святых с экстатически отрешенными лицами, выступающими из мрака; апостола Иоанна Богослова и Архангела Михаила, обернутых в яркие плащи, образующие запутанные узлы складок... Кажется, что динамика фигур и энергия цвета с преобладанием вспыхивающих красных цветовых аккордов достигает предела. Но... Такова уж особенность гения Понтормо, что, всегда оставаясь самим собой, он никогда не бывает одинаковым. Постоянные “муки ума” влекут его ко все новым и новым опытам. Вдруг, посреди всей этой страстной живописной бури, он создает тихую и светлую по колориту, почти статическую сельскую идиллию. Этому способствовали и внешние обстоятельства его жизни.

В конце второго десятилетия XVI века Понтормо завершает работу над портретом, ставшим, по мнению большинства исследователей, лучшим произведением художника, созданным в этом жанре. Посмертный портрет Козимо I Медичи — основателя династии, с небольшими перерывами правившей Флоренцией на протяжении трехсот лет. Портрет весьма необычен. Козимо-старший помещен в некое условное пространство, где каждая деталь символична. Каменное кресло, на котором он сидит, означает незыблемость. Одет в яркокрасный бархатный плащ триумфатора. Лицо, повернутое строго в профиль, как на монете, символизирует монаршее достоинство, а ремень и руки — аристократически-утонченные и, вместе с тем, крепко сжимающие одна другую — силу и власть. Его взгляд обращен в сторону вечнозеленого лавра — аллегории дома Медичи. Одна из ветвей обломана — намек на ветвь рода, пресекающуюся с гибелью правившего Флоренцией до Козимо-старшего герцога Алессандро. Еще одна боковая ветвь — несколько затененная и отодвинутая на задний план — ветвь Медичи ди Каstellо. И, наконец, центральная ветвь, олицетворяющая ее основателя — Козимо-старшего — и обвитая белым картушем, с начертанным девизом Медичи, написанным на латыни: “То, что оборвано, непременно будет восполнено”.

Восхищенный мастерством, с которым Понтормо написал портрет, а, в особенности, его утонченным аллегоризмом, От-

Мадонна с книгой.

горию дома Медичи, но уже не на уровне героико-патетическом, а выдержанную в легких, шуточных и порой даже гротескных тонах, что и требуется для создания особой среды для отдыха на летней даче. Для этой работы Понтормо опять пригодились Дюрер и Лука Лейденский. И еще, конечно, то, чему его в свое время учила тетка Монна Бриджида, а именно, латинская грамматика, изучение которой непременно сопровождается освоением древнеримской мифологии. Конечно, в центре опять-таки лавровое дерево — но теперь уже такое пышное и раскидистое, что напоминает рощицу. А под ним выстроились, вернее, высадились в ряд персонажи древнеримского Олимпа. Слева — разомлевший от жары, кажущийся пассивно-дряхлым Вертумн — бог перемен — с корзиной (особенно серьезные перемены дому Медичи не грозят!). Следующий за ним — Аполлон — бог Солнца и покровитель искусств. Между ними собака — довольно неожиданный и вызывающий улыбку персонаж. Впрочем, он вполне логически связан с изображенной справа от круглого окна богиней охоты Дианой (какой же летний отдых без охоты!). И, наконец, справа — Помона — богиня плодородия, пожалуй, самая активная фигура в картине. Как это часто бывает у Понтормо, персонаж, изображенный с правого края, обычно обращен к зри-

Венера и Нупидон.

серп, давая понять, что время сбора плодов пришло и урожай будет богатый. Дополнительную забавную интонацию в роспись вводят обнаженные путти, они бездельничают, смеются, играют с лавровыми веточками или размахивают эмблемами и флажками.

Впрочем, вскоре жителям Флоренции стало не до юмора и шуток. Распространившаяся в 1523 году эпидемия чумы заставила многих флорентийцев покидать насиженные места. Понтормо уехал в тихую и уединенную Чертозу дель Галуццо, взяв с собой лишь любимого ученика — Аньоло Бронзино.

Вообще-то Понтормо всегда, еще до эпидемии чумы, предпочитал вести уединенный образ жизни. Характер имел меланхоличный и замкнутый, все свое время отдавал работе и отличался необыкновенной требовательностью к себе. Хотя его влияние на итальянскую живопись XVI и начало XVII века (например, такого мастера, как Караваджо) очень существенно, непосредственных учеников у него было мало. Самый значительный из них, пожалуй, только Бронзино, крупнейший представитель второго поколения флорентийских маньеристов. Личные отношения Понтормо и Бронзино носили доверительный характер, как у отца с сыном. И к слову сказать, уже на склоне лет учеником Понтормо стал Баттиста Нальдини, который не только учился у Понтормо секретам живописного мастерства, но и обеспечивал стареющему художнику необходимый уход.

В Чертозе дель Галуццо Понтормо пишет совершенно иное и по содержанию, и по настрою произведение — цикл на темы Страстей Христовых. Если композиция в росписи в Поджо-а-Кайано имела умиротворяющую горизонтальную направленность, то здесь господствуют колющие, как пики, вертикали.

Вот “Моление о чаше” в Гефсиманском саду. Христос на коленях всем своим духом устремлен ввысь. А спящие апостолы, словно утопающие в своем бездействии и непонимании. Эта композиция переключается с заключительной работой цикла “Воскресение Христово”: поднимающийся вверх Христос и проваливающиеся вниз стражники. Еще одно стремительное движение вниз — “Христос перед Пилатом”. Запечатлен момент, когда жена прокуратора Иудеи, напуганная предостерегающим

Встреча Марии и Елизаветы.

Своего рода логическим завершением цикла — хотя и иным по стилю, является “Ужин в Эммаусе” — полотно, созданное по заказу монастыря в 1525 году. Оно изображает, как Спаситель, уже после своего Воскресения, является двум своим ученикам — Луке и Клеопе. Он долго беседовал с ними по пути в Эммаус, но был узан ими только, когда, сев за стол, преломил и благословил хлеб, именно так, как это Он сделал во время Тайной Вечери накануне Своих крестных страданий. Как обычно, Понтормо “расширил” и “дополнил” евангельский эпизод. Он изобразил рядом со Спасителем своих современников — монахов монастыря, которые и заказали эту работу.

Идея объединения людей вокруг веры в Спасителя становится основной и во всех последующих работах художника — его знаменитых шедеврах “Мария с Младенцем Христом и Иоанном”, “Положение во гроб” и, наконец, цикле росписей храма Сан-Лоренцо, построенного во время правления “отца нации” — Козимо-старшего. Над этим циклом Понтормо работал одиннадцать лет — с 1546 по 1556 годы — в уединении, отгородившись от всего внешнего мира. Этот грандиозный цикл посвящен всеобщему воскресению и Страшному суду. Но в нем художник запечатлел всю духовную историю человечества — от сотворения Адама и Евы до Страшного суда. В этих росписях понтормовский “маньеризм” достигает своей кульминации. Он не соблюдает никаких правил построения перспективы, пропорций фигур, традиционных временных и пространственных соотношений. Обнаженные, свивающиеся клубками тела воскресших, лишены каких-либо определенных эротических и возрастных характеристик. Лестница, объект столь значимый в картинах Понтормо, теперь образуется самими человеческими телами, которые, сливаясь друг с другом, поднимаются все выше, в направлении совершающего Суд Христа. Понтормо показывает мир и человечество в каком-то новом, совершенно ином измерении. И при этом почти буквально следует библейским пророчествам о том, что небо и земля изменятся и все будет новое, а “все под устремляющееся ввысь, сольется воедино”.

К сожалению, фрески не дошли до наших дней. Но сохранившиеся подготовительные рисунки позволяют судить о всей грандиозности художественного и богословского замысла Понтормо, его фантазии, творческого поиска.

Уже пожилой художник работал над этим циклом на пределе физических и духовных сил. Вскоре после окончания работы он заболел водянкой мозга, от которой и умер. Проводить Понтормо в последний путь вышли все художники Флоренции. Его похоронили 2 января 1557 года во дворике монастыря сервитов — именно под той самой фреской “Посещение Марией Елизаветы”, которую он там написал сорок лет назад. ■

Портрет Марии Сальвиати

Дает концерты для инвалидов, выступает в госпиталях для раненых и ветеранов российской армии и МВД. Участвует во всех мероприятиях, связанных с экологией и возрождением духовности. А еще у нее пять престижных международных наград, приз "Зрительских симпатий", победы на российских и международных конкурсах. Семь лет назад по итогам опроса Союза журналистов ей присудили звание "Человек года". Итак — певица, педагог, мать троих детей и просто очаровательная красавица — Валерия.

ВАЛЕРИЯ:

“Главное
в жизни

— ЛЮБОВЬ ” ...

— Валерия, вы первая русская певица, открывшая свою страничку в сети Интернет. Как вы относитесь к новым технологиям? Насколько я знаю, работа над вашим первым интернет-альбомом велась прямо в сети?

— Новые технологии — это не только настоящее, но и будущее нашей жизни, а относиться к ним, как к некой неизбежности. Поэтому, считаю, необходимо приветствовать их внедрение и развитие, чтобы эта самая "неизбежность" не застала врасплох.

Нам не хотелось, чтобы кто-то без нашего ведома делал на наши песни модные сейчас ремиксы, поэтому решили сделать это сами. А через глобальную сеть удобнее и быстрее. Так и родилась идея сотрудничества с диджеями через Интернет. Уже вышли ремиксы на мои новые песни ("Ты где-то там", "Метелица", "Рига-Москва"), а также из альбомов "Анна" и "Фамилия", получилось, таким образом, абсолютно необычное и современное звучание. Диджеи из России, Белоруссии и Латвии, принимавшие участие в создании ремиксов, не только не были знакомы, но даже ни разу не видели друг друга! Такой "сетевой" альбом стал первым на российском музыкальном рынке, а работа над ним заняла 9 месяцев. Суперстильные аранжировки придали прежним произведениям совершенно новый, ультрамодный вид.

— Валерия, расскажите, пожалуйста, о себе. Как начинался ваш путь на эстраду?

— Я родилась в семье академических музыкантов, в городе Аткарске Саратовской области. Там же окончила музыкальную

школу по классу фортепиано. В 1985 году приехала в Москву и поступила в институт имени Гнесиных по классу эстрадного вокала. Учителя у меня были замечательные, известные на всю страну — Иосиф Кобзон и Гелена Великанова. А затем произошло событие, повлиявшее на всю мою жизнь. Я познакомилась с продюсером Александром Шульгиным. Он стал не только продюсером, автором и композитором моих песен, но в последствии, в 1993 году, и мужем. В самом начале нашего знакомства Александр, как он позже говорил, "очарованный обаянием, умением держать публику в напряжении и блестящими данными", предложил мне контракт — записать англоязычный альбом "The Taiga Symphony" на музыку композитора Виталия Бондарчука и поэта Ричарда Найлса. Записывали его в студиях Лондона, Мюнхена и Москвы. В альбом вошло более десяти песен, объединялись они одним сюжетом — попыткой понять душу русской девушки. В работе над альбомом принимали участие музыканты из известных групп "Pink Floyd", "Dire Straits", "Pet Shop Boys" и Московский Государственный симфонический оркестр под управлением Павла Когана.

— Как вы считаете, от чего зависит успех певца? От репертуара, веры в собственные силы, случая, или же дело в чем-то другом?

— На самом деле "формула успеха" складывается из многих составляющих. На первое место я бы поставила преданность своему делу, главное — не сворачивать с намеченного пути. И не

должно смущать отношение других людей, ведь если сам веришь в себя, накапливаешь духовный и профессиональный опыт, то в какой-то момент и другим это тоже станет близким и понятным, что служит доказательством — ты выбрал правильную дорогу в жизни. Важное место (хотя понятие "место" здесь очень условно) занимает любовь. Без любви вообще: к работе, просто к жизни, которая тебя напитывает эмоциями, ничего сделать невозможно.

И, безусловно, огромную роль играет репертуар. Он-то и раскрывает твоё собственное "Я". А для исполнителя, не являющегося автором своих песен, как, например, я, главное найти ту самую песню, которая станет настолько родной, что её будет трудно отделить от себя, отдать другому исполнителю.

— В этом случае вам повезло: и музыку, и слова пишет близкий человек... А бывает так, что какая-то песня не находит отклика в вашей душе, оставляет совершенно равнодушной?

— Конечно, есть вещи "не мои" — чувствую, что её кто-нибудь другой споёт лучше. А случается, композиция ещё до конца не оформилась: текст сырой, мелодия не доработана, но уже ясно — это то, что нужно...

— Законы шоу-бизнеса таковы, что, если уйти со сцены, пусть даже на небольшой промежуток времени, о тебе забудут, а вернувшись, сложно вновь завоевать внимание зрителя. Возвращаясь на сцену, вы были уверены в себе?

— Пожалуй, да. Если сомневаться, думать, а вдруг о тебе на-

столько забыли, что будешь невостребованной, то лучше ничего и не затевать.

— Многие женщины, родив даже одного ребенка, уходят с работы (если, конечно, позволяют финансы)... У вас же трое ребятишек...

— На самом деле ярываюсь между семьёй и работой. Совмещать же получается благодаря Александру: мы ведь работаем вместе, и он меня понимает и помогает. Так же помогают наши родители, как и всем, наверное. Вот и сейчас дети гостят у бабушки. Ещё есть няня, с которой проводят время Арсений и Тема. Анечка ходит в школу, и няня ей уже не нужна. Хотя мы с мужем все время заняты, Александр выбирает время и каждое воскресенье старается проводить с детьми. Аня, например, любит "водить" папу в дельфинарий. Она мечтает стать дрессировщицей.

— Ваш сценический образ вы продумываете сами?

— Стремление меняться есть у каждой женщины. Я люблю меняться, но не изменяя при этом самой себе. Тем не менее, любящие мои "новые виды" обсуждаются. Для каждого конкретного случая, будь то съёмка клипа, или концертное выступление, приглашаются стилисты. В жизни же я выгляжу совсем иначе, чем на сцене.

— Вы никогда не думали, как сложилась бы ваша судьба, если бы не встретились с Александром Шульгиным?

— Конечно, всё произошло бы по-другому. Не было бы таких хороших песен. Но то, что я все равно бы пела, — несомненно.

— Вы в течение двух лет преподавали в музыкальной академии имени Гнесиных. Почувствовали тягу к преподавательству?

— Интересно было попробовать. В 1996 году у меня возник некоторый творческий перерыв. Дети — маленькие, какие уж тут выступления и гастролы! А сидеть без дела просто не могу. И только перед появлением Сени я перестала преподавать. Может быть, когда-нибудь к этому вернусь, но все же сцена мне ближе.

— Вы снимаетесь в рекламе. А в кино хотели бы сняться?

— Это моя мечта! Мне даже все равно, ного играть. Почувствовать себя на месте другого человека — так интересно!

— Песня "Самолет" крутится на радиостанциях по сей день, хотя написана лет восемь назад. И что удивительно, она не надоела, ее по-прежнему с удовольствием слушают. А у вас есть самая любимая песня?

— Да я их все люблю. Несмотря на то, что в моем новом репертуаре более 20 песен. Но, конечно, самая любимая — та композиция, которая записана последней, которую только исполнила. В самом ближайшем будущем появится мой новый альбом. Планирую создание новой концертной программы и надеюсь оправдывать ожидания своих слушателей и дальше. ■

Беседу вела

Ольга БЫСТРЫХ.

Михаил
ЛЮБИМОВ

АГЕНТ- ВЕЛИКИЙ САДОВОД

Англичане, как известно, боготворят природу, активно ее охраняют и пестуют. Поражает, как её бережно сохранили на сравнительно небольшом острове, временами кажется, что на сельские просторы с живописными озерами не ступала нога человека. Палисадник, садик или сад — это английская любовь, которую нужно ограждать от врагов природы и любителей бесплатных удовольствий. Как живописны,

как ухожены английские сады и парки!

Мягкий и влажный климат позволяет разводить самые различные растения, и даже в Лондоне у домов можно встретить пальмы, азалии, рододендроны и олеандры. Любовь к садоводству и паркам особо расцвела в XVIII веке, когда аристократы и разбогатевшие буржуа соревновались между собой в поисках редких и красивых растений и специально направляли своих эмиссаров в Африку, Южную Америку и Австралию. В английских ботанических садах

* Отрывок из нового мемуар-эссе "Туллия с Чеширским Нотом"

трудилась ученые, которые умело селектировали растения и выводили новые виды отнюдь не только для восхищения их красотой: совершенствуя и делая более стойкими виды растений, они отправляли их в те страны, где они никогда не росли. Как, например, появился чай? Англичане привезли его из Китая, усовершенствовали в садах Нью, а затем направили в свою колонию Индию, где был более подходящий климат. А хинин? Семена хинного дерева вывезены с острова Ява, соответствующим образом селектированы и тоже направлены в Индию. Семена хлопка из Уганды и Судана на пути в Кипр тоже прошли через английские ботанические сады, бананы проходили через них дважды: африканские виды отправлялись на Тринидад, затем после культивирования возвращались "на доработку" в Англию, а оттуда — в Западную Африку и Австралию. Такой же путь проделывали ананасы и кофе. Целый переворот произвела находка англичанами каучукового дерева в джунглях Амазонки. Несмотря на сопротивление бразильцев, трудности и лишения, экспедиция собрала там более 70 000 семян и, чтобы они не погибли, наняла пароход для доставки в оранжереи садов Нью, после культивирования эти семена были отправлены в английскую колонию Малайя, и вскоре там начался бум резинового производства.

Садоводство — это английская страсть, стиль устройства садов и парков отличает нелюбовь к искусственности, англичане всегда старались не прокладывать аллеи, а сначала протаптывать их — разве может свободный

человек шагать по уже размеченному пути? Саду или парку часто придается сходство с естественным пейзажем: извилистые дорожки, пруды, купы деревьев, в которые вписываются мостики, клумбы (зачастую с геральдикой).

Английский журналист по имени Сидней Сторм, помимо своей основной работы, был нашим агентом. Часто, находясь за границей, он грустил, вспоминая далекий Рединг, где на отшибе красовались двухэтажная вилла и огромный сад, ухоженный сад, неповторимый сад, предмет его гордости и источник наслаждения. Сидней обожал свой сад больше всего на свете, и на встречах с суровыми разведчиками в Лиме, где он одно время представлял свою газету, в деталях расписывал каждый кустик, каждое дерево, каждый цветок и, главное, сладостное строительство рая, именуемое садоводством. Представьте себе этого человека: серые, разболтанные штаны на подтяжках, джинсовая рубашка и изношенные, но крепкие ботинки. Неназойливо, как эхо прелюдов Шопена, журчит газононосилка, превращая торчащую траву в аккуратный "бобрик", дрожащее, приседающее солнце бросает на него свои прощальные лучи, даже старая лейка с закопаченным дном, предание давно ушедших дней, на глазах превращается в сияющую красавицу. Поднопать кустики, подвязать головку вдруг печально сникшей розы, расправить веточки рододендрона, придирчивым оком осмотреть ухоженную лужайку и помаяхивать рукой соседу, маячившему вдали на своем участке, он тоже топает по зеленому бархату (это и приветствие, и намек на вечер-

нюю пинту пива). Ещё раз обозреть свои труды, в последний раз с нежностью взглянуть на потемневший горизонт, пройти в дом, потрепать по шее пса, погладить бани у кота, медленно разоблачиться, принять ванну и закутаться в махровый халат...

Вот и догорел день. Запахи сада струятся в окно и заполняют комнаты, обволакивают краснокожие "Честерфильд" в гостиной с камином, там на стенах сельские пейзажи с буколическими свиньями и коровами, там керамические горшки с комнатными растениями, которые словно перекликаются со своими соседями в саду. Самая пора натянуть габардиновые брюки и кашемировый, десятилетней давности (словно новый!) пиджак и неторопливо прошествовать по истертым венами булыжникам в паб "Голова сарацина", что почти за углом, приют и отраду окрестных жителей. Добродушный хозяин с красным лицом отлично знает впусы каждого посетителя и не задает никаких вопросов, — лишь улыбается и наливают именно то, что почти каждый вечер вливает в себя счастливый абориген.

Даже наш человек в Лиме, суровый резидент, прошедший через потрясения нескольких латиноамериканских переворотов и потерявший на них лошадиное здоровье, попал под влияние Сиднея и заразился садоводством. Дело дошло до того, что отпуск он провёл на своём подмосковном приусадебном участке и так развернулся, что даже прихватил два квадратных метра у соседа, за что был репрессирован дачным кооперативом и с его подачи получил выговор по партийной линии за рвачество...

В те золотые годки я, начинающий сотрудник советской разведки, самозабвенно готовился под личиной дипломата к первому выходу на Альбион. Работал над собой как вол, в трудовом поту бился над картой Лондона, особенно над дальними районами типа Ансбриджа или Кройдона, где предстояли тайные встречи, с лупой ползал по карте, прочерчивая маршруты проверки. С английской наружкой не следовало шутить. Поднаторевшие в этих вопросах коллеги говорили, что на пути следования не мешало поглядывать вверх: а вдруг следят из вертолета? как работает метро? сколько выходов и куда? что это за автобусы "зеленой линии"? насколько четко водители следуют расписанию? как выйти по требованию? почему написано Глосстер-роуд, а все говорят Глостер-роуд, Лесестер-Лестер, Тотенхэм-Тотнэм. Почему, когда произносишь Борнмут, внезапно происходит вывих челюсти? Как будет реагировать кассир в метро или кондуктор, когда услышит нечто невнятное явно из иностранных уст?

Сторма как раз перевели в Лондон, летел он через Москву, и начальство решило свести нас воедино на благо будущей трудовой деятельности. Его устроили в шикарном "Национале", и он рассчитывал славно отдохнуть по полной программе: с Оружейной палатой, храмом Василия Блаженного, зернистой икрой, милыми подружками, предоставленными бесплатно мощной организацией, и другими радостями жизни, а попутно поговорить о высоких материях разведки со своими патронами в генеральских погонах. Но не тут-то было. В те времена КГБ работал основательно: если агент вдруг попа-

дал на территорию любимого им государства, то проверяли, на что он способен, нацеливая на местных иностранцев. Дабы не обленился и вечно был на стрёме тренировали на случай мировой войны, всеобщего землетрясения и апокалипсиса, когда разведке, согласно многостраничным планам, пришлось бы работать в торичеллиевой пустоте, без связи, при взрывах бомб и свисте пуль (возможно, вообще при физическом отсутствии всей остальной части человечества). Посему на первом же randevу я твердым тоном изложил ему программу на каждый день: с 10 до 17 часов уроки тайнописи и основ шифровального дела, разработка условий связи на чрезвычайный период, освоение работы через тайники, изучение разнообразных нонтейнеров от спичечного коробка до простого кирпича. Вечером — randevу с дамой, которую подобрали с помощью ребят, обслуживавших посольства, не с какой-нибудь порхающей пташкой, а с секретаршей французского посольства, которую Сторм знал по Англии; она так мучительно страдала от одиночества, что не вылезала из английского клуба — главного рассадника басурманского разврата в тогдашней Моснве.

— Когда вы договоритесь с нею о встрече, не забудьте купить букет цветов! — учил я Сторма, переполненный знаниями о заведении связей, почерпнутыми в английских светских пьесах и развитыми в разведшколе. — Женщины, знаете ли, любят цветы и это поднимет ваши шансы...

— Неужели вы думаете, что я идиот, и потащу через весь город букет? — возмутился Сидней, вынул гостиничные цветы из вазы и

показал, как нелепо торчит букет, если его прижимать к животу — казалось, что он выглядывает из расстегнутых брюк.

Это поразило юного Песталоцци: а как же англичане преподносят цветы? Может, вообще это считается дурным тоном? Но чем же тогда торговала маленькая Элиза Дулитл из незабвенного "Пигмалиона"? Что же, собственно, собирался купить профессор Хиггинс, если не цветы?

— Молодой человек, букеты приносят дамам посыльные в лавках, а джентльмену остается только вложить в него визитную карточку.

— Ну, а если я сам хочу порадовать девушку? — настаивал я, не понимая, что Сторм попросту возмущен предстоящей программой и не склонен выслушивать мои сентенции.

...Мой агент-садовод в Лондоне из ученика превратился в учителя и постоянно зудел, что меня выделяет из толпы походка. Что именно, он так и не раскрыл (то ли виляние задом, то ли подпрыгивание а-ля кенгуру), и особенно он был недоволен покроем моего плаща шведской фирмы, который выдавал "человека с континента", хотя и был куплен в Лондоне.

— Боже, любой агент МИ-5 моментально вычислит по плащу и по походке, что вы иностранец славянского происхождения, а все славяне у них на крючке. Затем засекают вас на встрече со мной, причем в отдаленном районе...меня начинают допрашивать. А вам хоть бы хны, у вас иммунитет, вышлют — и точка!

Однажды, когда я оставил на столике в пабе выкуренную пачку из-под "Мальборо" (англичане го-

ворят "Молборо"), Сидней устроил жуткую сцену: на пачке отсутствовала налоговая наклейка. А вдруг хозяин связан с полицией, которая ловит контрабандистов? Кто еще может курить сигареты без акцизной наклейки, кроме бандитов и дипломатов, освобожденных от налогов? Ниточка тянется все дальше и дальше, кольцо сжимается. И вот ночью агенты МИ-5 врываются в дом Сторма, топчут грубыми башманами его садовую лужайку...

— Вы загубите не только себя, но и меня! — шипел он.

Мы обсуждали его связи в высших учреждениях, методы подхода к ним и вербовки, но рано или поздно разговор переходил на садоводство.

— Вы не знаете, что такое английский сад и какие у него традиции! Даже Руссо в своей "Исповеди" признавался, что получил свои идеи о природе из Англии, из статей Аддисона в "Спектейторе", он обожал пейзажные парки, столь любимые у нас в стране...

К встрече со Стормом я готовился как к свиданию с любимой: изучал себя в зеркале с головы до пят, для нерусскости надевал галстук-бабочку и даже смурные советские носки заменил на клетчатые английские нинкербокеры; было жарковато, но зато я чувствовал себя джентльменом.

И вдруг Сидней исчез, словно в воду нанул. Сначала я выходил на основную и запасные встречи, затем в ход пошли ежемесячные явки, потом наступил черед условий связи на случай войны и апокалипсиса. Я мрачно бродил в туманах и под ливнями, ожидал под козырьками у кинотеатров и на скамьях в парках, я сидел и дер-

гался: а вдруг моего друга арестовали, и я со всех сторон обложен врагами, и звенят наручники-нандалы, чтобы замкнуть мои руки...

Какая тоска после каждой сорванной встречи! Сколько потрачено часов на подготовку, на проверку, на это идиотское блуждание вокруг, сколько сил души ухлопано на этого мерзавца по имени Сидней. Сидней! Разве не Сидней Рейли многие годы водил за нос советских чекистов, пока не попался в их напкан и не был пристрелен как собака? Почти год я жил как в кошмарном сне: уже на патриархальных променадах с сыном в коляске мне чудились за деревьями роговые очки и родинна на щечке, каждый очкастый казался Сиднеем Стормом... Но и на нашей улице бывает праздник: Христос явился народу! Я чуть не покрыв его румяные щени поцелуями, нарушив все правила конспирации. Что случилось? Ответ был прост, как тыква (или холодильник): угодил в больницу. Хотя с такой загоревшей, румяной, сытой физиономией к больницам близко не подпускают.

— Болел, но работал. Оказалось, что в Форин Офисе трудится мой школьный друг, конечно, я с ним встретился и поговорил. Очень перспективный, хотя любит деньги и придется ему кое-что подкидывать... Кстати, в композиции ренессансных садов включают группы свободно растущих деревьев. Я над этим быюсь уже долгие годы, но я бедный человек и не могу позволить себе ни закупки интересных растений, ни консультации опытных садоводов...

На работу с Форин Офисом, естественно, требовались немалые деньги. Получив их, он снова исчез, и снова появился через

полгода, будто ничего не произошло. Но оперативный воз не сдвинулся с места, зато я много узнал о садах романтизма и о пейзажных парках, о них писал и поэт Александр Поп, и даже сам Иоганн Вольфганг Гёте! А великий художник-карикатурист Уильям Хогарт в трактате "Анализ красоты" начертал: "Как велика роль разнообразия в создании красоты, можно видеть по природному орнаменту. Форма и окраска растений, цветов, листьев, расцветка крыльев бабочек, раковин и т. д. кажутся созданными исключительно для того, чтобы радовать глаз своим разнообразием..." (Сидней настоял, чтобы я записал это изречение, и я сделал это, боясь его обидеть.)

Но Судьба непредсказуема и коварна, — так усмиренный бык вдруг собирается с силами и в последнем рывке пронзает рогами тореадора, повернувшегося к нему спиной: англичанам надоело мое шпионство, и меня грубым ударом чуть пониже спины выперли из Альбиона — работа со Стормом повисла в воздухе.

В Москве мне поручили руководство английским направлением. Я уже был не сосунком от разведки, я уже превратился в мощного мастодонта — знатона всего английского: я поучал новобранцев, гоня их, как неприкаянных цыплят, по английской литературе, и читал пространные лекции о политической обстановке на Альбионе. Я в меру англизировался, с иронией относился к ярким цветам в одежде (только серые, только приглушенные тона, как у нас в Англии!), поправлял новичков, говоривших "букингем" вместо "бакинэм", причесывал волосы

щеточкой из модного магазина "Дерри энд Томс", иногда, как оксфордский профессор, надевал на шейный платок с неопределенным узором. Тормозил на "зебрах", что у нас в Москве связано со смертельным риском: тормозишь лишь ты, а соседние машины со шмяканьем наезжают на ту старушку, которая поверила в тебя и двинулась в свое последнее, очень короткое путешествие. Разумеется, виски я разводил водой из-под крана (тогда еще мир не заразился настолько, чтобы перейти на бутылочную), подшучивал над глупыми янки, хлебавшими его с пузырящейся содовой, покуривал легкие сигарки "Панетелла", распространенные в Англии, и носил лучшие в мире туфли марки "Черчиз".

Лондонская резидентура после многих попыток установила контакт с Сиднеем, но работа бунсовала. Однажды меня вызвал шеф и предложил срочно выехать в Восточный Берлин: оказалось, что газета командировала туда Сторма на три дня, — как не воспользоваться таким шансом и не обсудить с ним все вопросы сотрудничества? Почему топчемся на месте? Почему он обещает выполнить, но не выполняет? Пора подвести итоги работы, хватит бросать государственные деньги на ветер, необходимо расставить все точки и принять меры! Очень льстило, что Сторм, сообщив о воляже в Берлин, сам попросил встречи со мною, именно со мною, а не с каким-нибудь Тяпкин-Ляпкиным! Значит, он уважал меня, значит, он видел во мне своего мудрого руководителя!

И вот я ожидаю Сторма в Восточном Берлине. Я чувствовал се-

бя "шпионом, который пришел с холода"; я поднял воротник чисто английского плаща (шведский подарил папе-пенсионеру) и чуть опустил поля итальянской "Борсолино", дабы придать своему облику героический вид человека, рискующего жизнью. Я расхаживал у кинотеатра, совсем недалеко от "пункта Чарли", разделявшего две мировые общественные системы, хмурил лоб, нурил мягкую голландскую сигару и всматривался в мелькавшие силуэты вдали. Неужели не придет? Неужели осечка? Наного черта я проехал столько километров!

Но звон победы раздавайся! — вынырнул из-за угла знакомый нос, мы прижались друг к другу разгоряченными щеками, стремительно прошли пару миль и быстро опустились в гаштете.

— Я счастлив вас снова видеть! — сказал Сторм. — Мне так вас не хватало! Теперь у нас есть шанс поговорить по душам и заодно отведать хороший айсбайн! Это жирная рулька, — пояснил он мне с учительским видом. — Что может быть прекраснее айсбайна с баварским пивом? И все-таки жаль, что мы не в Рединге, и вы не увидели мой сад. Как мне надоела конспирация! Так хочется пригласить вас, старого друга, домой, устроить в саду барбеню и обсудить что-нибудь далекое от политики... театр или кролиководство, сходить вдвоем в Ковент-Гарден...

Впрочем, дела оперативные, которых изрядно накопилось, не дали в полную силу почувствовать айсбайн, я даже включил портативный магнитофон, дабы не утратить ни единого слова, вы-

порхнувшего изо рта Сиднея. И пошло, и поехало: устройство на работу в Форин Офис, новые связи, от которых потенут рени секретов... Обещания и обещания, но зато я узнал массу интересного о садах (все сохранилось на пленке). Оказалось, что великий Френсис Бэзон в своем эссе "О садах" рекомендовал для декабря и января выбирать растения, которые зелены всю зиму: остролист, плющ, лавр, можжевельник, кипарис, тис, сосну, ель, розмарин, лаванду, барвинок белозветный, пурпурный и голубой, и всех их выхаживать в оранжерее. В феврале — германскую камелию, весенний крокус, примулы, анемоны, ранние тюльпаны, в марте — фиалки, нарциссы и маргаритки, в апреле — левной, ирисы и лилии всех видов, в мае и июне — гвоздички... Я уже подумывал: а почему бы не выпросить у начальства садовый участок и не создать там свой собственный рай?

— Передайте привет всем товарищам в Москве, — сказал он на прощание. — Я мечтаю снова туда приехать, и уж тогда мы поработаем над чем-нибудь посерьезнее, чем секретарша, которой вы советовали дарить цветы (не забыл, гад, помнил о веннике). Москва — это моя любовь, а наше общее дело — смысл всей моей жизни. До свидания, советую вам разводить в своем саду рододендроны, они красивы и неприхотливы.

Мы по-русски троекратно расцеловались, и я подумал, какие прекрасные люди живут на земле, и как они помогают нашей стране, побольше бы таких агентов, как Сидней Сторм!

К шефу я вошел с чувством бравого солдата, исполнившего свой долг, вручил в подарок пивную кружку с симпатичным берлинским медведем и замер у начальственного стола. Обычно кисловатое лицо шефа на этот раз было окрашено в уксусные тона.

— Ну, как там дела в Берлине? — начал он издалека.

— Все в порядке, — отпарывал я бойко. — Агент прибыл на встречу вовремя, беседовали мы часа три, все обсудили, поговорили о садах... Впервые в жизни я попробовал айсбайн...

Улыбчивая фраза была расчитана на то, чтобы шеф воодушевился: он любил поесть, всегда выспрашивал, что заказывали сотрудники на встречах, отмечал достоинства и недостатки вин и блюд, ссылаясь на свой бесценный гастрономический опыт. Однако шеф пожевал губами и хмыкнул носом.

— Вы ему верите? — спросил он внезапно.

— Конечно, — ответил я. — У нас нет оснований ему не верить.

— Мы его проверяли?

— Конечно. В досье есть отметки. Я и сам прекрасно помню все операции по проверке.

И я поведал начальнику, как Сидней многократно вынимал закладки из тайников, специально обработанных химическим составом в лаборатории разведки; в случае вскрытия нарушенный слой смог бы восстановить только Волшебник Изумрудного Города. Разве это не доказательство честности Сторма? Не говоря уже о постоянном анализе его информации, никогда не содержавшей "дезы".

Шеф слушал спокойно и без всякого интереса.

— В Лиме его тоже проверяли, и тоже все гладко, — прервал он меня. — Ваш Сторм работал на англичан с самого начала, это их опытный агент, тонкая подстава, а мы — круглые идиоты! — Шеф повысил голос и резанул рукой прокуренный воздух.

— Не может быть! Он так и нам хорошо относился! ("великий садовод" — мелькнуло в голове).

— Точная информация от немецких друзей. У них в английской разведке сидит свой человек. Какой я дуран! Кому нужна была поездка в Берлин? Вечно беда с этими энтузиастами-фрицами, вдруг проявили инициативу, мудани, стали проверять вашего Сиднея и докопались! Конец года, время отчетов, и пиши теперь, что в нашей сети долгое время находился провонатор, за это меня по головке не погладят! А вы тут с этими вшивыми садами... Что мне теперь с вами делать, куда направлять на работу? Вы же расшлепаны, этот Сидней расказал о вас все, что знал...

Я вышел из кабинета словно оплеванный, в горле стоял комок отчаяния и злости — меня водили за нос! Я ненавидел Сторма, я готов был убить этого великого садовода! Вместе с Френсисом Бэнном, заморочившим мозги проклятыми анемонами и гвоздиками. До сих пор мне везло, и я никогда не испытывал горечи предательства. Тогда я еще не знал, что в жизни меня будут предавать много раз — мучники и женщины, чужие и свои, хорошие и плохие, и даже друзья-ноллеги предадут, заложат ни за понюшку табачку, и все это опротивеет и станет привычным, и не будет вызывать никаких эмоций. ■

Боб Рэндолл

30

рисунок **Виталия Федорова**

ДЕС МОЙНС, АЙОВА, 24 июля, 19... Без вести пропала Чейзи Довлиби с Бернс роуд, 1451. Ее муж Винсент сообщил властям, что видел жену последний раз четыре дня назад. По словам соседей, последний месяц женщина ходила крайне нервная и подавленная. С матерью Чейзи, Джоанной Рузвеллт, Пимтон плейс, 12, побеседовать пока не удалось...

“Дейли Сан”, Седар Рэпис, Айова.

ВЕСТ ГОЛЛИВУД, КАЛИФОРНИЯ, 28 июля, 19... Сегодня утром родственники миссис Томас Гейер из Норт Флорес-авеню сообщили в полицию об ее исчезновении. М-сс Гейер разведенная, с двумя детьми. Родственников известили соседи — они увидели, как дети м-сс Гейер, Стаси 9-ти лет и Джошуа — 6-ти, играют в саду после 11-ти вечера. По всей вероятности, дети уже несколько дней живут одни...

“Лос Анджелес Таймс”, Лос Анджелес, Калифорния.

БАНГОР, МЕЙН. 17 августа, 19... Всех, кто располагает сведениями о местонахождении Элен Веласко, жены Рене Веласко из Ороно Мейн, просьба связаться с редакцией “Дейли Фримен”, тел. 245. Элен Веласко, 37-ми лет, рост пять футов, 4 дюйма, темноволосая, глаза карие. Последний раз ее видели в районе Харбор Инн...

“Дейли Фримен”, Бангор, Мейн.

ПРАЙНВИЛЛ, ОРЕГОН. 27 августа, 19... Агентство шерифа выпустило бюллетень о задержании миссис Грейт Пратт, которая утром в четверг ушла из дома (Уопинг-роуд) и пропала. М-сс Пратт была освобождена под залог, ей предстоял суд по обвинению в нанесении тяжких увечий. Истица, ее сноха, миссис Карин Бенкс из Эстакады, недавно выписалась из больницы Сен-Винсент, где лечилась от ножевых ран...

“Портленд Таймс”, Портленд, Орегон.

1

Что-то было неладно.

Сьюзен сидела в своем закутке, задумавшись. Утро прошло как обычно. За завтраком Лу наставлял сам себя вслух в вопросах бизнеса, Андреа расплескала все, до чего могла дотянуться, а пес — Ласкунчик Уильям — скулил, скулил, да наконец не выдержал и сделал лужу на полу в холле. В общем, обычные будничные заботы.

Но что-то было не так.

— Эй, давай прошвырнемся к “Блуми” в обед? Порастрясем денежки? — Хорошенькая головка Тары показалась над стеклянной перегородкой, разделявшей их закутки.

— Угу...

— Чудненько. Вот и продержимся еще денечек... — Тара растворилась за толстым стеклом.

Настроение Сьюзен мгновенно подскочило. Так на нее всегда действовала Тара Карзиан. Работали они, можно сказать, бок о бок семь месяцев, с тех самых пор, как Сьюзен объявила Лу, что родители не за тем посылали ее в колледж Барнарда, чтобы она сидела потом и поджидала, пока вернется из школы Андреа, — она желает работать! Лу согласился с ней, и так она очутилась в этом закутке — сидит, иллюстрирует дамские журналы приблизительно с 9-ти до 5-ти каждый день. Сегодняшняя работа — акварельный натюрморт киша*: нужно впечатлить и фирму, и создать нечто, возбуждающее аппетит у любого смотрящего на него. Сьюзен намешала зеленую краску оттенка вареного шпината.

— Ты уверена, что Мэри Кассат начинала так же? — поинтересовалась она у искаженного за стеклом отражения Тары.

— Заткнись и рисуй себе! — последовал совет.

В обед подруги наскоро перекусили в “Лакомом Бургере”, и за едой Тара услаждала Сьюзен рассказами о своих сексуальных подвигах прошлым вечером с парнем — ты только вообрази! — двадцати двух лет.

— Боже мой! — хохотнула Сьюзен.

— Тело у него, ну чистый шелк! — распиналась Тара. — Правда, башка как нейлоном набита!

— Будешь с ним встречаться?

— А куда деваться? Обосновался у меня и с места не двинется, пока не получит от отца денежного вливания.

Ланчи с Тарой украшали жизнь, и за это Сьюзен любила Тару. Они метеором пронеслись по “Блумингдейлу”, как всегда напропалую швыряясь деньгами. Но вдруг Сьюзен как молнией ударило.

Да, что-то было неладно.

Они спускались в лифте, когда Тара заметила ее беспокойство.

— Что такое?

— Сама не пойму. Какое-то странное чувство. Тоска какая-то.

Позднее, вечером, стало еще хуже. Лу уже спал, а Ласкунчик Уильям тыкался огромным носом ей в руку. Неожиданно для себя Сьюзен решила одеться и вывести его на прогулку.

Был почти час ночи, на авеню — ни души, и Ласкунчик Уильям возбужденно скакал на поводке, радуясь нежданно свалившемуся удовольствию. Повернув за угол, они направились к Риверсайд-драйв по потемкам 77 Вэст-стрит. Этой улицы Сьюзен вообще не любила, а уж ночью — тем более. По обе ее стороны тянулись серые угрюмые пятиэтажки, оказавшиеся в темноте великанами-стариками, которые следят за тобой и перешептыва-

* Закуска в виде корзиночки из теста со взбитым кремом и приправами. (Здесь и далее прим. переводчика).

ются. Улица выглядела враждебной. Уильям закончил свои дела, и они уже повернули обратно к дому, как тут затрещивал звонок.

Телефон-автомат находился на холме, почти на углу. Перезвон на тихой пустынной улице. Жутковатый, таинственный, словно будку вывернули изнанкой наружу. Очень личный звонок, совершенно неуместный на безлюдной враждебной ночной улице.

— Господи, какая же я идиотка! — сообщила Сьюзен Ласкунчику Уильяму, и тот помахал в знак согласия хвостом. Проходя мимо все еще звонившего телефона, Сьюзен вздрогнула и ускорила шаг, торопясь домой.

2

Позже, лежа в постели, она недоумевала, почему не взяла трубку, но одновременно радовалась, что не сняла ее.

Знаменья начались несколько недель спустя.

Сьюзен уже забыла тоскливые предчувствия, обрела всегдашнюю свою жизнерадостность. Ничего не случилось и вряд ли случится. Они с Тарой иллюстрировали современные готические истории, а в обеденный перерыв планировали слетать на такси к Таре в Виллидж: та приставала, чтобы Сьюзен оценила ее новые обои. Но заботило Сьюзен другое такси. На рисунке женщина — конечно же, красавица, и конечно же, печальная — выходила из такси у особняка, самого, конечно же, зловещего вида. Работа не клеилась. С женщиной и особняком проблем не возникло, но с такси Сьюзен сражалась все утро. Наконец, отчаявшись, она изобразила модель, напоминающую “Эдсел” 50-х годов, и раскрасила желтым. Авто получилось смехотворным, но какая разница — женщины-читательницы редко разбираются в моделях машин.

— Бросай все, линияем! — возвестила Тара над перегородкой, помахивая сумочкой.

Они выскочили на улицу, пошли на стоянку и встали в конец очереди. Приз за долгое ожидание — замызанное желтое чудовище, счетчик которого щелкал, точно зашкаливший счетчик Гейгера.

— ... фон такой серовато-коричневый, — расписывала Тара свое новое приобретение, — а по нему цветочки — гвоздики и астры, коралловые и бежевые. Не понравятся, лучше помолчи. Я кучу бабок угрохала...

Сьюзен не слушала ее, она не отрывала глаз от затылка водителя, чувствуя, как тоскливо сжимается сердце. Что же это такое?

— ...разыскала у Шумахера материальчик такого же оттенка, теперь вот думаю, надо бы набросать декоративных подушек, обойдется в...

Брайан Колеман! — осенило Сьюзен. По какой-то необъяснимой причине затылок водителя напомнил ей Брайана Колемана, самого близкого друга, еще в начальной школе. Но это невоз-

можно — однажды летом Брайан жил в кемпинге, где подхватил спинальный менингит и умер. Его смерть была первой в жизни Сьюзен. Позже последовали и другие: ее отец, двоюродный брат, пожилой сосед, но потрясение от смерти Брайана осталось самым сильным.

Сьюзен случайно взглянула на фото водителя и прочитала его имя. Брайан Колеман... Внутри у нее что-то оборвалось.

— Простите, вас зовут Брайан Колеман?

— Да. — Водитель обернулся: лицо незнакомца.

— Вы не в шестой школе учились?

— Не-а.

— Меня зовут Сьюзен Рид... Гудман... Сьюзен Гудман, — запиналась она. — Мы с вами раньше не встречались?

— Не-а...

Чувствуя себя круглой душой, Сьюзен сама заплатила за проезд и чересчур много дала на чай, сглаживая неловкость. Поднялась за Тарой на крыльцо и вошла в дом.

— Ну ты даешь, Сьюзен! Хоть бы красивенький был! — подмигнула Тара.

Второе знамение случилось через несколько дней.

Было воскресенье, роскошный весенний денек; наконец-то удалось уломать Лу увезти Андреа, и Сьюзен выпала редчайшая жемчужина в драгоценной короне матери и жены — свободный день. Первый час она сражалась с кроссвордом в "Таймс", наконец, решив, что жизнь не находится все-таки в прямой зависимости от заполненных квадратиков, бросила газету и стала размышлять, как бы полнее насладиться одиночеством.

Она решила прогуляться и пошла к Центральному парку.

Сьюзен бродила среди веселых гуляющих, выбрав дорожку вдоль озера, и вдруг к ней подскочила белка. Она тут же пожалела, что не прихватила с собой еду.

— Прости, маленькая! — извинилась Сьюзен. Но белка последовала за ней, она скакала вокруг, заступала дорогу, клянча подачку, и не отставала. У выхода из парка Сьюзен снова заметила белку: та прыгала обратно к озеру и казалась какой-то грустной. Чувствуя себя преглупо, Сьюзен помахала белке и двинулась по Пятой авеню, наслаждаясь хорошим днем и видом нарядно одетой толпы. Вдруг она снова увидела белку: она бежала по каменной ограде параллельно Сьюзен и поглядывала на нее. Сьюзен остановилась. Белка — тоже. Она двинулась дальше. Зверек поскакал следом.

— Нет, такую преданность непременно надо вознаградить! — вслух проговорила Сьюзен и огляделась: к счастью, неподалеку стоял уличный торговец. Она купила белке кренделек, несоленый, чтобы той не захотелось пить, и приблизилась к ней. Белка протянула лапки, взяла угощение, сунула в рот, поморгала в знак благодарности и прыгнула с ограды в кусты.

Сьюзен захотелось снова вернуться в парк и прогуляться вдоль озера. Здесь было прохладно и сыровато. Она брела по берегу, наслаждаясь этой прохладой и тишиной. И тут заметила что-то плывущее по воде. Разглядев плавающий предмет, Сьюзен резко повернулась и побежала к выходу. Поймав такси, она помчалась домой, будучи в жутком смятении.

В озере плавала мертвая белка.

Третье и последнее предзнаменование.

Они с Лу лежали в постели.

— Я люблю тебя, — шепнул он.

— Я тебя тоже, — отозвалась Сьюзен.

Из открытого окна потянуло свежим ветерком. Шторы были наполовину подняты, и комната освещалась лунным светом и городскими фонарями. Сьюзен лежала с закрытыми глазами, но если бы открыла их и взглянула в окно, то увидела бы женщину на крыше противоположного дома, наблюдавшую за ними.

— Люблю тебя, — снова шепнул Лу, и Сьюзен сцепила руки у него на спине.

А женщина, наблюдая, медленно забралась на бортик крыши.

— О, милый... — шептала Сьюзен.

— Детка... для меня...

3

В этот момент женщина прыгнула вниз...

День не задался с самого утра. За ланчем Сьюзен встретилась с матерью, которая полтора часа старательно не жаловалась на одиночество, пока Сьюзен не почувствовала — вся вина на ней. Потом ее редакторша выманила обещание поработать дома в выходные, а она уже давно обещала поехать в субботу с Андреа в Бронкс, в зоопарк.

Домой Сьюзен приволоклась в половине шестого и, избежав открытой стычки с м-сс Даймонд, которая присматривала за Андреа, удрала на кухню. Она выкладывала замороженную картошку-фри, когда зазвонил телефон. Даже через много недель Сьюзен не могла облечь в слова, как ей удалось понять, что на другом конце провода — зло, но она поняла. В трубке — ни звука. Полное безмолвие: ни потрескивания, ни голосов, ни воздуха, ни помех. Ничего, только присутствие. Гнетущее, устрашающее.

— Да? — хрипло произнесла в трубку Сьюзен, и ее голос засосала черная воронка тишины.

Сьюзен быстро положила трубку и почувствовала, что вся в поту. Волосы прилипли к шее, капельки пота с верхней губы попадали в рот.

— Боже! — прошептала она, стараясь стряхнуть наваждение, услышать хоть какие-то звуки.

И как блаженство, донеслись успокоительные шумы: телевизор в гостиной, его смотрела Андреа, грохот с улицы, топоток лап Ласкунчика Уильяма: пес притащился на кухню. Взглянув на нее, он заскулил.

Сьюзен вдруг обнаружила, что стоит, тяжело привалясь к столешнице. Поджав хвост, Ласкунчик Уильям подбежал к ней. Цапнул за руку, толкаясь в бок мордой, поскуливая, чуя панику. Пока Сьюзен приходила в себя, в панику впал Ласкунчик Уильям. Он метался по кухне, скулил, оставляя на полу лужицы. На плите что-то перекипало, и Сьюзен почуяла запах газа... Она выключила горелку, успокоила собаку: "Все нормально, псинка, все нормально..." Он успокоился, когда она крепко прижала его к себе. Но ее и сама была нервная дрожь.

В шесть на кухне появился Лу и, увидев, что Сьюзен сидит у стола, тупо уставившись на столешницу, подошел к ней и обнял.

— Что случилось?

И тут Сьюзен разрыдалась навзрыд.

Позже, когда она успокоилась и Лу отослал Андреа к соседям, обедать с подружкой, она попыталась рассказать ему.

— Как это — не доносилось ни звука? Что ты имеешь в виду? — недоуменно допытывался он.

— Не знаю! Сама не пойму.

— Ну, ну, милая! Хватит, успокойся. Ничего особенного не случилось. Чего ты так разнервничалась?

— Именно случилось! Кто-то был там! Нечто!

Так тянулось почти час, а потом Сьюзен, измучившись, ушла в спальню и легла. Сбитый с толку Лу почувствовал, что и его охватывает страх — за нее. Чтобы как-то отвлечься, он взялся готовить обед.

— В жизни подобного не слыхивала! — объявила на следующее утро Тара. — Прямо "Зона сумерек"!

— Сама понимаю. — Сьюзен допила кофе. — Даже не знаю, как передать ощущение... Такое... жуткое что-то. Только не болтай никому, ладно?

— А почему? Как раз собиралась сесть на телефон.

— Потому что глупо звучит. Станут думать, я наркотиков наглоталась, или еще чего.

— Эй! А ведь вот и объяснение! Ты наркотиков наглоталась, или еще чего?

— Ох, да заткнись!

— Пойми же! Не можешь с чем-то бороться, надо вышучивать!

Но шутить Сьюзен не хотелось. Она вернулась к себе в закуток и попробовала защититься по-другому: работой. Потратив два часа, она сделала эскиз праздничного обеда Дня Благодарения: мужчине, резавшему индейку, нарисовала лицо отца, а гордой женщине рядом — лицо матери. А вот и она сама в двенадцать лет, сидящая в радостном ожидании. Сбоку — брат, его

Сьюзен никогда не знала. За год до ее рождения у матери случился выкидыш. Брат тянулся через стол за бисквитом, а бабушка бранила его. Позади стола в ожидании объедков подпрыгивал Ласкунчик Уильям. Сьюзен долго всматривалась в эскиз, проникаясь его безмятежностью, добавляя детали: бутылочку кетчупа, фартук матери, веснушки брату.

— Э-эй, миссис Рембрандт! — окликнула через стекло Тара. — Не пора ли смываться?

— Неохота. — Сьюзен смотрела на рисунок. — Поработаю в обед. Притащи мне сэндвич, ладно?

— С застенчивым тунцом или крайне правым ростбифом?

— Из цыпленка-центриста.

Сьюзен работала уже почти два часа, ни разу не вспомнив о времени.

— Ого! Недурно! — Рядом с гуашью плюхнулся пакет. — А где же кошечка и священник?

На рисовальной доске Сьюзен зазвонил телефон.

— Бог мой! — Тара заметила ее реакцию. — Поспокойней, а? — Она сняла трубку. — Да, телефон Сьюзен Рид... — Сьюзен тревожно вглядывалась в ее лицо. — Ага, красавчик. Да тут она! — И протянула трубку Сьюзен. — Ой, не слышу ничегошеньки!

— И стерва же ты! — Сьюзен взяла трубку.

Звонил Лу, предлагал встретиться после работы и отправиться куда-нибудь пообедать. С м-сс Даймонд он уже договорился, та с удовольствием согласилась задержаться за дополнительную плату.

— С чего это ты вдруг? — поинтересовалась Сьюзен.

— Сыт по горлышко твоей готовкой.

— И моим нытьем. Спасибо, родной. С удовольствием. Встретимся в вестибюле, в половине шестого.

— А как я вас узнаю, мисс?

— Та, что самая спокойная, я и есть.

Обедали они в Вестсайдском ресторанчике "Флер де Лис", тамошняя утка под вишневым соусом не раз скрашивала им мелкие неприятности и большие праздники. На этот раз, горько подумала Сьюзен, это — взятка: так суют лакомство ребенку, чтоб не шалил. А, ладно, все равно она благодарна. Они с Лу принадлежат к поколению, надо надеяться, уже вымирающему: сильный мужчина и слабая женщина. Но он и вправду сильный, а слабее нее в данной ситуации вообще никого нет.

Обед удался. Они выпили мартини, съели утку и, расплатившись с официантом, зашагали по Бродвею, заглядывая в витрины магазинов, на старушенций в старомодных нарядах, на разнаряженных постояльцев отелей и выученных нью-йоркской улицей мальчишек. Им казалось, что они вновь наслаждаются жизнью.

Вернулись домой в десятом часу. Лу расплатился с м-сс Даймонд, Сьюзен проверила, как спит Андреа, а вспомнив, что она не только мать, но и сноха, пошла в спальню звонить матери Лу.

Оно стерегло ее там.

Когда Сьюзен подняла трубку, то услышала *Это*. Взрыв. Зло. Угрозу.

— Лу! — завизжала она.

— Что такое? — В спальню тут же ворвался Лу.

Она указала на постель, где валялся брошенный телефон. Сначала Лу смотрел, не понимая, потом вдруг до него дошло, он схватил трубку и прижал ее к уху.

— Слышишь? — прошептала Сьюзен. Лу смотрел на нее, и на лице у него отражалась ее паника. Через минуту он произнес:

— Родная, да это же просто зуммер.

4

Как-то утром в офисе Тара нашла решение. Вошла в закуток к Сьюзен, плюхнулась, как всегда тяжело, на рисовальную доску и торжествующе возвестила:

— Благодарностей не надо! Пустячок от Тиффани, и в расчете!

— За что это я не должна тебя благодарить?

— Считай, твою телефонную проблему корова языком слизнула!

— Что?

— Я, кажется, знаю, что происходит. И это такое! Такое!

Знакомый Сьюзен тон: сейчас Тара примется вилить, желая вволю насладиться мигом своего торжества.

— И что же?

— Помнишь мою приятельницу Джоанну Петровски? У нее еще антикварный магазинчик?

— А дальше?

— Так вот. Вчера вечером мы собрались у нее: я, еще с десятков придурков из Виллиджа, Джек, я тебя с ним знакомила на...

— Тара, не сообщай мне список гостей, переходи к сути!

— С Джоан — то же самое!

В Сьюзен вспыхнуло облегчение — если кто-то еще испытывает подобный страх, значит, он — реальный, его можно объяснить!

— Она слышит такое же молчание?

— Ну да! Нет, не в точности, но почти. По крайней мере, так объясняет Юрий...

— Какой Юрий?

— Ты вроде бы не желала слушать список гостей?

— Да ну тебя! — расхохоталась Сьюзен.

— О'кей! К сути. Но очко в мою пользу. Юрий Гросс — один из парней у Джоан...

— Один из придурков...

— Вот уж нет! Ассистент профессора из университета Хайфы, приехал к нам проводить исследования... Я рассказала всем, что с тобой творится. И Джоан принялась говорить о своем приключении с телефоном. Тогда выступил Юрий. Боже, вот это мужик! Догадайся, в какой области он трудится? Экстрасенсное восприятие. Ну, он как-то по-другому называет, но это одно и то же. Знаешь, физические феномены, телекинетика... Очередь к нему до Восьмой улицы! С каждым приключалось такое, что от страха ум отшибало! И никто ничего им объяснить не мог! Во! Обычным способом — необъяснимо!

— Экстрасенсное восприятие, — пробормотала Сьюзен про себя. — Тара, он психиатр?

— Не такой психиатр, которому выплакиваются. Он — профессор. Ученый. Послушай-ка... У меня с ним свидание. Ты приходишь ко мне в полвосьмого и беседуешь с Юрием. А потом, когда все будет урегулировано и страхи исчезнут, выметаешься и оставляешь нас наедине. У-ух, мужик он обалденный!

Сьюзен обняла Тару, ощущая теплоту полного тела, и сказала:

— Если не сработает, сходишь со мной к колдуну?

— Нет, с меня хватит! — И Тара звонко шлепнула ее по задку.

В семь вечера Сьюзен затормошила Андреа ("Кто у нас самая хорошенькая девочка в мире?"), поставила кофейник, выполняя долг жены, и, наконец, ушла.

Юрий Гросс действительно оказался обалденным. Когда Сьюзен вошла в маленькую гостиную Тары, ей едва удалось скрыть удивление при виде его. Тара всех мужчин через одного объявляла отпадными, но этот и вправду был неотразим! В джинсах, в свободном вязаном джемпере, светлые кудрявые волосы взлохмачены, бледно-голубые глаза пронзали насквозь, огромные руки умели, казалось, и разить и ласкать.

Сьюзен сама удивилась, поймав себя на том, что краснеет. К счастью, Тара приписала это обычному смущению. Они выпили, дружелюбно поболтали о всякой всячине, а потом Юрий приступил к главному.

— Тара рассказывала, с вами приключилось нечто необычное.

— Наверное, можно назвать и так. — Сьюзен плеснула себе еще вина.

— Расскажите, пожалуйста, сами, — потребовал он.

Рассказывать Сьюзен старалась спокойно, даже деловито, не то еще примет за истеричку и откажется помогать. Справлялась она так успешно, что Тара даже перебила разок:

— Да скажи же ему, как ты перепугалась!

— Мне было жутковато, — призналась Сьюзен.

Юрий вытянул перед собой большущие сноровистые руки, потрещал костяшками и начал:

— Приходилось ли вам слышать об экстрасенсорном предвосхищении?

— Да, конечно.

— Вспомните про кино: техника — “обратный кадр” — стара и общеизвестна, а сейчас появилась новая — “забег вперед”. Когда герой или зрители видят событие, которому еще предстоит случиться. Техника приема знакомая и основана на случаях из реальности. А их — тысячи. Все проверены. В них уже нет ничего необычного. Подобное происходит во всем мире. Может, случилось и всегда, но теперь, когда нашу область науки признали, о них сообщают. Людям открываются грядущие бедствия задолго до их свершения, видят они и счастливые события...

— Вы считаете, со мной это и произошло? — Сьюзен истово надеялась, что зернышко вероятности, которое в ней заронили, разрастется в веру.

— Возможно. Вполне.

— И что же я предвижу... вернее, предслышу?

— Да что угодно. Болезнь, смерть... — Он заметил, как по лицу Сьюзен полыхнул испуг. — Нечто, что может случиться лет через тридцать-сорок. — Лицо у нее расслабилось. — Для экстрасенсорных предвосхищений не существует временных границ.

— Но прежде... со мной ничего подобного...

— Нет, бывало. Наверняка. У всех бывает. Но мы не научены распознавать их и попросту отмахиваемся. Случалось ли вам на прогулке услышать песню из приемника, и она живо напоминала вам какой-то другой случай, когда вы ее слышали? Так живо, что четко всплывало и все остальное, казавшееся давно позабытым?

— Дежа вю, — произнесла Сьюзен, довольная, что хоть на минутку можно перестать выступать в роли невежественного дитяти перед умником-учителем.

— Верно. Думаю, скорее всего, именно такое и случилось с вами. Какой-то звук, изданный телефоном, тон, давно запечатленный в вашем сознании, — и вы перестали слышать то, что в трубке, а стали слышать воспоминание о том, другом разе. Нечто из далекого прошлого.

— Но — что?

— Вам удаляли миндалины?

— Да.

— Тогда, возможно, ваше состояние под наркозом. Или, если желаете чего поромантичнее, ваше пребывание в утробе матери. Существует масса свидетельств, что сенсорная память месяцев перед рождением чрезвычайно значима...

Он разглагольствовал и разглагольствовал. Но чудо все-таки сработало!

Когда Юрий закрутился, Сьюзен испытала великое облегчение, благодарность, обиду и влечение к нему. Последнее заставило ее оборвать поскорее визит, бросив Таре у дверей:

— Шикарный, слов нет! Но смотри, поосторожнее!
В такси, везущем ее домой, она улыбалась — первая невымученная улыбка за многие дни.

5

Покою ей было отпущено еще на одну неделю. Потом это повторилось.

Лу только что ушел с Андреа, и Сьюзен деловито одевалась, когда зазвонил телефон. Она замерла, уставясь на него, не смея поднять трубку, не смея шевельнуться, руки застыли на пуговичке блузки. Она считала звонки. Когда прозвенел двадцатый, она подошла к телефону, взяла трубку, медленно поднесла — ближе, ближе... и услышала грязное ругательство. Сьюзен бросила трубку на аппарат и завизжала:

— Почему ты так поступаешь со мной? Чего ты добиваешься?!

Звонки оборвались, а на улице завывала полицейская сирена.

Предчувствие? Предостережение? Кадр — “забег вперед”? Предзнаменование?

Сьюзен отчаянно захотелось поговорить со своим бывшим психоаналитиком. Она вертела и крутила идею все утро, а за ланчем, сидя в переполненном кафе, решила.

Уже давно Сьюзен не набирала этот номер, но палец быстро, почти автоматически, попадал в нужные отверстия.

Ей было стыдно. Обращаться к нему означало поражение. В ее последний приход он заботливо напомнил, что если опять потребуется ей, он тут, на месте. Рассмеявшись, она ответила, что наконец-то стала взрослой и теперь сама сумеет справиться со своими проблемами. Она понимала — это самонадеянно, высокомерно, но чтобы сломать растущую зависимость от него, и требовалась самонадеянность.

— Питер Штейман, — отозвался такой знакомый голос.

Замявшись на секунду, чувствуя, что предает себя, Сьюзен выговорила:

— Питер? Это Сьюзен Рид.

— Сьюзен! — тут же откликнулся он, вроде бы даже с искренней радостью. — Как чудесно слышать тебя снова!

— Не так уж чудесно, Питер. У меня — беда.

— Хочешь встретиться?

— Да, пожалуйста. Если у тебя найдется время.

— Хочешь, зайди прямо сейчас.

— Если не возражаешь...

— Ничуть. Но я переехал. Есть под рукой карандаш и бумага?

— Секундочку, Питер. — Зажав трубку между подбородком и плечом, Сьюзен стала рыться в сумочке, нашаривая ручку. — Минутку погоди, ладно? Сейчас раздобуду.

Положив трубку на полочку под телефоном, Сьюзен подошла к кассирше, та неохотно одолжила ей огрызок карандаша.

— Слушаю, — Сьюзен подняла трубку.

Оно ждало ее.

На этот раз, несмотря на неожиданность, Сьюзен не удари-лась в панику. Опять тошнотворный страх, оцепенение, безыс-ходное отчаяние навалились на нее, но она не запаниковала, а быстро повесила трубку.

Между ней и Питером встало Зло, не позволяя ей дотянуться до него и получить помощь. Она должна позвонить Питеру сно-ва.

Сьюзен остановила приличного на вид молодого парня.

— Простите, не окажете ли вы мне услугу?

— Да-а?

— Пожалуйста, наберите для меня номер телефона и пере-дайте кое-что. Очень вас прошу!

Парень взглянул на нее, не увидев ничего для себя угрожаю-щего и, пожав плечами, согласился. Набрал номер, поговорил со справочной и записал для нее адрес Питера.

Приемная Питера на первом этаже недавно купленного особняка на 93-й стрит была точной копией его прежней, в квартире за углом. Даже мебель стояла та же самая. Те же без-ликие виниловые стулья, кушетка, дешевенькие столы, те же журналы — “Нью-Йорк”, “Национальная География”, “Приро-да”. Словно она шагнула в прошлое — в то время, когда роди-лась Андреа, и Сьюзен душило чувство безнадежности и утра-ты. Тогда Питер быстро определил источник болезни: нормаль-ное явление — послеродовая депрессия. А вот определит ли сейчас?

Питер вышел из кабинета, все такой же. Ему уже около пяти-десяти, но он все такой же.

— Великолепно выглядишь. — Питер занял свое место, как делал сотни раз прежде.

— Наоборот, кошмарно! — возразила Сьюзен. — И причины на то основательные. — Она одним духом излила все свои трево-ги, выложила про звонки, про реакцию Лу, Юрия, про свое пред-чувствие надвигающейся беды. Как ни удивительно, первая ре-акция Питера была отнюдь не врачебная. — А в полицию звони-ла?

Так просто, так логично. Сьюзен даже рассмеялась.

— А почему нет?

— Не знаю. Как-то в голову не пришло.

Короткая пауза. Лоб Питера собрался гармошкой.

— Сьюзен, почему ты пришла ко мне?

Она угадала подтекст вопроса: не скрывается ли тут еще что-то, в чем ей не хочется признаваться?

— Нет, Питер, — ответила она. — Мне ничего не мерещится!

— А я ничего такого и в мыслях не имел! — улыбнулся он.

И остальные 45 минут (по доллару за минуту) выдвигались различные версии. Питер рассказал ей о физических болезнях, которые влекут за собой слуховые галлюцинации: о злоупотреблениях наркотиками, о дисфункциях желез, даже о недомогании под названием “черепная реверберация”.

— То есть, ты имеешь в виду — звук исходит из моей же головы, — уточнила Сьюзен.

— Вероятно и такое.

— Если б могла такому поверить, тут же закатила бы вечеринку.

— Не забудь пригласить и меня. — Питер покосился на настенные часы — его уже ждал следующий пациент.

Они встали, обменялись теплым рукопожатием.

— А в полицию все-таки стоит позвонить, — заметил он. — А затем, если желаешь, порекомендую тебя хорошему невропатологу. Так, на всякий случай. Звякни мне на следующей неделе.

— За всеми тревоблениями даже не спросила, а как ты?

— Так, серединка на половинку.

— Как Элайн? — припомнила она имя его жены.

— Элайн уже почти год как пропала.

На работу Сьюзен возвращаться не стала, а решила пройтись домой пешком по Колумбус-авеню, с заходами в антикварные магазинчики, комиссионки — доказательство нормальной, жизнерадостной жизни, протекающей рядом.

И это подействовало. Она заглянула в магазинчик “Время и Время опять”, поглазела на тарелки, чем-то напомнившие ей посуду матери, и перешла к драгоценностям рядом с кассой и художным юнцом за ней. Прилавок ломился от обычных безделушек нового искусства, репродукций, виднелось несколько подлинных вещиц, киноварь. Ее взгляд задержался на небольшой опаловой броши, с жемчужинками по краю, нежной, симпатичной.

— Можно взглянуть на эту брошку? — попросила она юнца.

— Миленькая, правда? — улыбнувшись, тот встал.

— Да, очень.

Сьюзен бережно держала брошку, рассматривая камень, красно-зеленый перелив огоньков, крошечные сероватые жемчужинки, а перевернув, чтобы проверить застежку, увидела: там что-то выгравировано.

— По-моему, на обороте имя, — сообщила она юнцу.

— Вот как? — Он протянул руку, и она вложила брошку ему в ладонь.

Через лупу он вслух прочитал:

— “Моей дорогой девочке”. Мило, правда?

— Да. А сколько стоит?

— Двадцать пять, — ответил он, но, заметив кислое выражение Сьюзен, тут же добавил: — Но и вы ведь чья-то дорогая девочка, так что уступлю за 18. И даже гравировку менять не придется!

— Разве тут устоишь? — Сьюзен открыла сумочку.

На улице она почувствовала, что проголодалась, и решила зайти в небольшой ресторанчик, где уже бывала пару раз. Войдя, Сьюзен вдохнула одуряющий аромат домашнего майонеза и встала перед витриной, раздумывая, то ли “Майдеру” взять, то ли креветки в зеленом соусе.

— Сьюзен? Сьюзен Гудман?

За дальним столиком в углу женщина энергично махала ей. Лицо ее мгновенно вызвало в памяти другое место и время.

— Дженни? Дженни! — бросилась к ней Сьюзен.

Дженни Финкельштейн. Они вместе ходили в школу Хантер, были подружками, очень близкими, две забавные девчонки; а не виделись целых 12 лет! Но Дженни не было в Штатах. Она уезжала за границу и, насколько известно, пропадала не то в Кении, не то на Тибете, не то еще в какой-то столь же мифологической стране. Они обнялись.

— Боже, посмотри на себя!..

— На меня! Ты на себя взгляни! Больше 16-ти не дашь!

— Удвой число, и еще прибавь капельку!

Они уселись за столик и пустились рассказывать обо всем, что случилось за минувший десяток лет. Время пролетело незаметно. Они обменялись телефонами, и Сьюзен заторопилась по Колумбус-авеню, тщательно высматривая такси.

Дома она нашла Лу с Андреа на кухне, они ужинали омлетом и вареными бобами.

— Мамочка! — закричала Андреа. — Как ты поздно!

— Миленькая, прости! — Сьюзен поцеловала Андреа в лобик и взглянула, чуть вздрогнув, на Лу. — Правда, простите!

— И где, черт возьми, ты изволила пропадать?

— Пожалуйста, не злись. Тысяча извинений. Миллион услуг.

— Но где ты была? — К раздражению Лу примешивался страх.

Она рассказала про встречу с Дженни, но умолчала о визите к Питеру из опасения укрепить его страхи.

— А позвонить не могла? — На лице у него отразилась усталость. — Хотя, конечно! Разве можно!

Сьюзен ушла в спальню, встала там посередине комнаты, постояла, пробуя на вкус одиночество. Потом открыла сумочку, которую еще держала в руках, — наскок Лу был так стремителен, что она не успела положить ее, и вытащила брошку. Вернувшись на кухню, сказала Андреа:

— Маленькая, у меня для тебя подарочек!

6

Новая атака случилась той же ночью.

Сьюзен с Лу спали, когда Ласкунчик Уильям пришлепал в спальню. Обнюхал пол у кровати, ему хотелось на кровать, но, не получив сигнала, зашел со стороны Сьюзен и встал, посту-

кивая хвостом, тихонько поскуливая. Сьюзен спала. Не в привычках Ласкунчика Уильяма прыгать на кровать без разрешения, но в эту ночь, взбудораженный силой, постичь которую был не в состоянии, заснуть он мог только рядом с хозяйкой. Он встал на задние лапы, стараясь дотянуться до нее, но во сне Сьюзен отодвинулась на середину кровати. Ласкунчик Уильям поскулил, опять не получил ответа... Прыгнул неуклюже, толкнул ночной столик и сшиб на пол сигареты. И телефонную трубку...

...Ей снился сон, прошлое с настоящим вперемежку. Тут был и Брайан Колеман, и ее отец. Во сне она была разных возрастов, входила в комнату ребенком, а выходила взрослой. И Лу тоже был там, но он все куда-то убегал от нее, и Ласкунчик Уильям, молодой, полный сил, поскуливавший, чтобы его отпустили на свободу (отец заставил посадить пса на поводок). Сон неприятный, полный горьких, позабытых обид. Потом сгустилась тьма.

Первым исчез из сновидения, как и из жизни, Брайан, за ним последовали другие: отец, Лу, Дженни, Андреа, Тара — исчезли все, Сьюзен осталась одна. И еще Ласкунчик Уильям, поскуливавший как всегда, рычащий и жующий что-то при этом.

В темноте присутствовало еще Нечто, прятавшееся в сумеречной тени. Нечто, поджидавшее ее в гуще черноты. Сьюзен не смела шелохнуться, ей хотелось приказать Ласкунчику Уильяму, чтобы он перестал есть, а то Существо в гуще черноты догадается, что они тут.

Сьюзен проснулась.

— Оно было тут. Источалось из трубки на полу. Сьюзен быстро перекатилась к краю кровати и положила трубку на рычаг.

Тут она услышала возню, — Ласкунчик Уильям скулил и рычал одновременно. Шум доносился с другого конца спальни. Она включила свет. Ласкунчик Уильям лежал в крови, вгрызаясь в лапу, поглядывая через комнату на хозяйку и моля ее заставить его остановиться.

На следующее утро, сводив Ласкунчика Уильяма к ветеринару, Сьюзен отправилась в полицию. Местный участок, располагавшийся в суровом кирпичном здании, по виду начала века, уже сам по себе, наверное, устрашающе действовал на преступников. Даже невинного, входящего по выщербленным каменным ступеням, пробирал холодок, а уж виноватый, наверняка, трясся от страха.

Внутри оказалось еще хуже. Невозмутимость полицейских (одни ходили в форме, другие в штатском) была неестественной; жесткость мебели пугала, даже стены (белые, но нуждающиеся в побелке) смотрелись холодно, отталкивающе. На скамейке в приемной сидел чернокожий мальчик с покрасневшими глазами, по обе стороны от него родители, втихую ругавшие его.

Сьюзен приблизилась к длинной стойке и попыталась объяснить, что привело ее сюда. Говорила она с дежурным полисменом, тот смотрел ей в лицо прямо, холодно, отчужденно. Ее попросили присесть на скамейку, а через десять минут провели в большую общую комнату, наводненную столами и полицейскими. Тут допрашивали людей, многие казались очень опасными. Сьюзен уже раскаивалась, что пришла сюда, в центр системы, ежедневно сталкивающейся с ужасами и злобой (кишечник города, как и его канализационные трубы, вонял). Полицейский, беседовавший с ней, назвался Кевином Мьюли. Никаких дополнительных титулов объявлено не было (сержант, капитан, детектив?). К счастью, говорил он вежливо, не буравил взглядом, а просто внимательно смотрел, стараясь разобраться, что она пытается сказать.

К чести Кевина, в открытую он никак не высказал убежденности, что явилась к нему ненормальная. Но это и так было очевидно. Он объяснил, что пока преступления не совершено, полиция предпринять ничего не может. Подобных жалоб, заверил он (к ее смущению), они не получали. А что касается членовредительства, нанесенного собакой самой себе, на это он только пожал плечами и, встав, протянул ей руку для прощального пожатия. На улице, снова в нормальном мире, Сьюзен почувствовала и облегчение, и безнадежность.

День она провела в офисе, перебраниваясь с Тарой (“Господи, Сьюзен, слишком уж ты поддаешься. Юрий говорит...”) и поправляя красками оттиск своей иллюстрации. Но на сей раз облегчения в работе она не нашла: видение Ласкунчика Уильяма, забившегося в темный угол спальни, напуганного и пугающего, не исчезло. С Лу они переговорили только наскоро ночью: она разбудила его, и он перевязал Ласкунчика Уильяма. Оба договорились, что следующим вечером, отправив Андреа к бабушке, обсудят все. Разговора этого Сьюзен ждала чуть ли не с таким же отчаянием, с каким отвечала на звонки (если отвечала). Безрадостный день клонился к неизбежному вечеру.

Когда Сьюзен приехала домой, Андреа сидела перед телевизором, с двух боков зажатая враждующими женщинами: одна, узурпированная, м-сс Даймонд, а другая — узурпатор — мать Сьюзен.

— Она, что, каждый день разрешает Андреа смотреть телевизор? — пожаловалась мать Сьюзен, не успела м-сс Даймонд сердито вылететь из квартиры.

— Ну, а что девочке еще делать, мама? Она устает после школы... — Слишком поздно Сьюзен спохватилась — ведь лучший способ уговорить мать — согласиться с ней.

— Лично я тебе никогда не позволяла. Есть занятия поинтереснее.

— Да, конечно, ты права.

— Ум ребенка необходимо стимулировать. Вот с тобой я сидела и рисовала. Зато теперь ты художница!

— Да, ты права.

— Это было наше с тобой время — после твоего возвращения из школы, до того, как приходил папа...

— Конечно, помню.

— А когда папа приходил, то смотрел твои картинки, хвалил... — Глаза старой женщины уставились в прошлое, и Сьюзен, заметив это, обняла мать и солгала:

— Верно, мама, хорошее было время.

— Да-а... А миссис Франклин помнишь?

— Нет.

— Ну как же? Конечно же, помнишь...

— Если ты так уверена, зачем спрашивать?

— Внизу еще жила, в 3 "Б". Дарила тебе старые пластинки...

— Ах да, помню...

— Всегда просила твои картины. Вешала их у себя на кухне. Вспомнила теперь?

— Я же сказала — да. — И Сьюзен ушла на кухню, надеясь, что мать поймет намек и наконец уйдет.

— Не разрешай больше смотреть девочке после школы телевизор! — не отставала старуха. — Купи ей набор акварельных красок, как я тебе покупала.

— Неплохая идея...

— Хорошей матери полагается думать о будущем детей загодя.

Сьюзен, прислонившись к раковине, взглянула на небо, моля о терпении.

— Андреа! Собирайся, бабушка ждет! — крикнула она.

Через пять минут Андреа с бабушкой ушли. Оставшись, наконец, одна, Сьюзен присела в гостиной и выкурила сигарету. Одна с плеч долой, сейчас явится другой.

Другой явился в половине седьмого. То, что ему скулы сводит от предстоящего разговора, заметно было невооруженным глазом. Сьюзен мудро решила не касаться темы до обеда. Готовя же еду (бифштекс — взятка Лу, чтобы покладистее стал), она старалась не замечать Ласкунчика Уильяма, крутящегося рядом, кусающего свою повязку.

После беспорядочного обеда, за которым настроение Сьюзен переменялось ("С чего это я чувствую себя виноватой? Что я-то сделала?"), Лу приступил.

— Милая, я все думал... — Слова выскочили точно бы на цыпочках, словно семена по хрупким яйцам. — Сейчас я могу отпроситься, побездельничать недельку, если желаешь... Попросим твою мать побыть с Андреа...

Сьюзен быстро выскочила из-за стола, чуть не опрокинув стул.

— Лу! Я не сумасшедшая! Я ничего не придумываю! — И выбежала в гостиную, где снова закурила.

— Ничего такого я и не имел в виду, — поплелся он следом.

— Ой, правда? А что же тогда ты имел в виду? Зачем нам уезжать? Ты думаешь, Оно до меня не доберется? — Только теперь ей стало открываться, как она зла на мужа, как оскорблена его терпимостью, от которой чувствует себя виноватой.

— Милая, ну успокойся...

— Сам успокойся! С тобой-то ничего не происходит! — И она смяла сигарету в серебряной пепельнице, которой они никогда не пользовались. — Разве что нарушаю твою драгоценную безмятежность! Не могу я успокоиться, пойми ты! Я напугана! До печенок!

Лу попытался, было, обнять ее, но она не желала: хватит с нее снисходительности, довольно великодушия.

— Не знаю, Сьюзен, как и помочь тебе, — проговорил он, и его искренность ее тронула.

— Никак. — Она позволила ему взять ее руки. — Просто переживай со мной заодно. Не превращай меня в идиотку, ладно?

— Прости, я просто никак не могу понять...

— Ага, присоединяйся, не стесняйся.

— Я и хочу, Сьюзен, поверь... — И она поверила. — Но это не просто. Ты снимаешь трубку, там — никого...

— Именно, что кто-то есть! Какой ты! Есть кто-то!

Отойдя от него, Сьюзен выглянула в окно. Увидела семью, обедавшую в квартире через улицу. Там весело хохотали. (Слава Богу, еще кто-то может смеяться!)

— Послушай... — Сьюзен оглянулась на Лу. — Дай мне объяснить, как все происходит...

Лу слушал, не прерывая, почти десять минут, исподтишка взяв Сьюзен за руку, неловко поглаживая ее. На этот раз она выложила все: про Юрия, про Питера и про полицию. По выражению лица мужа Сьюзен поняла — он боится за нее.

— Я и понятия не имел, что зашло так далеко.

— Зашло вот.

Они минутку помолчали, оценивая ситуацию, потом Лу ласково спросил:

— А к доктору этому пойдешь?

— Да. Можно бы и предугадать его реакцию: рассмотрел свидетельские показания и вынес вердикт: невиновна в силу помутнения рассудка.

Специалист, к которому направил ее Питер, был на удивление молод, едва в возрасте Сьюзен, но за несколько лет работы врачом уже приобрел вид непререкаемого превосходства. Она рассказывала ему о звонках, пристально следя, не промелькнет ли проблеск недоверия на самодовольном лице. Он просто слушал и кивал, точно ему сообщали симптомы обыкновенной простуды. А потом посыпались тесты. Устойчивость, глаза, слух,

вкусовые ощущения (кислое или сладкое? горькое? приятное?), осязание (тепло, прохладно, шершаво, гладко?), чувство цвета (какой из голубых больше всего похож на этот?), обоняние (цветы, мыло, духи?). И вопросы (головные боли? боли в позвоночнике? усталость? цветковые вспышки? онемение в пальцах рук и ног? бессонница? ночные кошмары?). Десятки аппаратов щелкали перед ней, стопа бумаг росла.

А потом, когда обследование закончилось, он улыбнулся в первый раз (кто бы мог подумать? какая симпатичная улыбка!) и отпустил ее, вспомнив, чуть ли не случайно, что ей еще надо зайти к медсестре на анализы крови и мочи. Сьюзен вернулась домой и остаток дня провела в постели, пусто глядя в телевизор.

7

Грянули предупреждения.

Сьюзен провела на работе омерзительный день. Раза три, не меньше, забегала Моды, тревожно жалуясь на ее частые отлучки, и с рисунком не клеилось. Уже в полпятого Сьюзен сбежала, виновато оглянувшись, нет ли поблизости Моды, и отправилась на метро.

В Бродвейском поезде ненормальных как всегда хватает, пассажиры смотрят строго перед собой, стараясь не коситься на соседей из боязни — вдруг воспримут как оскорбление. Стоящие качаются взад-вперед, выбирая положение поустойчивее. И, конечно же, непременный сумасшедший тут как тут. Сидит в сторонке, ораторствует в пространство. Поезд остановился на 66-й, с закрытыми дверями. Сьюзен сидела лицом к платформе, наблюдая, как столпившиеся у дверей ждут, когда же откроют. У некоторых лица озадаченные, у других — раздосадованные, но большинство смотрят равнодушно. Сьюзен обежала взглядом платформу: реклама, афиша, киоск, где две пожилые темнокожие дамы раздают значки; дверь мужского туалета, телефоны на стене...

Трубка одного висит, раскачиваясь... Одна трубка из трех. Мотается... А позади по кафельной стенке сбегают ручейки... Красные. Как лапа Ласкунчика Уильяма.

Тут поезд тронулся. Двери так и не открылись, оставив тех, кто хотел выйти, внутри, а тех, кто жаждал войти, — снаружи. И увозя Сьюзен, которая просто сидела и смотрела.

Кровь. А потом — кузнечики-акриды. Саранча.

Случилось это на следующий день. Сьюзен, поспавшая ночью всего часа три, измученная, с мутной головой, решила не ходить на работу. Лу с Андреа ушли, она шаталась по комнатам, пила чай несчетными чашками. Но мысли не оставляли ее, кружились в голове, как коршуны.

Калеченье животных (Ласкунчик Уильям, белка).

Необъяснимое (таксист с именем Брайан Колеман, кровотокающий телефон). Само Безмолвие, которое отыскивает ее в театре, в ресторане, всюду.

— Ласкунчик Уильям, ты что делаешь? — Она услышала, как пес царапает пол в гостиной. — Прекрати! Да что с тобой? — Сьюзен выключила плиту и пошла в гостиную. Ласкунчик Уильям под столом скреб стенку.

— Прекрати, ненормальный! Ты что, косточку там припрятал?

Он взглянул на нее, поджал уши и умильно поднял морду, чтобы его поцеловали. Сьюзен уселась на пол, скрестила ноги, и обняла пса, опрокинув к себе на колени, так что передние лапы у того повисли в воздухе.

— Совсем ты у меня как ребеночек, — поцеловала она его. Ласкунчик Уильям повернул к ней морду и одним махом облизал щеку.

— Ф-фу! Ступай, почисти зубы. Убирайся, вонючка! — хохоча, отбивалась Сьюзен, а он тыкался к ней с мокрым хвостом и мокрым пахучим языком.

Немножко отвлекшись возней с собакой, Сьюзен оделась и отправилась за покупками. Цены в бакалее отвлекли ее еще больше, и когда она выходила из супермаркета, то чувствовала себя уже в полном порядке.

Ласкунчик Уильям встретил ее у порога в надежде, что в пакете найдется что-то и для него. Вместе они прошли на кухню, и Сьюзен принялась выкладывать покупки.

Уголкем глаза она уловила движение. Под столом ползло насекомое. Даже не вздрогнув, Сьюзен оторвала полоску бумажного полотенца и наклонилась схватить таракана. Но оказалось, что это кузнечик. Она недоуменно смотрела на него. Кузнечик ранней весной на одиннадцатом этаже многоквартирного дома в Вэст-Энде? Накрыв бумажкой, Сьюзен раздавила его и выбросила в мусорную корзинку.

И тут увидела второго. Под раковиной.

— Что за напасть? — вслух удивилась она, заметив третьего, ползущего из холла. И четвертого. Будь то тараканы, ее передернуло бы в привычном отвращении, но кузнечики напоминали ей летний кемпинг в Риверсайд-парке. Из холла показался пятый. В полном недоумении Сьюзен переступила через него (все еще без страха) и вышла в холл. В холле их кишели десятки, они лавиной прыгали из гостиной. Вот тут Сьюзен испугалась и заглянула в гостиную. Кузнечики появлялись из-под стола, где скреб стенку Ласкунчик Уильям. Теперь она слышала их — шорох, потрескивание суставчатых лапок. Она торопливо бросилась на кухню и взяла метлу. Очистив путь к столу в гостиной, Сьюзен заглянула под него. Ласкунчик Уильям сорвал металлическую коробку, прикрепленную к стене. От коробки электрический провод тянулся к... телефону.

А из открывшейся дыры в стене лезли, давясь, кузнечики. Сьюзен не могла оторвать глаз: они продирались в дырку — все новые и новые — зеленые, стрекочущие, пощелкивающие челюстями.

— О, Господи! — завизжала она. — Господи!

Схватила часы со стола, прикрыла дыру коробкой и подперла часами. Несколько кузнечиков перерезало пополам — головы их торчали из-под коробки, а туловища остались внутри. Торопливо вскочив, в страхе, что насекомые запрыгнут на нее, Сьюзен стремглав вылетела из квартиры, метнулась к лифту и спустилась вниз. Тито, круглолицый добродушный кубинец-рабочий, как раз выносил мусор.

— Утро доброе, миссис, — поздоровался он, никогда не помня жильцов по именам. — Приятный сегодня денек, да?

— Тито, мне нужна ваша помощь!

Не впервой ему было видеть этих миссис в панической тревоге: то кран потек, то трубу прорвало, а ремонтники еще не приехали. Как-то одна пожилая миссис в слезах прибежала за ним, а дел-то: погасла газовая вспомогательная конфорка. Навидался Тито. Но такого — никогда.

Сьюзен привела его в квартиру и, отказавшись войти сама, ждала в коридоре, пока он выметал насекомых. Уходя с пластиковым ведром, полным кузнечиков, он сказал:

— Теперь, миссис, можете входить. По-моему, все. — Он не стал допытываться, откуда кузнечики поналезли. Нехорошо задавать слишком много вопросов: жильцы не любят, когда вмешиваются в их личную жизнь.

Сьюзен с опаской вошла в квартиру. Ласкунчик Уильям, причина всему, спал.

— Довольно, Сьюзен, ну пожалуйста, — попросил Лу позже вечером, когда Сьюзен рассказала ему.

— Лу, прошу, не выступай против меня...

— Сьюзен, да послушай сама, что ты говоришь!

— Я знаю, что... — Она постаралась понизить голос, чтобы не услышала Андреа.

— Боже, — бормотал Лу, меряя шагами кухню, четко осознавая, что у жены — серьезный нервный срыв, который дорого обойдется всей семье.

— Все по Библии, — в сотый раз повторяла она.

— Что за чепуха! При чем тут Библия? Милая, ну ты ведь серьезно не веришь в это?

Уже столько дней Сьюзен тянуло поплакать, и сейчас, наконец, она дала волю слезам.

— Ох, милая, не...

— Лу, я — не сумасшедшая!

— Никто и не говорит, но...

— Так в Библии! — и она, рыдая, уткнулась ему в грудь.

Лу обнял ее, чувствуя прилив жалости и любви, но очень быстро на смену явилась мысль о врачах, лечении, заботах об Андреа, которые лягут на него одного.

— Но я могу доказать! — вдруг оторвалась от него Сьюзен и устремилась к черному ходу.

— Милая, не надо... — Но Сьюзен, не слушая, выбежала и вызвала служебный лифт. Лу выскочил следом.

— Пойдем, пойдем домой!

— Нет, я хочу доказать!

— Сьюзен, пожалуйста, разберемся сами... Без обслуги дома. Они же насплетничают другим жильцам.

— Нет.

— Ну, пожалуйста! Прошу тебя!

— Нет!

Заскрипел, поднимаясь, служебный лифт, и через минуту двери открыл седой человек.

— Эйб! — кинулась к нему Сьюзен. — Тито еще не ушел?

— Ушел, миссис Рид. Могу я вам помочь?

— А завтра будет?

— Тито? А разве вы не слышали?

— Про что? — И она мысленно увидела Тито, уничтоженного, избитого, покалеченного, чтобы он не мог помочь ей.

— Тито уволился. Сегодня он работал у нас последний день. Я думал, все знают.

Они вернулись в квартиру. Сьюзен с облегчением, что Тито не причинили вреда, Лу едва не больной от тревоги. Зазвонил телефон.

— Не подходи! — крикнула Сьюзен.

— Но, милая...

— Не отвечай!

Лу поднял трубку. Звонила мать Сьюзен. Он протянул трубку жене. Сначала она отнекивалась, но затем, сознавая, что должна победить себя, взяла.

— Алло? — Сьюзен старалась не слышать того, что могло быть на другом конце провода.

— Сьюзен? У меня дурные новости.

— Что случилось?

— Джимми, — заплакала мама. — Это с Джимми.

Застыв, Сьюзен слушала, а когда мать закончила, посоветовала:

— Прими что-нибудь, мама. Прими и ляг в постель. Я сейчас, я еду. — И она положила трубку. Видя ее лицо — пепельное, потрясенное, Лу спросил:

— Что?

— Мой двоюродный брат, — почти без выражения бросила она, — погиб в автокатастрофе.

— Господи, милая... — Лу направился к ней.

— Да умрут перворожденные...

— Что?!

Она оглянулась на него. Неужели он так еще не понял? Но — неважно. Неважно, пусть.

— Все в Библии, — повторила она. — Кары, которые Моисей насылал на Египет.

8

Питер улыбнулся ей сочувственной улыбкой, но в ней читалось то же выражение, какое она наблюдала на лице Лу — покорное принятие факта: она больна.

— Раньше ты не верила в Бога, — заметил он.

— Но раньше я не была проклята.

Питер помолчал, соображая, как бы поубедительнее возразить.

— Ты считаешь, что заслужила проклятье?

Забавно — он и теперь использует ту же тактику, как и много лет назад, стирая ее мелкие вины и страхи.

— Как знать...

— И что же такого ты совершила?

— Ничего.

— Тогда за что же тебе проклятье?

— Я не знаю, Питер. Кого-то же надо проклинать, — жалко улыбнулась Сьюзен.

— А вероятность совпадений отпадает абсолютно?

— Абсолютно.

— А вероятность, что все кто-то подстраивает? Кто-то, кто...

— Питер, — перебила она, — ты сам прекрасно знаешь, существуют лишь две возможности: или меня наказывает Бог, или я свихнулась.

Он промолчал.

— Но ты меня обследовал. У меня все в порядке.

— Сьюзен, да ведь мы только так, поскребли на поверхности. Очевидных нарушений нет, но кто знает? Ты же умная здравомыслящая женщина. Подобные галлюцинации безусловно сигнализируют — что-то в неисправности. Что-то, чего мы еще не выявили.

Сьюзен позавидовала его уверенности.

— Питер, ты не веришь в Бога?

— Нет. Решительно.

— Послушай, а может, ты и есть сумасшедший? Не могут же двести миллионов американцев ошибаться.

— Могут. И ошибаются. По-моему, ты и сама прекрасно знаешь, Сьюзен... — Он взял ее за руку. — Ты не из тех женщин, кто подвержен нервным расстройствам. Натура ты сильная, нормальная. И раз у тебя такая бурная реакция, причина не эмоциональная, а физическая. Что-то дерьмовое... сорвалось...

Ни разу за те два года, что она ходила к нему, Питер не ругался. Ругательство прозвучало странно симпатично — словно ее проблема наносит ему личное оскорбление.

— Поверь мне, Питер, все происходит на самом деле. Не какая-то экстрасенсная чепуховина или кризис среднего возраста. Тут все — от и до — реальность.

— Или представляется реальностью.

До конца сеанса они проспорили, а потом Сьюзен, все еще тронутая его озабоченностью, поцеловала его в щеку и ушла, обещав завтра прийти снова. Но перед следующим сеансом у Питера ей предстояло перенести еще одну пытку. Похороны Джими.

На следующее утро Сьюзен, Лу и ее мать вошли в Риверсайдскую часовню, поднялись лифтом на третий этаж, где встретились с остальной семьей. Первой она увидела Иду, мать Джими, та сидела в другом конце зала, застывшая, с красным лицом. Она медленно кивала всем, кто старался утешить ее. Кто-то плакал, она — нет. Гроб стоял в углу, за выступом в стене: кто хотел, мог подойти, других пощадили. Сьюзен разговаривала мало, боясь, что, увлекшись, выложит всем, что Джими погиб не из-за того, что что-то совершил, а из-за нее. Как составная часть ее проклятия — кровь, кузнечики-акриды, смерть первожденного.

— Давай подойдем к Иде, — позвала мать. Сьюзен повиновалась, но когда Ида обняла ее, промолчала. Вскоре их проводили вниз, в небольшую приемную, смежную с часовней. Горе Сьюзен смешалось с невинными слезами других, но никто ни в чем не заподозрил кузину, на которую так сильно подействовала трагедия.

Через несколько часов, еще в темно-синем траурном платье, Сьюзен приехала к Питеру.

— Сьюзен, — сказал он, после того как они проанализировали похороны и она справилась со слезами. — Я хочу, чтобы ты сделала мне одолжение. Знаю, прошу многого, но, пожалуйста.

— Что же? — удивилась она его настойчивости.

— Я говорил тебе когда-нибудь про своего брата?

— Гения Джека?

— Вчера мы с ним обедали и он, как обычно, бахвалился...

— А ты, как обычно, обижался?

— На этот раз — нет. Мне кажется, Джек сумеет помочь тебе...

— А-ах, я и забыла. Джек ведь тоже врач.

— С большой буквы. Он — научный сотрудник довольно большого заведения на Лонг-Айленде. Там испытывают новый прибор — сканнер мозга. Джек считает, сканнер перевернет диагностику психики. Но действует аппарат просто — снимает изображения функционирования мозга, определяя, нормально тот действует или нет...

— Вроде рентгена?

— Нет, нет. Рентген показывает лишь строение, структуру, а не процессы. Послушай, как это делается: в тебя вводят глюкообразное вещество...

— В меня?

— Надеюсь, что да, — замялся он, — если ты разрешишь. Мне на голову пришлось встать, мелким бесом рассыпаться, чтоб уговорить Джека сделать тебе сканирование мозга. Это ведь не бесплатный рентген грудной клетки. Но нужны пациенты и...

— А я — верный кандидат в больные, — добавила Сьюзен.

— Если что-то не так, аппарат определяет.

— А как сканнер действует?

— На удивление просто. В основе своей вводимое вещество это пища, перерабатываемая мозгом при нормальном метаболизме, и пока мозг работает, фотографируются его сечения. В результате получается серия компьютерных снимков, отражающих точки поглощения сахара. И тут самое невероятное — различные участки мозга сахар поглощают по-разному — в силу физических или эмоциональных проблем. Что и фиксируется на снимках!

— А как фотографируются сечения мозга? — Сьюзен уже рисовались скальпели-иглочки, которые втыкают ей в череп.

— Глюкоза радиоактивно заряжена, — он заметил ее страх. — Но уровень радиации совсем низкий. Бояться нечего, разве что ты уколов не переносишь.

— А если ничего не обнаружится?

— А если обнаружится?

И Сьюзен согласилась подумать.

9

Утром Лу отправился к "Олину" за машиной, которую нанял, чтобы отвезти Сьюзен в лабораторию Джека Штеймана.

Существо позвонило. Сьюзен, научившаяся уже не слушать его, закричала:

— Я ничего не сделала! — Ей показалось, будто слова ее всосались в пустоту. — Отстань от меня! Я ничего не совершала дурного!

Она бросила трубку и спустилась вниз, дожидаться Лу.

— Милая? — окликнул ее Лу, когда они ехали в машине, Сьюзен машинально следила, как летит за окном безобразная лента шоссе.

— Что?

— Прости.

— За что же?

— Сама знаешь.

Она и правда знала.

— А, все в норме, — солгала она только наполовину и снова уставилась на заунывный скучный лонг-айлендский пейзаж.

Джек был до того похож на Питера, что Сьюзен немедленно прикинулась к нему доверием. Встретил он их в главном вестибюле здания, большое похожее на университетскую библиотеку, чем на медицинское учреждение, и повел наверх, в приемную, где ненадолго оставил одних. Держался Джек довольно дружелюбно, но немногословно. Сообщил, что сканирование займет два часа, и Лу пока что может перекусить в кафе. А когда Джек вернулся, с ним пришли еще двое — доктор Джейн Метерник и м-р Фокс. Доктор Метерник уверила Сьюзен, что тревожиться абсолютно нечего, и ее увели, бросив Лу на Фокса. Наверное, чтобы тот успокоил его.

Сьюзен попросили лечь на носилки, конец которых крепился к прибору, самому большому и самому зловещему на вид. Носилки придвинули к круглому отверстию, где виднелось сверкающее пламя, точно в печи.

— Будет ни чуточки не больно, — заверила доктор Метерник. — Огонь чуть тепленький. Вообразите, будто вы в Майами, нежитесь в Фонтбло.

— Я на Майами ни разу не была, — ответила Сьюзен, чувствуя, как доктор Метерник трет ей руку заспиртованной ваткой.

— Я — тоже. — Доктор взяла шприц с ближайшего столика. — Самое дальнее — в Бирмингеме штата Алабамы. К семье мужа ездила. Бывшего, благодарение Богу. После чего навсегда невзлюбила Юг. Сейчас я вас уколою. Пожалуйста, держите руку спокойно, всего секунда... — Игла ужалила, но не больнее, чем сотни других уколов раньше.

Сьюзен ждала, что самочувствие ее как-то изменится, прореагирует на введенное лекарство, но ничего не произошло. Дыхание по-прежнему неглубокое, от страха, и по-прежнему, от страха же, слегка кружилась голова.

— Теперь немножко подождем и начнем сканирование. Хм, а дети у вас, миссис Рид, есть?

— Да. Дочка.

— И сколько же ей лет?

— Восемь.

— Чудесный возраст. Моей — 19. Вот это уже ничего чудесного. Мне от нее достается — и старомодная я, и глупая...

— Как же вас можно считать глупой? — Сьюзен была благодарна за человечность врача. — Только подумать, кем работаете!

— Исследования? Занятие для идиотов, не слышали разве?

— Нищих идиотов, — добавил из угла лаборатории мужской голос.

— Еще выступать будешь! У моей дочки 14 пар обуви. У меня — пять. Вот скажите мне, на что человеку 14 пар обуви?

— Мамочку свою топтать, — разъяснил тот же мужской голос.

— Вы его извините, — сказала доктор, — он знаком с моей дочкой.

— Кем она хочет стать? — поинтересовалась Сьюзен, чувствуя себя лучше, радуясь, что лаборатория — частица реального мира, где матери воюют с дочерьми.

— Помоги мне Боже, моделью! Я вас спрашиваю, за что такое наказание женщине с тремя учеными степенями? С чего дочке приспичило идти в модели? О кей, Сьюзен... — тон ее изменился, стал более властным, решительным. — Теперь ляг повыше, положи голову в отверстие. — Она помогла Сьюзен приподняться, подсунув под голову руку, пока Сьюзен не почувствовала мягкую надувную резину под шеей. Голова внутри гигантского прибора, глаза закрыты — блеск огня слепил, гулко заколотилось сердце.

— Значит так, ты в Майами, вместе с другими богатыми дамами решаешь, какое новое платье купить. Хорошо, так и держи глаза закрытыми, все равно смотреть не на что. Листаешь "Вог", например, а там прехорошенькая куколка в отпадном платье. Платье — твое, куколка — моя... — Сьюзен услышала высокий вибрирующий звук, звон, щелчок... — Не надо! Не напрыгайся, это сканнер... так, ерунда... А еще дети у тебя есть, Сьюзен?

— Нет.

— А у меня есть. Сынок. Ему 24. Живет в Маунт Синай. Терапевт.

— Два доктора Метерника, — пробормотала Сьюзен, стараясь не слышать щелчков — теперь щелкало каждые несколько секунд.

— Только его не так зовут. Я взяла свое девичье имя. Столько лет училась — зачем же всю честь отдавать экс-семье, верно?

— А чем ваш экс-муж занимается? — Щелк.

— Вдобавок к тому, что досаждаст мне? Производит бесполезные вещи. Женские шляпки... — Щелк.

— ... так что Глория в него пошла... а Нийл — в меня... — Щелк.

— ... а мне кажется, шляпки миру нужны не меньше ... — Щелк.

— Сьюзен, а может, подремлешь немножко? Делать тебе сейчас ничего не надо, а слушать мое нытье не такое уж великое развлечение...

Скоро Сьюзен и вправду задремала, не засыпая крепко, а просто подремывая, убаюканная теплом на лице и ласковым тихим насмешливым голосом доктора Метерник.

10

Сьюзен убрала все телефоны через несколько дней после того, как Питер сообщил ей, что сканирование ничего не обнаружило. Она решила, что дом — ее, и никто не имеет права оскорблять ее в ее же собственном доме. Поэтому позвонила на телефонную станцию и договорилась, чтобы все телефоны сняли.

А потом про это узнал Лу. Она на кухне готовила обед, когда вошел Лу — он вернулся домой, поиграл с Андреа, не замечая трех пустых пятен: одно у кровати, одно в гостиной и одно на кухне.

— Что на обед? — наивно спросил он.

— Котлеты! — Сьюзен не стала вдаваться в подробности, предчувствуя, что скоро разгорится ссора.

— Телячьи? Из барашка?

— Свиные.

— Не дури. Свиные твоими традициями запрещены. — Лу приподнял крышку на сковородке. — Барашек! — возвестил он.

Неожиданно, без всякой видимой причины, Сьюзен подумалось, что они уже несколько дней не занимались любовью.

— Покричи, когда будет готово, — и Лу вышел из кухни.

— Уж я покричу, не волнуйся, — прошипела она, теперь уже предвкушая ссору.

Они ели, он по-прежнему пока что ничего не замечал. Когда Андреа уютно устроилась перед телевизором, Лу окликнул ее из спальни.

Сьюзен вошла, плотно прикрыв дверь. Лу стоял у ночного столика, глядя на пустое пятно, и выражение его лица не сулило ничего хорошего. Они поссорились, как она и ожидала. Потом успокоились и пришли к соглашению. Лу ставит новый телефон для себя. Сьюзен подходить не будет, на все звонки отвечает только он.

— И как долго это будет продолжаться? — осведомился Лу, запал у него иссяк.

— Пока не закончится.

— К Питеру ходить будешь?

— Да.

Лу попытался, было, обнять ее, но безуспешно — она быстро отшатнулась, угадав его намерение, и он ушел к Андреа. Сьюзен посидела немного на кровати и решила прогуляться, чтобы утихомирить разгулявшиеся нервы. Она шагала по Вэст-Энд-авеню мимо швейцаров, зашторенных окон, обшарпанных зданий, пока не очутилась у многоквартирного дома, припоминая, как часто забегала в его мраморный вестибюль, клонясь под тяжестью школьной сумки. Дом Дженни Финкельштейн.

Дженни, которая здесь, в Нью-Йорке, Дженни, чьего сочувствия она еще не истошила.

Сьюзен влетела в подъезд и наткнулась на запертые внутренние двери. Она посмотрела список жильцов и, к счастью, нашла — Финкельштейны, 6 "Р". Нажав кнопку домофона, стала ждать.

Пожалуйста, будь здесь, Дженни! Ну, пожалуйста!

— Алло? Да? — Женский голос окликнул ее.

— Миссис Финкельштейн? — прокричала Сьюзен в микрофон. — Дженни дома?

— А кто спрашивает?

— Сьюзен Гудман, ее подруга по школе Хантер.

— О, Боже! Сьюзи, это ты?

— Да. На днях встретила Дженни. Она сказала, что у вас гостит.

— Сейчас, сейчас, милая. Поднимайся. Нат, Сьюзи Гудман пришла... — Запор щелкнул, дверь открылась.

Сьюзен прошла в вестибюль, и ей стало тошно от представшего зрелища. Стены грязные, краска лупится, деревянная полка над лжекамином исчеркана инициалами, ковер, когда-то красный и элегантный, засален, затерт. Когда дверцы лифта разъехались, Сьюзен увидела м-сс Финкельштейн — та нетерпеливо выглядывала из-за своей двери.

— Боже! Поглядите-ка на нее! Бальзам для больных глаз!

Ее провели в гостиную, принцессу из прошлого, и заставили пить кофе.

— Нет, милая. Дженни неделю назад укатила обратно в Вашингтон, — сообщила м-сс Финкельштейн, когда они устроились в гостиной. — А как ты? Замужем?

— Да.

— А дети?

— Дочка.

— Дочка! — разулыбался отец. — Дочка! — И Сьюзен подумалось, что у этой пары, старящейся так болезненно, живущей осколками прошлого, один-единственный источник незамутненного счастья — их дочь.

— Вы должны гордиться Дженни, — ласково заметила она. — Того гляди, услышим о сенаторе Финкельштейн.

— Имя бы вот сменила, — вздохнула мать.

— Еще молодая, — заметила Сьюзен.

— Тридцать семь. Когда мне было столько, она уже в школу ходила.

— Не жалуйся, — перебил муж. — Могло быть и хуже.

— Да, наверное. А как твою дочку зовут, милая?

— Андреа.

— О-о, как красиво. Правда, Нат, красивое имя?

— Очень, очень.

— Вот твои родители радуются, наверное, что у них внучка...

— Да, — коротко ответила Сьюзен.

Она задержалась ровно настолько, чтобы допить чашку кофе, и тут же вежливо откланялась, оправдываясь, что ей надо спешить укладывать Андреа спать.

— Слушай-ка, — прошептала ей мать у лифта, — а может, у тебя есть на примете знакомый симпатичный холостяк для Дженни? Не стесняйся, скажи ей, ладно?

— О'кей. — Сьюзен покраснела.

— Обещаешь?

— Да, да.

Она отправилась на Бродвей, все еще не желая возвращаться домой и сталкиваясь с затаенным гневом Лу. Неспешно шагая, рассеянно поглядывая на витрины магазинов, она постигала глубинную правду. Так ей, по крайней мере, казалось. Все живут со своим ужасом: Финкельштейны заперты на враждебном острове, с которого не могут сбежать, Дженни и мать Сьюзен одиноки до конца жизни, и Тара, возможно, тоже. У всех свои беды. Но у них ужасы объяснимые. У нее — нет. И тут явился ее ужас.

На углу Бродвея и 88-й стрит зазвонил телефон-автомат, совсем рядом. Сьюзен вздрогнула, оглянулась на него, подумала тут же, что оснований предполагать худшее — никаких, и, перейдя улицу, неторопливо зашагала дальше. Звонки прекратились.

На углу 87-й — затрезвонили снова. На этот раз она даже не оглянулась на автомат.

На 86-й стояло два. Оба трезвонили. Звали ее, вне всяких сомнений. Она поспешно проскочила мимо. И на каждом следующем углу ее подстерегал телефон — злобный, всевидящий, метя маршрут ее возвращения домой, давая знать недвусмысленно и ясно — спасения от Безмолвия нет.

11

На следующее утро, когда Лу с Андреа ушли, Сьюзен неторопливо пила кофе. Как приятно посидеть в тишине, без людей и телефонных аппаратов. Она поймала себя на том, что напряженно смотрит на жженую умбру кофейной гущи в чашке, раздумывая, а может, бросить работу, с таким трудом отвоеванную? Ей просто не вынести больше сцен с Моды, в чьей встревоженности проскальзывает оттенок стервозности. И даже Тара, дорогая Тара, последнее время стала больше докукой, чем другом. Люди требуют от вас лучшего, напомнила она себе, моя чашку, глядя, как коричневое под струей воды превращается в оранжевое. Мучиться вашими проблемами — кому это нужно? Сопереживание потихоньку разъедается эрозией...

В дверь позвонили. На секунду ей почудилось, будто звонит отключенный телефон. На пороге стоял Эйб с большим малиновым конвертом.

— Почта, — сообщил он. — В ящик не поместилось, и я решил, пойду-ка отнесу...

— Благодарю, Эйб, — выдавила Сьюзен.

Пухлый, набитый конверт. Она открыла его. Внутри оказались конвертики поменьше, штук пятьдесят, с таким же окошечком, как на большом, с тем же обратным адресом. Счета от телефонных компаний.

Сьюзен вывалила все на кухонный стол и, не постигая смысла, стала просматривать. Адресованы самым разным людям в Манхэттен, в пригороды, все — незнакомым. И тут до Сьюзен дошло — это шутка. Угрюмая, злобная шутка. Существо забавлялось с ней.

На улице шутки продолжались. Бросив все письма в угловой почтовый ящик, Сьюзен оглянулась, сама не желая, на телефон-автомат, всего шагах в десяти от нее. Провод висел голый — трубка была срезана. Но пока она смотрела, произошло невероятное — телефон зазвонил!

Не только она наблюдала это: мимо проходила, толкая коляску с ребенком, молодая женщина. Она остановилась, удивленно наклонила голову, ребенок, подражая маме, — тоже; потом женщина улыбнулась, сказала что-то ребенку, тот ничего не понял, но все равно засмеялся.

И последняя шутка перед катастрофой.

Они были в школе, она и Лу, ждали школьного спектакля Андреа "Викинги". На минуту, стоя в вестибюле с другими родителями, Сьюзен почувствовала тепло знакомых мгновений тихого счастья.

— А кто Андреа сегодня? — спросила ее пухлая мама с кислым лицом.

— Бабушка викинга. А Тимми?

— Американский индеец с насморком. Надеюсь, не забудет захватить на сцену носовой платок.

— А у индейцев уже были платки?

— Этому лучше иметь. — И женщина вразвалочку отошла, наверное, выяснять, какие роли играют другие соперники ее сына.

Для родителей стоял кофейник с кофе, и Лу налил две чашки для них, пока Сьюзен оглядывалась, ища взглядом телефоны, выясняя, много ли их тут. Прибыла, запыхавшись, ее мать.

— Ида больше часа на телефоне держала. Наконец я сказала: "Послушай, Ида, если я не выйду из дома сию минуту, то пропущу спектакль Андреа". Но она все никак не могла угомониться, бедняжка. Лу, дорогой, этот кофе для нас?

Сьюзен пришло в голову, что, несмотря на все трагедии, жизнь быстро возвращается к обычной нетерпимости.

Другая бабушка, к счастью, увлекла миссис Гудман в сторону, хоть на время. Лу также устремился на "пастбище позеленее": к двум папашам, один был его приятель-юрист. И Сьюзен, оставшись одна, прогулялась мимо кафельных стен вестибюля, разглядывая картины учеников.

Двери зала открыли двое горделивых ребяташек, родители осанисто вошли в зал, точно знаменитости, наносящие визит. Сьюзен села между Лу и матерью и начисто забыла обо всем, как только на сцене появилась Андреа: удивительно хорошенькая с накрашенными губками и припудренными тальком волосами. К концу спектакля Сьюзен почти плавила от счастья. Такой счастливой она давно уже не была, и даже предложила отправиться всем в ближайшее кафе-мороженое и отпраздновать событие. Что они и сделали. Андреа, сидевшая перед горкой шоколадного соуса, сияла гордостью. Вот почему пакет, поджидав-

ший их под дверь, не возбудил у Сьюзен ни малейших подозрений.

— Эй, что это? — Лу подобрал его, осмотрел изящную шелковую ленту, нарядную подарочную бумагу и протянул Сьюзен.

— Это мне? Да? — сказала Андреа.

— Не знаю, может быть.

Они отнесли пакет на кухню и открыли его. Внутри, ухмыляясь, паялся на Сьюзен черный, гляцевитый человекоподобный зверек-грызун.

— Ой, ой! Телефончик — Микки-Маус! — запрыгала Андреа. — Это — мне!

Позже, когда Андреа отнесла жуткого зверька к себе в спальню, Лу повернулся к Сьюзен, которая, плеснув себе неразбавленного мартина, уставилась на пятнистую фарфоровую поверхность кухонной раковины.

— Ну, ты что? Не понимаешь? Шутка. Какой-то мерзавец старается досадить тебе, вся затея — шутка, розыгрыш. Теперь видишь?

Видела она только пятна и рюмку, которую требовалось долить.

12

— Сьюзен, тебя жаждет видеть Моды. — Секретарша коротко улыбнулась и ускакала, исполнив грязное дело.

Сьюзен медленно прополоскала кисти, протянула, чтобы не растрепались кончики, через тряпочку, завинтила пузырьки с красками, молча сказала "прощай!" рисовальной доске, которая несколько месяцев назад представлялась ей пиршественным столом, оглядела обшитые деревом стены, эскизы, фото Андреа и Лу на пароме Файер-Айленд, гравюру Хоппера "Театр Шеридана", снимок междусобойчика в офисе. Она знала, увольнение ее Моды обставит красиво. Так оно и получилось.

Моды улыбнулась Сьюзен из-за письменного стола. Улыбнулась и откинулась, принимая позу фальшивого спокойствия.

— Входи, Сьюзен, — пригласила она, и Сьюзен отметила, восхищаясь, смесь дружелюбия и грусти в ее голосе. — Садись, дорогая.

Дельце прокрутилось на поразительной скорости, учитывая, как трудно было для Мод отпускать кого-то, но уже через пять минут Сьюзен выкатилась из кабинета.

Тара промолчала, когда Сьюзен сообщила новость. Она встала из-за рисовальной доски, пририсовала усы женщине на эскизе, обняла подругу и прошептала только:

— И когда же мы встретимся снова?

— Утром.

— Обещаешь?

— Обещаю...

— Тогда мотай отсюда поскорее!

— Ты сумеешь быть дома завтра утром? — спросил за обедом Лу. — Придут устанавливать телефон. — Он старательно избегал смотреть на Сьюзен.

— Теперь я всегда могу быть дома, — она повернулась к Андреа. — Поешь свеклы, родненькая, тебе полезно.

— Не люблю свеклу!

— Знаю, но все равно съешь.

— И что это означает? — поинтересовался Лу, по-прежнему уткнувшись в тарелку.

— Меня уволили.

— Как это получилось? — Лу наконец взглянул на нее.

— Тяжелые времена, — объяснила она (большого пока что не требовалось).

— Жаль, — но вид у него был совсем не сожалеющий. — А ты? Огорчена?

— В общем, нет. Андреа, ну-ка жуй, наконец!

Больше они про это не заговаривали, и Сьюзен, раздраженная, злая, притворилась, будто забыла подать десерт, оставив эклеры в холодильнике. Туда ни Лу, ни Андреа сами не заглянут ни за что, всегда просят принести. Свой она съест позже, одна.

Тяжко повис вечер. Лу сидел на кухне, просматривая киношный контракт, Андреа примостилась, как всегда, перед телевизором, выпросив разрешение лечь попозже, чтобы посмотреть фантастический фильм.

Сьюзен в спальне переставила ночной столик на сторону Лу, попробовала читать, бросила и отправилась принимать горячую ванну.

Пришло время укладывать Андреа, что-то она засиделась у телевизора.

— Ну, еще минуточку, мама! — отчаянно попросила девочка.

— Ладно, но только одну.

Сьюзен уселась на кушетке и обняла Андреа.

На экране космический корабль плыл в космосе на головокружительной скорости. Все члены экипажа, казалось, полны рвения. Сьюзен на минутку заинтересовалась молодым актером. Тут корабль устремился к чему-то в звездной черноте, чему-то огромному, беззвездному, непроглядно черному, круглому, зловеще притягивающему. Слишком поздно Сьюзен разглядела, что это — черная дыра, она видела рекламные ролики к фильму, ее от них переворачивало. Инстинктивно она поняла, что наблюдает нечто важное, нечто, имеющее отношение к ней. Зачарованная, Сьюзен не могла отвести от экрана глаз. Корабль все приближался и приближался к этой жуте, его закрутила воронка, шанса на избавление не осталось ни для актеров, ни для нее. Потом они нырнули в созданный спецэффектами вакуум, вращаясь и вращаясь по концентрическим кругам черноты, головокружи-

тельно, стремительно, круг за кругом, на экране — карусель пятен: расплывчатые лица, чернота... задыхающиеся, застывшие во времени... чернота, лица, чернота, лица...

Сьюзен оторвалась от экрана, чувствуя, что и ей не хватает воздуха.

Что это было? И что происходит с ней?

Глаза снова уткнулись в экран. Проскочив черную дыру, люди возникли где-то еще. Фигура, слишком квадратная для человека и слишком человекоподобная, чтобы быть кем-то еще, стояла наверху обрывистого холма. В отдалении высились еще холмы. Все искореженные, фантастических очертаний, не похожие ни на что в мире. Между ними плясали языки пламени, стлалась пелена дыма и пепла, воздух забит ватным, вязущим туманом... Изображение ада. Сьюзен смотрела на ад. Киношный, но все-таки ад.

13

Ночь прошла ужасно, почти без сна. Чтобы как-то отвлечься, Сьюзен решила пройтись по магазинам. Но это не помогло. Сердце сжималось от непонятной тоски, а ноги сами несли ее обратно к дому.

Не успела Сьюзен открыть входную дверь, как сразу поняла — что-то случилось. Она ничего не слышала, но все равно знала. Оставив пакеты в дверях гостиной, Сьюзен заглянула в комнату: ничего необычного, прошла на кухню — тоже все в порядке, и направилась по длинному коридору в спальню. Подойдя к дверям, она услышала его.

Звонок ада. Беззвучную Мерзость.

Сьюзен торопливо вошла и увидела перевернутый столик, опрокинутый телефон со сбитой трубкой. Она быстро хлопнула трубкой об аппарат, отрезая его, изгоняя. А потом, сидя на полу рядом с кроватью, услышала другой звук — приглушенное рычание.

— Ласкунчик Уильям? — окликнула Сьюзен.

Рычание не смолкло.

— Ласкунчик Уильям!

Она стала искать, где же пес, и тут заметила, что дверь в кладовку приотворена.

— Миленький, все о'кей, я дома. — Сьюзен распахнула дверь.

Пес забился в угол, за обувную коробку, свернулся там, пасть и грудь забрызганы пеной, рычит, темные губы оскалены. Видны старые, в пятнах, зубы, уши прижаты: доведен до безумия. Он пробыл тут все время, вынужденный слушать Безмолвие, пока она носилась по магазинам.

— Ох, миленький! — Сьюзен чуть не заплакала, глядя на пса. — Все в порядке. Мамочка дома, — и потянулась поласкать его. Старые, изъеденные зубы вонзились в руку как пики. От

удивления и боли Сьюзен отпрянула, а собака ткнулась мордой себе в грудь. Рычание на миг перешло в грозный рык.

Сьюзен побежала в ванную и подставила руку под холодную воду, стараясь унять боль. В точках укуса вздувались капельки крови, быстро набухали синячки. Когда она вышла из ванной, то сразу увидела пса. Он выбрался из кладовки, голова набычена, смотрит на нее безумным глазом, оскалив зубы, коричневые, пятнистые, с них свисает слюна, шерсть на загривке дыбом...

— Ласкунчик Уильям... — едва выговорила она, в ответ челюсти его раскрылись, и ее оглушило рычание. — Ласкунчик Уильям... — умоляюще повторила Сьюзен, и морда у собаки опустилась еще ниже, оскал стал страшнее, обнажив клыки. Она начала медленно отступать, но он угадал ее намерение и оказался там первым: больше не любимый пес, а демон, упивающийся ее страхом.

— Сиди, пес! — приказала Сьюзен, а он зарычал, делая к ней первый шаг, нагнув голову для атаки.

— Ласкунчик Уильям, слушайся! — Сьюзен попятилась к приоткрытой двери ванной. Пес мгновенно обежал ее, рыча, давась, отрезая ее от двери.

— Ласкунчик Уильям, это же я!

Он прыгнул, клацнув зубами в дюйме от ее ноги. Сьюзен, быстро отступив, наткнулась на кровать, взобралась на нее, подбрав ноги, вне досягаемости зубов.

— Сиди, пес! Сиди!

Он подскочил к кровати, оперся лапами и снова атаковал ее. Она отодвинулась, вжимаясь в стенку.

— Ласкунчик Уильям, ты что! Это же я! Прекрати!

Одним прыжком пес очутился на кровати и впился зубами ей в ногу. Они взвыли вместе: она от боли, он — от ярости.

— Боже! — Она оторвала пса от себя и с силой, подстегиваемая болью, швырнула с кровати.

Пес ударился об пол, взвыл и снова скакнул к ней на кровать, оскалив зубы, на них краснела ее кровь.

Сьюзен мчалась через комнату, уже у двери услышала, как Ласкунчик Уильям ударился об пол, опять взвыл, и почувствовала его зубы на лодыжке. Она рванулась, волоча его за собой, стараясь раздвинуть его челюсти, плача, крича: "Перестань! Перестань!" — отбросила пса и захлопнула перед ним дверь. В коридоре Сьюзен опустилась на пол, глядя на ногу, слушая рычание, доносившееся из-под двери, потом царапанье когтей — он пытался прорыть под дверью лаз к ней.

Сьюзен вымыла ногу в ванной Андреа, обвязала полотенцем вместо повязки, тщательно замыла следы крови на полу и в раковине и стала решать — что же делать. Позвонить в полицию? Это означает — смерть Ласкунчика Уильяма, а она, хотя и боится его, но все-таки любит. Не он напал на нее, это Существо ис-

подтишка плюется, изрыгает яд. Нет, Ласкунчик Уильям его жертва, так же, как и она. Первая жертва, подумала Сьюзен.

Из спальни раздался звон и треск. Подбежав к дверям, Сьюзен прислушалась. Больше ни звука...

— Ласкунчик Уильям? — она прижалась ухом к двери. — Ласкунчик Уильям? — Тишина.

Медленно, прижимаясь к створке, Сьюзен приоткрыла дверь. Разбитое окно. Стеклянные стрелы углов указывают на рваную дыру посередине, дыра, через которую Ласкунчик Уильям выпрыгнул на цемент с одиннадцатого этажа, предпочитая смерть новой атаке на любимую хозяйку.

Тара приехала после девяти, Лу ей позвонил и все рассказал. Сьюзен лежала на тахте в гостиной, уже с настоящей повязкой на ноге. Ее наложил Лу, хотя Сьюзен отказывалась разговаривать с ним, только бросила: "Это ты виноват. Я предупреждала!"

— Не хочу, чтобы он входил сюда, — сказала Сьюзен, когда Лу ввел Тару.

— Но, милая...

— Не хочу, чтобы он был тут! — И Лу, поколебавшись, предпочел послушаться и выскочил из гостиной к себе в спальню.

— Что стряслось? — Тара смотрела на бинт в розовых пятнах на ноге Сьюзен.

— Еще щеночком взяла... — И Сьюзен, уткнувшись в подушку, разрыдалась, внезапно и бурно. — Ни разочка никого не тронул! Ни разочка... Даже белок в парке не гонял. Такой был ласковый... С животных все и началось. — Она вспомнила белку в парке. — Стоит им приблизиться ко мне... Оно убивает их.

— Миленькая, успокойся! — Тара взяла ее за руку и только тут увидела укусы.

— Тара! Я меченая! Меченая адом! — Давясь слезами, Сьюзен не могла ни говорить толком, ни думать.

Тара побежала на кухню за джином и спросила у Лу, сидящего там:

— Она еще ходит к своему психушному доктору?

— Говорит, да, — и смешивая джин с вермутом, горько добавил: — Чего только она не говорит!

— Как думаешь, отчего пес набросился на нее?

Лу протянул Таре бокал.

— Возможно, защищался.

Тара подумала, что говорить так — гадость, пусть даже жена не разговаривает с ним. Не сказав больше ни слова, она понесла бокал Сьюзен.

— На, миленькая, выпей.

Сьюзен с радостью отпила и подняла к Таре залитое слезами лицо.

— Тара, я не сумасшедшая. Правда!

— Никто и не говорит.

— А зачем говорить? И так все понятно. О Боже, Тара, мне кажется, я ненавижу Лу!

— Ну что ты! Рассердилась просто... — И Тара вспомнила злое замечание Лу. — У вас у обоих трудный период.

— Но что, что мне делать?..

Тара просидела с ней до полуночи. Одурманенная джином, Сьюзен решила, что, наконец, сумеет заснуть. Она проводила Тару до дверей, заперла за ней и прошла на кухню. Достав из ящика большие ножницы, тихонько вернулась в спальню. Лу спал под двумя одеялами, картонка, которой он заделал окно, почти не защищала от прохладного ночного воздуха. Крадучись, Сьюзен подошла к его стороне кровати и посмотрела на него. Неужели она действительно его ненавидит? Опустилась на колени рядом. Разве можно ненавидеть человека, которого всю жизнь любила? Ненавидеть всерьез? Можно, решила она. И с этими мыслями перерезала телефонный шнур, обезвредив оружие.

На следующий день Сьюзен ушла из дома искать утешения в том, чем утешалась всегда — в черной работе. На Амстердаменю она разыскала стекольщика, который обещался придти между двумя и тремя, потом решила сделать покупки в маленьких магазинчиках, а не в супермаркете, зашла в скобяную лавку за не нужным ей товаром, и, наконец, истощив все надуманные дела, вернулась домой.

Управляющий топтался в вестибюле, когда Сьюзен вошла: она поспешила к лифту, чтобы не встретиться с ним.

— Миссис Рид... — окликнул он. Сьюзен не успела нажать кнопку и нехотя вставила ногу, удерживая дверцы лифта.

— Да?

— Я посоветовался с вашим мужем, — приглушенно выговорил он. — Сегодня днем пса увезут.

— Спасибо, — она убрала ногу.

— Да, еще с телефонной станции заходили.

Двери уже закрывались, и ей пришлось поспешно нажать кнопку "стоп".

— Почему с телефонной? Я ни за кем не посылала...

— А он сказал — посылали. Я и впустил только потому, что вы же сами сказали — телефон у вас не работает... — Сьюзен нажала кнопку своего этажа, оставив управляющего оправдываться в пустом вестибюле.

Она быстро вошла в квартиру, зайдя сначала на кухню: разгрузиться от пакетов. На стене сверкал новенький белый телефон. И в гостиной на столе стоял новенький. А самое худшее — отремонтированный телефон Лу в спальне стоял с ее стороны кровати.

— Что ты надо мной издеваешься! — завизжала она.

И они ответили.

Она стояла в спальне, слушая глумливый металлический хохот, эхом перекатывающийся по квартире: *Это* всегда будет побеждать, независимо от того, что бы она ни предпринимала, куда бы ни обращалась. И все-таки Сьюзен упрямо достала из кухонного стола ножницы и угомонила их всех.

Позже, когда она задремала, измученная всем происходящим, ее разбудили залихватистые звонки телефонов. Они самостоятельно залечили себе раны.

14

Дни текли в молчаливом отчаянии. Сьюзен ждала, сторожила признак очередной атаки. Телефоны молчали, всегда рядом.

Как-то днем, не в силах изобрести больше никакой домашней работы, Сьюзен отправилась в офис забрать свои вещи. Встретила ее всеобщая искренняя печаль — из-за того, что ее уволили, или Тара им рассказала?

— Будем скучать по тебе, детка, — бросил редактор живописи, когда она шла по длинному коридору к своему “кабинету”. Она на минутку приостановилась, ответить на доброе слово.

— Я тоже буду по тебе скучать. И по твоим грязным анекдотам.

— Начну смешить тебя по телефону, — пообещал он.

— Лучше по почте.

Собственный ее закуток показался ей чужим: иллюстрация, над которой она работала, исчезла, на рисовальной доске прибрано. Сьюзен медленно собирала пожитки. Подняв глаза, она увидела Тару: та стояла в дверях с таким лицом, будто вот-вот расплачется.

— Привет, — поздоровалась Тара.

— Приветик.

— Барахлишко собираешь?

— Угу.

— Можно я заползу в твою коробочку?

— Буду рада.

Войдя, Тара плюхнулась, как всегда, на рисовальную доску.

— Угадай — что?

— Что?

— Я опять без мужика.

— То есть?

— Юрий откопал себе даму-ортопеда с частной практикой и грудями-бомбами.

— Жалко. — Но сострадание Сьюзен уменьшало сознание, что печалилась Тара, оказывается, не из-за ее ухода.

— Да-а, раз уж старая дева...

Сьюзен обняла Тару и затормошила ее.

— При стольких-то любовниках? Ты никак не дева...

— Значит, гульливая старая дева...

— Давай сбежим пораньше да надеремся?

Тара наклонила хорошенькую головку, раздумывая.

— Работы полно...

— Брось до завтра.

Повернувшись к Сьюзен, Тара улыбнулась и согласилась.

— А, ладно! Твоя взяла!

Они перебежали через дорогу в бар "Ворвик", заказали, как обычно, мартини и, уютно устроившись в уголке, приготовились поплакаться, каждая о своем, каждая по-своему.

— Мне ведь он по-настоящему нравился, — говорила Тара, когда принесли выпивку. — Черт побери! Уж такая я была с ним хорошая! Правда, Сьюзен! Не откалывала всегдашних своих дерьмовых штучек... Нормальной, в общем-то, была, ей Богу. Какого им черта надо? — почти выкрикнула она, даже бармен на нее оглянулся.

— Кто знает... Может, того же самого, но побольше.

— Надо же! Дама-ортопед! Это что, женщина для взрослого мужика? — Тара захохотала. — Но хватит обо мне. Как у тебя?

Пожав плечами, Сьюзен сжевала оливку.

— Так погано?

— Не блестяще. — Сьюзен рассказала ей про телефоны — троих оккупантов, поджидавших ее дома.

— А может, Лу вызвал поставить? — заметила Тара, ища хоть какое-то объяснение.

— Нет, Лу не вызывал. — Сьюзен уставилась на водоворотик в бокале. — Ты и сама знаешь!

— Ничего я не знаю! — И вдруг пылко, рискуя снова привлечь внимание бармена, Тара выкрикнула: — Сьюзен! Такого просто не бывает!

— Правда? А ты откуда знаешь?

— Знаю и все.

— Так вот. — Сьюзен тронула поверхность вязкой жидкости пальцем, поболтала, намочила палец. — Раньше я тоже знала.

— А как теперь до тебя добираться? — тоскливо спросила Тара.

— Звони. Телефон у меня всегда под рукой.

Через несколько дней Тара и правда позвонила. Сьюзен сидела с Андреа. Вечера их были наполнены друг другом, телевизор быстро отошел на задний план. Сьюзен начала учить девочку рисовать. Ее переполняла потребность быть рядом с дочкой. Выражать любовь к ней, насыщаться ее обществом и насыщать ее своим на случай, если вдруг она внезапно исчезнет.

Лу вошел через минуту после того, как Сьюзен услышала звонок.

— Это Тара. Поговоришь с ней? — спросил он, заранее зная ответ.

— Нет. — Он вышел, и Андреа подняла глаза от акварели, которую они рисовали вместе.

— Мам, ты злишься на Тару?

— Нет, доченька. Просто больше хочется посидеть с тобой, чем болтать по телефону. — И она погладила волосы дочки.

Андреа дорисовала на лужайке дома собаку. Большую, толстую.

— Ласкунчик Уильям, — сообщила девочка. — Он не умер.

— Нет, дочка. Для нас — нет. — Сьюзен пошла в спальню, Лу как раз клал трубку.

— Просила, чтобы ты зашла к ней завтра вечером. Важное что-то, — сказал он и отвернулся от нее к телевизору.

На следующий вечер, в девятом часу Сьюзен поднялась на крыльцо и вошла в вестибюль дома Тары. Пока она стояла перед запертой дверью, до нее явственно доносился аромат соуса спагетти. Она нажала кнопку Тариного домофона.

— Да-а? — окликнула Тара.

— Это я.

На лестнице соусом пахло всюю и восхитительно, запах ослабел только, когда она миновала второй этаж, сменившись запахом домашнего хлеба. На минутку Сьюзен позавидовала людям, которые обедают так поздно: на окраине к восьми часам посуды уже вымыта, дети выкупаны, мужья устраиваются перед телевизором и расползается скукота.

На площадке последнего этажа маячила голова Тары.

— Фу, тяжело без лифта... — посетовала Сьюзен, но не всерьез. Лестница, запахи, свобода — все так чудесно.

— Что же важно? — поинтересовалась она, когда Тара налила ей рюмочку.

— Подушки. Симпатичненькие?

Сьюзен подалась вперед и оглянулась.

— Шик! А важное-то что?

— Миленькая... — Тара протянула ей коктейль. — Уж я старалась, старалась для тебя... За тебя! — Они отпили.

— И все-таки? Скажи же наконец!

— Не погоняй, не то продешевлю. А я через ад прошла, метафорически, разумеется, и разыскала одного человечка из телефонной компании. Подруга подруги еще одной подруги. Поговорила с ней вчера, и сейчас она придет беседовать с тобой.

— Но для чего? — На Сьюзен нахлынуло раздражение.

— Для того! Я звонила в телефонную компанию, прикинулась, будто все происходит со мной, и мне расхохотались в лицо...

— Заранее тебе могла бы сказать.

— Ну да! А вот Гарриэт не посмеялась. Это ее так зовут. Гарриэт Волгрин. Обеспокоилась всерьез.

— Боже, снова завела! — Сьюзен отшвырнула ненавистные подушки. — То самец-экстрасенс, теперь — телефонный оператор...

— Между прочим, она — вице-президент “Ма Белл”, так что полегче на поворотах. Черт побери, да, Сьюзен, ты права! И буду начинать и начинать, пока это не закончится. Или тебе охота до конца жизни шарахаться от телефонных звонков? — сердито выговорила Тара.

В 8:30, точно в назначенное время, зажужжал зуммер, и Тара объявила: — Гарриэт поднимается!

— Надеюсь, она не слишком дряхлая, осилит твою лестницу? — заметила Сьюзен.

Как выяснилось — нет. Гарриэт Волгрин была на несколько лет моложе Сьюзен и потрясающе эффектна. Вдобавок к красоте ей был присущ определенный стиль. Даже в небрежном наряде от нее исходил тонкий, но вполне различимый для любой женщины восхитительный аромат денег. Все вместе взятое немедленно настроило бы против нее Сьюзен, не прояви Гарриэт глубокого сочувствия.

— Мне твоя история весь день покоя не дает, — объявила она за скотчем с водой. — Даже заперлась у себя в кабинете и курнула марихуанки. — Сияние улыбки не таило и тени смущенности.

— А не осталось? — поинтересовалась Тара.

— Ментол или настоящую? — Гарриэт полезла в сумочку и вытащила самокрутку. Они подымили, пустив ее по кругу, пока напряженность знакомства не сменилась дружелюбной теплотой.

— Ты мне веришь? — спросила Сьюзен.

— Конечно... Верю, что тебе кто-то звонит. — Вид у Гарриэт стал виноватый.

— Ну хоть так.

— Я проверила твои новые телефоны, — продолжала Гарриэт, показывая намерение помочь. — Заявки на них не поступало, и записи об установке тоже нет.

— Само собой. — Откинувшись на спинку, Сьюзен прикрыла глаза. — И нет записи, что они сами себя починили.

— Дерьмо! — тихонько ругнулась Гарриэт. — Это уже за гранью!

— Ты такая милашечка, что стараешься мне помочь.

— Милашечка? — переспросила Гарриэт и залилась хохотом. — Меня так мамочка моя называла. — И добавила серьезно: — Сьюзен, я хочу поставить на твой телефон “жучок”.

— Спасибо... — Сьюзен подумала, что толку от этого никакого. — А если звонок нельзя проследить? Что если они из мест, куда вам не добраться?

— Это невозможно.

— Ну, а вдруг?

— Найдем для тебя “изгоняющего дьявола”. — Гарриэт заметила страдальческое выражение на лице Сьюзен. — Милая, ну что ты! Такое ведь немыслимо! Слушай, давай завтра встретимся за ланчем и обсудим детали. В час, в “Мэйсон Франсез” на 56-й. О’кей?

— Спасибо. — Сьюзен тепло попрощалась с Гарриэт.

На следующий день в час Сьюзен вошла в “Мэйсон Франсез”, назвала имя Гарриэт старшему официанту, и ее проводили к столику.

— Что будете пить? — Официант держался слишком робко, смущая ее. Взяв скотч с содовой, она устроилась ждать Гарриэт.

— Ого, роскошный костюмчик! — воскликнула та, скользнув на банкетку рядом со Сьюзен. — Извини, опоздала. Где раздобыла?

— У “Сакса”. — Сьюзен была довольна, что не зря принарядилась. — А ты свой?

— От Ралфа Лоррена, но не надо меня за это ненавидеть. Подарок Ларри, моего мужа. Две недели мы обедали дома, чтобы за него расплатиться. Приветик, Джозеф! — Официант, хотя ему ничего не заказывали, принес ей коктейль, поставив бокал с теплой улыбкой восхищения. — Как Эдварду понравилась игра янки?

— О, мисс Волгрин, он в восторге. Еще раз спасибо.

— Ну... — Гарриэт подняла бокал, — ...поздравляю. Твой телефон прослушивается.

— Уже?

— Мы в “Ма Белл” в игрушки не играем.

— Какое небо тебя послало? — воскликнула Сьюзен.

— Бруклинское.

— Ты шутишь!

— Нет, но я долго совершенствовалась, пришлось потрудиться. Послушай, мы должны составить план. Следующий раз, когда он позвонит...

— Он?

— Он, они — неважно. Пожалуйста, не вешай как можно дольше трубку.

— Гарриэт, я не могу. Даже секунда у трубки наводит на меня ужас.

— Но, Сьюзен, иначе мы не сумеем проследить звонок. Вот что — положи трубку у аппарата и уйди из комнаты: главное, не вешай. Это важно.

— Ладно, — нехотя уступила Сьюзен.

— А я буду звонить так: один звонок, потом кладу трубку и набираю номер снова. Ты уже будешь знать: это я.

— Ох, Гарриэт! Бестолковая затея! Оно тебя отсоединит.

— Но все-таки послушайся меня, о'кей?

— О'кей.

— И хватит смотреть так грустно. Мы его поймаем. "Ма Белл" победит кого угодно! В этом прелесть монополии. А теперь, как насчет того, чтобы подзакусить?

Они ели, больше не упоминая о звонках, и жизнерадостной Гарриэт почти удалось заставить Сьюзен почувствовать себя такой же.

Хотя бы ненадолго.

15

Наняв машину, Сьюзен отправилась в Лонг-Айленд, на кладбище домашних животных, где похоронили Ласкунчика Уильяма.

Тихогласный, почти карикатурно, служащий (в подобающем темном костюме) из главной конторы указал ей, где могила Ласкунчика Уильяма, пока еще без таблички. (Надгробие, говорил ей Лу, заказано, с надписью "Ласкунчик Уильям, спутник и друг".)

Пока она шла к сектору "Д", ряд 14, участок 12 (супермаркет мертвых), ей пришло в голову, что Ласкунчику Уильяму тут понравилось бы. Пес скакал бы, бегал по тропинкам, возвращаясь к ней, исходя слюной, чтобы тут же умчаться снова, оглядываясь на нее, бросая вызов — догони! Сьюзен представилось, как он галопом мчится от нее, вдруг возвращается, слышав ее зов, прыгает на нее, пачкая лапами, уши прижаты, когда она бранит его, морда вытянута для поцелуя прощения.

Неподалеку от нее, у могилы ее любимца стояла пара, улыбаясь свежим цветам, женщина нагнулась выдернуть сорняк, оскорблявший место упокоения ее ребенка-суррогата. Сьюзен показалось унижительным, что она в их компании — наблюдает пустоту их жизни, выставляет напоказ собственную.

Отыскав сектор "Д", она прошла вдоль пронумерованных рядов.

— Ах, черт бы тебя подрал, Ласкунчик Уильям! — увидела она себя много лет назад в первой своей квартире. В руке — туфля; вернее, то, что раньше было туфлей, до того, как ею завладел неуклюжий щенок.

— Ну ты у меня получишь сейчас! — То была квартира-студия, бежать некуда, но щенок, прижав уши, поджав хвостик, заполз под кровать и свернулся там в совсем маленький клубочек.

— А ну-ка, вылезай! Получи, что заслужил! — Сьюзен опустилась на четвереньки, грозя ему испорченной туфлей. Щенок смотрел на нее, огромные карие глаза излучали полны раскаяния. Будь он человеком, наверняка заплакал бы.

— Давай, давай! Вылезай! — Она попробовала дотянуться до него, но не сумела. — Чем дольше прячешься, тем крепче тебе

достанется! — Опрокинувшись на бок, щенок поднял переднюю лапу, прося о пощаде.

— Негодный ты пес! Я жалею, что взяла тебя...

Он ткнул лапой в ее направлении, глаза, даже в темноте под кроватью, блестели от невыплаканных, невозможных слез.

— Написал тут везде и изгрыз единственные мои приличные туфли... — Щенок заскулил. — Болван несчастный!

К ней потянулась лапа, он положил голову на пол, кающийся проситель, тихонько поскуливая, словно сожалея о своей глупости, слабости, своей греховности.

— Да ладно уж, вылезай! — поласковее, но еще сердито крикнула она. Щенок заскулил погромче, как бы прося Бога — “вмешайся же, наконец!”

— Да вылезай уж, — невольно расхохоталась Сьюзен, — придурок маленький!

Щенок подполз к ней (голова еще великовата для маленького туловища), глаза — жалобно-страдальческие.

Тут-то в первый раз он и потянулся мордой, чтобы его поцеловали.

— О, Господи! — Она взяла его на руки. — И во что я ввязалась?

С воспоминаниями покончено, Сьюзен обнаружила, что тихонько плачет на могиле Ласкунчика Уильяма, ей ужасно хотелось поцеловать своего пса еще хоть разочек.

Домой Сьюзен вернулась уже после двух. Не успела она закрыть дверь, как зазвонили телефоны. Один раз. Сьюзен напряженно смотрела в сторону кухни (ближайший от нее телефон), ожидая паузы — сигнала, что дозванивается Гарриэт. Пауза наступила. Следом второй звонок. Сьюзен подождала, пусть позвонит несколько раз, медленно вошла на кухню, все еще страшась, что придется дотронуться до телефона, но затем, припомнив уверенность Гарриэт (в себе и окружающем ее мире), сняла трубку.

— Гарриэт? — спросила она, держа трубку на отлете.

— Пошла твоя Гарриэт на... — успела услышать она до того, как хлопнула трубку. Если это и произнес голос, то совсем не похожий на человеческий. В сгустке плотной тишины. Это мог быть только один субъект.

Или Существо.

— Я не могу описать! — Сьюзен по-прежнему трясло, хотя секретарша по просьбе Гарриэт уже принесла кофе. (Сьюзен, выскочив из дома, увела такси из-под носа какого-то прохожего; тот, увидев ее, побоялся даже спорить, и примчалась прямо на телефонную станцию, на 42-ю улицу. Дежурный послал за Гарриэт, срочно вызвав ту с заседания.)

— Даже не пойму, был ли это голос, — прерывисто, стараясь замедлить поток слов, лившийся из нее, рассказывала

Сьюзен. — Больше похоже на рычание зверя, что ли... сама не пойму...

— Может, электроника какая?

— Что?

— Ну, через микрофон говорили.

— Не знаю. Господи, Гарриэт, в жизни так не пугалась...

— Понимаю, милая. Но успокойся, успокойся же!

— Про тебя знает! Знает, как мы уславливались, чтоб ты звонила.

Гарриэт хотелось разубедить Сьюзен, объяснить, что ничего тот не знает, но она сумела только выговорить:

— Ладно, будет тебе! Успокойся!

Через несколько минут, когда Сьюзен успокоилась, Гарриэт уже потребовала:

— Послушай, ты должна сделать это. Как бы ни напугалась, но следующий раз, когда позвонят, не вешай трубку. Положи рядышком, уйди из квартиры, приезжай сюда, если захочешь, только не вешай! Мы бессильны что-то сделать, если снова повесишь!

— Я понимаю. — Сьюзен было стыдно, что она не способна помочь единственному человеку, который взялся выручить ее из беды. — Не буду. Обещаю.

— Вот и умница. — Гарриэт взглянула на часы. — Ох, дерьмо! 3:15! У меня кабинет битком набит подчиненными, которые ждут-не дождутся наброситься на меня. Пора! Пойдем, провожу тебя до лифта.

Они вместе дошли до лифта. Гарриэт заверила Сьюзен, что им все удастся. Непременно. Рано или поздно, а он (оно) будет пойман и посажен, куда следует.

— Наверняка псих какой-то. Порой такие выползают из нор. Но им нельзя поддаваться!

Сконфуженная дальше некуда, Сьюзен покивала, глядя вслед Гарриэт, торопящейся на заседание. Случись какая напасть с такой, она уж знала бы, как справиться! У Гарриэт было все, чего недоставало Сьюзен, среди прочего — храбрость.

На полпути к вестибюлю Сьюзен вспомнила, что Андреа наверняка уже пришла из школы, сидит одна в квартире и ждет ее.

Новый позор.

Шанс им наконец представился. Произошло это на другой день утром. Только-только стукнули дверцы лифта — Лу увез Андреа на целый день.

Звонок. Пауза. Второй. Сьюзен стояла на кухне с чашкой кофе в руках, чувствуя, что начинает дрожать, и уверенная — на другом конце провода ее поджидает Существо.

Вспомнив наставления Гарриэт, она подошла к телефону, сняла трубку. Поднеся ее к уху, она услышала голос Гарриэт:

— *Послушай, ты должна сделать одно. Как бы ни напугалась, но следующий раз, когда позвонят, не вешай трубку. Положи ее рядышком, уйди из квартиры, приезжай сюда, если захочешь.*

— Гарриэт? — неуверенно спросила Сьюзен.

— *...только не вешай! Мы бессильны что-то сделать, если снова повесишь.*

— Гарриэт? Это ты?

— *Я понимаю. Не буду.*

Сьюзен узнала собственный голос.

— *Вот и умница...*

— Гарриэт? Гарриэт? — выкрикнула Сьюзен, как будто могла пробиться сквозь толщу разговора к настоящей Гарриэт.

— *...Ох, дерьмо! 3:15! У меня кабинет битком...*

— Прекрати!

— *...подчиненными, которые ждут-не дождутся наброситься на меня. Пора...*

— Черт побери! Я не повешу трубку!

— *...провожу тебя до лифта...*

— На этот раз ты не заставишь меня! Ни за что!

— *...а как тебе кабинеты наши? Шик, да?*

Сьюзен хлопнула трубку на кухонный стол с такой силой, что треснул наушник, и белый кружок пластика скакнул на пол, где несколько секунд повибрировал, а потом замер у ее ног. Сьюзен уставилась на него, и через минуту до нее дошло: из уцелевшей части трубки не раздается ни звука. Она бросилась в гостиную и сорвала трубку второго телефона.

Лишь гудок набора.

Кляня себя за глупость, Сьюзен твердила, что в следующий раз, когда позвонят, никакие трюки, никакие непристойности, самые неожиданные, не вынудят ее нарушить обещание.

Пахло дымом. Запах преследовал Сьюзен весь день, и она тыкалась по всей квартире, ища источник. Лу ничего не чувствовал и раздражался все сильнее, наблюдая, как она без конца то открывает, то захлопывает дверцы шкафа. А запах держался. Три раза проверяла подсобные помещения, выглядывала в коридор; раз десять открыла дверцу плиты; приняла лампу и двух телевизоров, даже крутила транзистор, принесенный из офиса. А едкий запах дыма не исчезал. Присутствовал он и в ее единственном сне в ту ночь.

Снилось ей, будто Гарриэт — кукла, и кукла горит. Гарриэт горит, потрескивает от жара грива волос, каждая прекрасная черта лица обесцвечивается, платье стало коричневым, потом черным и рассыпалось пеплом.

Сьюзен проснулась и впервые за последний месяц потянулась к телефону у кровати добровольно.

— Гарриэт? — сказала она, дозвонившись. — Это Сьюзен.

— О-о, ты? — отозвалась Гарриэт.

— С тобой все в порядке?

— Разумеется. А что?

Сьюзен замешкалась на минутку, чувствуя себя преглупо, но все-таки выдавила вопрос:

— А вчера вечером? Ничего не случилось?

— А что?

— Случилось, да? Был пожар?

Опять заминка, по которой Сьюзен поняла ответ.

— А ты-то откуда знаешь?

Да, ее догадки правильны: предостережение, огонь из царства огня.

— А что произошло? — сжалась в тошнотворном предчувствии Сьюзен.

— С плитой что-то. Ларри подумал, я ее выключила, а я подумала — он. Но откуда ты узнала?

— Почуяла дым.

— Что?!

— Гарриэт, пожалуйста, выслушай меня и сделай, как я прошу. Я хочу, чтобы ты сняла “жучки” с моих телефонов. Забудь, что вообще знакома со мной...

— Сьюзен, да ты что?

— Мне не требуется твоя помощь. Прошу, оставь меня в покое.

— Но почему? Что я сделала не так?

— Гарриэт, не в том дело. Я думаю, что может случиться с тобой, если не бросишь меня! Пожалуйста, ради тебя самой же...

— Сьюзен, прекрати! Успокойся...

— Все равно ты ничего не сможешь! Разве сама не видишь? Гарриэт, пожар — предостережение. Оно знает, что ты попытаешься мне помочь. Оно не допустит...

— Сьюзен, что за нелепость! Подумаешь. В плите загорелось! Да у нас такое сплошь и рядом. А все почему? Если и есть в мире распустеха хуже Ларри, так это я...

— Пожалуйста, Гарриэт! Ну пожалуйста!

— Послушай... — Голос Гарриэт прозвучал неожиданно властно. — Это не просто любезность станции. Я служу в телефонной компании, и нам не нравится, когда нашими аппаратами пользуются, чтобы изводить людей. Миленькая, смирись. Нравится тебе или нет, но я на твоей стороне.

— Прости, — после паузы произнесла Сьюзен. Она поняла, просить дальше бесполезно. — Прости, что впутала тебя.

— Ай, не глупи!

— Ты — изумительный человек. — Сьюзен заплакала.

— Ты — тоже. Все мы замечательные люди, с одним вопиющим исключением. И мы застукаем его, Сьюзен! Обязательно! Обещаю! О'кей?

— О'кей!

— А когда застукаем, угостишь меня обедом в "Палас". Уговор?

— Да.

— Смотри, там бутылочка вина, самого простенького, в 75 долларов обходится! Так что знай, во что влипла.

— Считай, ты уже на обеде. — Сьюзен, улыбаясь, шмыгнула носом.

— А я пьянчужка еще та...

— Ты женщина еще та.

— Наша цель — угодить. А теперь вытри слезы да сбегай в киношку. Лично я всегда так поступаю.

— Ладно. Спасибо тебе.

— До встречи в "Палас".

Сьюзен положила трубку и отодвинулась на свою сторону кровати.

Зазвонил телефон. Оно было там, карауля ее, как она и предчувствовала.

Сьюзен осторожно положила трубку на кровать и вышла из спальни. В кровати Андреа слышно ничего не было. Она лежала, гадая, сумеет ли выразить свою благодарность Гарриэт, свое восхищение и любовь. Но случая ей так никогда и не представилось...

Гарриэт сидела у себя в кабинете за столом, глядя на телефон: она только что положила трубку.

— Бедная детка, — пробормотала она про себя, и тут загудел селектор.

— У-гу?

— Тони с 22-го этажа. На третьей.

Гарриэт нажала кнопку.

— Мисс Волгрин, на линии Рид творится нечто дикое. На той, которую вы просили контролировать. Желаете взглянуть?

— Поднимаюсь, — и она направилась к двери. — Мы засекли тебя, сволочь!

На 22-м Гарриэт вышла из лифта, улыбаясь, вспоминая тот единственный раз, когда обедала в "Палас", и направилась по коридору в компьютерную. Набрав нужную комбинацию на двери-сейфе, толкнула тяжелую стальную створку. Внутри ее встретил обычный звук — миллионы отдельных щелчков, сливающихся в одно низкое гудение. Гул этот, властный, значительный, всегда доставлял ей удовольствие.

— Привет, Тони! — поздоровалась она, входя в кабинетик, уютящийся позади машин-великанов. — Что тут у тебя?

— Это вы мне скажите. — Он протянул ей распечатку.

Гарриэт взглянула на длинные столбцы бледно-синих цифр, не говорящих ей ровно ничего.

— Подожду, пока картинку сделают...

— Вот, смотрите. — Взяв карандаш, Тони одним росчерком обвел номер Сьюзен: два — наверху списка, один — в середине, и один — внизу. — Отсюда следует, что звонят с магистральной линии — 01603.

— Так. — Гарриэт чувствовала, что Тони кипит. — И что?

— Значит, из Санта-Моники.

— Ну и прекрасно.

— Не особо. Я позвонил туда. У них звонков по номеру Рид не зарегистрировано. Более того, эта линия вышла из строя. 01603 не используется уже два дня. Так откуда же, черт побери, звонки?

— Это невозможно!

— Несомненно... если только не... — он помотал головой.

— Если — что?

— Если только не ведут направленную передачу через спутниковую систему. Он, что, Рид этот, важная персона? Пойдемте, миссис Волгрин! Покажу вам на выходе терминала. Поступает регулярно, как часы.

Гарриэт последовала за Тони. Они прошагали мимо компьютерных банков и подошли к маленькому компьютеру. Встали перед ним, наблюдая, как на экране вспыхивают и гудят номера.

— Видите? — указал Тони на экране. — Вот, опять.

— Черт подери, — пробормотала Гарриэт.

Гудение стало напряженнее.

— Послушайте, мисс Волгрин, может, вы о чем-то умолчали?

— К примеру?

— Да откуда мне знать? Тест, может, какой? Или глушитель новый?

— Тони, тогда при чем была бы я?

Еще громче...

— Не знаю, — замылся Тони. — Но творится что-то невообразимое. Господи...

— Нет, это не шутка и не тест, Тони.

— Тогда что же?

— Не представляю.

Гудение, раза в три-четыре громче обычного, прервало их разговор.

— Эй, Пэт, что там такое? — окликнул Тони парня в дальнем конце комнаты.

— Сам в потемках.

— Ну и гудит! Будто к нам тучи саранчи налетели! — высказался кто-то.

Гудение нарастало. Вдруг завибрировали компьютеры. Все разом.

— Что творится!

— Похоже на землетрясение...

— Какого черта...

— Взгляни сюда! — позвал один техник другого, указывая на ряд терминалов, которые сотрясались, добавляя металлическое

клатание к пулеметным очередям щелчков. А внутри терминалов ошалело затряслись резисторы, сотни тысяч.

— Боже мой!

— Нет, что творится?

— Скорей! Звони наверх!

Внезапно, в едином мощном вздроге, резисторы рванулись из терминалов. Они были нацелены на Гарриэт. И ударили одновременно. Гарриэт упала как подкошенная.

16

Только спустя полчаса Сьюзен осмелилась войти в спальню. Спальня была заполнена *Им*.

Она метнулась к кладовке, стараясь не слышать, не поддаваться, но тщетно. Руки ходили ходуном, и ей едва удалось сдернуть из шкафа одежду, нужную, чтобы сбежать из дома. Захлопнув за собой дверь спальни, она оделась на кухне, но сознание, что *Оно* там, заполняет спальню и может просочиться в коридор, мешало успокоиться. Ей показалось, будто она слышит *Его*, когда смыкались дверцы лифта, но была не уверена: голова шла кругом, могло просто почудиться.

На углу Вэст-Энд-авеню и 77-й стрит телефон-автомат починили. Она сняла трубку. *Оно* было там.

Сьюзен поймала такси и помчалась к Гарриэт. Подъехав, она увидела перед зданием "скорую помощь", а от дверей тихонько отъехал красный фургончик...

— Боже! — слабо выдохнула Тара, в который уже раз после того, как Сьюзен, ворвавшись в ее кабинет, рассказала, что *Оно* убило Гарриэт. — Боже!

Тара поверила. Наконец.

Они составили план. Сама идея была ненавистна Сьюзен, и она боялась. Но уехать ей придется. Уехать одной. Устранить себя от Андреа и Лу. Тогда хотя бы они будут в безопасности.

— Ты у меня храбрец! — Тара сжала ей руку. Было решено, что Сьюзен отправится к родителям Тары, в их деревенский домик, в двух часах езды по шоссе.

— Может, там *Оно* тебя не найдет, — заметила Тара, не считывая на ответ и не получив его.

Они позвонили в "Олин" и заказали машину для Сьюзен. Тара набросала чертёжик, как проехать к их дому, и наконец они собрались уходить. Тара заедет к родителям, возьмет ключ от дома, а потом встретит из школы Андреа. Сьюзен же заберет машину и поедет домой, чтобы собраться.

В приемной она наткнулась на Моды.

— Сьюзен, детка, ну как ты? — И Моды протянула руку с безупречным маникюром. — Уже уходишь, Тара? — на лице у нее мелькнула улыбка.

— Да, уже ухожу, — парировала Тара, таща Сьюзен к выходу.

Припарковав машину у подъезда, Сьюзен вошла в квартиру. Прошла на кухню за ножницами — белый телефон, по-прежнему мертвый, наблюдал за ней молчаливо, гневно — и быстро перерезала ему шнур.

Теперь главное испытание — работающий телефон в спальне. Пока она медленно шагала по коридору, Безмолвие, таившееся там, еще больше уплотнилось и давило.

Сьюзен перерезала шнур очень быстро, но все равно волна тошноты успела накрыть ее, и ее чуть не вырвало. Власть Существова возрастала.

Поспешно упаковываясь, Сьюзен села в гостиной ждать Андреа. Андреа, которую она не увидит... сколько? Но что толку про это думать? Она поспешно отогнала мрачные мысли. Тара все устроит. С матерью, со школой, с Лу, с вечерами и выходными.

Лу. Нет, решено. Пока она не готова встретиться с ним. Потом, когда вернется. А сейчас Тара все объяснит ему. В 3: 30 приехали Андреа с Тарой.

— А куда ты уезжаешь? — раскапризничалась Андреа, хмуря бровки.

— Роденькая моя, по делу. Всего лишь небольшая деловая поездка. Через недельку-другую вернусь...

— А тебе обязательно ехать?

— К сожалению. — И Сьюзен обняла дочку, беспомощно глядя через плечико девочки на Тару.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Знаю, родная, но надо. С тобой останутся папа, бабушка...

— Хочешь, пойдем в цирк, детка? — пришла на помощь Тара.

Андреа крепче прильнула к матери, противясь соблазнам.

— Не уезжай! Не хочу!

— Я люблю тебя, цыпленок. Очень люблю.

— Тогда не уезжай!

— Надо, сладкая моя. Надо...

Дом прятался в лесу, на скале над рекой. В три этажа, каменный охотничий домик, затейливый дом-фантазия из фильмов, какие она смотрела в детстве. Гостиная находилась на втором этаже, там же две маленькие спальни, окнами на открытую террасу. Была и крытая терраса, с каменными арками, с видом на реку, и холм за ней. Пейзаж напомнил ей Швейцарию: ели и сосны, вдоль всей реки, насколько видит глаз. По соседству ни одного дома, ни признака цивилизации... кроме... Сьюзен перевернуло: вдалеке над рекой чернели линии проводов. Телефонных.

Она вернулась в дом и стала искать телефоны. Один нашелся в спальне с террасой, другой — в гостиной на пианино.

Сьюзен спустилась вниз и прошла на кухню. Тут обнаружился третий телефон: на стене, рядом с холодильником. Она поразмышляла: может, обрезать? Но не решилась: все-таки гостя в чужом доме. Однако ножницы в ящике разыскала и положила наготове. Потом включила свет, принесла с террасы дрова и разожгла в камине огонь. Устроилась в бежевом кресле у огня, разглядывая неброскую деревенскую элегантность комнаты, прикрыла глаза и заснула.

Проснулась Сьюзен поздно, и в солнечном свете дом показался еще красивее. Накануне она даже не разглядела толком всех украшений и мебели и сейчас, с чашечкой кофе в руках, прошла по комнатам, заново все осматривая. Коллекция деревянных и глиняных уток, негритенок с удочкой и широкой простодушной улыбкой, оправленные в рамки силуэты и цветы. Все прелестно.

Сьюзен поиграла на пианино, безнадежно расстроенном и почувствовала, что очень проголодалась. Она выехала на ту же дорогу, повернула к Розендейлу и увидела на обочине кафе. Над прилавком висела вывеска: "Специальный завтрак — два яйца, апельсиновый сок, тосты, картофель — 1 доллар 35 центов". Нет, район точно заморозился во времени!

Покончив с едой и послушав жизнерадостные голоса завсегдатаев кафе, Сьюзен вышла, забралась в машину и решила прокатиться по округе. Весь день она разъезжала по земле соседских ферм, по дорогам, где у обочин копались в садах хозяйки, готовясь к весне, мимо рек и водопадов, белых оштукатуренных таверн, деревьев, на вид столетних, полей с пасущимися коровами. Домой она вернулась в четыре. Умиротворенная, радостная, очищенная.

Немножко подремав, Сьюзен проснулась в пять: ей захотелось погулять по лесу. Одевшись, она поняла, что, живя тут, вдали от города, находится в полной безопасности. Леса были такие, как она и ожидала: тихие, нетронутые, коричневые от опавших листьев. Она оглянулась на пронзительный взвизг: высоко над ней перебранивались две синие сойки. Быстро вылезали папоротники, раскручивая зеленые пушистые завитки. От всей этой красоты ей даже захотелось плакать. Вскрабкавшись на невысокий обрыв, Сьюзен с вершины увидела реку и лес на другом берегу. Там что-то мелькнуло. И раздался оглушительный грохот: по крутому лесистому склону другого берега что-то скатывалось, круша на ходу деревья. Застигнутая врасплох и немного напуганная, Сьюзен наконец разглядела — это скользит к реке олениха на разъезжающихся ногах. Всякий раз она проигрывала битву, и наконец ухнула в воду. Потом на подгибающихся ногах олениха выползла из воды и свалилась на каме-

нистый берег, задыхаясь, издавая тихие шуршащие звуки. Никогда раньше Сьюзен не видела, как умирает дикий зверь, зрелище потрясло ее. Приподняв голову, олениха выгнула шею и обернулась, глядя через реку прямо на Сьюзен. Налитые кровью глаза, вывалившийся язык, ноздри, жадно ловящие воздух. А на морде, даже на таком расстоянии, Сьюзен узнала выражение Ласкунчика Уильяма в кладовке, обезумевшего, пока он ждал ее, и поняла — она привезла за собой *Это*.

17

После обеда Сьюзен села на террасе, закутавшись в покрывало, наблюдая, как гаснущий дневной свет превращает цвет реки в лавандовый. Какое необъятное небо! Живя в городе, она едва замечала его. Что может сделать с человеком отчуждение от природы? Способно ли довести его до сумасшествия? Может, вот она, разгадка? Такая простая?

По террасе скользнул желтый луч. Она подняла глаза, недоумевая, но еще не успев испугаться, и увидела: на дорожку въезжает машина, и из нее выходит Тара.

— О, миленькая! — потянулась к ней Сьюзен, тыкаясь лицом в теплоту между шеей и плечом Тары. — Как я рада тебя видеть!

Они пошли к камину, присели перед ним, видя друг друга в отблесках пламени.

— Что-то случилось? — Сьюзен разглядела страдание в глазах подруги. Тара отвернулась, пряча взгляд.

— Что?

— Тебе придется уехать. — Тара по-прежнему избегала ее глаз.

— Уехать? Но куда?

— Куда-нибудь. — Слова выговаривались медленно, трудно. Взяв Сьюзен за руку, Тара крепко сжала ее. — Из нашего дома.

— Но почему?

Теперь Тара взглянула на подругу, и Сьюзен распознала стыд и страх, открывшие ей все.

— Оно звонило тебе?

— Да.

— Ты слышала Безмолвие?

— Да. — И Тара расплакалась.

— Ну-ну, перестань! Тш-тш, — обняла ее Сьюзен.

— Сьюзен, я напугалась! Так перепугалась...

— Знаю, миленькая! Я-то знаю...

— Все думаю и думаю про Гарриэт... Прости, Сьюзен! Хочу быть храбрее, но так напугалась...

— Не плачь, знаю.

— Оно знает, что ты здесь. Что я тебе помогаю. Иначе не позвонило бы. Боже, Сьюзен, когда я повесила трубку, меня вырвало! Буквально!

— Оно знает все!

Отойдя от камина, Сьюзен налила Таре рюмку белого вина. Тара залпом проглотила, успокаиваясь, потянулась к Сьюзен и поцеловала ее.

— Но почему — ты, Сьюзен? Почему ему потребовалась ты?

— Без понятия.

— Ты когда-то что-то?.. — Тара подыскивала подходящее слово.

— Нет, не думаю. — Они помолчали с минуту, и Сьюзен добавила: — Может, причины и нет. Может, тыкает наугад.

— Что теперь будешь делать?

— Пока не знаю.

— Боже, Сьюзен, как не хочется, чтобы ты уезжала. — Тара, казалось, вот-вот расплачется снова.

— Я знаю, знаю. Знаю... — Сьюзен потрепала ее по щеке. — Но тут уж мы ничего не можем поделать.

— Я боюсь! — повторила Тара.

— Уеду сегодня же.

— Нет, нет. Завтра. Хоть переночуй здесь.

— Ладно. Спасибо. — Сьюзен выдавила улыбку благодарности. — Закатим с тобой напоследок девичник.

Тара беспокойно смотрела на огонь.

— Нет, — тут же поправилась Сьюзен. — Конечно, нет. Тебе нельзя.

— Но так хочется...

— Нет-нет, возвращайся в город. Со мной все в порядке, и с тобой все будет в порядке.

Тара поднялась, как будто только и ждала разрешения Сьюзен.

— Окажи мне услугу, а? — попросила напоследок Сьюзен.

— Конечно, если сумею.

— Повидай Андреа, как вернешься в город. Помнишь, ты обещала сводить ее в цирк?

Тара отвернулась от двери и снова расплакалась.

— Я присмотрю за ней. Я люблю тебя.

— Я тоже.

Выскочив за дверь, Тара пробежала по лужайке и быстро прыгнула в машину. Сьюзен смотрела, как вылетел с дорожки маленький "вольво", потом вернулась к камину и медленно допила вино из рюмки Тары.

Тара выехала на автостраду у Нью-Палтца и покатила к городу. Не прошло и минуты, как красный фургончик, мчавшийся ей навстречу, потерял управление, залетел на бордюры и врезался в "вольво", уничтожив машину. И Тару.

18

Уже в сумерках Сьюзен разыскала небольшой мотель и попросила номер.

— Миссис Рид? Да? — Клерк, пузатый человечек лет под 60, взглянувший на ее подпись через толстые бифокальные очки, повернулся к стопке бумаг рядом. — Вам только что звонили, просили передать сообщение. Минуты две назад.

— Мне?

— Вы ведь миссис Сьюзен Рид?

— Да. — Он протянул листок.

“Позвони Гарриэт Волгрин. 212-7334020”

— Комната 214. Вот ключ. Миссис Рид?.. Вы меня слышите, миссис Рид? С вами все в порядке? — Клерк протянул ей ключ.

— Я передумала. — Резко повернувшись, Сьюзен быстро вышла из мотеля.

Еще почти час она ехала на север, зная — *Оно* следит за ней. *Оно* позвонило, как только она затормозила у мотеля, и настигнет ее опять, куда бы она ни поехала. И, конечно, не ошиблась.

Во втором мотеле клерк, помоложе, познергичнее, протянул ей записку. “Позвони Гарриэт Волгрин. Срочно. 212-7334020”.

Сьюзен молча приняла ключи и поднялась в номер. Там, усевшись на одну из двуспальных кроватей, уставилась на телефон, зажав в руке чудовищное послание, набрала номер. И тут...

— *Сьюзен? Милая, слава Богу, ты позвонила.* — Голос Гарриэт, ошибиться невозможно. — *Я так беспокоилась о тебе. Знаю, как ты мучаешься... Но, Сьюзен, бояться нечего. Милая, пожалуйста, выслушай меня...*

Хватая ртом воздух, Сьюзен бросила трубку, и ее, как и Тару, вырвало.

Больше *Оно* в тот вечер не позвонило, и Сьюзен спала глубоко, без сновидений, впервые за много недель. Утром она позавтракала в блинной на оживленной дороге, а когда допивала вторую чашку кофе, к ней подошла официантка.

— Простите, ваше имя — Рид?

— Да, — коротко ответила Сьюзен.

— Вам звонят.

— Не сомневаюсь, что звонят.

— Вон там, — улыбнулась, указывая, официантка.

— Скажите — меня тут нет. — Сьюзен вернулась к кофе. — Передайте, я только что уехала.

Девушка, сконфуженная, повиновалась. Сьюзен допила кофе, дала девушке щедрые чаевые и уехала. Снова — в никуда. Раздраженная, настороженная, но больше не испуганная — страх пропал. Она решила встретиться со своими преследователями. На следующий звонок ответит обязательно.

Он раздался ранним вечером, когда Сьюзен проводили в ее номер в довольно роскошном отеле у границы Массачусетса.

Она сидела на плетеном диванчике, глядя из окна на бассейн у отеля, где две утки медленно загребали лапками, изредка оку-

ная клювы в воду. Зазвонил телефон. Сьюзен сердито воззрилась на него, сознавая, что ни капельки не боится, и взяла трубку.

— Сьюзен, пожалуйста, только не бросай трубку, — произнес голос Гарриэт.

— Я и не собираюсь, — ответила она.

— *Благодарение Богу за это!* — воскликнула Гарриэт.

— Ты, дорогая, богохульствуешь. — Сьюзен уселась на кровать и закурила.

— *Да что с тобой, милочка? Ты злишься?*

— С чего бы?

— *Не знаю. Сьюзен, ну пожалуйста, я же звоню, чтобы помочь, только поэтому.*

— Правда?

— *Ну, конечно. Зачем бы еще?*

— И то верно. Ты всегда так здорово помогала мне, Гарриэт.

— *Почему ты иронизируешь?*

— И не думаю. Ты ведь мне помогала, так?

— *Старалась.*

— И очень успешно. А теперь хочешь помочь еще, да, Гарриэт? Потому без конца названиваешь?

— *Ну, конечно.*

— Гарриэт?

— *Да?*

— Иди ты на...

Короткая пауза, и голос Гарриэт отозвался:

— *Почему ты ругаешься?*

— Не знаю.

— *Сьюзен, я тебе друг. Минутку. С тобой Тара хочет поговорить.*

Внутри у Сьюзен все заледенело.

— *Сьюзен?* — Да, голос Тары. — *Что происходит?*

— Тара? — переспросила Сьюзен.

— *Ну да. Гарриэт говорит, ты злишься на нее. Почему?*

— Тара, что ты говоришь?

— *Слушай, ты можешь просто послушать? Перестань убеждать, слушайся нас...*

— *Что?! —* заорала в трубку Сьюзен.

— *Прежде всего, успокойся. Понятно? Бояться нечего, Сьюзен, клянусь. Клянусь жизнью, бояться нечего...*

— *Что ты говоришь?*

— *Все очень просто, когда поймешь по-настоящему. По телефону всего не скажешь. Возвращайся в город, встретимся втроем и все обсудим.*

— Нет!

— *Слушайся, наконец! Милая, пожалуйста! Мы стараемся помочь тебе...*

— Обе вы идите... — и Сьюзен хлопнула трубку на рычаг.

Позже, после часа крепкого сна, Сьюзен очнулась от сформировавшейся страшной мысли.

Оно воспользовалось голосом Гарриэт, но Гарриэт мертва. Теперь Оно пользуется голосом Тары...

Сьюзен потянулась к телефону, ее трясло. Если бы можно было поговорить с Тарой, с Тарой настоящей, и увериться, что та невредима...

Но Оно наверняка ожидает этого.

Рука ее, не дотянувшись до трубки, упала. Лежа в полусне, Сьюзен пыталась сообразить — что же делать. Надо позвонить Моды, та скажет, что с Тарой. Сьюзен сняла трубку.

— Если желаешь узнать про меня, Сьюзен, почему прямо не спросишь? — проговорил голос Тары, прежде чем она успела набрать номер. — К чему действовать за моей спиной?

— О, Боже, не надо так...

— Ничего мы тебе не сделаем... Помочь стараемся, и все.

Сьюзен откинулась на подушку, глаза наполнились слезами.

— Ты убила Тару? — заплакала она.

— Милая, но ведь это и есть Тара...

— И ее тоже?

— Ты мой голос знаешь, миленькая.

— Неужели у тебя совсем нет жалости? Никакой порядочности?

— Сьюзен, хватит! Послушай меня. Вернись в город. Мы с Гарриэт можем помочь тебе...

— Отче наш, да святится...

— Сьюзен, вот этого не надо...

— ...царствие Твое грядет, спустишься Ты на землю...

— Сьюзен, вряд ли это поможет кому из нас...

— ...дай нам наш хлеб насущный, прости нас...

— Сьюзен, не прекратишь, мне придется положить трубку...

— ...и прости тех, кто посягает на нас...

— Сьюзен, я не шучу... Прекрати!

— ...да не введи нас во искушение, но отврати нас от зла...

— Хотела помочь тебе, а ты... Правда, хотела...

— Отврати нас от зла!

— Сьюзен!

— Да святится имя Твое, мощь Твоя и царствие, и слава, во веки веков...

— Позвоню позже, когда дурь слетит.

Оно повесило трубку, а Сьюзен плакала уже по двум убитым подругам.

19

Сьюзен решила остаться в отеле и ждать, сама не зная чего.

Вечером она пообедала в ресторане отеля, выбрав столик подалее, в уголке, выходящем на пруд. Поискала в темноте

уток, но увидела только черную гладь воды. Народу сидело мало — пожилая пара с молодым человеком, они никак не могли найти тему для разговора, мать с дочерью, потихоньку ссорившиеся, довольно молодой мужчина. Коротко взглянув на Сьюзен, он отвел взгляд.

Ела Сьюзен с аппетитом, а потом решила пройтись перед сном вокруг пруда. На полпути она заметила темную фигуру, шагнувшую навстречу. Повернув назад, она заспешила в отель, но он нагнал ее.

— Прекрасный вечерок, правда?

Сьюзен взглянула и в свете фонаря узнала молодого человека из ресторана.

— Да, ничего.

— Надеюсь, не напугал вас? Вдруг появился из мрака. Прогуливался вокруг пруда.

— Да, я тоже.

— Пока не появился я. — Он улыбнулся, и она разглядела, что улыбка у него, как и лицо, красивая.

— Нет, просто решила, туда далековато.

Они вошли в вестибюль, и он протянул ей руку.

— Боуэн Джессап. Или, как зовут меня друзья, Призрак. Простите еще раз, что напугал вас.

— Да ну что вы! Ни чуточки, правда.

— А жалко. — На лице у него снова заиграла обаятельная улыбка. — Тогда я просто обязан угостить вас рюмочкой на ночь. — Он указал на гостиную.

— Сегодня — нет. Я, правда, очень устала.

— Значит, завтра, — твердо заявил он. — Спокойной ночи, как бы вас ни звали.

— Сьюзен Рид.

— Спи крепко, Сьюзен Рид. — Отойдя, молодой человек присел за кофейный столик и потянулся за журналом "Яхты", а Сьюзен поднялась к себе в номер.

Среди ночи ее разбудили звонки.

— Ну как себя чувствуешь? Получше? — осведомился голос Тары.

— Чего тебе надо? Оставь меня в покое! — сонно взмолилась Сьюзен.

— Как же я могу? Я ведь твоя подруга. Хочу помочь.

— Мои подруги мертвы.

— Нет, Сьюзен, ты все неверно воспринимаешь. Пожалуйста, милая, ну давай мы с Гарриэт поговорим с тобой.

— Гарриэт умерла.

— Еще чего! Она вот тут, со мной. Не клади трубку, сама с ней поговоришь.

— Сьюзен, милая? Это Гарриэт.

— Ты дрянь.

— Опять ты за свое. Сьюзен!

— Не смей больше звонить мне, не то велю убрать все телефоны! Уеду туда, где нет ни одного! Не смей больше звонить! — И Сьюзен хлопнула трубку.

На следующее утро она высматривала Боуэна. Спросила у дежурной, и ей ответили: он уехал на машине, но скоро вернется. Следуя его примеру, Сьюзен тоже села в машину и поехала покататься. К ланчу она вернулась. Боуэн сидел в зале, за тем же столиком.

— Добрый день, — поздоровалась Сьюзен, нагло подходя к нему. — Теперь я, пожалуй, выпью ту рюмочку, если не возражаете.

— А может, сначала поедим? — улыбнулся он.

— С удовольствием.

Они болтали обо всем, но, главным образом, о нем самом. Боуэн был биржевым маклером, холостяк, приехал из Нью-Йорка в короткий отпуск перед хлопотливым делом по объединению его маклерской фирмы с другой. До недавнего времени жил с чернокожей супермоделью, из-за которой он и его семья ссорились несколько раз. Последняя ссора случилась накануне его отъезда.

— Ну, а ты, Сьюзен Рид? — спросил Боуэн, подливая ей в бокал. — Останешься таинственной незнакомкой? Или расскажешь о себе немножко?

— С чего начать?

— Может, с твоего обручального кольца?

Сьюзен взглянула на кольцо и немедленно решила сочинить себе образ.

— Последний осколок моего вдовьего наряда.

— О-о, сожалею.

— Благодарю. Давно все случилось. Я уже оправилась. — И она раскрутила фантазию, неотрывно глядя в поразительно голубые глаза Боуэна. Для него она стала художницей, только что закончившей работу над фресками, ей потребовалось уехать куда-нибудь отдохнуть и отвлечься. Она ни с кем не связана, вольна вернуться в город в любой момент.

Они допили портвейн, и Боуэн предложил продолжить прерванную прогулку вокруг пруда. Почти весь день они провели вместе: гуляли, заехали в местный антикварный магазинчик, вернувшись в отель, с часок поиграли в скрабл и почти прикончили бутылку анисовой водки, заказанную Боуэном. Когда, наконец, он выиграл, Сьюзен обрадовалась — теперь можно бросить игру. Она едва смогла подняться на ноги.

— Боже мой, — Боуэн взял ее под руку, — ты так опьянела?

— Вроде, да. Анисовая — не моя выпивка.

— Хочешь глотнуть свежего воздуха?

— Да, не прочь.

— С доставкой на дом?

Сьюзен расхохоталась, и они отправились в сад. На прохладном воздухе она немножко пришла в себя.

— Извини. Ты, наверное, думаешь — я настоящая пьянчужка.

— Завтра вечером будем пить только вино. — Он повел ее к черному пруду, обняв за талию. — Сьюзен, можно тебя кое о чем спросить?

— Да?

— Проведешь со мной ночь?

Она ответила не сразу.

— Боюсь, я не слишком в форме... после анисовки.

— Просто поспим рядом. Обещаю, большего не попрошу.

— Предупреждаю, я храплю!

— Я — тоже. — И он повел ее к отелю.

Боуэн оказался человеком слова. Сьюзен лежала рядом с ним, слушая, как он храпит, ощущая теплоту его тела, и одиночество, заполнявшее ее, таяло.

На следующее утро Боуэну захотелось посмотреть окрестности, и они колесили и колесили по округе. Он разузнал о Стербридже, Виллидже, и несколько часов они провели в воссозданной колониальной деревне, восхищаясь всем, швыряя деньги на безделушки и сувениры, которые скоро утратят для них всякий интерес. Потом долгое прочесывание окрестных магазинов: антикварных, модных, фольклорных. Боуэн, казалось, был одержим страстью к прелестному и редкостному, и Сьюзен, измученная, сопровождала его — безотказный компаньон. Однако в пятом часу дня у нее уже подкашивались ноги и лопнуло терпение.

— Все! Точка! — выдохнула она.

— Ну еще в свечной магазинчик в Брели и назад, в отель! — попросил он, не выпуская руль.

— Боуэн, с правой ногой у меня очень даже большие неприятности, а по левой я уже справляю шиву.

— А что такое шива?

— Это еврейское бдение по мертвым, которое придется совершать тебе у моего гроба, если тотчас не отвезешь меня в отель.

— Ну всего на минуточку! На одну! В свечной?

— Два дня у моего гроба!

— У-у, зануда, — и он развернул машину.

В отель они приехали уже после пяти, и Сьюзен отклонила предложение Боуэна выпить рюмочку портвейна, согласясь встретиться с ним в ресторане через час и пообедать.

Наверху Сьюзен приняла душ, надеясь, что это взбодрит ее, прилегла ненадолго, потом встала, оделась, выругала себя, что связалась со взрослым бойскаутом, для которого отпуск — бесконечные автомобильные гонки, и спустилась в зал.

— Пенистого? — Боуэн, взяв бутылку шампанского, наполнил ее бокал.

— О-о! Шампанское! Что празднуем?

— Друг друга.

— Как мило, Боуэн. — Она подняла бокал и добавила: — За тебя и за то, чтобы нашел, чего тебе хочется.

— По-моему, я как раз и нашел, — улыбнулся он.

Они съели праздничный обед и прикончили шампанское. Голова Сьюзен кружилась от нежности и вина.

— Два бренди! — бросил Боуэн официантке.

— Ох, с меня хватит.

— Бренди пойдет тебе на пользу. Приведет в порядок желудок.

Они поболтали еще немного и решили сыграть в скрабл. За доской Сьюзен отчетливо ощутила тошноту и сообщила об этом.

— Самое верное средство — анисовка. — И Боуэн махнул официанту.

— Боже, Боуэн, вот уж чего совсем не требуется!

— Доверься мне. Анисовку даже в таблетки добавляют как успокоительное для желудка.

— А ты откуда знаешь?

— Я — дитя потомственных алкоголиков. Добрый старый Уинстон гнет локоть каждый вечер с 6 до 11-ти, и мамочка не отстает. О свойствах крепких напитков мне известно абсолютно все!

Против всякого желания Сьюзен согласилась на анисовку и послушно отхлебывала ее, понукаемая Боуэном. К счастью, игра в скрабл закончилась быстро.

— Ну как? Получше? — осведомился Боуэн, укладывая фишки в коробку.

— Вообще-то нет. Похоже, мне пора в постельку.

— Ерунда! Прогулка по ночному воздуху поставит тебя на ноги.

— Ох, вряд ли...

— Сьюзен, доверься мне. Десять минут на прохладном свежем воздухе, и ты в пляс пустишься!

— В пляс? Боже, Боуэн, дай мне заползти к себе в постельку.

— На десять всего минуточек. А?

— Сегодня — нет.

— Пожалуйста. Десять минут, и обещаю, ты больше меня не увидишь до завтрашнего рассвета. Договорились?

Она нехотя уступила напору и вскоре очутилась в машине, вымотанная до предела, ее тошнило.

— Откинься, закрой глаза, — посоветовал Боуэн, когда они выехали на темную дорогу. — Капелька сна поправит тебя.

Сьюзен послушалась и вскоре крепко заснула. Проснувшись, она обнаружила, что машина мчится по пустынному шоссе.

— Где это мы?

— Ау, спящая красавица! Проснулась, наконец.

Взглянув на часы на приборной доске, Сьюзен увидела — уже второй час ночи.

— Боже мой, почему ты не разбудил меня? Где мы?

— На пути в отель. Я немножко заблудился, но потом наткнулся на массачусетское шоссе и понял, где мы. Кстати, а кто такая Тара?

— Что?!

— Ты разговариваешь во сне.

— Правда?

— Да уж! Кто же такая Тара? — повторил Боуэн.

— Моя приятельница. — Сьюзен насторожилась. Она и не подозревала, что разговаривает во сне; ничего подобного не случилось, насколько ей известно. Но зачем Боуэну выдумывать?

— Знаешь, раньше я никогда не встречал женщины, которая разговаривала бы во сне.

— Это так странно?

— Да уж, странноватенько. Знавал одного парня в Принстоне, тоже разговаривал. Всегда считал, свойство это чисто мужское.

— Сейчас нам, женщинам, позволены все отклонения.

Какой Принстон? Он же говорил, что учился в Йеле?

Глаза Сьюзен поймали дорожный указатель впереди. Она успела разобрать: "Гудзон. Кетскилл". Но она же проезжала эти города, когда удирала в Массачусетс! Ужас накрыл ее волной, дыхание перехватило. Они не на массачусетском шоссе, как уверял он! Совсем нет! Они на нью-йоркской магистрали! В каких-то 93-х милях от Нью-Йорка, где ее поджидает Существо с голосами Тары и Гарриэт. Ждет, пока ее привезет Боуэн! И словно в знак подтверждения, вспыхнул с ее стороны указатель. "На юг". Во рту у Сьюзен пересохло. Задыхаясь, она прикрыла глаза, притворяясь, будто задремала, пытаясь придумать, как выбраться из машины.

Опять указатели старались помочь ей: "Бензин. Еда. Две мили".

— Может, завернем туда? — рискнула она.

— Проголодалась?

— Нет, дорогой. Кое-что посущественнее.

Теперь они ехали молча. Впереди Сьюзен увидела бензоколонку и ресторан в стороне.

— Выпей кофе, пока я марафет навожу, — с напускной игривостью, маскируя страх, бросила она.

— Ладно, — проворчал Боуэн, выключил зажигание и сунул ключ от машины в правый карман куртки.

Они вместе прошли по темной площадке. Ни единой машины! Не сбежишь!

В дамской комнате Сьюзен напряженно думала. Убежать в лес? Попросить помощи у заправщика на станции? У официантки? У управляющего? Нет, все не то. Необходима машина.

Правый карман куртки.

Когда она вошла, Боуэн стоял у кассы с двумя стаканчиками кофе.

— С молоком и сахаром, да, милая? — протянул он ей пластиковый стаканчик.

— Да. — Сьюзен сняла крышку. От горячего кофе поднимался пар. Отлично! Она держала его в правой руке, а левой задела куртку Боуэна.

— Как насчет шоколадных пирожных, транжира? Купим парочку?

Когда кассирша потянулась за пирожными, Сьюзен запустила пальцы в карман Боуэна.

— Ты что это делаешь? — Руку ее он заметил, когда она уже сжала ключи. Сьюзен завизжала, отчасти, чтобы разрядить дикое напряжение, отчасти — чтобы ошеломить его. И плеснув ему в лицо горячим кофе, рванулась к вращающейся двери, стиснув ключи в ладони. Едва она добежала до машины, как он вылетел из двери.

— Сьюзен! — вопил он на бегу. — Не смей!

Запершись в машине, Сьюзен путалась в ключах, нужный никак не находился...

— Сьюзен, позволь поговорить с тобой! — Боуэн уже рвал дверцу. Ключ все не вставлялся. Она стала совать другой.

— Сьюзен, дай мне объяснить! Ты все неправильно понимаешь!

Ключ, тот самый, скользнул в прорезь, и она нажала на газ.

— Сьюзен, не делай этого! — Он молотил по стеклу, стараясь разбить. — Выслушай меня! Да послушай же!

Сьюзен вывернула на дорогу.

— Я пытаюсь спасти тебя, как ты не понимаешь!

Когда, набирая скорость, она уезжала, в заднем зеркальце маячил Боуэн: он ругался и топал ногами.

20

До отеля Сьюзен добралась где-то в три ночи. Парадная дверь была уже заперта. Она разбудила управляющего, наскоро извинилась, бормоча что-то о небольшой аварии, и бегом поднялась укладываться.

Телефон зазвонил, когда она заперла чемодан.

— Сьюзен? Это Тара. Уделишь мне минутку? — теперь Существо сердилось.

— Чего тебе?

— Прежде всего должна сказать, по-моему, ведешь ты себя очень дурно. Бедняга Боуэн просто пытался помочь тебе!

— Значит, я была права.

— Насчет него — да. В остальном — нет. Ведешь себя, как ребенок. Позволь хотя бы мы с Гарриэт посидим с тобой, объясним все. Большого не просим.

— Не просите?

— Конечно, нет. Слушай, садись в машину и давай встретимся у меня.

— Но почему? Почему ты не приедешь сюда, если я так сильно тебе нужна?

— Невозможно. Миленькая... — Существо смягчило голос. — Доверься мне. Ты знаешь, как я старалась для тебя в прошлом. И не намерена бросать тебя сейчас.

— Зачем мне непременно нужно приезжать в Нью-Йорк?

— Так лучше.

— Но почему?

— Лучше, и все.

— Почему?!

Заминка.

— Возвращение — это знак добровольного присоединения к нам.

— Добровольного?

— Конечно. Против воли, Сьюзен, никого не забирают. Вся эта чушь о жестокости и злобности, это...

— Добровольно? К вам? Боже Всемогущий...

— Сьюзен, угомонись!

— Ты что ж, воображаешь, что я хоть когда-нибудь добровольно...

— Ты ведь не станешь снова закатывать истерику, Сьюзен?

— Да ты вообще спятил! Ты, наверное...

— Сьюзен, если не прекратишь свои неуместные атаки на меня, я не смогу помочь тебе.

— Бредятина!

— Сьюзен...

— Гнусный, подлый... — она уже плакала.

— Сьюзен, я теряю с тобой терпение.

— Чудовище!

— Что ты себе позволяешь? Ты с кем, интересно, разговариваешь? — спросило Существо.

— Боже, прекрати эту жуть!

— Никто ничего не прекратит, пока не прикажу я.

Сьюзен заборотала молитву.

— Сьюзен, сию минуту перестань! Или я тебя в порошок сотру! — И голос пропал, сменившись Безмолвием.

Дрожа всем телом, Сьюзен шлепнула трубку на рычаг, схватила чемодан и рванулась из комнаты к машине.

Несколько часов мчалась она на восток, по темному скоростному шоссе, теперь действительно массачусетскому, забыв про ужас и усталость.

Против воли никого не забирают.

Защитит ли ее это? Или теперь Существо разозлилось так сильно, что нарушит собственные правила и заберет ее без ее согласия?

Когда небо посветлело, Сьюзен увидела впереди боковую дорогу, свернула на нее и вскоре, к счастью, обнаружила у поворота небольшой мотель. Было почти семь утра, когда она подъехала к дверям. Заперты. За окном Сьюзен увидела бледно-желтый свет лампы и постучала. Вскоре ей открыла полусонная женщина.

— Всю ночь ехали? — спросила она, пока Сьюзен с трудом выводила каракули подписи в регистрационной книге.

— Да.

— Зато приехали в самое правильное место. У нас самые мягкие постели в округе. Фрэнк Росс по-другому не умел. Фрэнк был мой муж. Умер в прошлом году.

— Сочувствую. — Сьюзен наклонилась над чемоданом.

— Во всем подавай ему совершенство, знаете ли. Все должно быть — высший класс. Подозреваю, именно это и доконало беднягу. Большие претензии, мало удовлетворенности. А поглядите на меня! Я буду жить вечно. С меня как с гуся вода. Вот, держите, милая. — Она протянула Сьюзен ключ. — Жизнь только так и надо воспринимать. Легко и приятно. Ваш номер — четырнадцать. Фрэнк покрасил его в зеленый. Симпатичный успокаивающий цвет. Вам надо хорошенько выспаться.

— Да. — Сьюзен двинулась к двери.

В номере она сбросила туфли и свалилась на кровать.

Вдруг она услышала звук — слабенькое жужжание — и медленно повернулась. На комод в дальнем углу стоял телефон, микрофон его вращался, отвинчиваясь. Последний оборот — и черный пластиковый микрофон свалился на комод. А за ним — металлический диск. Повибрировав немножко, они застыли. А из отверстия в трубке высунулась змея. Плавно выскользнула — черная, лакированная, фута четыре длиной, незакрывающиеся желтые глазки обшаривали комнату, ища Сьюзен. Их взгляды встретились. Змея открыла черную пасть, гордо обнажила ядовитые зубы. Язык стрельнул в направлении Сьюзен, а потом, повернув, змея волнообразно взобралась по стене, свалилась обратно на комод и продолжила поиски. Переместившись к краю кровати, Сьюзен медленно спустила ноги на пол, ни на секунду не отрывая глаз от змеи, и потянулась за сумочкой на ночном столике. Змея зашипела, опять блеснули ядовитые зубы, и свернулась кольцом. Приподняв ноги, Сьюзен перекатилась к дальнему краю, ближе к двери. Змея опустила голову, свернутое кольцами тело содрогалось, источая яд из мешочков. Она была готова к удару. Одним прыжком Сьюзен метнулась к двери. Маневр удался. Захлопнув дверь снаружи, она торопливо побежала к машине и, запершись в ней, расплакалась. А в номере 14 змея немигающими глазками смотрела на закрытую дверь, потом медленно вернулась туда, откуда выползла.

В одиннадцатом часу Сьюзен услышала стук. Открыв глаза, она поняла, что заснула в машине.

— Как вы? В порядке? — окликнула хозяйка мотеля через закрытое окно.

— Да. Извините, заснула нечаянно.

— Бедняжка, даже до комнаты не добралась. Ну-ка, марш со мной, юная леди! Приготовлю вам чайку.

Сьюзен снова расплакалась.

— Что такое? Что с вами?

— Да нет, ничего, ничего... Я так долго не могла заснуть...

— Ох, бедняжка! Мне известно, каково это. — Женщина взяла ее за руку. — У меня для этого кое-что имеется, не волнуйтесь. — Она провела Сьюзен в мотель и усадила на кухне. — Когда Фрэнк умер, я расстраивалась до нервного срыва. Правда, правда! — Налив чайник, она поставила его на плиту. — Вы тоже потеряли кого-то, дорогая?

— Да. Мою... сестру.

— О-о. Тяжело. Конечно, утрата близкого — большое горе, но распускаться нельзя. — Она искала что-то в шкафчике. Вынимала на стойку разные мелочи, вытаскивала пузырек, открыла крышку и положила перед Сьюзен голубую таблетку. — Это снотворное. Выпейте с чаем, уложим вас поуютнее — и до встречи за обедом.

Сьюзен позволила проводить себя в номер. Миссис Росс помогла ей раздеться и лечь в постель.

Оставшись одна, Сьюзен с трудом выпуталась из тугого одеяла, подошла к комоду, заснула телефон, на вид вполне безобидный, в ящик. Ящик подперла стулом и вернулась в постель. Через мгновение она крепко спала. И ей снились сны.

— Ты передашь, наконец, самокрутку? — потребовала Тара, сидя в своей квартире, почему-то без стен.

Сьюзен стояла, глядя на далекую улицу вниз. Рядом с ней мужчина — комбинация Юрия и Лу. Он взял у нее самокрутку.

На улице подкатило такси, из него вышла Гарриэт. За ней — в клоунском гриме — Андреа, мать Лу, ее мать и даже Ласкунчик Уильям — на макушке пса был прикреплен цилиндр. Все остановились, глядя наверх, на нее.

— Мамочка, а где лестница? — крикнула Андреа.

Тут Сьюзен и сама заметила — лестницы нет.

— Тара, почему ты не установишь лестницу? Подушек каких-то идиотских навалила, а лестницы нет.

Сьюзен перешла в другую комнату, стараясь держаться подальше от края пола: стены убрали специально, чтобы подстроить ей ловушку.

Она почувствовала запах дыма. Такси на улице, которое привезло Андреа и остальных, взорвалось, полыхая пламенем.

Ей было видно, как обугливается рука водителя. А вдалеке — вой и звон пожарной машины.

— Я поднялась на лифте, — сообщила Гарриэт, входя в комнату. — Мне нужно поговорить с тобой.

Обернувшись, Сьюзен увидела в ее глазах ненависть.

— Сьюзен, ты стерва! Мы с Тарой досконально обсудили и решили — ты самая настоящая стерва. И заслуживаешь того, что с тобой скоро случится.

— Всего, — подтвердила Тара, входя в комнату. — Лу — чудо, он — святой. Ты, Сьюзен, недостойна его. — И они с Гарриэт стали приближаться к ней. Сьюзен знала — они задумали столкнуть ее вниз.

— Я ничего не сделала! — закричала она.

— Еще как сделала! Убиваешь людей направо-налево, точно они и не стоят ничего.

В отдалении по-прежнему бил колокол пожарной машины.

— Пытались помочь тебе, и полюбуйся, какую награду получили... Я тебя спрашиваю — так подруги поступают?

— Я, правда, ничего не сделала!

— Ох, ох! Судье объяснишь.

— Всех нас будут судить рано или поздно, — прибавила Гарриэт.

— Наступила твоя очередь, Сьюзен. Все просто, дорогая.

Гарриэт с Тарой придвинулись ближе. И стихнули ее. Падая, Сьюзен слышала звук пожарной машины и какие-то глухие удары. Наверное, это ударяется о стенки ее тело, пока она летит к мостовой. Ласкунчик Уильям сделал такое ради нее.

Сейчас я умру, думала она. Умру! И от ужаса проснулась. Кто-то бухал кулаком в дверь.

— Дорогая! Вы проснулись? — донеслось из-за двери.

А затем пожарная машина обернулась телефоном, надрывавшимся в комод.

Дверь распахнулась, с порога улыбалась миссис Бесси Росс.

— Уже почти пять. Решила, может, вам хочется встать?

Сьюзен предугадывала, что сейчас произойдет. Она тяжело подняла руку, останавливая женщину, мешая ей войти.

— Я сварила кофе, — тут миссис Росс увидела комод. — Что тут творится?

— Не надо, — хрипловато выговорила Сьюзен.

— Это вы сделали? — Миссис Росс подошла к комоду.

— Господи... не...

— Зачем вам понадобилось? — Бесси отодвинула стул.

— Не надо! — Сьюзен попробовала встать, но ноги запутались в простынях. — Нет!

— Звонят ведь не вам, правда, милая? — Бесси выдвинула ящик и полезла внутрь.

Микрофон телефона взорвался и, ударив хозяйку в плечо, прошел насквозь, отшвырнув ее на стенку. Бесси глянула на

Сьюзен изумленно распахнутыми глазами и упала, обливаясь кровью. Из свесившейся трубки выхлестывал ураганный влажный ветер. Покрывало, простыни облепили Сьюзен, угол одеяла захлестнул горло. Взмыл в воздух стул и треснулся о зеркало, брызнули осколки. Взлетев, покачивалась над комодом телефонная трубка, наушник бешено вращался, и из него захлестал ветер. Сьюзен отодрала от горла одеяло, силой ветра ее вжало в стенку, волосы вздыбились устрашающим ореолом вокруг головы. Сдирались лентами обои, завиваясь на стенках. Сьюзен пыталась что-то сказать, но рот ей забивал ветер, угрожая задушить. Она подползла к хозяйке, потерявшей сознание. Дыбом у стенки встала кровать, чуть не на фут от пола. Ковер вздувался пузырями, трещал, рвался в клочья, и они зелеными змеями носились по комнате. Добравшись до Бесси, Сьюзен схватила ее за руку, скользкую от крови, и ползком потащила к двери. Ее саданул ящик из комода и сшиб на пол. Снова приподнявшись, Сьюзен поползла, волоком таща за собой тяжелое тело. А телефон медленно выплыл на середину комнаты и завис там, плюясь жарким зловонным газом.

21

Сьюзен уже миновала Нью-Платц, до города и Андреа оставалось всего полтора часа. Еще рано, нет и 12-ти. Она знала в точности, как ей надо поступить.

Флакончик с таблетками снотворного укромно лежит рядышком в сумочке. Таблетки спасут ее. Она умрет до того, как Существо сумеет завладеть ею. Но сначала нужно поговорить с Андреа. Скажет ей, как сильно она ее любит, как много дочка принесла в ее жизнь, как она горда и благодарна, что у нее есть такая девочка. Обнимет свою любимую дочку еще разок, а потом обдурит сам ад. Если есть ад, так есть и Небеса. Она снова увидится с Тарой и Гарриэт.

Странно, но Сьюзен была спокойна. Только у неизвестности была власть пугать ее. Теперь все неизвестное прояснилось. Все, о чем говорили в детстве, оказалось правдой. Все молитвы, все доктрины и мифы. Правда — все!

Это утешало ее. Знание на пороге смерти, что Вселенная проще, чем напридумывали люди: существует Добро и Зло, Бог и Ад, Любовь и Ненависть; все сбалансировано в упорядоченном и предсказуемом движении. Борьба против него — сеять хаос. Следовать ему — умножать порядок.

Ее смерть правильна. А избрав ее по собственной воле, она избавится от Мерзости, которая требует ее к себе. После смерти она станет свободна, какой была до рождения. Космическая справедливость.

Сьюзен бросила взгляд в зеркальце заднего обзора — не гонится ли за ней полиция или миссис Росс? Нет, маячит только

красный фургончик, почти впритык. Сьюзен включила приемник, ей повезло — наткнулась на Моцарта, с ним она и проведет последние часы. Светлая ясность музыки укрепила ее намерения. Это первое обращение к религии, случившееся в конце жизни. Может, она и про это расскажет Андреа, и той будет на что опереться, когда мир станет уверять девочку, будто в жизни нет никакого смысла.

Уже Харриман-парк, от дочки ее отделяет меньше часа езды. Снова всплыл вопрос о Лу. Нужно ли встречаться с ним? Попрощаться?

В своем теперешнем спокойствии она решила — да, надо. Может, сумеет передать ему что-то от истины, которую познала, и ради него самого, и ради Андреа. Обиды она больше не чувствует. Он отвернулся от нее, как она отвернулась от Бога. Выны ни тут, ни там нет: совершенно по невежеству, не по злему умыслу.

Позади три машины. Красный фургончик прибавил скорость.

Во втором часу Сьюзен припарковалась в квартале от школы, посидела минутку, собираясь с мыслями, зная, что последний ее поступок в жизни — самый трудный: она боролась с желанием плакать.

Войдя в вестибюль, она поднялась в класс Андреа. Пусто. Наверное, дети ушли в кафетерий на ланч. В кафетерии стояла разноголосица шумных счастливых ребятишек, учителя, хотя и усталые, вели себя терпимо. Среди них Сьюзен искала личико Андреа. Она заметила учительницу Кэнди. У длинного центрального стола та раздавала картонки молока. Сьюзен направилась к ней.

— Миссис Рид! — удивилась Кэнди. — Вы вернулись?

— Да. Андреа тут?

На лице учительницы мелькнула озабоченность. Взяв Сьюзен под руку, она отвела ее к стенке, подалее от детей.

— Она наверху с медсестрой Расмасон.

— Но почему? Что случилось?

— Ничего. С ней все в порядке. Просто переволновалась.

— Из-за чего?

— Поговорите с Дженет сами. Второй этаж, комната...

Но Сьюзен уже мчалась туда.

Дверь к Дженет была закрыта. Сьюзен тихонько постучалась, и через минуту ей открыла молоденькая медсестра.

— Миссис Рид! Вас разыскали!

— Нет, я пришла сама. Что случилось?

Медсестра вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

— Меня вызвали в кабинет с час назад. С Андреа случился, насколько я могу судить, приступ истерики. Девочка рыдала навзрыд, была совершенно неуправляема.

— Но почему? Причина? — в отчаянии допытывалась Сьюзен.

— Истерика... Мы даже наверняка не знаем. Кто-то позвонил, девочку позвали к телефону, а когда она взяла трубку...

Дальше слушать Сьюзен не стала. Она прикрыла лицо руками и прошептала:

— Не надо, пожалуйста, не надо! Только не это! С ней — не надо. Она же совсем ребенок.

Позже, когда сестра Расмасон убедилась, что Сьюзен владеет собой, она позволила ей пройти к Андреа. Девочка спала на кушетке. Даже во сне было заметно действие Безмолвия. Андреа изредка вздрагивала, личико искажалось от кошмаров, снившихся ей.

Сьюзен опустила на колени, обняла дочку. Стараясь сдерживать слезы, прошептала:

— Тш-шш, сладкая. Не бойся. С тобой не случится ничего худого. Mamочка позаботится. Mamочка никому не позволит навредить тебе...

Свободной рукой Сьюзен расстегнула сумочку и вытащила флакон с таблетками. По-прежнему обнимая Андреа, она выкинула его, вместе с надеждой, в мусорную корзину. Позже, когда личико спящей Андреа стало спокойным, Сьюзен поцеловала дочку и быстро вышла. У подъезда ждал красный фургончик с тонированными стеклами, что внутри — не рассмотреть никому. Сьюзен заметила его и все поняла.

Наступила пора дать согласие.

Подняв голову, она посмотрела на небо, запоминая его, глядя на то, что существовало всегда и будет существовать вечно — облака, солнце, деревья, людей.

И потянулась к ручке машины...

НЬЮ-ЙОРК, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК. 14 июля, 19... г. — Лу Рид, 312 Вэст-Энд-авеню. Манхэттен, просит, если кто-то из наших читателей имеет сведения о местонахождении его жены Сьюзен Гудман Рид, пропавшей месяц назад, позвонить по телефону 212 555-4733. За приличное вознаграждение...

“Дейли-Ньюс”

Перевод с английского
Ирины МИТРОФАНОВОЙ.

Он — французский режиссер. Его настоящее имя — Владимир Племянников, но прославился он под псевдонимом Роже Вадим. Как режиссер, Роже Вадим ценится в основном эстетам и интеллектуалами. Его истинный талант — иной: он умел “зажигать

ДЬЯВОЛ, ЗАЖИ

Елена
ПРОКОФЬЕВА

звезды”. Умел увидеть в неизвестной девушке будущую богиню экрана. Роже Вадим был мужем и открывателем актрис — Бриджит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда. Во Франции его называют “одним из величайших любовников XX века”.

Французский аристократ со славянской душой

Он родился не во Франции, как многие считают, а в Египте. Его отец — русский эмигрант Игорь Николаевич Племянников — состоял на должности вице-консула Франции. Мать — Мари-Антуанетт Ардилю — была французской аристократкой. Мальчику назвали Роже Владимир, фамилия, естественно, Племянников. Это потом он придумал себе псевдоним "Роже Вадим", сократив второе имя. Но вовсе не потому, что стеснялся русского происхождения — вовсе нет, ему всегда нравилось выделяться среди остальных, а русских во Франции считали натурами загадочными и непредсказуемыми,

сто после окончания привилегированной закрытой школы для мальчигов, куда его определила мать благодаря связям своей се-

СТАВШИЙ ЗВЕЗДЫ

несмотря на засилье эмигрантов первой волны. Роже Вадим не раз говорил с гордостью: "Мне упорно приписывают не просто славянский шарм, излучаемый русской душой, но и сладострастие, предопределенное безбрежными просторами степей, таинственностью сибирской тайги". Про-

мьи (ведь жили они скромно и не могли дорого платить за образование мальчигов, но аристократическое происхождение в то время еще имело какую-то цену). Роже стал журналистом, и ему потребовался емкий и запоминающийся псевдоним.

Он всегда интересовался красивыми женщинами. И его интерес был не чисто плотским, как у других молодых мужчин: нет, это был интерес художника, подобный тому, который ювелир питает к

прекрасным драгоценным камням.

Вадим часто писал о манекенщицах и актрисах. И в конце концов влюбился в одну из них. Ей было тогда пятнадцать лет, ее звали Бриджит Бардо, но она тогда еще не знала, кто она на самом деле, как и Вадим тогда еще не знал, что он — кинорежиссер.

И Вадим создал Бардо...

Трудно поверить, что когда-то Бриджит Бардо считалась дурнушкой. У нее были неровные зубки и слишком большой рот... Она носила снобку для исправления прикуса. Мечтала стать танцовщицей. Родители — обеспеченные буржуа — не верили в осуществление ее мечты, но жалели девочку и баловали: так, например, отец оплатил зал для ее первого выступления.

Бриджит Бардо было пятнадцать, когда ее своеобразную прелесть заметила женщина, фотограф из журнала "Elle". Потом ее пригласили демонстрировать молодежную одежду, потом — рекламировать духи... Ее внешность была оригинальной и запоминающейся. Запомнилась она и Роже Вадиму: мимоходом увидев фотографию Бриджит, он уже не мог ее забыть.

Он ухаживал за ней три года. Ей было восемнадцать, когда они поженились. У них была как бы двойная свадьба: в первый день они совершили визит в мэрию и устроили ужин у родителей Бриджит для ее же родственников, во второй день должны были венчаться в церкви — и устроить празднество для своих друзей. Ночь между гражданским и цер-

ковным бракосочетаниями Вадим намеревался провести в объятиях жены... Но строгий папенька Бардо стеной встал на защиту добродетели дочери. Он не позволил Вадиму даже поцеловать ее на ночь. Ни одного поцелуя до венчания! "Итак, вчера я женился на самой хорошенькой девушке Парижа и... провел первую брачную ночь в одиночестве, на софе в гостиной," — с насмешкой вспоминал Роже Вадим десятилетия спустя, когда жизнь его клонилась к закату и пришло время писать мемуары.

Его супружество с Бриджит Бардо было вполне счастливым. По крайней мере для него. Он всегда был склонен к аскезе, не любил нарядов, одевался только в черное, поскольку с юности считал себя демонической нату-

рой и всячески старался это подчеркнуть. Ну, а деньги просто утекали у него между пальцев! Когда деньги были — он устраивал пирушки, покупал любимой непрактичные подарки и с легкостью давал в долг друзьям, тут же забывая об этом. Когда денег не было... Он воспринимал это философски. И возмущался "мещанством" Бриджит, которая мучилась из-за безденежья и даже много лет спустя вспоминала с ужасом: "В те годы мы страшно бедствовали. С Роже Вадимом мы жили в ужасной мебелированной двухкомнатной квартире без всяких удобств. Ничего у нас не клеилось. Мы познали малоприятные последствия отсутствия денег. Эту усталость безнадежности и повседневную рутину, убивающую любовь, абсурдные ссоры по мелочам. Нам не удавалось сводить концы с концами. Вадим был готов на всё, чтобы заработать хоть немного денег. Я также искала, где заработать, позировала фотографам для журналов мод, мыла посуду и даже готовила еду. Вообще-то я ненавижу готовить. Сегодня меня невозможно заставить готовить. Лучше уж я буду сидеть голодной".

Бриджит Бардо уже несколько раз успела появиться на экране, а Роже Вадим уже успел снять несколько фильмов к тому моменту, когда он написал сценарий и получил деньги на постановку фильма "И бог создал женщину..." Роль Бардо в этом фильме была весьма рискованной, потому что в 1955 году сексуально раскрепощенные женщины еще не наводнили экран, а уж акт любви и подавно не демонстри-

ровался прежде... Но Бардо была так естественна и так восхитительна в этой роли, что фильм решились выпустить в прокат практически без купюр. Правда, подростков на него не пускали, и ханжески настроенные критики поспешили обвинить и режиссера, и его жену-актрису в безнравственности. Но большинство критиков и подавляющая масса зрителей пришли в восторг. Бардо сразу сделалась звездой № 1 во Франции. Еще вчера ее никто не знал, а уже сегодня по ней все сходили с ума!

В газетах писали, перефразируя название фильма: "И Вадим создал Бардо..." Ее даже упрекали в неблагодарности, когда стало известно, что Бриджит влюбилась в Жана-Луи Трентиньяна, своего партнера по фильму, и приняла решение развестись с Вадимом. Правда, выходить замуж за Трентиньяна она не собиралась, предпочитая свободную любовь. Просто ей не хотелось изменять мужу...

Вадим сохранил благодарность к ней за ее честность. Он писал в мемуарах: "Мы с Бриджит хранили верность друг другу все годы нашего брака". Другим женам он не был верен!

Впрочем, Бриджит Бардо так же сохранила добрые воспоминания о Вадиме. В одном из интервью, лет через двадцать после их развода, она сказала: "Вадим — это моя семья. Он для меня... как кровный родственник!"

"Опасные связи" с Аннет Стройберг

Аннет Стройберг была очень красива. Загорелая блондинка с роскошными волосами и громад-

ными голубыми глазами. Фигура ее совершенством превосходила даже точеную фигурку Бриджит Бардо. И Роже Вадим, будучи тонким ценителем женской красоты, не мог не влюбиться... Со времени его развода с Бриджит прошло уже четыре года и он уже не так мучительно страдал из-за оскорбленного самолюбия. Тем более что Аннет старалась всячески этому самолюбию подольстить. Она приехала из Швеции с намерением стать киноактрисой, а самым простым путем к экрану ей казалось замужество с кинорежиссером. И вот девятнадцатилетняя Аннет принялась бундально преследовать Вадима. Она "загоняла его", как охотник загоняет дичь, и даже продала свое единственное нарядное платье, чтобы купить ему подарок ко дню рождения! О чем не преминула сообщить... И Роже Вадим, тронутый ее простодушием и ослепленный ее красотой, сделал именно то, чего она так хотела: он женился.

Разумеется, он тут же стал снимать ее в кино. Как раз в это время, после длительной подготовки, он принялся за экранизацию своего любимого романа "Опасные связи" Шодерло дю Локло. В роли виконта дю Вальмона он снял тогда еще малоизвестного Жерара Филиппа, в роли маркизы де Мертей — свою многолетнюю любовницу Жанну Моро. Экранизация этого романа Вадимом была самой первой, и публика сочла ее столь непристойной и столь далекой от первоисточника, что вначале для проката ему даже пришлось изменить название... После было еще четыре экранизации, две из них — Стивена Фрирза и Милоша Формана — более

удачные, чем фильм Вадима. Но ни один режиссер не вкладывал в эту работу столько души, сколько он: он до самой смерти считал именно этот фильм — главным трудом своей жизни! Возможно, неудачным фильм был признан именно из-за того, что в нем было слишком много Вадима — и слишком мало Шодерло дю Локло.

Впрочем, это не удивительно. Если даже не брать в расчет такое личное качество Роже Вадима, как его эгоцентризм, а решиться сделать мини-анализ его творческого наследия, то вывод напрашивается: в кино Вадим был прежде всего экспериментатором. Он пробовал себя в разных жанрах и в разных стилях: то художественный фильм, то документальный, то экранизация классики, то современная драма, то триллер, то фантастика... До самой смерти он продолжал искать "свой неповторимый стиль". Возможно, именно поэтому он не создал ничего по-настоящему великого? Хотя все его фильмы были в свое время популярны и неизменно вызывали резонанс у критиков и зрителей. Впрочем, экспериментировал Вадим не только с киноискусством, но и с собственной жизнью. Иногда кажется, что к жизни он относился, как к искусству, и каждый из своих браков старательно инсценировал, и сам представлял в главной роли, и к женам относился, как к партнершам по фильму. То есть он никогда не одаривал их по-настоящему глубоким чувством — но и от них не ожидал глубоких чувств!

Во время съемок "Опасных связей" у Вадима открылись глаза

на его новую избранницу. Позже он вспоминал с отвращением: "Она не переносила, если кого-нибудь показывали на экране дольше, чем ее саму... Маленькая Стройберг, которая еще недавно мыла посуду в придорожном кафе, чтобы иметь карманные деньги, окончательно потеряла голову". Но что-либо менять было поздно: Аннет ждала ребенка.

Она родила ему дочь Натали. Свое первое дитя Вадим обожал до безумия. И Аннет умело шантажировала его этой любовью. Она изменяла мужу, неоднократно уходила — и возвращалась вновь... И он вынужден был снова и снова принимать ее и прощать, потому что Аннет грозила забрать девочку. И Вадим ничего не мог сделать. По французским законам того времени дети всегда оставались с матерью, за исключением случая добровольного отказа женщины. Вадим понимал, что крошечной Натали будет плохо с беспечной и равнодушной Аннет. И терпел, не требуя развода... Он снял Аннет еще в одном фильме: в экранизации рассказа Шеридана де ла Фоню "Кармила". Фильм назывался "И умереть от наслаждения", а Аннет появилась там в роли, которая, по мнению измученного Вадима, была просто создана для нее: в роли обольстительного вампира! Но фильм не имел особого успеха и все критики единодушно ругали исполнительницу главной роли. Разочаровавшись таким образом в кинематографе, Аннет сама попросила Вадима о разводе, найдя себе нового, более богатого покровителя.

Натали пока оставалась с отцом. Но от прав на нее Аннет не отказалась. Видимо, не хотела вы-

пускать из рук такое замечательное оружие... Понимая, что когда-нибудь оно может пригодиться.

"Порок..." Вадима — и добродетель Катрин Денев

Роже Вадим познакомился с Катрин Дорлеак в 1962 году, еще будучи женатым на Аннет. Он встретил Катрин на дансинге в Сан-Тропезе. Тогда Катрин была еще шатенной, скромницей и молчуньей, "всего лишь" младшей сестрой начинающей актрисы Франсуазы Дорлеак. Катрин и Франсуаза были родом из актерской семьи, в семье было четверо дочерей, все до единой — хорошенькие, но первой красавицей среди них считалась не Катрин, а Франсуаза. Та самая Франсуаза Дорлеак, которая позже блеснет в "Тупике" Романа Поланского, а вскоре после этого трагически и загадоч-

но погибнет в автомобильной катастрофе. Что касается Катрин Дорлеак, то она уже один раз появилась на экране вместе с сестрой, но не привлекла особого внимания зрителей и критики. И только Вадим взглядом опытного ювелира увидел в этом неограненном камне подлинное сокровище!

Он с легкостью соблазнил Катрин. Разумеется, обещал жениться. А может, и намеревался в действительности... Он тут же принял ее "гранить". Заставил похудеть на 10 килограммов, перекрасить волосы в светлый цвет и пойти на курсы актерского мастерства. Псевдоним "Денев" придумал также он.

Катрин была влюблена и во всем ему послушна, но Вадим, привыкший к строптивым женщинам, принимал ее кротость за тупость. Вадим вообще мало ценил Катрин. Как-то раз во время ссоры, произошедшей из-за требования Вадима раздеться перед камерой, она воскликнула: "Ты что, принимаешь меня за Бардо?" На что Вадим ответил: "Мне трудно объяснить разницу между бриллиантом и бутылочным стеклом".

Она не забыла этого оскорбления.

Впрочем, и он — тоже...

Он снял ее в фильмах "Порок и добродетель" и "Сатана там правит бал..." Она сыграла невинную жертву и роковую соблазнительницу. И то, и другое — успешно.

Ей было девятнадцать, она была беременна, а Вадим был уже свободен от прежних супружеских уз и готов был заключить новые... Когда Аннет Стройберг все-таки решила применить свое "могущественное оружие" и заявила Вадиму, что, если он женится снова,

она заберет Натали и отдаст ее в пансион. Зачем она так поступила — непонятно. Наверное, из зависти к Катрин, которая смогла воспользоваться шансом, предоставленным Вадимом, и все-таки стала актрисой, тогда как у нее, Аннет, это не получилось. В любом случае, Вадим больше любил Натали, чем еще не рожденного ребенка. И он поставил Катрин перед фактом: свадьбы не будет.

Душевная травма оказалась настолько болезненной, что Катрин Денев в жизни уже больше никогда не доверяла мужчинам и полагалась только на свои силы. Хотя, возможно, благодаря этому она и стала той самой Денев, которую мы знаем. Все ее сверстницы и соперницы давно ушли из кино, осталась только Жанна Моро, да и та последние пятнадцать лет играет роли старух. А Катрин Денев — по-прежнему прекрасная дама.

После рождения сына Кристиана Катрин ушла от Вадима. Вадим был взбешен: привыкнув к ее кротости, он ожидал, что она станет терпеть и дальше, безропотно будет жить с ним и воспитывать обих детей — его обожаемую Натали и своего сына. И в этой ситуации он не смог повести себя по-мужски: он поливал Катрин грязью буквально на каждом перекрестке и даже в интервью называл ее "примитивной мещанкой", "деспотичной домохозяйкой, склонной к эротическим фантазиям", "авторитарной", "неуступчивой", "непримиримой". Он так и не простил ей в будущем ее успеха. И серьезным потрясением стало для него то, что Катрин Денев, которую он назвал "бутылочным стеклом" в сравнении с "алмазом" Бриджит Бардо, стала в 70-е годы символом Франции —

"Марианной", тогда как в 60-е ею была Бардо. Таким образом, Вадиму повезло быть женатым на двух "Марианнах"...

Сама Денев вспоминает о Роже Вадиме без ненависти: "Моим настоящим и моим будущим я обязана Вадиму, при нем я всегда дрожала, потому что он считал меня ничего не знающей и ни на что не пригодной. Выйдя из его тени, я обрела уверенность в себе. Он мне напишет: "Извини, что я не понял, чего ты стоишь".

"Рондо" с Джейн Фонда

К тому моменту, когда Роже Вадим обратил на нее свое сиятельное внимание, Джейн Фонда была уже состоявшейся актрисой в США. Не звездой, конечно, но зато — дочерью киномагната Генри Фонда. А посему — все дороги были открыты перед ней. Американское кино в те го-

ды было вполне пуританским — по сравнению с кино европейским и особенно французским, — поэтому неудивительно, что Джейн Фонда ответила отказом на предложение Роже Вадима (у которого и во Франции-то была дурная репутация) сняться в его фильме. "Мисс Фонда не видит возможности сотрудничества с мсье Вадимом" — гласила переданная ему записка. Но Вадим все-таки изыскал возможность познакомиться с Джейн, а дальше — все пошло по уже привычному сценарию: соблазнение, свадьба, кино... Он снял ее в фильмах "Рондо" и "Барбарелла", причем в обоих фильмах она раздевалась, став, таким образом, первой американской актрисой, которая решилась появиться на экране обнаженной.

Правда, во французском фильме.

Роже Вадим прожил с Джейн Фонда целых восемь лет: для него — значительный срок. И, пожалуй, для него это был самый счастливый брак. Он писал: "Джейн, Калифорния, белый песок, океан, солнце... Наши отношения, в физическом и всех прочих смыслах, назвали идеальными. Я любил ее страну, ее семью, ее друзей, она, казалось, оценила Францию и моих друзей. Нас объединяло общее любопытство к людям и предметам, вкус к путешествиям". Джейн с легкостью прощала Вадиму его измены — что было для него немаловажно. Они купили ферму на юге Франции, и Джейн родила ему дочку Ванессу. Обожа-

емую Натали к тому моменту уже все-таки отправили в пансион.

Развелись они из-за того, что Вадим отказывался жить в Америке, а Джейн увлекалась всевозможной общественно-политической деятельностью: она боролась за права женщин, за права негров, против войны во Вьетнаме, против гонки вооружений... Бороться против всего этого из Франции было сложно, приходилось ездить в Америку. Джейн все чаще бросала Вадима и все дольше отсутствовала... И в конце концов решила, что их супружество уже вроде как и не существует. Джейн Фонда мечтала стать — ни много ни мало — первой женщиной-президентом США! Ради этой великой цели она готова была пожертвовать много большим, чем семейная жизнь с Роже Вадимом.

"Откровенно говоря, никак не решу, что обиднее: потерять женщину из-за какого-то гитариста или же из-за великой идеи?" — с грустью говорил Вадим в интервью после их развода.

Катрин Шнайдер — просто жена

Следующее его супружество было не более чем попыткой улучшить свое материальное положение. Он женился по расчету на дочке немецкого сталепромышленника Катрин Шнайдер. Она не рвалась сниматься в кино, да и Вадим не испытывал желания снимать ее: эта Катрин, в отличие от Денев, была некрасива... Катрин Шнайдер родила ему сына, названного в честь его русских предков Ваней. Не "Иваном", а именно сокращенным именем "Ваня". Вскоре супруги расста-

лись — вполне полюбовно. Материальное положение Роже Вадима осталось прежним: не слишком завидным для режиссера его уровня.

"Дьявол" на покое

80-е годы Роже Вадим прожил в одиночестве. Вернее, женщины сменялись подле него с феерической быстротой: он даже имен их не запоминал... Казалось, он решил состязаться с героями своих же фильмов — виконтом де Вальмоном, Назановой, маркизом де Садом, Дон Жуаном... Правда, в киноверсии Вадима Дон Жуан был женщиной и играла эту соблазнительницу Бриджит Бардо! Но и настоящего Дон Жуана Роже Вадим весьма уважал.

Вадим написал две книги мемуаров. Одну — про трех своих великих жен: "Три женщины, три встречи, три судьбы", в которой всячески превозносил свою роль в карьере и жизни Бриджит Бардо, Катрин Денев и Джейн Фонда. "Единственное в чём я был не прав, это в том, что я сделал знаменитостями женщин, на которых я женился, когда они никому не были известны". Вторую свою книгу он назвал "Воспоминания дьявола" и писал там уже о себе, как о некоей демонической личности. Что, впрочем, почти соответствовало истине... Но книга имела скандальный резонанс. В основном — из-за того, как пренебрежительно отзывался Вадим не только о женах, но и о детях. "Мои дети живут в разных столицах мира, со своими мамами. Я получаю своих детей на уик-энд и потом отправляю их самолетами назад в Рим, Лос-Анджелес и так далее к их мамам. Но при этом,

разумеется, путаю. И каждая получает ребенка другой!"

Но это было еще мелочью по сравнению с фильмом, который он сделал на основе "домашних" съемок, сохранившихся еще со времен супружества с тремя звездами. Советский журналист Михаил Ильинский, присутствовавший на фестивале любительского кино в Габичче, вспоминал: "Все жаждали увидеть нечто, как говорится, пикантное: съемки в домашней обстановке. А там предполагалась, например, Б. Б. без бикини, Джейн Фонда в "костюме Евы", Катрин Денев была, как говорили в "профессиональных" любовных анекдотах, "слегка одевшись", а сам Роже почти в "платье короля".

После этого фильма бывшие жены не выдержали и подали на него в суд с требованием компенсации морального ущерба. Правда, иск исходил только от двух француженок: Бардо и Денев. Американка Джейн Фонда к ним не присоединилась. А Роже Вадима судебный процесс только развел и порадовал. Он так любил атмосферу скандала!

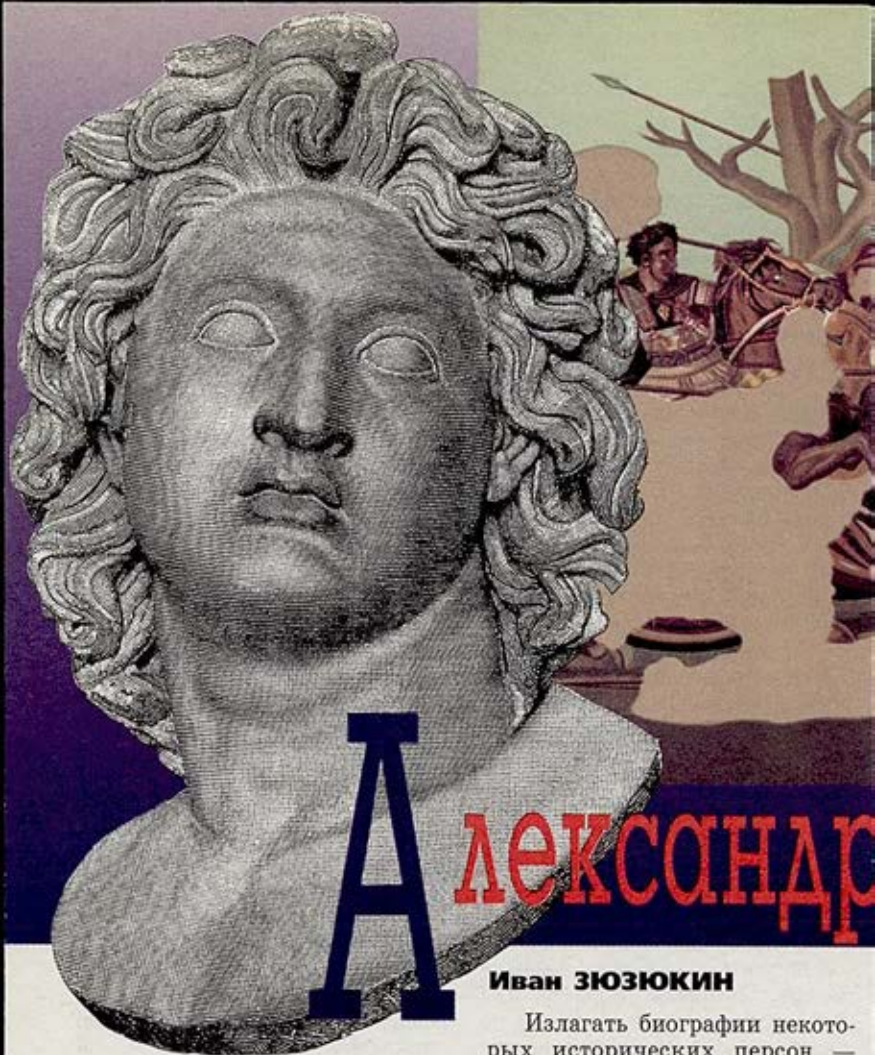
В 1990 году на фестивале полицейского кино Вадим познакомился с актрисой Мари-Кристин Барро, известной в основном по театральным постановкам, но тем не менее весьма популярной. Между двумя уже не молодыми

людьми вспыхнула пылкая страсть, и Вадим предложил Мари-Кристин руку и сердце, — чем немало ее удивил. "А я-то думала, он женится только на очень красивых женщинах, можно сказать, богинях красоты. Я себя за тановую не считаю," — сказала Мари-Кристин в интервью.

Забавно, но украшением мэри в городке Ле Валуа-Перрье, где проходила церемония бракосочетания Роже Вадима и Мари-Кристин Барро, служил бюст "Марианны" — во фригийском колпаке и с обнаженной грудью, — слепленный с его первой жены Бриджит Бардо...

Супружество Вадима и Мари-Кристин оказалось весьма удачным. Конечно, в нем не было той страсти, которая связывала Вадима с Бриджит Бардо, и того упоения счастьем, которое осталось в воспоминаниях о жизни с Джейн Фонда. Но зато ему было спокойно и приятно жить с ней. Мари-Кристин опекала Вадима, как ребенка, баловала его, во всем ему уступала... И ухаживала за ним, как за ребенком, когда ему случилось заболеть.

Роже Вадим умер 11 февраля 2000 года. Его похоронили на кладбище в Сен-Тропезе. У гроба стояли все пять его жен... И, как это ни удивительно, все они плакали! ■

Иван ЗЮЗЮКИН

Излагать биографии некоторых исторических персон — лишь попусту терять время: все о них знают еще со школьной скамьи. Как, например, об Александре Македонском, жившем почти две с половиной тысячи лет назад. Но история вообще и история жизни Александра в частности тем и интересны, что не стоят на месте! Одни и те же события и люди прошлого, пусть и самого далекого, что ни эпоха, предстают перед потомками в

Конечно, герой...

новом, подчас неожиданном свете. Так, биография нашего героя, несмотря на всю ее очевидную хрестоматийность, до сих пор таит в себе много волнующих загадок и век от века ставит все новые вопросы... Попробуем поразмыслить над некоторыми из них.

К примеру, почему Александр войдет в историю под именем Македонского? Казалось бы, здесь не о чем даже говорить. Родина его — Македония, маленькая, горная, бедная природными ресурсами страна. Его отцом был македонский царь Филипп II, талантливый полководец, человек большого ума, но, увы, необузданных страстей и до ужаса свирепый. (В Элладе, которой он нанесет много чувствительных поражений и установит над ней гегемонию, да и его собственная жена гречанка Олимпиада считали его варваром.) Когда в результате заговора Филиппа убьют, его старший сын Александр, круто расправившись с предполагаемыми заказчиками убийства, двадцати лет от роду станет полновластным царем Македонии.

Продолжая дело отца, он пойдет походом на взбунтовавшийся, было, эллинский город Фивы, превратит его в руины, перебьет тысячи жителей. С тех пор эллины будут знать, с кем после свирепого Филиппа они имеют дело.

Затем молодой властитель приведет в чувство враждующие кланы в собственной стране, издаст несколько мудрых законов. И — заскучает! После двух лет пребывания на троне он поймет, что ни сама Македония, ни даже приведенная к ноге некогда могущественная и гордая Эллада... ему не нужны. Имея все возможности наслаждаться монаршей жизнью, царь тем не менее постоянно пребывает в раздраженно-мрачном настроении. Его постоянно куда-то влечет, и вот однажды он объявляет народу, что идет походом на восток. И с войском числом чуть более тридцати тысяч (по нынешним меркам — одна дивизия) белокурый, синеглазый красавец Александр, одетый в серебряные доспехи с развевающимся султаном на шлеме, восседая на огромном, похожем на быка коне по кличке Буцефал, переправляется на кораблях через море и, первым спрыгнув на малоазиатский берег с обнаженным мечом, начинает завоевание огромного, неведомого мира. (Шел месяц *десим*, а в это время, предупредят Александра предсказатели, македонским царям не стоит вести войну. Наш герой поступит просто: изменит название месяца. Примерно так же он поступит со знаменитым “гордиевым узлом” — разрубит его мечом.) Со своим войском Александр покорит всю Переднюю Азию, весь Ближний Восток, затем ринется к Каспию, намереваясь захватить Кавказ, его победоносный меч блеснет в предгорьях Гиндукуша (который он ошибочно примет за Кавказ — до такой степени ему было все равно что завоевывать), ворвется в утопавшую в садах Ферганскую долину, затем круто повернет на юг и вскоре под копытами Буцефала окажется почти половина Индии. Древний мир, всякое повидавший, содрогнется от ужаса при виде того, как легко завоеватель расправляется с царствами, незыблемо стоявшими века. А Александр? Он намерен идти еще дальше, за реку Ганг, и покорить Китай, Японию. Но его воины, отчаянно уставшие от непрерывных сражений, влажного зноя, москитов, попросят царя повернуть обратно. Он уступит им с большой неохотой, но, возвращаясь назад то морем, то сушей, по пути разгромит еще несколько царств, пленит и продаст в рабство тысячи и тысячи людей. Наконец, покорив Египет, немного успокоится и обоснуется в древнем Вавилоне, известном как град распутства и греха...

Кажется, ненасытный завоеватель теперь может вернуться в родную Македонию и, как триумфатор, упиться славой и любовью своего маленького народа. Нет, Александр этого не сделает! Складывается впечатление, будто он забудет, откуда родом, или стыдится, что он, властелин почти всего полуденного мира, когда-то был владыкой маленького пятючка земли. Никто из его приближенных, а также летописцев, следовавших в обозе войска, никогда не слышал от Александра, что все завоеванные им царства отныне принадлежат

Македонии. Нет, она для него — это одно, а огромная империя, основанная им на востоке — совсем другое. И хотя после каждого похода он посылает на родину солидную часть награбленных богатств и множество рабов, страна год от года хиреет, лишней раз подтверждая вечную истину — не заработанное своим трудом уходит словно вода в песок. Вольно или невольно Александр выказывает свое пренебрежение к родине также тем, что среди его приближенных становится больше иноземцев и все меньше македонян. Пока он жив, с Македонией считаются все государства и племена на Балканах. Но после смерти Александра в ней начнутся кровавые клановые разборки, в результате которых погибнет царствовавшая династия, и страна, в конце концов, станет добычей варварских племен. Ныне Македония (не путать с одноименной республикой, частью бывшей Югославии) не самая процветающая провинция современной Греции. Таков исторический итог правления этой страной Александром. Но тогда почему же он — Македонский?..

Если верить древнегреческой мифологии, самые важные вопросы жизни избранных людей решались советом богов на вершине Олимпа. Что касается Александра, то перед его рождением между богами, наверное, развернется настоящее соревнование, кто из них какими выдающимися достоинствами наградит его. В результате на свет появится (говорят, в тот самый день и год, когда некий Герострат сожжет одно из семи чудес света — храм Артемиды в Эфесе) необыкновенный человек с таким множеством ярких дарований, что руками развести. Уже в мальчишеском возрасте он проявит незаурядный ум. Недаром Аристотель, его домашний, нанятый Филиппом учитель, который в то время был и поныне остается столпом мировой философии, порой приходит в растерянность от вопросов, задаваемых ему царственным отроком. Конечно, Александр чаще всего соглашается с великим философом, но иногда упрямо стоит на своем. (Позже, находясь в непрерывных походах, он переписывается с Аристотелем и, случается, вместе с любезностями высказывает несогласие с теми или иными взглядами учителя.) С малых лет Александр отличается исключительной памятью, он почти наизусть знает всю «Илиаду» и сам пишет прекрасные стихи, любит музыку, знает толк в живописи, скульптуре, архитектуре.

Словом, с такими природными данными и такой культурой ему только бы и стать просвещенным монархом, мудрецом на троне. Но он большую часть сознательной жизни посвятит захвату чужих территорий и связанным с этим убийством людей и разрушением вековых устоев. Почему? Если его нападение на персидское царство еще как-то можно объяснить — персы доставляли немало неприятностей и зла древнегреческим государствам, а их царь Дарий делал попытки внести между ними раскол, то что сделали Александру Мидия, Финикия, Индия, Египет и другие государства Азии и Африки?

Правда, войны и захваты и в те времена были обычным делом. Неоспоримо другое: Александр покажет себя просто-таки выдаю-

щимся полководцем! Хотя звучит это ужасно, но, видимо, он был рожден для войны. По блеску и сокружительности одержанных побед с ним не могут сравниться ни Ганнибал, ни Цезарь, ни Чингисхан, ни Наполеон! Ведь если у каждого из них была армия, да и не одна, то у Александра, как уже говорилось — всего одна дивизия. А он? Распределив небольшое войско по флангам, сам во главе нескольких сотен кавалеристов врывается (в буквальном смысле!) в месиво людей и лошадей противника в центре. Ему противостоят полумиллионные, а один раз даже миллионная армия, но это его совершенно не смущает! Битвы греко-македонского войска с полчищами персов похожи на то, как если бы маленький зяблик пытался опрокинуть могучего орла. Но Александр — опрокидывает, обращая в бегство сотни тысяч вражеских воинов! И что (или кто?) помогает ему это сделать? Конечно, военные историки уже давно по косточкам разобрали все выигранные Александром сражения, а проигранных у него просто не было. Но внятного объяснения, почему он побеждал при любых условиях, увы, нет. Ну, была бы у македонян, скажем, передовая по тем временам боевая техника. Так нет, все те же, что и у противника, мечи, копья, щиты. Или, можно предположить, у Александра хорошо работала военная разведка. Но ведь он почти всегда начинает сражение, едва завидев врага.

И все же было у Александра то, чего не имелось у его противников. Можно назвать это озарением. Каким-то сверхъестественным чутьем полководец угадывает замысел противника, на большом расстоянии видит и поражает его в самое слабое место! Словно бы все, чем наделят его олимпийские боги от рождения, чему научит его Аристотель, на что вдохновит своей поэмой Гомер — все обостряет его чутье, все работает на его очередную победу. Причем, как отмечают прижизненные биографы Александра (некоторые из них были его соратниками и видели его перед сражением), полководец, начиная битву, всякий раз *абсолютно* уверен, что победит, словно уже заранее имеет на руках тройку, семерку и туз. Эта одержимая вера магическим образом передавалась воинам: многие из них, истекая кровью от ран, думают только о победе — и продолжают сражаться до последнего, приводя в ужас противника. Пожалуй, вот эта беспредельная вера в себя и в успех — одна из главных составляющих военного гения непобедимого Александра...

Но все же что (или кто?) заставит его употребить весь свой недюжинный ум, сверхчеловеческую интуицию и даже духовную утонченность на ведение войн и разгром одного царства за другим? Ведь, пожелаю этот феноменальный человек, он мог бы, наверно, стать великим, наподобие Аристотеля, мыслителем, или, взяв в пример бессмертную поэму Гомера, сложить что-то подобное о своем времени. Но ему надо другое. Став царем Македонии, честолюбивый Александр, по-видимому, сразу же решит: чем быть вторым Аристотелем или еще одним Гомером, лучше стать первым Александром Македонским! И ради этого он ринется со своим небольшим войском на восток, сметая на пути все живое и неживое...

Как и ум, многие другие человеческие достоинства проявятся в Александре с ранних лет. Он трудолюбив, упорен, мужественно переносит трудности, которые ему нарочно создают дядьки-воспитатели, приставленные к нему Филиппом. ("На завтрак — ночной поход, на ужин — скудный завтрак", — любил приговаривать один из них.) Александр месяцами живет в полевых условиях: спит на тонкой подстилке, ест из общего котла грубую пищу и с утра до вечера занимается бегом, конными скачками, учится владеть мечом и копьем. Юный царевич терпеливо сносит унижения, которым его подвергают суровые, безжалостные дядьки-воспитатели, стремившиеся выработать в нем необходимые воину хладнокровие и злость. (Труднее всего мальчишке было сдерживать себя, когда он, пошарив под подушкой, обнаруживал, что лакомства, тайком присланные ему матерью Олимпиадой, дядьки нашли и, скорее всего, отдали собакам.)

Но уже тогда он не выносит приказаний, даже если они исходят от отца. С ним юнец почти всегда разговаривает на грани дерзости, ибо знает о его склонности к пьянству и любовным похождениям, кончившимся тем, что Филипп бросит Олимпиаду, женится на молоденькой красотке и произведет на свет еще одного наследника. Юный Александр, однажды увидев, что никому не удастся обуздать бешеного в своей непокорности Буцефала, сделает это на глазах отца и его свиты, чтобы в Македонии все знали: когда придет время, его, как и из седла, никто не скинет с трона!..

Аристотель — вот кто ближе всех ему в эти годы по духу. Недаром сам Александр однажды скажет, что отцу он обязан всего лишь тем, что живет, а Аристотелю — тем, что живет достойно. Царевич отдыхает душой после изнурительных физических упражнений, прогуливаясь со своим учителем по тенистым, благоуханным аллеям загородной царской виллы. Кто теперь знает, о чем они разговаривали, какие вопросы бытия обсуждали наедине друг с другом? Часть биографов Александра считает, что именно Аристотель, делая с царевичем своей мечтой о всемирном гармоничном государстве во главе с человеком необыкновенного ума и обширных знаний, заронит в голову будущего полководца мысль о завоевании мира. Недаром же из наук, преподававшихся ему Аристотелем, самой любимой у подростка будет география: своими синими немигающими глазами он пристально и жадно разглядывает карты тех времен.

Как многие в этом возрасте, Александр — пылкий мечтатель и романтик. Примером для подражания он изберет Ахиллеса, Гектора, Патрокла и других героев "Илиады". Не случайно, высадившись в Малой Азии, он первым делом посетит развалины Илиона и в честь героев троянской войны принесет жертвоприношение. Молодой царь, досконально изучивший "Илиаду", порой одевается и носит доспехи, какие были у его кумиров. Но в чем-то он их даже превзойдет. Александр вообще не знает, что такое страх и осмотрительность. В битвах он своим сияющим на солнце шлемом с белым султаном словно нарочно дразнит противника, появляется то там, то здесь, отбиваясь иногда сразу от дюжины врагов. Из-за своего боево-

го азарта он едва не погибнет в первом же сражении с персами: еще одно мгновение и, если б не бросившийся к нему на помощь воин Клит (кстати говоря, сын его любимой няни), то македонского царя, скинутого с коня, персы пригвоздили бы копыями к земле. Но подобные случаи не остудят пыл бесстрашного Александра: до конца жизни он будет не только предводителем, но и лучшим воином своей маленькой армии.

Рисовался ли он, находясь на поле брани? Вряд ли. Он то и дело попадает в положение, когда рисовка могла стоить жизни. К примеру, однажды он с небольшим отрядом заблудится в жаркой безводной пустыне. Умиравшие от жажды воины поднесут ему, как царю, черпак с оставшейся у отряда водой. Александр примет его, молча выльет в песок и вместе со всеми продолжит путь. Этим поступком он как бы скажет своим воинам: у меня и у вас одинаковый шанс выжить или погибнуть...

Жестокость в нем сосуществует с беспримерным великодушием. С невероятным напором и быстротой разгромив миллионную армию Дария, Александр хочет взять персидского царя в плен и, что называется, поставить на колени. Но сделать это ему не удастся: бросившегося в бегство Дария убьют его же приближенные. Александр страшно возмутится! Он поклянется покарать предателей, укроет тело убитого своим плащом и распорядится похоронить бывшего заклятого врага с царскими почестями... И вообще в отношениях с противниками македонский полководец не прибегает к обману, ему чуждо вероломство. "Я не краду побед", — скажет он сподвижникам, когда те предложат ему напасть на противника ночью, чтобы застать его врасплох. Александр нападет утром. И, как всегда, выиграет сражение...

Был ли он любим своими воинами? Не то слово! До наших дней дойдет немало легенд о том, как обожали и были преданы ему македоняне и греки, составлявшие костяк войска, с какой готовностью, оберегая своего храброго царя, они отдавали за него жизни, а некоторые вообще не верили, что под предводительством такого человека могут умереть на поле брани. Перед ним преклонялись его ближайшие соратники. Случалось, они выступали против каких-то военных замыслов Александра — и он спокойно выслушивал их возражения, — но потом они каждый раз убеждались, что царь дальновиднее всех их вместе взятых. ("Будь я Александром, я бы принял условия Дария", — посоветует ему заключить перемирие с персами Парменион, самый старший и опытный военачальник в его команде. "Клянусь Зевсом, — засмеется в ответ Александр, — я бы сделал то же самое, будь я Парменионом!") На досуге с полководцем охотно, без всякой робости общаются поэты и летописцы, музыканты и певцы, которые, находясь в обозе армии, повсюду следуют за ним. И царь демократичен, как никто, обращается со всеми как с равными. В своих беседах обворожительно остроумен, находчив. По случаю очередной победы за свой счет устраивает пиры и, как никто, щедр, обходителен, ест и пьет

в меру и от души веселится. Словом, обаяние его личности — вне конкуренции...

Однако, как скажет один из современных историков, “нет человека, о котором бы писали больше и противоречивее, чем об Александре Македонском”. Еще при его жизни иные говорят и пишут о нем как о великом негодяе.

Даже такие апологеты и очень осторожные критики Александра, как Плутарх, римлянин Арриан и другие, указывают на непростибельные его деяния. О жесточайшей расправе с Фивами мы уже упоминали. Другой тяжкий грех Александр совершит в Индии: он никак не может взять приступом один из городов, наконец, пообещает жителям сохранить им жизнь, если они добровольно откроют ворота, а когда они это сделают, прикажет перебить всех.

Странные перемены происходят с Александром с некоторых пор. Побеждая то одного восточного монарха, то другого, полководец, как скоро заметят его земляки-македоняне, все больше становится похожим на... побежденных! Так, ворвавшись в шатер сбежавшего с поля брани Дария, Александр буквально остолбенеет при виде неопишуемой роскоши, с какой жил деспот, даже находясь в походе. “Вот что значит — жить по-царски!” — придя в себя, возбужденно воскликнет Александр. И вскоре, чего с ним не случилось прежде, начнет облачаться в шитые золотом и изумрудами одежды, появляться перед воинами в непривычном для них узорчатом восточном халате. Из героев “Илиады” Александру теперь, кажется, более всего люб порочный, сластолюбивый Парис. Сначала царь женится на безродной, но отчаянно красивой персиянке, затем делает второй женой одну из дочерей Дария, находясь в Средней Азии, обзаведется третьей, словом, на глазах македонян и греков, придерживавшихся единобрачия, их царь мало-помалу обзаводится гаремом. И, не желая быть в этом отношении “белой вороной”, Александр сам подберет для своих соратников невест из знатных семей и закатит грандиозную коллективную свадьбу! И если прежде на пирах он устраивал соревнования в остроумии, то теперь — кто больше съест и выпьет вина, причем, по этой части царь стремится быть первым.

Что уже не просто огорчает его земляков, а глубоко ранит их души: Александр больше не считает их своей главной опорой. В его свите все больше персов, мидийцев, египтян, финикийцев... Некоторых из них он даже делает наместниками в завоеванных македонскими мечами царствах и городах! Армия его растет, но за счет кого? В одну шеренгу с македонянами и родственными им греками встают их вчерашние заклятые враги. Этого земляки полководца уже никак не могут ни понять, ни простить...

И вот теперь о третьем непростибельном грехе Александра... Один храбрый воин, считавший, что имеет право говорить царю то, что думает, настойчиво, изо дня в день доказывает ему, что, отдаляя от себя македонян, он совершает большую несправедливость.

— Негодяй! — не выдержав, однажды закричит царь в гневе. — Ты думаешь, мне приятно, что ты всегда безнаказанно ведешь такие речи и призываешь македонян к неповиновению?!

Воин не дрогнет и ответит ему с достоинством и горечью:

— Мы и без того наказаны за свои старания. Позавидуешь мертвым, которые не видели, как македонян секут мидийскими розгами и как им приходится обращаться к придворным персам, чтобы получить доступ к тебе...

Взбешенный и порядком разгоряченный вином Александр метнет копьё и насквозь проткнет им грудь воина. А теперь спросите, кто это был? Друг детства царя, сын его любимой няни Клит, спасший его от верной гибели в первом сражении с персами!..

Нет, на самом деле Александр наделает глупостей и мерзостей намного больше, чем сочтут древние историки. Вот еще некоторые из них. Взяв столицу персидского царства Персеполь и разозленный тем, что его войско во время штурма было сильно потрепано, полководец (недаром же он, наверное, родился в несчастный для храма Артемиды день!) самолично под аплодисменты и одобрительные крики льстецов и прихлебателей подожжет дворец персидских царей — жемчужину восточного искусства и зодчества... Ну ладно, не без оснований считая себя героем, он в честь самого себя назовет множество городов в Азии и Африке — Александриями, Александрополями. Но ведь одному городу в Азии долгое время придется называться Буцефалией — в честь царского любимого коня... Рассказывают также, что Александр однажды ни словом не возразит, когда какой-то холуй предложит намазать мальчика-раба нефтью, поджечь ее и посмотреть, что из этого получится. Надо ли говорить, что получилось?..

Что же стряется с Александром? На первый взгляд, ничего особенного. Он смолоду был одновременно добр и безжалостен, обходителен и высокомерен, щедр и мстителен. Этот крепкий настой добродетелей и пороков бурлит в нем всю жизнь, делая его характер непредсказуемым — иной раз даже для самого себя. Два противостоящих начала борются в нем с ранних лет и никто не знает, какое из них победит. Но грозные подвижки к будущему падению произойдут еще задолго до похода на восток. Так, подавив восстание, поднятое одним племенем против македонского владычества, царевич Александр прикажет на усмирённой и порядком выжженной земле построить новый город и назвать его — Александрополем. И Фивы он хладнокровно уничтожит тоже задолго до похода на восток...

Нет, в распаде личности нашего героя все же есть что-то особенное. Ведь это была — гениальная личность! Но, казалось бы, иметь такой светлый ум, такую высокую культуру — и при этом спокойно смотреть, как корчится от боли объятый пламенем мальчик-раб?! Это ведь уже не просто распад, а настоящая деградация. Причем у Александра (как, впрочем, и у некоторых других великих людей в истории, возьмите папу римского Александра Борджиа или Ивана Грозного) она носит прямо-таки обвальный характер. Из одиннадца-

ти лет, проведенных им на востоке, самое стремительное падение в нравственную пропасть у него начнется в последние год-два. Да, несравненный Александр и в эти годы сражается, не зная страха, он словно ищет или играет со смертью, ввязываясь в рискованные стычки с превосходящим противником. И в то же время вседозволенность и подозрительность, пьянство и казни за малейшую провинность становятся нормой.

Переломным и, как потом окажется, трагическим моментом в жизни Александра станет завоевание им Египта. (Какая-то роковая страна! Пребывание в ней во многом изменит также судьбу Цезаря и Наполеона.) Македонский будет провозглашен фараоном Египта. Но это еще не все. Стремясь приручить непобедимого полководца, хитроумные египетские жрецы посоветуют ему совершить паломничество к верховному богу Аммону, обитающему, по их утверждению, в далеком оазисе Ливийской пустыни. Александр, которого, казалось, уже ничем нельзя было ни удивить, ни прельстить, тем не менее — из любопытства, что ли? — отправляется в путь. Верховный бог предстанет перед ним в виде идола с головой барана и телом, похожим одновременно на человека и ладью. Лишь постоянно живущие здесь служители культа понимают, что Аммон изрекает, когда его спрашивают о чем-нибудь. “Кто он?” — спросят они идола, указывая на Александра. Ладьеобразный Аммон даст ответ: “Это мой сын”. Услышав это, Александр рассмеется: ведь он-то отлично знает, что его отцом был Филипп, о чем он и скажет жрецам. “Ты заблуждаешься, о, владыка мира! — смиренно склонив головы, возразят они. — На самом деле ты был зачат Аммоном, а Филиппу было лишь поручено вырастить и воспитать тебя...”

Поверит ли в это Александр? С одной стороны, он — сын своего времени, убежденный язычник, а язычество — это пьяняще красивые, но сплошные басни, которые многие люди той эпохи принимают за чистую монету. С другой стороны, чтоб в такое поверил ученик и воспитанник Аристотеля, обладающий пронзительно глубоким умом?.. Однако вскоре после паломничества к Аммону Александр пошлет в Македонию и Элладу что-то вроде директивы считать его богом! Тут уже не до смеха. (Хотя именно смех вызовет это его требование у многих в Элладе, стране, куда более просвещенной, чем Македония.) Что же произойдет на самом деле? Пожалуй, нет, и не может быть однозначного ответа на этот вопрос. Возможны лишь догадки, те или иные предположения.

Вот некоторые из них... С некоторых пор Александр сам не знает, кто он на самом деле. (“Ты можешь, как Зевс, вызвать гром?” — спросит его один из летописцев. “А зачем?” — уйдет от прямого ответа царь.) Да, по всем признакам он — человек. Если присмотреться внимательно — в чем-то даже несовершенный. Например, он сутул и косоплеч. В то же время ему порой становится не по себе, иной раз — даже жутко. В самом деле, благодаря чему он выигрывает все, в том числе и заведомо проигрышные битвы? Почему он, десятки раз находясь на волоске от смерти, из каждой мясорубки выходит

всякий раз в крови, но — в чужой крови? Что (или кто?) помогает ему угадывать намерения врагов на расстоянии? Почему однажды, несмотря на предупреждение Пармениона, что ему под видом снадобья дадут яд, он выпивает лекарство и остается живым? Тут, согласитесь, будь ты хоть семи пядей во лбу, невольно усомнишься, что сделан из того же теста, что и все люди, что внешне ты, да, похож на человека, в действительности же ты — бог! А если это так, то кто же тебе судья, как не сам ты? Где истина, как не в тебе самом? И за кем остается последнее слово, как не за тобой?..

И еще. Всю жизнь Александра, можно сказать, преследуют удачи. Сбываются все его мечты, исполняются все его желания. (Не завоевал Китай и Японию, да стоит ли из-за этого расстраиваться — мир так велик!) После каждой победы воины носят его на руках, на пирах беспрестанно произносятся здравицы в его честь. Поэты слагают во славу Александра панегирики. Повсюду, где бывал герой, скульпторы ставят его статуи. Один архитектор предложит построить город, который бы размещался... на руке грандиозной, высеченной из камня статуи Александра! Он привыкает (как к алкоголю) к утонченной, приятно щекочущей самолюбие лести лукавых персов. Это кто-то из них убедит полководца ввести проскинезу — принятый на востоке обычай преклонять перед монархом колено... Тут, согласитесь, у каждого, даже самого умного человека, говоря современным языком, поедет крыша, он вообразит о себе невесть что. И это говорится к тому, что груз непростительных грехов лежит не на одном Александре, но и на тех, кто, к примеру, рукоплескал ему, когда он бестрепетной рукой поджигал дворец в Персеполе. Лишь такие люди, как Клит, не причастны к этой щемяще грустной истории превращения талантливого предводителя войска и любимца солдат в спесивого восточного деспота, гениального человека — в самолюбивого параноика...

В конечном счете, самообожествление и погубит Александра. Он заболит какой-то, судя по описаниям очевидцев, несмертельной болезнью, вроде лихорадки или ветряной оспы. Но лечиться он — и не подумает! Ведь до сих пор ему все сходило с рук — сойдет и на этот раз. (Печально то, что он не воспользуется искусством врачевания, которым, рассказывают, владел в совершенстве. Полководец сам готовил снадобья и успешно лечил тяжело раненных воинов.) Испытывая недомогание, беспечный Александр, как ни в чем ни бывало, парится в банях, сидит за пиршественным столом, не ограничивая себя ни в еде, ни в питье, проводит со своими сподвижниками военные советы. Он по-прежнему неумен в своих честолюбивых планах! На этот раз он задумывает великий поход на запад, лелеет мечту пройти сквозь Геркулесовы столбы (пролив Гибралтар), выйти в необъятный океан и покорить находящиеся за ним вечно цветущие земли, похожие, по слухам, на рай...

На тридцатый день месяца *десим* — того самого, что он когда-то отменит — ему станет совсем плохо: царя знобит и рвет, словно при

отравлении. (Существует версия, что его на самом деле отравили медленно действующим ядом.) Но никогда не падающий духом Александр — ему всего 33 года! — уверен, что все обойдется. Ведь он — бог, а боги, как известно, не умирают. И прежде, чем испустить дух, по-прежнему острит, сыплет афоризмами...

Соратники оплачут смерть кумира, где-то тайно захоронят, как сообщают летописцы, в гробе, отлитом из чистого золота. Созданную им гигантскую империю они поделят между собой, как пирог. И едва поделят, вновь начнут воевать, на этот раз — между собой, в результате чего империя, как плохо пропеченный пирог, вскоре развалится. Некогда покоренные народы восстанут, сметут с лица земли не только статуи Александра, но и многие города, построенные и названные в честь него...

Классик нашей литературы Н.В. Гоголь, вложивший в уста своего персонажа полную досады и недоумения фразу (“Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?”), кажется, прекрасно, но не говоря об этом напрямую, понимал, что во всех совершенных Александром подвигах есть какой-то надрыв, излишнее усердие, вызывающее у потомков горько-ироническую усмешку. Вся соль фразы, ставшей крылатым выражением, заключена в этом самом “оно, конечно”. Да, Македонский — герой из героев, да, он всех победил, да, еще при жизни стал легендой. Но зачем же столько исторических стульев было ломать?.. ■

*Любовных
встреч
на курорте
бывает
множество.
Но ни одна
из них
не повлекла
такого
драматического
продолжения...*

КУРОРТ

Сергей ЗОЛОВКИН

К закрытию ресторана "Наснад" вокруг самого вместительного стола догуливали трое парней, эффектная черноглазая девица, пышная блондинка и каная-то дама не совсем первой свежести. То и дело им строила изрядно подбитые глазки юная особа в разорванной на плече блузке. Она очень хотела понравиться высокому и стройному шатену. Тот оказался в разношерстной компании случайно. Усатый кавказец приглашал к своему столу всех посетителей ресторана. Но отозвались лишь Николай Корольков с приятелем и томная блондинка, жительница курортного поселка Лазаревское. Но командированный принял ее за северянку.

— Наверное, только сегодня отдохнуть приехали, да? — то и дело склонялся к розовому ушку Николай. — Мы вот с другом тоже в Сочах всего несколько часов. Про-

ездом. Из Тбилиси в Минск. С пересадкой на праздничный ужин. День рождения у меня сегодня. 27 лет. Хотел сделать себе подарок. Искупаться хоть разок в Черном море. Но так и не успел. А вы как насчет того, чтобы сейчас на пляж, а? Соглашайтесь! Бархатная южная ночь. Шелест волн. Тишина вокруг. И только мы вдвоем. Ведь если что, я и задержаться могу. А захотите, останусь здесь навсегда!

В те сладкие мгновения хмельной любви ко всему живущему на этой планете несчастный Николай Корольков даже и помыслить не мог, сколь страшно и точно будет исполнено это его игривое обещание.

Смерть без предупреждения

— Закрываемся, закрываемся, молодежь! — поторапливала

ШАЯ КОРРИДА

компанию усача добродушная круглолицая тетечка в замызганном переднике. Кавказец сделал вид, что не слышит. Он упивался ролью тамады. Будущая жертва усача продолжала отбиваться от назойливой дамочки с "фонарем" под глазом. Та была не столько пьяна, сколько пылала от ярости: этот долговязый ее не уважает!

Но вот разошлись припозднившиеся завсегдаи "Наснада". На ступеньках ресторана темноволосую красотку отозвала в сторонку какая-то девушка. Друг Королькова, Семен, хотя и еле держался на ногах, краем глаза выхватил в беседающей поодаль парочке нечто необычное. Девушки отодвинулись к кустам. Тень падала на их лица. Но что-то очень странное и непривычное не позволяло Семену отвести пьяный взор.

Девушка с фингалом предприняла последнюю отчаянную попытку завлечь командированного из Минска. Нокетливо вздернув плечиком под разорванной блузкой, она бесцеремонно оттеснила блондинку, уже льнущую к Николаю. И буквально кинулась ему на шею.

— Да отвяжись ты, метелка! — чуть ли не отшвырнул приставалу Николай. Он тоже немало выпил. Но держался куда устойчивее своего друга.

— Ах, так! — поджала ярко накрашенные губы девушка. И направилась к усачу. Тот в это время размахивал руками и на весь Курортный проспект хвастал своими амурными победами над самыми знаменитыми красавицами Черноморского побережья.

Девушка с фингалом под глазом прервала его сладкие фантазии. Она указала пальцем на Ко-

ролькова, ворнующего с блондинкой. И стала что-то горячо нашептывать на ухо.

— Вах! — воскликнул усач. И стремительно приблизился к Николаю. Тот, ничего не понимая, успел лишь отстранить от себя блондинку. Правая рука усача сделала молниеносный выпад. Блик уличного фонаря мелькнул на узком лезвии. Металл пронзил солнечное сплетение Королькова. Светлая футболка мгновенно потемнела. Что-то медленно и вязко начало вываливаться из Николая. Тот продолжал стоять с широко открытыми глазами и ртом.

— Боже ж ты мой, кишки живому навалеру выпустили! — пронзительно вскричала бывшая фронтовая санитарка, подрабатывающая в ресторане ночной уборщицей. Не по годам быстрая старушка подбежала к ближайшему столику. Сорвала залитую вином скатерть. Прижала ее к огромной зияющей ране, пытаясь вернуть внутренности на место. Корольков все еще продолжал стоять. Не шевелясь, не моргая и не крича.

Его приятель ничего не понял:

— Колян, братишка, да что это с тобой?

Мгновенно протрезвевший усач сделал шаг в его сторону. Вид его был страшен. Теперь это был не хлебосольный хозяин застолья. На Семена надвигался хищник с горящим взглядом и пружинящей походкой. Без единого слова усач ударил ножом. Но у Семена — кандидата в мастера спорта по боксу, даже в таком пьяном состоянии реакция сработала. Удар, направленный точно в сердце, не достиг цели. Семен успел отшатнуться. Лезвие пробило правое легкое. Па-

рень стал задыхаться и падать. На лету усач сделал добивающее движение. И опять промахнулся. Раневой канал от левого плеча вправо вниз не дошел до сердечной сумки всего пару сантиметров.

Рыжий из чайсовхоза

Раннее утро оставило для старшего следователя Сочинского УВД Михаила Прокопьева лишь несколько кровавых пятен на тротуарной плитке, сбивчивые показания перепуганных работниц да предчувствие большой и кропотливой следственной работы. Хочешь — не хочешь, можешь — не можешь, а требуется установить и найти около двух сотен мужчин и женщин, угощавшихся в ресторане незадолго до кровавой разборки.

Трое суток допросов персонала ресторана "Наскад" ограничились кругом фигурантов по делу о ночной резне до 127 человек. Некоторых из них официантки знали не только в лицо, но и по именам. Поэтому Михаил Прокопьев мог продолжать цепочку расследования дальше. От звена к звену, от человека к человеку он подбирался к главному. Требовались очевидцы кровавого происшествия. Только их воспоминания, мельчайшие детали, обрывки фраз, особенности одежды, странности поведения могли бы направить на верный след. Потому что усач с его безжалостным, разящим ножом по-прежнему оставался безликим и безымянным. Как и его окружение. Но зато некоторые ночные посетители ресторана хорошо запомнили долговязого паренька с огненно-рыжей шевелюрой. Он сильно смахивал на одного бывшего сочинца, ставшего солистом столичного трио "Иванушки-Интер-

нешнл". Да и по общительности этот самый рыжий из ресторана на поминал артиста. В тот роковой вечер он частенько переходил от столика к столику. И даже о чем-то беседовал с усачом.

Уже при первом упоминании о веселом гулянке Прокопьев настоужился. Что-то очень знакомое показалось ему в приметах. Но все точно вспомнилось и уложилось через несколько дней, когда замученный допросами следователь брел из "Каскада" к себе в отдел. У гостиницы "Москва" Михаил нос к носу столкнулся с давним знакомцем из чайсовхоза. Под закатным солнцем его рыжие волосы смотрелись еще ярче.

— Привет, Коля! Давно не виделись. Чего не заглядываешь? Бываешь ведь в городе. В "Каскаде", говорят, на днях гулял...

— А ты что, тоже в этом кабаке тогда гулял? — оживился случайный знакомец. — Ну и драна там получилась!

Цыганка Аза лишнего не скажет

Николаю Козанову пришлось заглянуть в кабинет следователя и все хорошенько вспомнить. Оказалось, что о поножовщине у выхода он только слышал. Потому что ушел из "Каскада" незадолго до происшествия. Но разговорчивый аграрий хорошо запомнил эффектную черноносую девицу, откликнувшуюся на приглашение усача.

— Это наверняка цыганка! Да она так мне и представилась: цыганка Аза. И даже гадать прямо во время танца попыталась. За деньги. Только дорого запросила...

Теперь гадать предстояло следователю. Проработывать новую версию пришлось стандартным

следственным способом: каждый вечер ножнами-ножнами от одного увеселительного заведения к другому. Денег на это установочное мероприятие начальство, конечно же, не выдавало. Прокопьев пересчитывал небогатую наличность, заказывал бутылочку минеральной и незаметно вглядывался в ресторанный публику. Опытные официантки и буфетчицы тут же чуяли неладное и переставали обшчитывать. То и дело они приближались к пугающе таинственному клиенту и вкрадчиво предлагали угощение "за счет заведения".

Не марающей репутацию хлявой Прокопьев, как и любой нормальный мент или журналист, пренебречь, конечно же, не мог. Но от главной своей должностной задачи при этом не отвлекался. И вот на пятые сутки охоты Михаил едва не подавился салатом "оливье". Он боялся поверить в собственную удачу. В ресторанном "бунжере" гостиницы "Жемчужина" к дородному мужику с массивной золотой цепью изящно подседа брюнетка с волной шелковистых волос, ниспадавших на эффектную грудь. Чутье следователя не обмануло. Нужная для Прокопьева свидетельница выбрала именно "Жемчужину" для своего очередного ночного промысла: танцы, разговоры, гадание по ладони и на картах. Иногда, если предложение казалось особенно привлекательным, Аза соглашалась на бурную ночь в гостиничном номере. Уже в этом курортная прорицательница резко отличалась от типичных представительниц своего бродячего племени. Для настоящих цыганок Аза казалась презренным изгоем. В табор та-

них жриц любви не допускали. Что, судя по всему, брюнетку не сильно-то и расстраивало.

— Темные люди! — передернула она плечиком и нервно закурила уж какую по счету сигарету. Аза Алова была рассержена: мент отпугнул выгодного клиента. В кабинете было зябно и неуютно.

— Так вы настаиваете, что никогда в "Каскаде" не были, ни с кем там не знакомы, ничего про резню не знаете? — в который раз переспрашивал Прокопьев. Он уже убедился: цыганке есть что скрывать. Мелкие нестыковки в ответах на самые невинные, казалось бы, вопросы выдавали испуг и неискренность.

Опознание в 4-й городской больнице началось с раннего утра. Процедура эта стандартная. Детально проработанная в уголовно-процессуальном кодексе. Сложнее всего было уговорить врачей пропустить в палату тяжело раненного Семена не только громко возмущавшуюся Азу, но и двух таких же жгучих молодых брюнеток. А также понятых. Как и следовало ожидать, парень уверенно указал на цыганку: "С ней еще подружна была. Но она к столику не подходила. Все время стояла в тени. Что-то в ней очень странное было. Не припомню никак. Но она явно какая-то необычная".

Привет, Африка!

Следователь — профессия не только хлопотная, но и подневольная. Распутывая преступный клубок, детектив всегда должен помнить о нуче проверяющих над своей головой. Каждый норовит вставить "фитиль" за нарушения. Превысил срок доследственной про-

верки материала, получай! Вышел за временные рамки предварительного следствия — выговор от начальства тут как тут. Освободили в суде арестованного — ответит не прокурор, санкционировавший строгую меру пресечения, а именно следователь. А уж на "сто двадцать вторую" Прокопьеву вообще надеяться было нечего. Упрямая свидетельница никоим образом не могла быть переведена в разряд подозреваемых по статье 122 УПК "задержание". На месте драки да еще и с ножом в руке никто эту девицу застигнуть не мог. Очевидцы на нее как на виновницу не поназывают. На одежде никаких следов крови не имеется... В общем, отпускать надо Азу немедленно! Но она, как пить дать, что-то важное знает! Тут бы только поднажать. Но как, если Аза словно вольный ветер в донецкой степи! Откуда она, к слову, и заявилась. Отпусти такую, и реальная ниточка, ведущая к истине, будет оборвана.

Уже в наши дни бывший следователь и нынешний адвокат Михаил Прокопьев признал: контрмеры, им предпринятые, были весьма спорными. Ведь Михаил Николаевич умышленно выделял в протоколах беспечных признаний Азы ее многочисленные интимные связи. А потом "в целях профилактики и для предотвращения эпидемии опасных инфекционных заболеваний на курорте" принудительно направил Азу на исследование в закрытое отделение местного кожно-венерологического диспансера.

Для гордой цыганки это было шок подобно. Она била кулачками в оконную решетку и насылала на все сочинское следствие в це-

лом и на старшего лейтенанта Прокопьева, в частности, самые страшные древние проклятия.

— Пусть так и будет, — кротко соглашался Михаил. — Но я все равно не поверю, что никого за тем столиком в "Наскаде" ты раньше не знала.

— Свободой клянусь, начальник, не знала! Это подружка моя Лиля с какой-то избитой бабенкой там познакомилась.

Так Михаил Прокопьев преодолел еще одну ступеньку на пути к обвинительному заключению. По предположению Азы, Лиля Лялина должна была быть в сочинском спецприемнике-распределителе. Потому что документов у нее никаких нет. Однако в списках доставленных ничего похожего не значилось. Никто из бродяжек на цыганку не смахивал даже отдаленно. Следователь уже совсем было пал духом. На всякий случай ткнул пальцем в крайнюю намеру:

— А здесь у вас кто?

— Ну, это уж точно не ваша! — гоготнул дежурный.

Клацнула задвижка. Прокопьев обомлел. Теперь стали понятны странности, насторожившие пьяного Семена Крокуса. В ночной полутьме у кустарника он заметил действительно необычную женщину. В душевной камере приемника-распределителя среди малопривлекательных бродяжек неопределенного возраста возлежала на нарах... пышная негритянка. Плод любви неугомонного плясуна и гитариста Саши Лялина и недоучившейся студентки международного университета имени Патриса Лумумбы из Камеруна.

Лилию, назвавшуюся во время облавы Анжелой Девис, ничуть

не смущал ее рваный ситцевый халатик и полная нагота под ним. Она лениво приподнялась и без особого интереса выслушала вопросы следователя. Потом зевнула и философски заметила, что "бесплатно только птичка по небу летает".

Сторговались на двух пачках "Мальборо". От новой информации у Прокопьева перехватило дыхание.

Заложник тщеславия

В общении к своей бывшей любовнице Ларисе Петелиной Арик всегда вваливался хозяином. На этот раз он привез накую-то Кристину, с которой познакомился в поезде. 25-летняя девица возвращалась из Сочи. За бутылкой вина она стала хвастать перед попутчиком своим неповторимым любовным приключением на курорте. Кто бы мог тогда предположить, что ни к чему не обязывающие дорожные откровения самым фатальным образом повлияют сразу на нескольких людей. Но тут надо было знать патологически тщеславного Армена Унаняна. Многие кавказцы, как замечено, любят пускать пыль в глаза. Но всех перебивал "бешеный Арик", как его иногда называли в родном Дилижане. Однажды Армен Унанян поспорил с приятелем, что пронесется на скорости не ниже 90 километров по узкой улочке. "Жигуленок" взревел, запрыгал на ухабах и... сбил пожилую семейную пару, возвращавшуюся с похорон. Старик и старуха оказались сильно покалеченными. А Унаняна от тюремной решетки спасло кровное родство с одним высоким милицейским чином.

Пройдет немного времени и побившийся смертельный трюк "бешеный Арик" повторит специально. На этот раз ему покажется оскорбительной реплика случайного прохожего, отметившего несуразное количество всяческих нинелированных "прибамбасов" на потрепанном отцовском авто Унаняна. Армен вдавит в днище акселератор. И перебьет бампером обе ноги насмешнику. Отвертеться от лишения свободы на этот раз не получится. Унанян попадет в колонию, где не раз будет нещадно бит за неуставное стремление показать свою исключительность.

Но теперь у него была свобода. И были деньги, полученные от продажи отцовского автомобиля.

— Сейчас же пересаживаемся и едем в Ереван к твоему любовнику! — затряс купюрами перед носом девицы джигит с огненным взором. — Потом возвращаемся в Сочи. Пьем, гуляем за мой счет! Пока я не докану тебе: все, что делает Арик — это самое лучшее на свете!

Не пройдет и пары суток, как безумная затея начнет стремительно воплощаться в беспечную курортную жизнь. Тофик из Еревана оказался своимским парнем. Он сразу все понял, одобрил, и в своей автомастерской взял отпуск без содержания на пару недель. Начиналась восхитительная курортная авантюра, в которой каждый еще сыграет свою знаковую роль.

"Вступишь, если ты мужчина..."

На всех станциях до самого Сочи Армен высканивал на перрон и скупал у старушек цветы и вино. Ереванский любовник Кри-

стины все более мрачнел и уходил в тень. Женщина млела. Ее впервые одаряли подобным вниманием. Новый знакомец казался Кристине принцем. Но неделя пылкого курортного романа сменилась жесточайшим разочарованием. Мгновенно вспыхнув, Унанян столь же легко потерял к Кристине всякий интерес.

В тот роковой августовский вечер в общепите на улице Чехова она попыталась было подогреть к себе влечение испытанным дамским средством — слезами и жалобами. Но "бешеный Арик" и впрямь оказался ненормальным. Свою очередную подругу он "утешил" до того увесистыми оплеухами, что зазвенело в ушах. Под глазом мгновенно вспух багровый кровоподтек.

Это не только привело Кристину в чувство, но и поспособствовало притоку умиления.

— Бьет, значит любит! — успокоилась она и даже не очень стала ревновать Арина к этой вертихвостке Лариске Петелиной. Арик взял ее с собой в ресторан. И демонстративно не обращал на Кристину никакого внимания. Весь большой зал "Наснада" приглашал к себе за столики. А вот сердечной своей подружке приказал даже не приближаться.

— Ну, погоди! — мстительно прикинула отвергнутая возлюбленная. — Я тебя заставлю вернуться!

Так высокий и статный парень из Белоруссии сделался разменной пешкой в банальной амурной интрижке. У выхода из ресторана отвергнутая Кристина нашептала распетушившемуся Унаняну: эти его новые знакомцы явно не уважают "бешеного Арика". И если

он, Армен Унанян, считает себя джигитом, а не бабой с усами, он должен разобраться с этим долговязым, так обидно и так демонстративно отвергающим женское внимание.

Теперь, когда конец запутанного клубка был нащупан, было особенно важно найти всех участников курортной драмы.

Тофик — человек маленький

Первым следствию удалось взять не Арина. И даже не Кристину. Еще на постое у Ларисы Петелиной словоохотливый автослесарь обстоятельно рассказал сочинке о своей работе и своем досуге в Ереване.

Зацепок для поиска хватало. Тофика нашли довольно быстро. Перепуганный парень все это время ждал милицию. Он ничего не скрывал, постоянно повторяя: "Человек я маленький. Никогда ни во что не влезаю. Если бы знал, что этот самый Арик людей как баранов резать начнет, мамой клянусь, убежал бы от него по шпалам до самого Еревана!"

Сбивчивых слов на допросе хватало. А вот информации — почти никакой. Специфика столь банального в сущности расследования в том и заключалась, что мимолетные, легковесные курортные связи не оставляли в памяти участников почти никаких следов. Куда мог скрыться Армен Унанян? Где живет его подстрекательница Кристина? Михаил Прокопьев то и дело просил Тофика успокоиться. И рассказывать все по порядку. С максимально возможными подробностями. Одна из них показалась следователю любопытной. За три

дня до резни в "Наснаде" Тофик увидел Унаняна с Кристиной в светло-зеленых "Жигулях" шестой модели. Причем "бешеный Арик" был за рулем. Хотя никогда ни о какой своей машине в Сочи этот хвастливый нахазец не упоминал.

Для профессионального детектива такого рода зацепки иногда оказываются решающими. Прокопьев не поленился перелистать оперативные сводки за последние недели. В угоне такая машина нигде не значилась. Но в районе дома отдыха "Зеленая роща" гаишники останавливали бледно-зеленый "жигуль". Принадлежал он известному на курорте "катале" Папаяну. Но за рулем оказался вовсе не этот карточный шулер. У Армена Унаняна из Дилижана и пассажирки Кристины Панасюк из Харькова все документы оказались в порядке. Не было только доверенности на вождение чужого автомобиля.

В протоколе административно-го задержания водителя светло-зеленой "шестерки" таился бесценный подарок для следователя Прокопьева. Там оказались подлинные адреса и самого Унаняна и его подружки! Однако до сих пор покрыты мраком неизвестности пикантные подробности освобождения этой "сладкой парочки". Хотя упившийся Армен не смог рассказать "гаишникам" ничего внятного по поводу этой своей ночной прогулки на чужой машине.

Тем не менее уже тогда, за сутки до резни в "Наснаде", "бешеного Арина" можно было "раскручивать" по фанту изощренного убийства. Потому что в это время владелец "Жигулей", известный сочинский карточный игрок Папа-

зян, остывал на могиле собственного отца.

Капельки "для аппетита"

Унанян, как уже говорилось, отличался непомерным тщеславием. Но и Папазян за хвастливым словом в карман не лез. Познакомились они случайно. Но уже через пару часов никого роднее друг для друга не было. Джигиты наперебой выставлялись друг перед другом и перед Кристиной. Заказывали коньяки подороже и закуску поплотнее. Приукрашивали и без того пестрые свои биографии. Но на третьей бутылке карточный "натала" взгрустнул. Он вспомнил: со дня смерти отца прошло ровно сорок дней. С утра на кладбище перебивала уже вся родня. Но сейчас роднее Армена никого для растроганного Папазяна не было.

— Помянем достойного мужчину на его могиле! — благородно предложил Унанян. Он уже оценил массивность золотого перстня-печатки на руке нового приятеля. И карманы брюк у Папазяна казались забитыми до отказа купюрами.

Все дальнейшее описание событий может носить только предположительный характер. Вышло так, что о преждевременной кончине карточного игрока милиция узнала со значительным запозданием. Несколько суток Папазян пролежал на могильном холмике. А потом все решили, что сын попросту не перенес потери отца.

Лишь спустя несколько месяцев после похорон хвастливый Армен не удержался. "Подсадная утка" услышала от него в камере "романтическую" историю про без-

удержную пьянку на кладбище, в ходе которой медицинская сестра Кристина переборщила, якобы, с клофелином.

Папазян был уже настолько пьян, что даже заметив подозрительные манипуляции над своим стаканом, довольствовался объяснением насчет "капелек для аппетита. И чтобы утром голова не болела".

На автомобиле усопшего довольный Унанян с подружкой подъехали к ресторану корейской кухни. Это было время, когда "Моран" еще гремел на черноморском побережье. Тогда даже в самом жутком сне бывшему старшему следователю сочинского УВД Олегу Цюю не могло привидеться печальное будущее этого своего детища: наезды рэкетиров, бандитские разборки, несколько трупов в процессе дележки лакомого кусочка, гранатометный расстрел ресторана после нескольких поджогов...

Впрочем, это отдельная, крайне запутанная курортная история, ждущая своего летописца. В августе же 1999 года здесь, как обычно, была отмененная кухня, лучшие в городе анвариумы с экзотическими рыбками, уютные кабинки для особо важных персон. Здесь-то Армен до глубокой ночи и пропивал вместе с Кристиной деньги покойного собутельника. Как всегда, хлебосольный нахлебатель навязчиво приглашал к своему столу всех попавшихся на глаза. Так в поле замутненного зрения Унаняна угодил и сам хозяин ресторана Олег Цой.

Перед арестом Унаняна у следователя Прокопьева собрался впечатляющий набор доказа-

тельств. Но даже самые подробные показания самых наблюдательных очевидцев не могли сравниться с вещественным доказательством, извлеченным из кармана летней мужской куртки, найденной у Кристины.

Улика из "Морана"

Любовницу вспыльчивого джигита взяли в Харькове через полторы недели после резни у ресторана "Наскад". Исполняя отдельное поручение, украинские сыщики задержали Кристину настолько быстро и умело, что она не успела избавиться от складного ножа. Позднее выяснится: у преступника еще за день до убийства был совсем другой нож. Но так хорошо тогда гулялось в "Моране" на деньги усопшего каталы, что Унаняну захотелось сделать приятное хлебосольному хозяину норейского ресторана.

— Что тебе подарить, брат? — пытался приобнять Цоя назойливый клиент. — Все, что хочешь для тебя отдам! Вот ножик видишь! В Тбилиси делали. Хороший ножик. Возьми на счастье!

Чтобы побыстрее отделаться от приставалы, Олег Цой согласился принять подарок. В обмен на свой рабочий складной нож "лисичку" с подточенным под отвертку кончином. В деле по обвинению Унаняна именно эта деталь окажется решающей. Эксперты-трас-

сологи и медики установят: повреждения на одежде потерпевших и страшные ранения у командированных из Белоруссии причинены не совсем обычным оружием. Оно напоминает остро заточенную отвертку с широким основанием.

Ее и унесла с собой протрезвевшая от ужаса Кристина. Если точнее, молодая женщина сбежала с места поножовщины у ресторана "Наскад", случайно прихватив куртку Унаняна. А именно в ней убийца оставил изобличающую улику с кровавыми отпечатками пальцев на рукояти.

Усача нашли по адресу, указанному в протоколе "гаишников". При аресте Армен сопротивления не оказывал. Но он все отрицал до последнего. Хотя довести дело до приговора теперь было несложно. Пытаясь выпятиться, ничливый наввезец наследил везде, где только можно.

Михаил Пронопьев шаг за шагом прошелся по всем этапам курортного загула Унаняна. И хотя подследственный не подписал ни одного протокола и не вымолвил ни одного признания, у судьи так и не возникло никаких сомнений. 12 лет строгого режима в кассационной инстанции осужденный обжаловать не решился.

А так нелепо загубленного, в общем-то, неплохого парня Николая Королькова родители забрали из сочинского морга. И в цинковом гробу увезли в Минск. ■

Виктория
МУРАШЕВА

ДЕШОМ

Время было уже довольно позднее, по деревенским меркам — так и вовсе глухая ночь: двенадцатый час. А мы смотрели по телевизору трогательно-трагическую историю "уголовника по недоразумению". В прекрасном исполнении всегда блистательно-го актера Кирилла Лаврова. И тут в окно террасы постучали.

— Леший пожаловал,— буднично откомментировал хозяин дома.— Вот уж не ко времени. Выйдите кто-нибудь, спросите, чего надо.

"Лешим" в деревне называли ближайшего соседа моих родственников, Михаила Ивановича. Во-первых, за колоритную внешность: смуглый, с почти квадратной фигурой и до глаз заросший курчавой полуседой бородой. Во-вторых, за отличное знание природы и привычку пропадать в лесу сутнами. Ну и еще за то, что не любили Михаила Ивановича соседи, особенно женщины. Дачники-горожане хранили вежливый нейтралитет.

Понадобиться же Лешему могло только одно — курево. Дымил он с утра до вечера, а сигареты в сельмаг завозили по большим праздникам. Правда, мои "Столичные" Михаилу Ивановичу с первого дня "не показались": ни крепости, ни запаху, одно название что табак. Но, видно, припекло.

Я не ошиблась. Одну сигарету Михаил Иванович закурил тут же, а вторая исчезла где-то в копне волос. За компанию присела на крылечко и я, благо ночь выдалась теплой и без дождя.

— Телевизор, что ли, смотришь? Так иди, не буду мешать. Чего хоть показывают?— из вежливости поинтересовался Леший.

— "Верьте мне, люди",— анкетно доложила я и добавила,— про уголовника. Как он сбежал из лагеря и случайно в театре встретил начальника этого лагеря...

И вдруг меня прошиб холодный пот. Из головы вылетело, что мой собеседник отсидел то ли двадцать, то ли двадцать пять лет по уголовке, о чем с восторгом рассказывали все деревенские кумушни. То ли убил кого-то, то ли изуродовал, то ли... Я ожидала какой угодно реакции, только не той, что последовала. Михаил Иванович просто слонился пополам от хохота.

— Где-где он, говоришь, с начальничком-то повстречался? В те-а-а-тре? А какого, извини, хрена понесло его в театр? Да кто его туда пустил-то? Ох, ну чудачки, ну заводилы грешные! Один мудрец пишет дурь и за это деньги получает, другой эту дурь снимает в кино — тоже деньгу сшибает, а миллионы дураков сидят и смотрят и сопли на кулак от умиления мотают. Нет, фильма этого я не видел, я вообще много чего не видел, но одно тебе скажу, соседка: плюнь в глаза тому, кто будет рассказывать, будто зэк сбежал из зоны и поперся в театр. Да еще уголовник! Ему на воле одна дорога — к дружкам на малину, если в тюрьге не надоело. А надоело — сменить ксиву и уходить в вечные бега. Не то что к театру — к кино на километр подходить нельзя. Любого человека в форме опасаться нужно... Эх, да что говорить!

— Он случайно попал в тюрьму, герой фильма-то,— попыталась я исправить положение.— И бежал случайно: его с собой настоящий уголовник-рецидивист

силком уволок. А потом он встретил женщину и...

— Ты сама-то веришь в то, что рассказываешь? — с пугающим добродушием переспросил меня Леший. — В тюрьму попасть случайно, конечно, можно, дело нехитрое. По пьянке, по дураости. А вот в бега случайно не уходят. И если этого фраера за собой рецидивист сманил, то дивно мне, что не пришел он его на полдороге. Свидетеля-то. Ведь не из пионерлагеря утесли. Да что я объясняю! Это все на собственной шкуре надо испытать. Только те, кто полный круг по тюрьмам и лагерям дал, романов не пишут и кино не снимают...

— А Солженицын? — возмутилась я. — А Лев Разгон? А...

— Ну, завелась. Сейчас весь свой интеллигентский иконостас перечислять будешь. Они что — уголовники? Я вот мемуары не пишу. Не изображай, не изображай удивление-то, тебе, небось, наше "сарафанное радио" уже все обо мне доложило. Да, уголовник, да, рецидивист. Правда, огорчу я тебя: не убивал никого. И сейфы не взламывал, и квартиры у сознательных граждан не чистил. Но все едино — уголовник. Потому что сел не по политической статье, а по самой что ни на есть уголовной: нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой серьезные расстройства. Причем здоровье я расстроил не кому-нибудь первому встречному или там кому-деверю, а военному офицеру. Своему начальнику. Сменаешь?

— Не совсем. А за что?

— А за дело. Попадись он мне сейчас, опять бы отделал как Бог черепахе. Так что рецидивист я,

девонька, неисправимый, только годы уже не те. Леший я теперь. А был Мишка с Полянки, учился в школе, в киношку бегал, на танцы с девушкой своей ходил. Даже расписаться мы успели до того, как меня в армию забрали. Очень большая у нас любовь была, самозабвенная даже, хотелось ее закрепить, чтобы все официально было. Забрали меня, значит, в армию, а через полгода супруга моя пишет: мол, соскучилась, сил нет, приеду к тебе, проси свидания. Я и попросил...

А акkurat перед тем, как ей приехать, мой лейтенант меня на "губу" упек — придрался к какой-то ерунде — и под замок. А сам мою встречает, соловьем перед ней разливается: "Ах, как жаль, ах, такое ужасное совпадение, но вы не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю". На бутылку разорился, подливал да приговаривал: "За вашего мужа, за ваше счастье". А ей много нужно? Она вина вообще в рот не брала. Ну, напоил и использовал... Мне дружки весточку, я с "губы" через крышу — и к лейтенанту. "Правда?" — спрашиваю. А он, сука, смеется: "Она сама дала"...

Как я его бил — не помню. Но нос сломал, ухо пробил и еще в разных местах покалечил. Меня, естественно, под трибунал. Десять лет дали. Знал бы — лучше убил бы совсем, все равно отсидел больше, чем любой бандит, за которым полдесятка трупов волочится. И с женой свидания не дали, и мать ко мне не пустили — попрощаться. Так мама и умерла, пока я на нарах загорал. А отца еще в войну убили. И жену свою я так больше и не видал. Правда, особо не старался, не писал, не

разыскивал. Это сейчас модно заключенным письма писать да романы с ними заочно крутить, а тогда... Отброс, дерьмо, позор семье. Может, оно и правильно, только люди везде разные. И на воле сволочи есть, и в лагерях приличные люди встречаются. Но му как повезет...

Михаил Иванович явно не "бил на жалость" и, по-видимому, даже ничего не приукрашивал. Но его монотонный, почти лишенный эмоций рассказ почему-то производил более сильное впечатление, чем оставленная мною на середине киноистория о таком же "уголовнике по недоразумению". Даже вопросов я больше не задавала — боялась спугнуть неожиданную разговорчивость обычно замкнутого Лешего.

— Мне, в общем-то, повезло. Физической силой меня Бог не обидел, так что тюремные старожилы особо надо мной не издевались. Посылки мне никто не слал — отнимать было нечего. Ну а тюрьма — она и есть тюрьма, не санаторий. Потом в колонию перевели. Там я многому научился: за скотиной ходить, обувь чинить, по дереву резать. Десять лет не два года. Да и думал, что, когда выйду, мне еще тридцати не будет, можно попробовать все снова начать. Тоже дурак был. Раз статью дали — она везде достанет.

Два года мне до конца оставалось. Лежу как-то в баране после отбоя. Вдруг слышу — снаружи шум, гам, одним словом, волынка началась. Мне бы, идиотине, остаться на месте, как прибитому, а я побежал смотреть. Как выбежал во двор, так меня кто-то сзади по черепушке и приласкал. Оч-

нулся в карцере. Оказывается, блатные решили с охраной счеты свести, кого-то порезали, правда, не на смерть. А мне, пока я в отключке валялся, бритву в руки сунули... Ну и все. Никто ничего не видел, никто ничего не знает, я — не в баране, а на улице, в руке — бритва, на голове — шишка. Второй срок. И опять ведь по собственной дурости: основной закон знон нарушил — не лезь, куда не звали. Если тебя лично не касается, ослепни, оглохни и онемей. С тех пор я это на всю жизнь оставшуюся усвоил. Тем более что лагерное начальство в тонности не вдавалось. Они по театрам не ходили, а все больше водочку кушали да в картишки от тоски баловались. А меня, чтобы им глаза не мозолил, перевели в другую колонию — подале да посевнее.

Там мне соседи серьезные достались. Спал вполглаза, ходил с оглядкой. Вранье это, что у блатных, мол, свои законы, что они своих, уголовных то есть, не трогают, а только над политическими интеллигентами измываются. Вранье! У них нет ни своих, ни чужих. Кто слабый — тот чужой. Сильных они побаиваются, но только пока чего-нибудь не напьются или не нанюхаются. Тут уж не угадаешь, кто им под руку подвернется. Не-ет, это не волчьи законы, какой дурак придумал **этих** с волками сравнивать? Я волков часто видел, последние двадцать лет, почитай, из леса не выхожу. С волнами у меня контакт. С людьми вот не получается...

Ну, короче, просидел я еще пять лет — и сбежал. Как — не скажу, может, мне этот способ еще пригодится. И тут мне впервые в жизни, как говорится, по-

везло. Напоролся я на цыганский табор. И прижился в нем. Я тебе не говорил, что у меня мать была молдаванка? И эти цыгане оказались из Молдавии. Так что общий язык мы с ними худо-бедно нашли. К тому же я черный, кучерявый. Почти год у них прожил и горя не знал. Баба у меня там была добрая, Маша. Обижалась только, что ни разу не поколотил ее. Серьезно. У них это первое дело — бабу уму-разуму поучить. Уважаешь, значит. Но бить ее так и не выучился. Зато гадать навострился, фокусы всякие показывать — хоть в цирке выступай. Потом пригодилось. Я и по руке умею, и по гуще кофейной, и на бобах. На картах, конечно. Собаки еще в таборе были отличные. С ними тоже у меня с первого дня полная взаимность обозначилась. Сейчас к любому злому псу подойду — он меня не тронет. Лечить их могу. Жалею... Вон — последний мой пациент. Эй, Малый!

Из темноты бесшумно высочила приличных размеров дворняжка. Я поежилась: с собаками у меня отношения сложные. Чувствуют, наверное, что я их боюсь, и кандава норовит как минимум обгавкать. И у этого, Малого, морда была не то чтобы уж очень приветливая...

— Да ты не бойся, не тронет. Он полгода назад под самосвал угодил, торопился, видно, очень. Хозяева, конечно, решили, что подохнет, — выкинули за ворота. А я подобрал, хоть старуха моя и ругалась. Псарню, шумела, развел, три своих дармоеда, да еще дохлятину притащил. А я его вылечил. Травки собирал, массаж делал, жалел словами заговорными. Видишь, один глаз только

псина потеряла, а так — нормальная собака. Погладь его, погладь, он тебя в жизни не тронет. Вот так, теперь друзьями будете.

Ладно, это так, вообще. Значит, прожил я в таборе почти год, пока местное начальство не решило цыган по месту "постоянного жительства" определить. Сделали облаву, а я-то в розыске. Какой-то мент ретивый меня и опознал. Вернули на нары, только не в прежнюю колонию, а строгого режима, для неисправимых. И еще пятерку добавили, чтобы не был самым умным. Побили, конечно, не без этого. И отбарабанил я оставшиеся десять лет от звонка до звонка: никакая амнистия меня не касалась. Под конец даже привык. Тем более что блатным очень мои карточные фокусы нравились. Гадать тоже просили часто. А главное, боялись, что я на них порчу напущу или еще что-нибудь зданое сделаю. В этой-то колонии я цыганом считался, у меня и кличка была — Цыган. Благодаря этому и выжил.

Освободился... Сунулся в Москву, но успел только пять минут постоять на том месте, где когда-то мой дом был. Дом снесли, мать умерла, о жене я и думать забыл. Опять же сразу милиционер подошел, у них глаз на нашего брата наметанный, и предложил мне быстренько убираться — и с Полянки, и из Москвы. Это сейчас, говорят, в Москве бродяг и нищих полно, а тогда строго было. Сто первый километр — слышала, небось? Ну я и решил, что чем дальше, тем спокойнее. И подался сразу на триста первый — в Калугу. Только меня и там никто не ждал.

Сама знаешь, нет прописки — нет работы, а нет работы — не будет и прописки. Можно было у какой-нибудь бабульки оформиться. Калуга все-таки не Москва, лимитов нет, но за эту прописку деньги нужно платить, а жить — где хочешь. Намаялся, не приведи Господи. Наконец прописался у одной бабки в деревне, километрах в семидесяти от Калуги-то. За это я ей всю избу по бревнышку перебрал, печь переложил, забор поправил. Кормила она меня, конечно. А как все дела закончил, пошел по области. Где колодец выкопашь, где огород поможешь вскопать, где корову полечишь. Платили, сколько могли, анкурат чтобы с голоду не умереть да какую-никакую одежду-обувку справиться. Кто просто пальто старое в уплату давал, кто бутылкой рассчитывался. Выпивал, конечно, и сейчас выпиваю — не святой. Плохо? Уж как получается.

Помыкался вот так сколько-то лет. И тут мне второй раз в жизни повезло. Встретил я свою старуху. Катерину то есть. Зашел к ней работы спросить, да так и прижился. Баба она справная, когда я к ней явился, она уже годков десять вдовела. Трое детей: две дочки в Калуге да сынок в Москве шофером. А баба одна на хозяйстве надрывается. До того азартная — даже я удивляюсь. Уже, глянь, в дугу ее согнуло, пальцы скрючило, а она с утра до вечера то на огороде, то в хлеву, то по дому.

Скоро семьдесят, старше меня, а куда там иной молодой. Вот и живем — жалеем друг друга. Когда и поругаемся, не без этого. Но бить — не быю. Так и не выучился.

Ей ведь пришлось со мной зарегистрироваться. Соседи заели. По два раза в месяц участкового вызывали: мол, живет тут один подозрительный. Участковый мне — штраф и предписание отбыть по месту прописки. А я — в лес. Пересажу, грибов-ягод наберу или дровишек заготовлю — и опять к Катерине. Зимой, конечно, плохо. Мыкались, мыкались, да и решили расписаться. Тогда меня должны были у нее прописать, и все наши завистники заткнулись бы.

Расписались, только одно забыли, два дурня старых, про детей. Они-то первым делом решили, что я на их наследство зарюсь. И без меня не знали, как один дом на троих поделить, а тут я — здрасьте, ваш новый папа! А детишни-то все замужем-женаты, свои дети народились. Каждое лето у матери как на даче отдыхают, от земли давно оторвались, к корове подойти боятся. Хотя молочно уважают. И мясцом не брезгуют. Я им пытался втолковать: мол, подумайте, кто с таким хозяйством справится? Корова, три козы, поросенок, нуры, гуси... Сад опять же, огород. Нет! Только и пилят мать за то, что связалась с уголовником, что этот уголовник, я то есть, когда-нибудь ее зарежет и все добро себе возьмет. Какое добро? Три семьи мы с Катериной кормим, а сами только хлеб покупаем. Ну, папиросы мне. Копейки лишней в доме не бывает...

В общем, заставили детки Катерину со мной развестись. Она им сказала, что и выписала меня, чтобы они успокоились. А мне поссовет шесть соток земли отвел, как бы я одининый. Собираюсь там себе избушку выстроить,

но, говорят, теперь землю выкупать надо. По несколько тыщ за сотку, говорят. Слышала чего?

Ладно, заговорил я тебя, соседна. Спать пора. Извиняюсь, что от кино оторвал, но по мне чем такую ерунду глядеть, лучше к речке пойти посидеть. Вода течет, красиво, тихо... Вот бы жизнь — так...

И сидели-то мы с Михаилом Ивановичем на крыльце ночью, и не видел нас вроде бы никто, но только на другой же день вся деревня взахлеб обсуждала сенсацию: "городская" с Лешим до пехухов ворковала. Не иначе, приворожил старый цыган московскую дуру. Кое-кто жалел меня и пытался открыть глаза на истинное лицо моего собеседника.

— Он же уголовник! — убеждала меня соседна-ровесница. — Мы от него детей прячем — у него глаз дурной. По улице вечером идет — ни одна собака не залает, а это точно нечистая сила. Как Катерину угораздило — ума не приложить! Самостоятельная баба, а польстилась на дармового работника. Убьет он ее, помани мое слово, убьет! Таких в тюрьме до гроба держать надо.

— Двадцать пять лет в тюрьме — ведь это что же такое сотворить надо было? — поддакивала вторая, постарше. — Да я лучше сдохну, но помощи от такого не приму. А Катерина в дом пустила жить. Хорошо хоть расписаться догадались, все позора меньше. У нее же дети взрослые, внуки, а она им — такого отчима. Обрадовалась, что нашла такого же на работу жадного, как она. Первый-то муж ее не ахти какой хозяин был. Выпить да поспать — это да, это любил. Но не безобразни-

чал и по тюрьмам не кантовался, как этот...

— Они же развелись? — удалось мне вставить вопрос.

— И правильно! — хором закричали обе. — Какой из уголовника муж? Перед людьми стыдно, потому и копаются с утра до вечера в хлеву, да в огороде, выходить совестится. Ни на лавочке посидеть, как у всех водится, ни телевизор поглядеть... Марианну по-называли — так она и ее почти не глядела! Корова у нее, козы... Батрака вон завела, сама уже справиться не может...

Марианну мне крыть было нечем, и последнее слово осталось, увы, не за мной. Впрочем, это, наверное, к лучшему. Вряд ли я смогла за одну — пусть и долгую — беседу понять очень непростую человеческую судьбу. И рассудить, кто прав, кто виноват. Жизнь рассудит.

Если хватит жизни Михаилу Ивановичу и Катерине Афанасьевне дожидаться этого суда. Двадцать лет почти живет Михаил Иванович в этой деревне, но признали его, пожалуй, только собаки. Да приезжие горожане-дачники, вроде моих родственников, которым абсолютно безразлично все, что происходит в деревне осенью и зимой, и которые вежливы и приветливы со всеми своими соседями.

Михаил Иванович не просит, чтобы люди ему верили. Он живет, точнее, доживает в деревне и давно махнул рукой на то, что думают о нем окружающие. И Катерину свою он никогда не сможет повести в театр — нет у них времени на такие глупости. Хозяйство не кинешь.

Вот такое кино получается. ■

ОРЗ — обиженная, разочарованная, забытая?..

Правда ли, что наиболее успешно работают только те женщины, у которых не сложилась личная жизнь?

Какова цена этого успеха?

Кто такая "бизнес-леди"?

Галина КАЛИНИНА

Женщины, сумевшие сделать карьеру, привлекают внимание и раздражают, вызывают зависть и восхищение, желание осуждать их и... подражать им.

Как же складывается их личная жизнь, с какими проблемами они сталкиваются? Об этом — беседа с кандидатом психологических наук, ведущим специалистом Института групповой и семейной психологии и психотерапии Екатериной МИХАЙЛОВОЙ.

— Очень интересное исследование провели психологи одной из северных европейских стран, — рассказывает Екатерина Михайлова. — Секретаршам руководителей крупных фирм, предприятий предложили рассказать о работе своего шефа (разумеется, анонимно). Речь шла не о личных качествах руководителей больших производств, а о том, насколько сложны, по мнению секретарш, задачи, которые приходится решать их начальникам, как они формулируют идеи, как справляются со своей работой...

"Пикантность" исследования заключалась в том, что половина секретарш работала с руководителями-мужчинами, другая половина — с женщинами. Объем работы, обязанности, уровень компетентности и даже возраст их начальников и начальниц были примерно одинаковыми. Успешные руководители — и мужчины и женщины — возглавляли процветающие фирмы. Что же молодые дамы написали о своих руководителях-мужчинах? Приблизительно следующее: "Его работа очень трудна, он несет на своих плечах колоссальный груз ответственности, он решает грандиозные задачи, он принимает решения очень быстро..." И так далее — в том же духе. На вопрос "Могли бы вы (конечно, получив соответствующее образование) занять подобную должность?" дамы отвечали примерно так: "Это невозможно! Мне даже подумать об этом страшно". А как секретарши рассказывали о руководителях-женщинах? "Моя начальница решает много важных вопросов. Конечно, она долго училась и приобрела опыт для того, чтобы справляться с такой серь-

езной работой, но если бы я захотела, если бы получила соответствующее образование, то и я могла бы занять ее должность — ничего особенного".

— Мол, ничего страшного в этом нет?..

— Не только "страшного", но и "особенного"! По-моему, очаровательное исследование. Оказывается, обесценивание труда женщины вложено в голову женщины же! Оказывается, главный угнетатель, главный патриархальный злодей, который говорит: "Нурица — не птица, баба — не человек", "Молчи, овца!" — не грубый дядька, который сидит в соседней машине. Он сидит... в нашей голове. С другой стороны, результаты исследования внушают и оптимизм, подчеркивают, как важно женщине иметь перед собой привлекательные образы (не скажу "образцы" — образцы всегда подводят) профессионального поведения. Если у меня успешная начальница, значит и я смогу делать то же, что и она. Если захочу и подучусь.

Бег с препятствиями

— Екатерина, какие же "ловушки" расставлены на пути профессионально-ориентированных женщин?

— Ловушка первая — народная молва и общественное мнение. Принято считать, что карьерные, успешные женщины — не очень хорошие матери, не говоря уж о том, что не очень хорошие жены (это, мол, само собой). Нередко приходится слышать, что женщина бежит в работу, когда у нее не складывается личная жизнь, когда она "никому не нуж-

на"... Ее с ехидцей или "с искренним участием" могут спросить: "А когда же ты рожать собираешься?" (имеется в виду, что если не завтра — значит уже никогда).

Все эти многочисленные мифы и стереотипы, конечно, имеют под собой почву, они носятся в воздухе. Если начнем с ними бороться, яростно доказывая обратное — мы попали в ловушку. Если, смирившись, "подчинимся" молве — тоже оказываемся в ловушке. Единственный способ обойти этот капкан, — знать о стереотипах, понимать их и держаться от них на некоторой дистанции, рассматривая молву как часть ожиданий окружающих. Но соответствовать ей или нет — право каждой из нас.

Ловушка вторая. Даже самая эмансипированная женщина нередко думает: "Я, наверно, не справлюсь с работой, не смогу". Это очень часто заставляет нас засиживаться в каких-то "точках судьбы", пропускать возможности. И здесь очень важно знать допустимый для себя уровень риска. Можно наблюдать себя в других видах деятельности: как хожу на лыжах, вожу машину, принимаю различные решения? Если я знаю свой баланс риска и безопасности, то в каких-то случаях могу сказать себе: "Не валяй дурака, не раскармливай свои страхи, ты же видишь, что справишься..." Если же баланс таков, что для меня максимальная безопасность важнее всего, то тогда не стоит себя и грызть за упущенные возможности ("ах, если бы я знала..."), потому что это был вполне осознанный выбор ("такой меры дискомфорта мне не вынести"). Словом, делая выбор, очень важ-

но знать себя. Именно незнание своих особенностей порой заставляет нас кинуться в болото или, напротив, — может вынести на какое-то высокое, но очень неудобное место.

Ловушка третья — страх успеха или запрет на успех. Ощущение, что быть успешной — не совсем... нормально. Смутное чувство: если у тебя все хорошо — значит что-то здесь не так. Это не осознаешь до того момента, когда тебе делают хорошее предложение на работе — скажем, приглашают на важное собеседование, а ты в тот же день подворачиваешь ногу и поэтому завтра пойти туда никак не можешь.

— *Нечаянно подворачиваешь...*

— Абсолютно нечаянно. И именно сейчас. Можно легко проверить себя на сей счет, если подумать о каком-то достижении в своей области. Можно представить любой свой вполне достижимый успех: сдача книжки в печать, защита диссертации, открытие еще одного отделения в собственной косметической клинике... Представьте, что это достигнуто. Мысль, что дело сделано, греет? Или вызывает внутри какую-то смутную тревогу, непокой? Мы же понимаем: после одного достижения от нас ожидают следующего.

— *Мы боимся того, следующего?*

— Разумеется. Предположим, на этот раз я никого не разочарую, а дальше как? И еще один момент — очень важно знать динамику успеха. Хорошо, если бы кто-то из коллег-женщин предупредил: "Возможно, после выпуска книжки, после защиты диссер-

тации у тебя пару дней будет поганое настроение, как будто ты что-то потеряла, как будто с пустыми руками оказалась”.

Есть еще одна ловушка, которая связана с опытом предыдущих поколений: представление о том, что правильнее всю жизнь заниматься одним и тем же.

— *И даже очень похвально! В ее трудовой книжке только одна запись! Сорок лет проработала, чертеньницей в отделе...*

— А наша сегодняшняя жизнь невероятно динамична и непредсказуема...

— *Отдел могут сократить вместе с чертеньниками, заменив их одним компьютером?*

— Но есть и другая причина смены работы — внутренняя. Мы действительно в разные периоды жизни имеем разные приоритеты. Если что-то нам уже неинтересно делать, если закончился какой-то период, мы имеем право подумать о следующем приоритете. Одна моя знакомая забавно построила свою карьеру. Довольно успешно она занималась разными видами деятельности в зависимости от возраста ее детей. Когда они были маленькими, организовала небольшое агентство по подбору нянек, когда подросли — занялась частной школой; потом — кадровым агентством... Каждым новым делом она занималась года три-четыре, каждый раз набирая обороты. Это не рецепт, но для нее — подходило. Очень важно слушать себя, тогда есть надежда на то, что вовремя сделаешь какие-то шаги, не засидишься “вахтером на проходной” и не пропустишь выгодные предложения (“Ой, я про это ничего не знаю — как интересно узнать!”). Моя мама села

за руль в 52 года, за компьютер — в 73, первые джинсы надела в 60, первое варенье сварила в 64 (я ей по телефону давала инструкции). Первая часть ее жизни была связана с карьерой в рамках очень иерархизированного советского учреждения и какие-то “вольности”, экспромты были невозможны, так что время экспериментов пришлось на другую половину ее жизни. Когда я искренне восхищаюсь ею, она отвечает: “Просто мне нравится делать то, что я еще не очень хорошо умею”.

Даже если карьера не задана, ничего никогда не закрыто и не окончено, пока мы живы. Поэтому чем раньше мы узнаем о возможности пускать в свою жизнь что-то новое (или наоборот — пускать корни в какую-то новую деятельность), тем лучше.

Есть еще одна ловушка. В нее мы попадаем, когда у нас все... хорошо. Есть мужчина, дети, дом, профессия. Но нам так важно совместить в себе столько талантов (идеальная мать, дочка, жена, хозяйка, начальник), мы предъявляем себе до такой степени высокие требования, что начинаем стремиться к совершенству... истошно, по всем направлениям. И в какой-то момент нас начинает разрывать на куски. Это то, что в специальной литературе называется “комплексом суперженщины”.

— *Чаще приходится слышать о суперменах... А кто такая суперженщина?*

— Она привлекательна независимо от возраста, полна огня, энергии, в том числе и сексуальной. Она замечательная мать, успевает ходить с детьми и в театры, и на выставки, у нее уютный дом, а ее гости говорят: “Эх, как у

тебя хорошо! И когда ты все успеваешь?" Вот это "когда ты все успеваешь?" звучит для нее, как музыка. "Успевать", "успеваемость", "успех" — однокоренные слова, да? И вот в этом эксперименте по доказательству того, что можно быть идеальной во всех ролях есть некий надрыв. Женщина как будто боится услышать, что "она вся ушла в работу, а дети неухожены" или — "она вся ушла в семью, а жалко, ведь неплохим специалистом была". Она бежит от таких упреков, как черт от лада. Если обобщить то, что я слышала от очень благополучных женщин, то это будет звучать примерно так: "Вот я — для работы, вот — для дома, вот — для детей... А где же я — для себя? Меня просто нет". Здесь уместно вспомнить фразу одной моей знакомой: "И там хорошо, и тут отлично, и здесь у меня все замечательно... Сдохнуть что ли?" Подобные срывы часто случаются, когда главный мотив, который годами тащил человека вперед, — стремление что-то кому-то доказать. И если "доказать" удалось, то дальше вроде как и делать больше нечего.

— *А подобный мотив может не осознаваться человеком?*

— Конечно. Но этот мотив — не враг, он может нас толкать и на очень хорошие, благотворные начинания. Это один из тех мотивов, за которыми нужно немного... присматривать. Очень важно, мы его держим в кармане или он — нас.

"Где ваша женственность?"

— Однажды я познакомилась с женщиной, которая создала

"Клуб знакомств", — *продолжает Екатерина Михайлова.* — Она поделилась со мной проблемой, с которой столкнулась как владелица такого бизнеса. К ней часто обращаются в высшей степени успешные женщины, причем, успешные именно в бизнесе. Ухоженные, красивые, процветающие. Просят подыскать мужчину — не обязательно для брака, возможно, для встреч. Кановы же их требования к нему? Он должен быть красив, умен, уверен в себе, сексуален. При этом он должен романтически ухаживать, восхищаться дамой, не зариться на ее деньги, безропотно ждать, пока она занимается важными делами. Естественно, хозяйка клуба не может найти подобных мужчин, в чем ее и упрекают клиентки. Но таких мужчин не бывает! Посмотрите, какая картина: женщины невольно впитали в себя мужские установки, но не хотят в этом признаться.

— *Мужчины откровенно "снимают девочек", а...*

— ...А бизнес-леди не признаются (даже себе) в том, что хотят "снять" кого-то — им восхищение и романтическое ухаживание по-давай! Это грустная правда: становясь успешными начальницами, владелицами предприятий, женщины нередко впитывают в себя худшие из традиционно мужских установок — они ждут от мужчин такого же поведения, которое "новые русские" ожидают от "девочек по вызову". Так же, как и иные состоятельные господа, богатые дамы ждут, что их все начнут обслуживать ("романтически ухаживать и восхищаться"), так как у них есть деньги.

— Занимаясь бизнесом, женщины действительно меняются, это не миф?

— Любая профессия накладывает отпечаток на человека. Конечно, каждый вид деятельности имеет свою специфику, однако не надо так уж сильно противопоставлять бизнес всему остальному, чем занимаются люди. В одном из моих психологических тренингов участвовала группа, половину которой составляли люди, которые занимались бизнесом, а другую половину — медики. Сначала они смотрели друг на друга, как на инопланетян — "у вас вот так, а у нас..." Но в какой-то момент все вдруг увидели, что у них очень много общего: ответственность за других, некоторая властность, необходимость быстро принимать решения и высокая цена этих решений, 24-часовое "кручение" в голове каких-то рабочих ситуаций, в конце концов, склонность снимать стресс "резкими" способами... Подождем приписывать людям бизнеса какой-то совсем уж особенный менталитет, хотя специфика там, конечно, есть. Здесь, скорее, можно говорить о том, что это традиционно мужское поле деятельности, во всяком случае такова мифология. И "соль" в том, что женщина, которая выходит на это поле с намерением утвердиться и победить, моделирует себя и свое поведение по аналогии с людьми...

— ...*Которые уже вспахивают поле? Она старается — явно или нет — подражать им?*

— Да. Очень интересные исследования на этот счет есть у аналитиков в северной Европе, я имею в виду скандинавские страны. Первое поколение женщин,

решивших делать карьеру, оказались в каком-то смысле жертвами зеркального отражения мужского стиля руководства и поведения. Этим первым дамам, которым удалось прорваться на руководящие посты, для того, чтобы удержаться там, чтобы исключить неуважительные замечания в свой адрес, приходилось быть постоянно "начену". На эту борьбу ушли годы, превратив женщин в "анул в юбке". Когда же их карьера подошла к своему естественному завершению, их стиль работы стал приводиться в пример как слишком... мужской, неправильный. Возник вопрос: "А какой смысл ставить на руководящий пост женщину, если она будет действовать так же, как мужчина? Где же ваша женская интуиция, внимание к человеческим отношениям, в конце концов, новый тип мышления?". Для того поколения женщин в управлении и бизнесе была найдена печальная и неприятная аббревиатура — ОРЗ (обиженная, разочарованная, забытая). Они, как таран, пропахали первую полосу, они доказали, что женская карьера возможна, а в ответ вместо благодарности получили: "Спасибо, тетеньки, теперь можете идти". Наверное, такова судьба людей, которые проламывают барьеры. Они были первыми, но даром это не проходит.

Следующее поколение женщин, делающих профессиональную карьеру, выглядит уже иначе. Они держатся совсем по-другому. Они как бы получили социальный заказ — используй свой потенциал, делай так, как можешь ты, не подражай мужскому стилю руководства — проиграешь.

Конечно, нет одной правды, и нам никто не скажет, как надо поступить в той или иной ситуации. Это и называется свобода — необходимость самому принимать решения и самому думать об их последствиях. А любой выбор имеет цену. Выбрать что-то — это всегда отказаться от чего-то другого. Некоторые наши решения приносят более жесткие последствия, чем нам кажется вначале, другие — наоборот. Но, как гласит китайская пословица, в котле с кипящей водой нет холодного места. Мы все равно эти выборы — семейные, профессиональные — делаем и тем самым плетем неповторимый рисунок своей жизни. И нам никто не может пообещать, что все окончится хорошо, что в 80 лет мы оглянемся и скажем: "Я все сделала правильно". Момент выбора может казаться очень мучительным, но сама возможность выбирать тему

каждой главы своей жизни, приоритет следующего периода, согласитесь, это ценность. Мне кажется, женщина, в жизни которой есть какой-то сильный интерес (профессия, хобби, друзья...), выходящий за рамки ее дома, способна научиться наслаждаться вот этой возможностью выбирать.

От редакции. *Беседы с психологами на страницах "Смены" вызывают большой интерес читателей. Это показывает редакционная почта, в том числе и электронная (наш адрес: Smena@garnet.ru). А какой вопрос психологу задали бы вы, о чем хотели бы поговорить со специалистом? О какой проблеме хотели бы прочитать на страницах журнала? Присылайте свои вопросы. Самые интересные из них ведущая рубрики "Поиски гармонии" Галина Калинина предложит известным психологам.* ■

Андрей ИЛЬИН

Пять лет назад "Смена" открыла новое литературное имя — Андрей Ильин. Опубликованный нашим журналом роман "Обет молчания" сразу же стал бестселлером. Другая грань дарования Андрея Ильина известна меньше: он один из ведущих в стране специалистов по проблемам выживания, написавший об этом несколько книг и сотни статей.

Наша жизнь не становится спокойней. И не становится безопасней. Смерть от несчастных случаев вышла на второе место, обогнав онкологические заболевания. А в сельской местности оставила позади себя и сердечно-сосудистые заболевания, заняв пер-

вое. Мы боимся рана, но дожить до него не успеваем... Количество онкологических заболеваний в последние пять лет выросло на 4 процента, а смертей от неестественных причин — на 60.

Приведу и другую, неожиданную статистику. Из каждых ста тысяч мужчин-россиян 44 умирают насильственной смертью. Для сравнения: в странах Европейского союза — меньше двух человек. Если точно, то — 1,7. То есть наши мужчины погибают в 26 раз чаще!

Опасности подстерегают нас на каждом шагу. Мы не знаем, откуда к нам придет смерть. Мы узнаем об этом, только когда она приходит.

Вы можете быть уверены, что завтра не останетесь на тонущем пароме или в падающем самолете?.. Или, если вдруг минует смертельное несчастье, не навалются более "мелкие"? Что вас не арестуют? Не погонят с работы? Что завтра вашим детям будет что есть?.. Не уверены? Тогда серия моих статей в "Смене" — для вас.

Уверены? Тогда тем более прочтите их. Хотя бы исходя из того, что лучше учиться на чужих ошибках. И на чужих смертях...

Почему я взял на себя это право — учить выживанию?

В том числе и потому что знаком со смертью не понаслышке. Ходил в двух шагах от нее.

На спасательных плотках, болтающихся посреди моря, в пустыне без воды. В зимней тайге без теплой одежды, палатки, одеял и спичек. В тундре... Терпел вынуж-

денную робинзонаду на необитаемом острове. Тонул в десятиметровых волнах урагана. Напарывался на плавучие мины. Оказывался в центре стихийных бедствий.

Пытался падать с крыши. Переворачивался на машинах. Попадал под падающие деревья и обломки кирпичей. Проваливался под лед. Горел. Травился. Встречался с глазу на глаз с бандитами... Так что опыт есть.

И есть опыт десятков других людей, с которыми я знаком. И

темном переулке, но уж никак не в собственной квартире. Мы привыкли думать, что наш дом — гарантия спокойствия и безопасности. Нам кажется, что уж дома-то ничего плохого с нами случиться не может. Так ли это? Небезопасной может оказаться даже ваша квартира. Точнее, находящиеся в ней вещи.

Вначале о тяжелых предметах, падающих, согласно закону всемирного тяготения, сверху на наши бестолковые головы. Что и вызывает наиболее серьезные бытовые травмы. Давайте пройдем и осмотрим наши квартиры от потолка до уровня глаз.

Всегда таят в себе потенциальную угрозу антресоли и полки, перегруженные огромным количеством, честно говоря, совершенно ненужных, накопленных за годы, вещей. Может, все-таки решиться провести ревизию и часть из них выбросить?

Жалко? Тогда уберите хотя бы самые опасные вещи — тяжелые, острые, бьющиеся, имеющие жесткие выступы и края. Например, вон ту пятикилограммовую гантелю, способную раскроить череп.

Далее — набитые под завязку книжные полки, как нарочно приколоченные над креслом. Что, постоянно перечитываем все эти тома? Или держим исключительно для интерьера? Тогда лучше в закрывающихся книжных шкафах. Чтобы переизбыток информации однажды по голове не ударил.

А это что? Цветочные декоративные горшки? С полцентнером земли и единственным чахлым ли-

БОГ

опыт признанных авторитетов в области выживания, которым я воспользовался. Но главное, есть желание помочь.

Мой дом — моя крепость?

Вас удивит тема первой статьи. Человек, как правило, полагает, что опасность подстерегает нас на самолете, корабле или в машине, ну, на худой конец, в

БЕРЕЖЕТ

сточком над ней? А если этот листочек в комплекте с той землей сорвется? А вот картины в массивных рамах. Рамы дубовые? Тяжелые? Еле вдвоем подняли? А крепления — обычные? Дюбель в стену и довольно?

А это что? Металлические гравюры, сделанные на заказ. С хорошо заточенными краями. И полутонные бронзовые светильники в форме тяжелых снарядов времен второй мировой войны. А ну как все это посыплется вниз?

На моих глазах, в моем собственном доме гравюра величиной с тарелку в падении сняла двухсантиметровый "скальп" с одной моей хорошей знакомой. После этого бывшей. Гравюра висела на вбитом в стену тонком гвоздике и, в конце концов, упала. В итоге две травмы. Легкая физическая — у дамы. И тяжелая душевная — у меня. Так что подумайте о пользе и вреде чрезмерно утяжеленной эстетике.

Не менее опасны и тяжелые оконные гардины. Пару раз в гостях я пытался, не спросив разрешения хозяев, задернуть шторы. После этого не задерживаю. Что называется, зарубил себе на носу. Карнизом, на котором висели эти гардины.

А вот высоко поставленный аквариум. С двумя кубометрами воды и три недели не кормленными рыбками пираньями. Настенные, доставшиеся от прабабушки часы в бронзовом окладе. Чугунное литье на фанерных полках. И прочие тяжести, которые мы обожаем поднимать повыше над головой. Словно нож гильотины.

Чрезвычайно опасны любые, даже самые легкие полки, повешенные над изголовьем постели. Спящий человек не может закрыть-

ся от падающих полок. Кроме того, совершенно непредсказуема реакция на опасность неожиданно разбуженного человека. Один мой приятель, проживавший в сейсмоопасной зоне, рассказывал, что когда однажды на него, спящего, свалилась оборвавшаяся полка с книгами, он по-настоящему пришел в себя только на улице, стоя в голом виде на тротуаре на одной ноге. Потому что вторая у него была сломана в результате спонтанного прыжка из окна второго этажа. Оназывается, ему приснилось землетрясение. И именно в это время упала полка с его любимыми произведениями. А он подумал, что рухнет потолок. Все это происходило не таким уж ранним утром, и приятель своим каснадерским прыжком и экзотическим видом доставил немало удовольствия прохожим. А дело было в том, что его сосед, надумав повесить бра, влоачивал тем утром в ту же, но с противоположной стороны, стену гвоздь.

Чтобы не терять друзей и потенциальных любимых, имеет смысл заранее вывить тяжелые, неустойчивые и, значит, опасные предметы домашней обстановки.

Надеюсь, я смог в достаточной мере запугать вас возможностью гибели под тяжестью собственного книжного шкафа или трехлитровых банок с вареньем, вывалившихся из плохо закрываемой антресоли. И надеюсь, этот испуг конструктивен — шатающийся шкаф, наконец, будет укреплен, а шпингалет на дверце антресоли отремонтирован.

Думаю, вы понимаете, что мебель надо выбирать не по одним только эстетическим критериям, но еще и по степени ее безопасности.

В мебельном магазине имеет смысл в первую очередь обращать внимание не на наружную отделку мебели, а на ее силовую каркас. Тем более, что недобросовестные производители экономят материалы именно на нем, как на не бросающемся в глаза потребителям. Загляните "за изнанку" изделия и прикиньте, не подломятся ли от малейшего нажима ножки, не отвалится ли дверца, не сместится ли спинка? Кроме безопасности, это гарантирует еще и долговечность мебели. Что защищает уже не только ваше здоровье, но и кошелек.

Мебель, сделанная из древесно-стружечных плит (ДСП), не выдерживает никакой критики ни с точки зрения долговечности, ни с точки зрения безопасности. Дверцы отламываются от нее, как сухие сучки от ствола дерева. Такие дверки в несколько раз тяжелее деревянных, а углы не менее остры... Особенно рискуют дети, которые захотят повисеть на такой дверце. Шуруп в ней надежно держаться не может в принципе. Вместо того, чтобы вкручиваться в древесину, он ее крошит. Не перегружайте такие шкафы и стенки. Не загромождайте их тяжелыми вещами. И не пускайте на их "крыши" детей, когда они начнут играть в Тарзана. Однажды я видел, как может складываться шкаф из ДСП. Очень быстро. Как карточный домик. Это не антикварная мебель, которая может стоять без присмотра и ремонта столетиями, оставаясь совершенно безопасной для владельцев.

Не надо нагораживать из мебели ущелья, по которым придется протискиваться боком, как аль-

пинисту вдоль скального карниза, ежеминутно ожидая сверху "камнепада" из предметов домашнего обихода. Не надо ставить мебель на пути к наиболее употребляемым; особенно в ночное время, дверям. Все проходы должны быть достаточно широки и удобны. Я понимаю, что, набив синяки и полежа в гипсе, вы запомните расположение опасных вещей и научитесь огибать их, как слаломист флажки. Но как же ваши гости?

Видите, как острый угол стола выпирает на дорогу, ведущую к двери? И эти, расположенные на уровне висна полки. Перевесьте вы их, от греха подальше. Ах, они не достают до вашей головы? А если к вам в дом придут чуть более высокие приятели? И обязательно снимите это выполненное в форме морского ежа бра, которое постоянно маячит своими шипами на уровне глаз. Уберите этот скользкий по паркету, как арбузная корка, половичок. Лучше с пола сметать грязь, чем смывать кровь.

Отставьте диван от этой стенки. Почему, ведь он никак не мешает? Сейчас не мешает. А если открыть вон ту дверцу? Видите, она окажется как раз над головой. И если ночью резко встать...

Логика моих рассуждений понятна? Тогда обратимся к самому дорогому. К детям.

Предлагаю использовать один нехитрый прием — попробуйте "влезть в шкуру" своего ребенка и осмотреться по сторонам его любопытствующим детским взором. Ходили же и вы когда-то пешком под стол, на котором стоял раскаленный утюг. Вспомните свое золотое детство и свои первые синяки, шишки и царапины. И тогда,

смею вас уверить, обнаружите массу привлекательных и одновременно опасных предметов, о вреде которых, с вашей взрослой колокольни, вы даже не задумывались. Для большего перевоплощения можете даже встать на четвереньки. Чтобы иметь представление о том что видит ваш ребенок.

Ну что, пошли? Раньше этот выступ вы не замечали? Потому что он находится на уровне вашего бедра. А у ребенка напротив головы! И этот крючок не видели. А он, между прочим, может угодить вашему ребенку прямо в глаз! Оказывается квартира снизу гораздо более опасна.

Видите красивый ключик, вставленный в откидную дверцу, сделанную из многокилограммовой ДСП? Так и хочется покрутить его туда-сюда. И открыть замочек. И тогда дверца резко отвалится наружу. Примерно в район переносицы.

Или такие интересные блестящие инструменты. Вот это шило или эта пила. Если с ними побежать в комнату, то можно споткнуться и напороться на них. Папины рыболовные принадлежности. Целые россыпи крючков, которые хочется взять и... не вытащить из пальца. Но это, хоть и очень больно, но гораздо лучше, чем взять тот крючок в рот! А как можно равнодушно пройти мимо блестящих ножей и ножниц? Как не взять их в руки, за бритвенно заточенное острие? И как не сунуть в рот тем самым блестящим краем? Или вот красивый шнурочек, за который можно потянуть. И на голову, с гладильной доски, упадет утюг...

Но даже колюще-режущее оружие бывает не так опасно, как са-

мые маленькие и гладкие предметы. Соберите всю разбросанную по квартире мелочь — украшения, брелоки, ключи, пуговицы, шурупы, гвозди, иголки, булавки, монеты, значки, пробки от бутылок и прочие... типичные орудия детского самоубийства. Очень опасны и более объемные предметы, которые трудно проглотить, но нетрудно засунуть, например, в ухо. Авторучки, карандаши, мамины спицы, телескопические телевизионные антенны, стоящие на полу.

А вот детская кроватка. Посмотрите на ширину прутьев! А теперь на голову вашего сына или дочери. Он может протиснуть ее между ними. И не вытащить обратно. Я видел детей, прололовших шею сломанными прутьями детских кроваток.

Лучше всего покупайте кроватки, где ограждение из прутьев заменено туго натянутой сеткой. Или натяните ее сами. Но если в ячейку сетки можно просунуть голову, она еще более опасна, чем кровать с оградой из прутьев. Она способна задушить вашего младенца. Именно поэтому принято считать максимально допустимой трехсантиметровую ширину ячейки. Точно так же опасны игрушки с длинными свисающими в кроватку нитями. Они могут запутаться на шее ребенка и затянуться, если он упадет.

По той же причине опасны надетые на детскую шею цепочки. Пусть даже на них висит золотой крестик. Все-равно это орудие убийства! Цепочка цепляется за выступ кроватки, ребенок падает... Какие страшные фотографии я видел в прокурорском архиве! Не надо веревочек, сляквячиков и даже игрушек, которые возят за

веревочку. Кровать ребенка должна быть стерильно безопасна.

А это что? Электрогрелка?! Зачем вы положили ее в кровать? У вас холодно, а мальчик простужен. И вы подогреваете его с помощью грелки... Лучше простужен, чем мертв. Представьте, что случится, если в грелке будет нарушена изоляция. Например, в результате микротрещины в нагревательном элементе. А ваш ребенок описается...

Теперь посмотрим, что у нас творится возле кровати. Вот эти трубы от пылесоса, которые стоят внизу. Стоят вертикально. И этот "случайный" подсвечник с декоративными торчащими вверх украшениями, напоминающими мечи.

Теперь поднимем голову вверх. На "детской" стене не должно быть ничего, кроме обоев! И обязательно снимите с того вон шкафа коробку. Вдруг она упадет на голову спящему малышу. Не может упасть? А если, к примеру, ваша кошечка разыграется и, прыгая по шкафу, толкнет коробку, которая стоит на самом краю...

Крайне опасен для малолетнего ребенка садовый участок, дача, дом в деревне. Например, смерть детей при падении в колодец очень типична для сельской местности. Раньше в деревнях редкая семья не знала такой трагедии. Правда, и семьи были другие. По пять-десять детей.

А у вас один! Подойдет к колодцу, ляжет животом на сруб и начнет играть — кричать в пустоту или кидать какие-нибудь щепочки. Чуть сдвинется вперед, потеряет равновесие и упадет вниз.

Поставьте на все близкие к вашему дому колодцы тяжелые

крышки, которые дети поднять не в состоянии. Закройте крышками садовые бани, даже просто двухсотлитровые бочки. В садовом многокубовом баке ребенок дна не достанет и, значит, они для него даже более опасны, чем рена или озеро. Я знаю случаи, когда после долгих розысков пропавшего ребенка родители, наконец, заглядывали в бак... Не менее страшна смерть в бочке, куда можно нечаянно нырнуть головой, пуская по воде кораблики.

Что же делать? Поставить крышки. Убрать от баков лестницы. Проверить, чтобы возле бани не было никаких строений (сарая, заборов, штабелей стройматериалов), с которых дети могли бы перепрыгнуть или залезть на бан. Убрать доски, способные заменить лестницу. Имеет смысл установить лестницу... внутри бани. Имейте в виду, что бани, наполненные доверху, гораздо безопасней бочек с недоливом — чтобы достать до воды, хоть перегибаться через край не надо.

И универсальный, на все случаи "водных опасностей" совет — научите ребенка плавать. Хоть в рене, хоть в баке!

А вот отравы в виде "красивеньких, в блестящих обертках" таблеток обычно попадает в рот детей с прикроватных тумбочек, с нижних полок и из нижних ящиков "стенки", из нарманов "взрослой" одежды.

Помните о том, что опасны для ребенка и остатки алкогольной радости на дне рюмки. Или сигареты. Или даже окурки сигарет, скопившиеся в пепельнице. Самый небольшой окурочек способен вызвать у маленького ребенка интоксикацию.

Небезопасными могут быть различные домашние растения, если их не нюхать, а есть (что дети зачастую и пытаются делать) или хватать руками, когда это растение называется кантусом.

Проведите ревизию всей квартирной электросистемы. Проводку от всех розеток можно свести на один выключатель, который вы сможете выключать, выходя из детской комнаты.

Телевизоры, мониторы компьютеров и другие приборы, имеющие на корпусе вентиляционные отверстия, должны располагаться высоко, чтобы дети не могли засунуть внутрь них посторонний предмет — отвертку, вязальную спицу, проволоку.

Ребенку в квартире могут угрожать все предметы, на которых можно поскользнуться, на которые можно упасть, которые можно затащить в рот, на которые можно налететь глазом, или от которых можно откусить кусочек.

У старших детей свои, более "взрослые" опасности. В том числе, более "взрослые" игрушки. Например, рогатки. Вы знаете, что рогатка, стреляющая металлическими шариками, оставляет на стекле почти такие же следы, как пуля? Потому что обладает почти такой же убийной силой. Ну чуть меньшей. Все равно, выбьет глаз не хуже пули. И может убить!

Есть сомнения? А между прочим охотничья рогатка входит в некоторые аварийные комплекты. Потому что ее убийной силы хватает для охоты на мелкую дичь. И есть чисто охотничьи рогатки. И есть спецназовские рогатки... Проверьте, какие рогатки делает сын. И из каких рогаток будут стрелять в него его друзья. "Боевые" изыми-

те и объясните (хоть с помощью ремня), что делать их и баловаться ими нельзя. "Детские" оставьте.

И вообще советую провести ревизию арсеналов вашего сына. Обязательно проверьте мощность используемых им пиротехнических петард. Любая такая петарда — тот же тол, только расфасованный в мелкую упаковку. У одной моей знакомой в руках рванула новогодняя хлопушка. Я видел хлопушки, которые взрывались меньше чем через секунду (!), после того, как их подожгли. И еще объясните детям, что петарды, хлопушки и другие "громкие" игрушки нельзя подносить близко к уху, нельзя приближать их к лицу, если они не сработали! Очень часто праздничная пиротехника взрывается, когда дети пытаются разобраться, почему она не действует. Несработавшую пиротехнику нужно выбрасывать! А если ее хранить, то рано или поздно вы недоисчитаетесь у вашего ребенка пары пальцев, глаза и кое-чего еще.

Потенциально опасны столярные, слесарные и прочие инструменты. Вернее, не сами инструменты, а неумение с ними обращаться.

Где-то в первом-втором классе я, оставшись дома один, вырезал из доски пистолет. Сорвавшийся нож воткнулся глубоко в ладонь. Видимо, он задел мелкую артерию, потому что кровь брызнула фонтаном. Пока я бежал до кухни, залил весь пол. А бежал, потому что знал, где находится аптечка. И знал, как надо останавливать кровь. Объяснили.

Я наложил жгут и два часа гордый ходил по квартире в ожидании родителей. Когда они пришли, рука уже распухла и потеряла чувствительность. Зная, как

накладывать жгут, я не узнал, что его нельзя держать больше двух часов. И чуть не потерял руку!

Отсюда вывод — половинчатых знаний не бывает.

Наверное, хватит на этом? Или кто-то считает, что я концентрирую картинку квартирной опасности? Тогда тем, кто считает, что я сгущаю краски, рекомендую полистать учебники по судебной медицине и посмотреть фотографии погибших по глупости родителей детей: погибших в результате удара элементарного, падений на штыкообразные изгороды, обвала не-

закрепленных полок с сувенирами, изъеденных собаками... Или осмотреть в детском хирургическом отделении ближайшей больницы коллекцию всех тех предметов, что были извлечены из желудков и дыхательных путей малолетних пациентов.

Думаю, после этого мои запугивания не понадобятся и родитель, как сапер по минному полю, пройдет по квартире еще и еще раз, обезвреживая смертельно опасные предметы домашнего обихода. И лично сам "поиграет" всеми детскими игрушками. И очень правильно сделает. ■

ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ

Уважаемые инташели!

У вас появилась возможность подписаться на "Смену" через Интернет.

Посетив подписную страницу нашего журнала в интернет-магазине "Пресса", вы получите возможность всего за несколько секунд оформить и оплатить подписку на "Смену" на любой период до полугодия.

**Ждем вас по адресу
<http://pressa.apr.ru/index/70820>**

СМЕНА • СМЕНА • СМЕНА • СМЕНА

наталья дабижа: КУКЛЫ - МОИ ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ...

У нее редкая профессия — художник-аниматор. Она оживляет героев кукольных фильмов, если сказать точнее, не оживляет, а одушевляет: не зря ведь «анима» в переводе с латинского означает «душа». Однако Наталья Дабиза не только аниматор. Она еще режиссер и мастер-конструктор по

куклам, а потому иногда делает их собственными руками. Уже первая самостоятельная работа Натальи «Ваня и крокодил» удостоена отечественной кинематографической премии «Дебют». Режиссерский ряд продолжили «Одинокий рояль», сериал о свирепом Бамбре... Еще она «оживляла» некоторых героев

известных мультипликационных лент "Чебурашка", "38 попугаев", "Мертвые души", "Немухинские музыканты"... Большой успех на международном уровне принесли ей фильм из библейского цикла "Авраам", мульт-опера "Севильский цирюльник". Кроме отечественной "Ники", Наталия заслужила еще шесть престижных зарубежных наград, а за анимацию шекспировской "Зимней сказки" удостоена высшей американской теленаграды — премии "Эмми".

— То, что сегодня заполнило наш телеэкран, — говорит Наталия, — дешевая компьютерная продукция. И ее агрессивность проявляется не столько в воинственных сюжетах, сколько в бездушности и порождаемой ею недоброй ауре. Дистанция между этим ширпотребом и тем, что делаем мы, огромна: такая же, как между музыкой, сочиненной компьютером и композитором, между живой собакой и роботом-заменителем. Мы, конечно, тоже используем компьютер, но лишь для необходимых расчетов и некоторых эффектов, ну, например, чтобы создать на экране водное пространство. Однако такой способ, вроде бы дающий огромные возможности, все-таки не всегда лучше привычных решений. Опыт показывает, что и для "фона" очень важно тепло живых рук. Что же говорить о куклах! — они вбирают в себя энергетику людей, которые их придумали, сделали, сшили на них одежду, наконец, заставили двигаться...

— И послужили их прототипами?

— Конечно. Художник, создающий куклу, тоже нередко отталкивается от какого-то своего образа. Вот смотрите — вам герои "Севильского цирюльника" кого-нибудь напоминают?

— Да, пожалуй, особенно Фигаро. Если приглядеться — чем-то похож на... Алесю Баталова?..

— Именно! Его портрет, а главное, обаяние и послужили для создания этого доброго и хитроумного парня. А Бартоло делали с Леонидом Броневым, Розину — с Натальей Данилиной...

Вот мы и собрали любимых артистов в кукольном варианте — шаржированных, ироничных, смешноватых, но, согласитесь, обаятельных и симпатичных. Эти придумки — вовсе не ради демонстрации наших пристрастий — все диктует жанр, смысл, идея. И совершенно иной подход — предельно серьезный — к библейской тематике: "Авраам" и "Явивший чудо" об Иисусе Христе.

— А почему эти фильмы не видят наши зрители?

— Да потому, что они нам не принадлежат. Это совместная работа студии "Кристинмас-филмз" и Уэльской телекомпании S40. Английские проекты на английские

деньги... Понятно, кто хозяева. Увидеть их можно разве что на каком-то очередном кинофестивале. Правда, наше телевидение приобрело "Севильского цирюльника", но не показывает. Возникли проблемы с дубляжом. Ведь дублировать надо не диалоги, а оперные партии — по-русски и точно попадая в движение губ персонажей, поющих!

— Наташа, как у вас все началось?

— Я окончила театрально-художественное училище. Получила профессию конструктора по куклам. Мне повезло, после защиты диплома сразу пригласили в театр под руководством Сергея Образцова. Два года проработала в производственном цехе. При этом делала куклу с начала до конца — включая и те стадии работы, что издавна считались традиционно мужскими. Что ж удивительного: я дома выполняла вполне мужские работы, заколачивала гвозди, стругала доски, клала плитку и украшала стены не только обоями. Могла и крышу починить, и швейную машинку.

— Откуда у вас такая мастеровитость?

— Это у нас семейное, от отца. Он удивительная личность. Самостоятельно постиг тайны искусства иллюзионистов и стал выступать с фокусами на эстраде. И как изящно работал, а как великолепно но-

сил фран — будто в нем родился! Хотя любил подчеркнуть, что происхождения самого простого, несмотря на то, что наша фамилия — Дабина — восходит к молдавским господарям, что в русском варианте — великие князья. Увлекался кукольным театром с участием животных, в частности, собак. С этим театром, все имущество которого вмещалось в одну легковушку, он побывал в таких глухих российских местечках, куда сроду никто не заглядывал. Будучи дальтонином, лихо водил машину: огни светофора различал не по цвету, а отсчитывал сверху. Да что там светофор — картины писал! Правда, трава на них была синяя, а небо желтым или зеленым — такой своеобразный "импрессионизм"... Он меня и приучил все мастерить своими руками и быть смелой. А уж гонять на коньках, стрелять в тире, снакать на коне, взлетать на спортивных кольцах высоко вверх я научилась сама. Помню, мама чуть не упала в обморок, увидев, как я еду на велосипеде, стоя во весь рост на сиденье... Если бы я захотела, то могла бы стать спортсменкой или акробатом в цирке... Но, пожалуй, все-таки больше всего отца радовало, когда я лепила из пластилина разные фигурки или занималась куклами...

— Неужели столь неугомонной натуре нравилось сидеть в цеху?

— Конечно, нет. Довольно быстро мне все это наскучило. И тут

Faded, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

я получила предложение стать антрисой-нукловодом. И непременно стала бы. Но... В моей жизни появился человек, который круто изменил всю жизнь — Дмитрий Полонский, сценарист документального кино и писатель. Тогда мне стукнуло 18, а ему... Короче, разница в возрасте составляла целых 22 года. Папа долго пребывал в шоке. А я просто была очарована благородством, талантом, романтическими поступками. Одновременно с руной и сердцем мне предложили перейти работать в кино.

— Ну, а если бы не замужество, не встреча с Полонским — остались бы в театре?

— Вероятнее всего. У меня ведь не было других причин оттуда уходить.

— Но вы не стали бы аниматором...

— Ну что ж, возможно, у меня оказалась бы другая судьба, неизвестно, лучше или хуже. Сразу по нескольким дорогам идти невозможно, а потому библейская мудрость не случайно гласит: не оглядывайся, смотреть надо только вперед. Свою судьбу, каной бы она ни была, надо принимать с благодарностью, и я благодарна Диме за то, что он помог мне решиться на такие серьезные перемены. Хотя новая работа требовала еще большей кропотливости, филигранности, она в то же время более мобильна: ведь каждый новый фильм — не только новая литература, новые персонажи, но и новые люди, постановщики, актерский состав. Не повторяющиеся много лет спектакли, а постоянная полная смена и декораций, и персонажей.

— Ваша первая работа как аниматора?

— “Чебурашка” под руководством совершенно потрясающего мастера Романа Качанова. Это не только художник, но и прекрасный педагог, терпеливый и умеющий зажечь, научить. Случалось, требовал сделать какое-то движение нуклы на 12 кадров, а на следующий день — переделать его на 14. Между тем в секунду укладывается, как известно, 24 кадра...

— Раз уж заговорили о таких тонностях, хочу спросить: как нукла двигается, понятно, а как она говорит? Наним образом получается мимина?

— Постоянно заменяется нижняя челюсть, а то и вся голова...

— Вы ведь еще и режиссурой занимаетесь?

— Для моего режиссерского дебюта мы с Дмитрием выбрали сказку Корнея Чуковского “Ваня и крокодил”. Выбор подсказала сама жизнь. В это время у нас жил огромный рыжий дог. У собаки была тяжелая судьба. Престарелый хозяин больше не мог о нем заботиться, и в конце концов оказавшийся на улице пес попал к нам тяжело больным, грязным и избитым какими-то хулиганами. Мы его вывели, вылечили. А те времена были непростыми и несчастливыми. Чего только не приходилось мне выслушивать, когда мы с бедным Ларсином выходили на прогулку: и все мясо в стране собакам снормили, и лучше бы детей рожали, чем собак разводить... С пятого этажа со злостью кричали, чтобы не гуляли под их окнами... Тогда и вспомнилась добрая сказка Чуковского о несчастном крокодиле, которого люди сами довели до того, что он начал — защищаясь! — заглатывать все подряд: и облаивающих собачек, и уг-

рожающего городского... А стоило лишь одному мальчику поговорить с крокодилом по-человечески, и он тут же опять стал добрым, а все "проглоченное" вернулось живым и здоровым... Вот об этом и сделала я свой первый самостоятельный фильм, сценарий к которому написал Дима. Правда, редакторы сильно засомневались в нашей идее по ходу сюжета превратить в крокодила самого писателя Чуковского: это его обидело бы. Проблема разрешилась лишь благодаря вмешательству внучки Норнея Ивановича: "Да дедушке все и звали Крокодилом, и в шаржах его так изображали!" И фильм взял Гран-при на конкурсе дебютантов.

Вообще, мы никогда не выбирали животных, но помогали тем, кому плохо. Когда не стало дога, я на улице заглядывала в глаза всем бродячим собакам: может быть, наной-то из них нужна именно я...

— А рыжая лайна, что сейчас живет у вас и с которой, говорят, вы на фестивале анимационного кино в Тарусе даже на сцену выходили как с равноправным участием на форуме?

— Я его тоже подобрала на улице несчастным и больным щеночком и тоже назвала Ларсином. И друзей мы не выбирали ни нужных, ни знаменитых. Кроме коллег и старых знакомых, в основном наши друзья приходили из Диминых фильмов. Он любил людей, о которых снимал свои картины, умел их понять и раскрыть... Большинство из них осталось в нашей жизни: ученые, спортсмены, артисты театра, балета... И сейчас, когда мука нет, эти друзья со мной.

— Все же удивительно: как вы с Дмитрием Саввичем могли вместе работать над анимационными фильмами? Ведь документальное кино не только абсолютно другое дело, но, можно сказать, нечто совершенно противоположное мультипликации!

— Муж не всегда был кинодокументалистом, по образованию он театральный режиссер, писал пьесы для театра. Просто так сложилось, что стал работать в кино. И все же, действительно, каким бы экономным по объему и концентрации ни был документальный фильм, ему далеко по емкости до анимационного! К тому же идей у нас с обеих сторон было хоть отбавляй. Потому работали трудно, конфликтно, но всегда результативно. Мы вместе сочиняли "Одинокий рояль", свирепого Бамбра... Дима участвовал во всех моих работах. Даже когда я стала работать с англичанами по их сценариям и правилам, и здесь муж помогал, например, в создании конкретных раскадровок...

— В каком состоянии сейчас находится наша знаменитая студия "Союзмультфильм"?

— Студия распалась на две части. В результате уникальная, созданная несколькими поколениями мастеров коллекция мультфильмов уплыла в руни наших недавних соотечественников, а ныне граждан США. Теперь они стали ее хозяевами и получают от проката огромную прибыль, из которой лишь ничтожная часть возвращается в страну, все эти шедевры создавшую. Отечественного проката, хотя бы покрывающего расходы, нет, вот и приходится худо-бедно сводить концы с конца-

ми хотя бы дохлыми процентами с проката заграничного.

— *Что же делать?*

— Возвращать свое. Налаживать прокат. Но и это не решит всех проблем. Ведь наша продукция очень дорогая. Та же Англия вкладывает в высокохудожественную анимацию значительные государственные средства. Там понимают, как важны первые встречи детей с Шекспиром, оперой, библейскими персонажами, что ответственность этих встреч зависит и от того, сколько не пожалели денег. Настоящая культура, искусство, образование не могут быть дешевыми, и без серьезной государ-

ственной помощи фильма такого уровня, как мы делали с англичанами, будут у нас большой редкостью. А молодому поколению придется воспитываться на агрессивном компьютерном примитиве.

— *Наташа, а почему вы не работаете в рисованной мультипликации?*

— Плоский мир не увлекает, предпочитаю объем. Люблю войти внутрь сцены, в макет, пальцами ощутить свои персонажи, научить их движению — внешнему и душевному. Работа аниматора тонкая, кропотливая, с огромным напряжением зрения, мышц, нервов. Как актер на сцене, входишь

ное приходится платить быстрым утомлением, страшной усталостью, а главное — уже не тот результат, не та живость, душевность. Кукла "оживает" не просто технически — она действительно требует души.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Уже написала сценарий к пушкинской "Сказке о рыбаке и рыбке". Эта сказка сегодня особенно актуальна. И дело не только в том, как отвратительна всевозрастающая жадность Старухи — это лежит на поверхности. Мне бы хотелось донести другие, не менее важные подтексты этой простенькой житейской истории, так талантливо рассказанной Пушкиным. К сожалению, малый объем нашего фильма существенно сковывает возможность сломать привычные стереотипы. Но буду стараться.

— А что еще хотели бы снять?

— Ну, например, "Любовь к трем апельсинам" по опере Прокофьева, "Король Чума" Эдгара По, что-нибудь из "Марсианских хроник" Рея Брэдбери... Всего, чего хочется, к сожалению, не успею, даже если наши дела в целом наладятся. Как не успею еще многого другого. Нет ни сил, ни времени заняться, возможно, самым любимым делом — резьбой по дереву... Этого уже не вернуть, моей судьбой стали куклы. Сейчас они со мной везде и всегда: на работе, дома, в дороге. Нет, я с ними не разговариваю, как, скажем, с собакой, с ними общение на другом уровне. Они верные спутники в моей жизни, и нам хорошо вместе. ■

Беседовала

Эдда ЗАБАВСКИХ.

Дело было прошлым летом: московская милиция переполошилась — прошел слух, что в столице появился Робин Гуд. Да к тому же не герой английских народных баллад, а Робин Гуд... женщина. Милиция еще только составляла фоторобот разыскиваемой, а наш спортивный корреспондент уже знал, что Робин Гудом в юбке, а чаще в джинсах, является москвичка Елена Короленко. Она считается одной из сильнейших российских арбалетчиц. Ей ничего не стоит из лука попасть стрелой в монетку на

расстоянии в 50 метров, что она и продемонстрировала в одном из лучших в Москве стрелково-спортивных клубов "Виктория".

Беру в руки арбалет, который больше смахивает на лук. Впрочем, это и есть его разновидность, вот только тетива у арбалета натягивается при помощи специального механизма. Естественно, при этом необходимо иметь недюжинное здоровье: ученые подсчитали, что для натяжения тетивы требуется усилие в десятки килограммов. За соревнования спортсмену приходится

делать это сотни раз, да и сам арбалет весит более семи килограммов! Вот и прикиньте, какие надо иметь руны, если его в течение двух дней, когда обычно проходят состязания, надо поднять сотню раз! Словом, этот вид спорта не для хилых и немощных, а для сильных и выносливых спортсменов.

— Старшим братом арбалета по праву называют лук, — рассказывает Елена. — Это оружие состоит из древна и тетивы. Мне настолько нравится мой вид спорта, что я ловлю кайф уже от

Николай ЗУЕВ

Фото автора

Робин Гуд в юбке

одних названий арбалета. Словно их придумал не оружейник, а поэт. Так, древно состоит из верхнего и нижнего плеч, оканчивающихся рогами, к которым и крепится тетива. У верхнего конца рукоятки имеется запяточный для стрелы. Передняя стенка арбалета называется спинкой, задняя — брюшком.

— Что же главное в арбалете?

— Требования к этому оружию предъявляются немало. Главное, чтобы была абсолютная симметричность относительно вертикальной оси, равномерность изгиба плеч и максимальная эластичность и упругость. Лишь профессионал в арбалетном деле может заметить такие мелочи, как мягкое и равномерное натяжение лука и мгновенное возвращение плеча в первоначальное положение после отпущения тетивы. При этом, чем больше путь стрелы, на котором она получает ускорение от тетивы, тем лучше арбалет.

— Наверное, арбалетным спортом могут заниматься только взрослые спортсмены?

— Так ведь и я сначала пулевой стрельбой занималась. Мне было 18 лет, когда с парнями поспорила на шоколадку, что попаду в трехкопеечную монетку. Им пришлось раскошелиться и купить мне четыре плитки шоколада. Стреляла из мелкашки здорово, была даже чемпионкой Москвы.

— И как же променяла стрельбу на арбалет?

— Я училась в Московском авиационно-технологическом техникуме. В нашей группе было только две девушки и 28 парней.

С одним из них встречалась и как-то он привел меня в стрелковую секцию. Сначала на занятиях я глазами "стреляла" в его сторону, но вскоре он отошел на второй план и главным для меня стали мишени. Так увлеклась стрельбой, что за полгода выполнила первый разряд. А рядом с нами часто тренировались арбалетчики, и вот один из них — Вячеслав Большев как-то пригласил меня опробовать арбалет. Тогда тренер здорово удивился, что с первого раза я попала стрелой... в стрелу. Вскоре стала мастером спорта и дострелялась до того, что стала первым мастером спорта международного класса по стрельбе из арбалета.

— Не сохранилось мишеней с последних соревнований?

— Вот одна из них. Изрешетить ее мне удалось во время чемпионата России, который проходил в Санкт-Петербурге. Эта мишень мне дорога тем, что с 18 метров мне удалось из десяти выстрелов десять раз попасть в десятку! На этих соревнованиях установила сразу несколько российских рекордов, а всего их у меня около двадцати.

— С арбалетом наперевес, небось, уже весь мир объездила?

— Была на соревнованиях в Германии, Португалии, Тайване, но больше всего запомнилась Австралия. В Мельбурне, на чемпионате стран Азии, стрельба велась на всех дистанциях — 65, 50 и 35 метров. За день производили по 30 выстрелов. Правда, у меня там случилось ЧП. Ложке моего лука треснуло и мне пришлось всю ночь его склеивать. Хорошо, что под рукой оказалось несколько тюбинов супер-

клея. В Австралии отстрелялась по высшему разряду и стала чемпионкой, установив два мировых рекорда.

— Где сейчас тренируешься?

— Нашему клубу "Виктория" уже более 25 лет. Здесь тренируемся и проводим различные соревнования.

— Арбалет — удовольствие дорогое?

— Он стоит более двух тысяч долларов. Некоторые фирмы пытались наладить производство, но возникают проблемы с милицией, которая считает его боевым оружием. Ведь арбалет стреляет бесшумно!

— Ты умеешь стрелять из пистолета и винтовки, из арбалета. Признайся, не предлагали ли тебе высокооплачиваемую работу новые русские?

— Пока таких предложений не поступало. Мне больше нравится не только самой тренироваться, но и передавать опыт и мастерство мальчишкам и девчонкам.

— Чем занимаешься в свободное от стрельбы время?

— Я домоседка и люблю, сидя дома, рукодельничать и вышивать. А еще стряпать разные вкусные блюда. И не только потому, что занимаюсь тяжелым видом спорта. Вообще не понимаю женщин, которые не любят готовить. И зачем тогда заводить семью?! У меня особенно получают пироги. Еще мужу нравится, как готовлю мясо. Словом, на кухне провожу немало времени. Иногда сама удивляюсь, как хватает сил тренироваться, работать детским тренером по стрельбе и еще что-то дома готовить, прибираться...

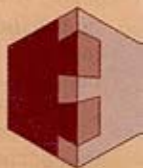
— Не обидно, что за глаза тебя называют Робин Гудом ... в юбке?

— Вообще-то в юбке я хожу редко, предпочитаю брюки и джинсы, но ничего обидного в этом сравнении нет. Уверена, что Робин Гудом, а он был народным защитником, вполне могла быть и женщина. ■

 СОКОЛЬНИКИ

В 1999 году Лестехпродукция удостоена Знака Союза выставок и ярмарок СНГ и стран Балтии

ЛЕСТЕХ РОССИЯ ПРОДУКЦИЯ

МОСКВА

5-я МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАКА ЛЕСОПРОДУКЦИИ, МАШИН, ОБОРУДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЛЕСНОЙ, ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

2001

4-7 декабря

Организаторы выставки

Культурно-выставочный центр
«Сокольники»

Министерство
промышленности, науки
и технологий РФ

Ассоциация предприятий
мебельной и
деревообрабатывающей
промышленности
России

ОТКРОВЕННО

о страсти
и сексе
и о мужском
взгляде
на женщину

Книги можно приобрести

■ в фирменных магазинах Издательского дома "Ниола 21-й век":

и. "Текстильщики", ул. Юных ленинцев, д. 37,

тел.: (095) 178-20-00,

и. "Дубровка", ул. Шарикоподшипниковская, д. 32,

тел.: (095) 275-49-79, 275-59-29,

■ в центральных книжных магазинах г. Москвы,

а также по почте через редакцию "АиФ".

Стоимость одного экземпляра книги с расходами по пересылке составит:

"Наталья", "Псих", "Юджиния" – 99 руб.,

"Факультет патологии" – 129 руб.

(без учета авиатарифов для отдельных районов).

Оплата при получении. Заказы присылайте по адресу:

125195, Москва, а/я 42, "АиФ".

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
МИНЧИН

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького.90
тел.: (3412) 51-02
факс:(3412) 78-58

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

20 сортов
свежеобжаренного
колумбийского кофе
Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

В Европу осенью

по специальным тарифам

Швейцария от \$299*

Бельгия от \$299*

Англия от \$240*

Италия от \$320*

Голландия от \$277*

Скандинавия от \$229*

Германия от \$299*

Прага от \$299*

Мадрид от \$333*

Хельсинки от \$155*

Будапешт от \$199*

и скидка \$ 100

на билет весной

См. сайт aeroflot.ru от 08.12.00. (5 ТАМ РФ)

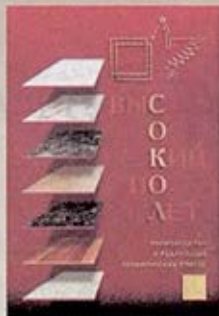
Предложение действует с 18 октября по 20 декабря

*По курсу в рублях без учета налогов. Действуют ограничения.
Скидка весной действует только при предъявлении билета с купоном

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

Центр информации и бронирования авиабилетов
753-5555 круглосуточно

Лучшая керамическая плитка из Дедовска

Трудно представить себе интерьер современной квартиры или особняка без красивой и практичной керамической плитки. Да и в офисах, ресторанах, клубах этот отделочный материал все чаще применяют для украшения стен, полов, фундаментов, внутренних дворинов. Нкими же качествами должна обладать плитка?

Во-первых, она должна радовать глаз. Красоту изделий дедовских мастеров подчеркивают даже названия серий различного вида плиток: вслушайтесь, взгляните... Выберете "Бриз" — и на вас пахнет терпким запахом Средиземноморья. Серия "Коррида" расскажет вам о тореадорах и ослепительной Нармен. "Итальянский мрамор" позволит почувствовать себя римским патрицием, а "Снифы" окунут в историю древнего мира. А может быть, вам ближе родные "Истра", "Ладога" или классические интерьеры "Петергофа"? Пол в кухне украсит плитка, которая так и называется — "Паркет".

Во-вторых, отделочный материал должен быть прочным, надежным в быту. Плитка, произведенная АОТ "Сокол", идеальна для нашего сурового климата, выигрывая прежде всего по такому показателю, как морозостойчивость. А удобно ли с ней работать? На "Соколе", например, выяснили, что при производстве с традиционным жестким штампом плитка не получается идеально ровной. Применили так называемый изостатический штамп, который позволяет выпускать плитку с равной плотностью по всему объему. Эта технология гарантирует качество на каждом этапе. Именно поэтому дедовская плитка безупречна.

"Сокол" не гонится за модой, потому что сам формирует ее, повышая не только общую культуру строительства и отделочных работ, но и улучшая самое главное — качество жизни россиян.

АОТ "Сокол" производит и продает:

плитку керамическую **НАПОЛЬНУЮ** форматом 33x33x0,8 см — 60 наименований, включая стилизацию под паркет, под мрамор, под старый камень;

ОБЛИЦОВОЧНУЮ форматом 33x20x0,7 см — 30 наименований, под мрамор;

ФАСАДНУЮ форматом 296x92x9 мм (черную, белую, синюю).

Широкий выбор бордюров и декоративных панно собственного производства по низким ценам.

Наш адрес:

143530, Московская область,

Истринский район, г. Дедовск,

керамический завод.

Тел.: (095) 561-74-87,

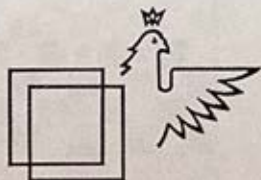
561-75-50.

Факс: (095) 561-74-83,

561-72-60.

Розничная торговля —

тел.: (095) 561-75-04.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

139. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
 Украина

2

140. З. ЛАБАЙ
 Словения

2

141. Р. СУРКОВ
 Москва

2

142. Л. ЛЕБЕДЕВ
 Беларусь

3

143. В. КОЖАКИН
 Магадан

б) a1-h8

3

144. Е. БОГДАНОВ
 Украина

3

145. В. ИВАНОВ
 пос. Повец

б-г) a1-a8, h8, h1

4

146. В. КОНОВАЛОВ
 Туапсе

6

147. Р. ЛАРИН
 Новосибирск

6

Приз
Ю. СУШКОВ

5

Приз
Ф. НАКАБАДЗЕ
М. МАРАНДИОК

б) n.d6-f6 в) Ke4-d1 # 5

Приз
С. МАТВЕЕВ

9

Специальный приз
Г. ЕГОРОВ

5

МНОГОХОДОВКА-2000

В конкурсе многоходовок 2000-го года участвовало 105 миниатюр 49 авторов, опубликована 61 композиция. Из конкурса исключаются задачи: №№ 55, 102, 109 — из-за предшественников.

Призы на равных получают следующие три задачи:

Приз — Ю. СУШКОВ (Санкт-Петербург)

1... d6 2.Kd3 Kpd5 3.Фе4х. Попытка сохранить эту игру с помощью королевского треугольника — 1.Kpd3? Kpf4 2.Кре2 Кре3 3.Кре3 и т.д. опровергается — 1...d5!

Белые меняют план игры: 1.Ка6? d5 2.Кс7 d4 3.Kpf3 d3 4.Кре3 d2 5.Фе6х, 1...Kpd5 2.Фе7 Kpd6 3.Kd4 b4 4.Фе5 Kpc6 5.Фд5х, но 1...b4!

Решает 1.Фf7! с переменной на 1...d5 — 2. Kd3 Kpd6 3.Kpd4 b4 4.Ke5 b3 5.Фд7х и новым вариантом на отступление короля: 1...Kpd6 2. Фf6 Kpc7 3.Kd5 Kpb7 4.Фb6 Кра8 5.Kc7х

Трехфазный блок с переменной игры.

Приз — Ф. КАКАБАДЗЕ (Грузия) и М. МАРАНДИОК (Украина)

а) 1... Kpd4 2.e3 Kpd5 Kf6х; 1.Kd2! Kpd4 2.Kb1 Kpd5 3.Ка3 Kpd4 4.Kb5 Kpd5 5.e4х

б) 1...Kpd4 2.e3 Kpd5 3.Лс5х; 1.Лс2! Kpd4 2.Kf6 Кре3 3.Kg4 Kpd4 4.Кре6 Кре4 5.Лс4х

в) 1...Kpd4 2.Кре6 d5 3.Kpd6 Кре4 4.Лf3 Kpd4 5.Лf4х, 4...d4 5.Kf2х

Решает выжидательный ход 1.Kpf6!

Синтез трех блоков с переменной игры.

Приз — С. МАТВЕЕВ (Санкт-Петербург)

1. Kpg3! Устремляясь на с6 с досрочным матом. 1...h5! Единственная защита! 2.Kph4! Белые меняют план и играют на цугцванг. 2...Кра8 3.Cg1 Kpb8 4.Ch2 Кра8 5.Kpg5 h4 6.Kpf6 h3 7. Cb5 Kpb7 8.Кре7! Кра8(c8) 9. Са6 (с6)х. Не решает 1. Kph3? h6! 2.Kph4 h5, т.к. в положении взаимного цугцванга ход белых. Не годится и 1.Kd6? h5! 2.Cb7 h4 3.Ch1 h3 4.Kpg3 h2 5.Kpf3 Кра8 6.Кре4 Kpb8 7.Kpd5 Кра8 8.Кре6 Kpb8, и противостояние королей в пользу черных!

Содержательная многоходовка, которая оказалась самым крепким орешком для наших решателей!

Специальный приз — Г. ЕГОРОВ (Тула)

1...d3 2.Кс3х; 1.Kpd1! d3 2.Cc1 (2.Кре1? — пат!) Кра1 3.Kpe1! (3.Кс3? — пат!) Кра2 4.Кс3 Кра1 5.Kb3х

Очень симпатичная псевдодвухходовка с неожиданным удалением белого короля от "театра военных действий"!

Почетный отзыв — Ю. СУШКОВ (Санкт-Петербург)

1...e5 2.Kdf8 e4 3.Kg6 e3 4.Лf4х; 1.Kdf6? e5 2.Khf8 e4 3.Kg6 e3 4.Лh5х, 1...Кре5!; 1.Khf6? e5 2.Kdf8 e4 3.Kg6 e3 4.Лh5х, 1...Kpg5!; 1.Khf8! Kpg5 2.Kg6 e5 3.Kf6 Kpf5 4.Лh5х

Четырехфазный блок. Жаль, что в решении на 1...e5 мат достигается на ход раньше.

Почетные отзывы на равных

Ю. СУШКОВ

4

Ю. СУШКОВ

5

Е. БОГДАНОВ

4

Почетный отзыв — Ю. СУШКОВ

1...d5 2.edx; 1.Ка3! Kpb6 2.Лb5 Кра6 3.Крс7 d5 4.Лd5 Кра7 5.Ла5x — вернулась на место ладья! 2...Крс6 3.Крд8 d5 4.ed Kpd6 5.Кс4x — вернулся конь! Псевдодвухходовка с возвратом двух фигур.

Почетный отзыв — Е. БОГДАНОВ (Украина)

1...b6 2.Kpb4 c5 3.Кра4, 1...c6 2.Фе5 b6 3.Крс6; 1.Фд8? c6 2.Фд3 b5 3.Крс6, 1...b6!; 1.Фf8? c6 2.Фf1 b5 3.Крс6, 1...Кра5!

1.Фg8! b6 2.Крс6 Кра5 3.Фb3, 1...b5 2.Фа8 b4 3.Фс6

Минимальная задача с переменной игры.

Похвальный отзыв — В. МОРОЗОВ (Москва)

1.Kd4 Kpg8 2.Ke6 Kph8 3.Kpg5 Kph7 4.Kph5 Kph8 5.Kph6 Kpg8 6.Kpg6

Kph8 7.Kf8(g5) Kpg8 8.Kh7 Kph8 9.Kph6 Kpg8 10.Cd5 Kph8 11.Kf8 g2

12.Kgbx, 1...Kph7 2.Kf5 с эхо-игрой относительно диагонали.

Похвальный отзыв — М. ХОФМАН (Швейцария)

1.Kd5 Кра2 2.Крс2 Кра1 3.Кb4 h6! 4.Крс1 h5 5.Кс2 Кра2 6.Kd4 Кра1 7.Крс2 Кра2 8.Ке2 Кра1 9.Кс1 a2 10.Kb3x

Похвальный отзыв — Н. ЗИНОВЬЕВ (Казахстан)

1.Крс4 Kpb2 2.Крд3 Крс1 3.Кре2 Крс2 4.Kb5 Крс1 5.Kd4 Kpb2 6.Крд2

Кра2 7.Крс1 Кра1 8.Крс2 Кра2 9.Ке2 Кра1 10.Кс1 a2 11.Kb3x

Специальный почетный отзыв — В. ВАРСУКОВ (Санкт-Петербург)

Kpd4, Ch4,b1,Кс3 — Kpd2, пп.b2, b7, # 5

1.Cf2 — 2.Крс4 b6 3.Kpb3 b5 4.Kpd4 Крс1 5.Се3x, 1...b5 2.Крс5 Крс3 3.Се1 Kpb3 4.Сb4 Кра4 5.Сс2x

Специальный похвальный отзыв — А. ОГАНЕСЯН (г. Новочебоксарск)

Кра8, Фе5 — Кра6, Сb2, пп.a5, с3; # 8

1. Фb8 a4 2.Фb7 Кра5 3.Кра7 a3 4.Фb6 Кра4 5.Кра6 a2 6.Фb5 Кра3 7.Кра5 a1Ф 8.Фа4x

В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр

Похвальные отзывы на равных

В. МОРОЗОВ

12

М. ХОФМАН

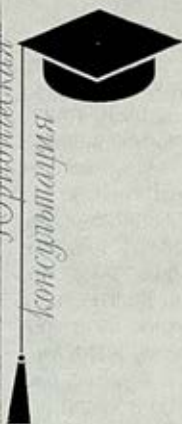

10

Н. ЗИНОВЬЕВ

11

Законодательство по выбору

"Собираюсь вступить в брак с гражданином Германии и впоследствии проживать в его государстве. Гражданство менять не буду. Мы решили заключить брачный договор. Законами какой страны нам следует руководствоваться при его заключении?"

Е.Н.Парфенова,

Владимирская обл.

Согласно ч.2 ст.161 Семейного кодекса РФ супруги, имеющие разное гражданство, могут по соглашению между собой избрать законодательство, подлежащее применению при заключении брачного договора. Если супруги не пришли к соглашению, то применяется законодательство по следующему принципу. Личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства. Личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, не имевших сов-

местного места жительства, определяются на территории Российской Федерации законодательством Российской Федерации.

Потребитель всегда прав

"Купила в магазине туфли, которые оказались совершенно непригодны для ношения. Пройдя в них по улице, я поранила ноги. В магазине их не приняли обратно, так как я их уже использовала. Права ли администрация магазина?"

К.Романова, Кемеровская обл.

Администрация магазина не права, так как потребитель в любом случае имеет право на возврат товара ненадлежащего качества продавцу. Довод магазина о том, что вернуть можно только вещь, не бывшую в употреблении, справедлив лишь для тех случаев, когда потребитель желает вернуть товар без недостатков, который не устраивает его цветом, фасоном, размером и т.д.

Согласно ч.1 ст.18 Закона РФ от 7.02.92 г. "О защите прав потребителей" потребитель, которому продан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору прибегнуть к одному из способов защиты нарушенного права: потребовать безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом; соразмерного уменьшения покупной цены; замены на товар аналогичной марки (модели, артикула); замены на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены; расторжения договора купли-продажи. По требованию продавца и за его счет потребитель должен возвратить товар с недостатками.

Кроме того, вы имеете право на возмещение убытков, причиненных недостатками товара, а также на возмещение морального вреда. В частности, вы можете потребовать возместить расходы на лечение поврежденных ног.

С бывшими работниками должны делиться

"Я много лет проработал в колхозе, в 1989 был переведен на другую работу. Проживаю до сих пор на территории бывшего колхоза. Имею ли я право на получение имущественного пая после реорганизации колхоза?"

В.Тарасов, Ставропольский край

Круг лиц, имеющих право на получение имущественного пая при реорганизации сельскохозяйственных организаций, установлен Постановлением Правительства РФ от 1.02.95 г. "О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев". В соответствии с п.9 Приложения к указанному Постановлению имущественный пай могут получить следующие лица. Во-первых, работники сельскохозяйственных коммерческих организаций (предприятий), в том числе уволенные из них по сокращению численности работников после 1 января 1992 года. В их число не включаются временные, сезонные работники, а также лица, работающие по гражданско-правовым договорам, и совместители, основное место работы которых находится в другой организации. Во-вторых, пенсионеры сельскохозяйственных коммерческих организаций. Также имущественный пай могут получить работники объектов социальной сферы, расположенных на тер-

ритории сельскохозяйственной организации и наследники лица, имевшего право на получение имущественного пая, но умершего к моменту выдачи свидетельства.

К числу правообладателей законодательство относит и лиц, покинувших хозяйство до возникновения права на пай, но долгие годы проработавших в хозяйстве и уволенных по собственному желанию, в порядке перевода и т.п. Бывшие работники включаются в число получателей имущественного пая по решению общего собрания участников этой организации или представителей собственников. Таким образом, при наличии соответствующего решения общего собрания вы приобретаете право на получение имущественного пая.

Пенсия для иностранцев

"Я — гражданка бывшей союзной республики, проработала много лет артистом-нукловодом. Затем переехала к родственникам в Калужскую область. Могу ли я получить льготную пенсию, которую в России выплачивают работникам культуры?"

Л.Пескова, Калужская обл.

В соответствии со ст.4 Закона РФ от 20.11.90 г. "О государственных пенсиях в Российской Федерации" проживающие в Российской Федерации иностранные граждане, в том числе граждане бывших союзных республик, имеют право на получение пенсии на общих основаниях с гражданами Российской Федерации, если иное не предусмотрено Законом или договором. В данном случае Законом или договором иное не предусмотрено.

Согласно ст.98 Закона "О государственных пенсиях в РФ" в слу-

чае, когда иностранным гражданам для назначения пенсии требуется определенный общий трудовой стаж, работа за границей включается в такой стаж, если не менее двух третей его приходится на работу в СССР.

Отдых вместо оплаты

"У нас на предприятии повышен объем работы. Иногда приходится работать даже в воскресенье. Работа в воскресный день не оплачивается. Вместо этого дают отгул. Есть ли в этом нарушение со стороны администрации?"

П.Зайцев, Алтайский край

По общему правилу работа в выходные дни запрещается. В соответствии со ст.63 Кодекса законов о труде РФ отдельные работники могут быть привлечены к работе в выходной только в исключительных случаях. Оплата работы в выходные дни производится в соответствии со статьями 64 и 89 КЗОТ РФ. Компенсация предоставляется работнику по договоренности с администрацией — путем повышенной оплаты (не менее чем в двойном размере) либо путем предоставления отгула. Если в качестве компенсации выступает дополнительный день отдыха, то он предоставляется в любое время: непосредственно после "рабочего" выходного дня, в течение рабочей недели, путем присоединения к отпуску. При этом не имеет значения, какое количество часов вы отработали в воскресенье, дополнительный выходной день будет предоставлен в полном объеме.

Таким образом, само по себе предоставление отгула за работу в выходной день не противоречит трудовому законодательству. На-

рушение Кодекса законов о труде будет усматриваться в том случае, если по соглашению работника и администрации была установлена оплата воскресной работы, а вместо этого был предоставлен дополнительный день отдыха.

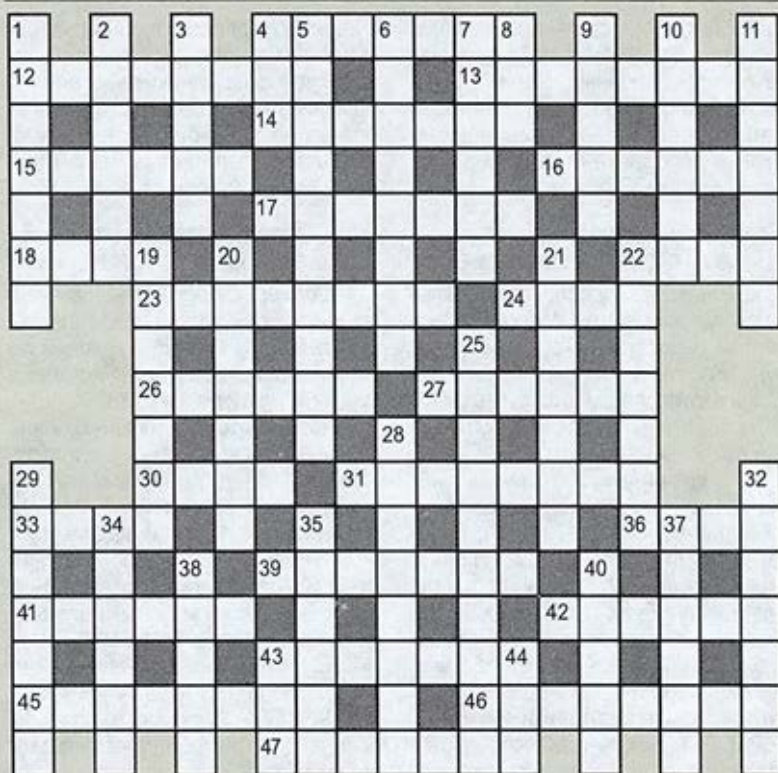
Два способа индексации

"Собираюсь обратиться в суд с иском о взыскании невыплаченной заработной платы. Должна ли индексироваться присужденная сумма и каким образом?"

С.М.Орлов, Челябинская обл.

Увеличение размера заработной платы предусмотрено в ст.81.1 Кодекса законов о труде РФ, в соответствии с которой индексация оплаты труда работников предприятий, учреждений, организаций должна производиться в порядке, установленном Законом РСФСР от 24.10.91 г. "Об индексации денежных доходов и сбережений граждан РСФСР". Пересмотр размера зарплаты производится двумя способами. По общему правилу применяется индекс потребительских цен на продовольственные товары, а также платные услуги. Если вы работаете на предприятии, относящемся к частной форме собственности, то при индексации сумм невыплаченной своевременно заработной платы необходимо учитывать индекс роста минимального размера оплаты труда, поскольку в силу ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. ■

**Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам**

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Афоризм, раздувшийся от мании величия, по мнению юмориста. 12. Фаворитка короля Людовина XV, чью фамилию М. Салтыков-Щедрин обыграл в сатирическом ключе. 13. Самый известный русский нотоиздатель. 14. Философ, в чьей голове перемешались христианские ереси, идеализм и догматы восточных религий. 15. Сплав для нагревательных элементов в электрических печах и приборах. 16. Женщины азиатской страны, подрашавшие в средние века губы зеленой краской. 17. Свечной материал. 18. Самое молодое из Великих озер Восточной Африки. 22. Малоизвестный поэт, которому Н. Батюшков хотел посвятить отдельную главу в задуманной им истории русской литературы. 23. Специалист без уверенности в завтрашнем дне. 24. Кавалер, герой в романе А. Прево. 26. Два

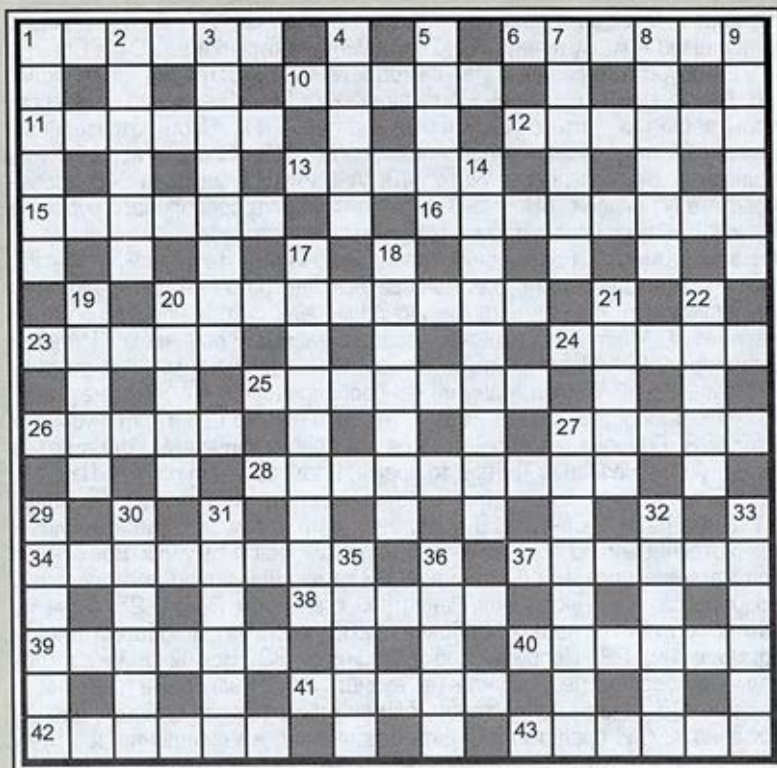
одновременных выстрела из двуствольного ружья. 27. А. Ганнибал по отношению к А. Пушкину. 30. "Глубиннейший русский поэт" (А. Белый). 31. Искусство резьбы по самоцветам. 33. Краска для пола. 36. Придворный художник Людовина XV. 39. Советская поэтесса, испытавшая в стихах "сто часов счастья". 41. Овощ, прозванный римскими патрициями "зловонной розой". 42. Способ исправления ошибок в бухгалтерском учете. 43. Английская матрона. 45. Орган власти в Монголии. 46. Уважительное название серебряного рубля на Руси. 47. Один из самых южных Курильских островов.

По вертикали. 1. Гоголевский герой, затюканный тетушкой. 2. Антер, одно время делавший шестикопеечные котлеты на Останкинском мясокомбинате. 3. Стиль французской мебели с отделкой бронзой или латуной. 4. Масличная культура, возделываемая в основном в Индии и Эфиопии. 5. Летательный аппарат с машущими крыльями. 6. Итальянский ученый, один из основоположников научной анатомии. 7. Отравляющее вещество, которого немало в хранилищах России. 8. Добавка, превращающая тригонометрическую функцию в обратную. 9. Название Тарту в то время, когда там жил поэт Н. Языков. 10. благородный газ, первым вступивший в химическую реакцию. 11. Роман Ж. Санд. 19. Деревенский дом с прилегающими хозяйственными постройками и земельным участком. 20. Временная спячка животного или растения. 21. Германский король по прозвищу Барбаросса. 22. Провинция Пакистана с центром Лахор. 25. Одна из самых обычных наших бабочек. 28. Участие в общественной организации. 29. Подруга серого хищника. 32. Комбинация из трех пальцев, совсем не похожая на кукиш. 34. Жизненные силени в технике. 35. Итальянский тенор, один из выдающихся оперных певцов XIX вена. 37. И средство обуздать беззаконие, и учреждение, и труды, хлопоты по дому. 38. Известный советский клоун-дрессировщик. 40. Одна из трех составных частей философии, согласно воззрениям стоиков. 43. Фасоль, из которой делают крупу. 44. Монета, которую в Стране Восходящего Солнца давно уже не чеканят. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 7. "Новеллино". 9. Блик. 10. Этап. 11. Европеизм. 12. Нопир. 15. Афиша. 18. Блантер. 20. Гендель. 21. Цесарна. 22. Фея. 24. Черномор. 25. Свинство. 26. Увы. 28. Тонзура. 30. Мерсенн. 31. Триллер. 32. Вызяб. 35. Торец. 37. Любовница. 38. Щена. 39. Лель. 40. Жесткость.

По вертикали. 1. Юннер. 2. Свирель. 3. Хлопанье. 4. Мизинец. 5. Поэма. 6. Няп. 8. Дали. 13. ...оленеводы... 14. Индонезия. 16. Франсиско. 17. Шинование. 18. Блумарт. 19. Ресивер. 22. Фру. 23. Ясы. 27. Вольвокс. 29. Арабеск. 30. Мелисса. 33. Змея. 34. Блань. 35. Тальк. 36. Реле.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Ягода, растущая возле пушкинского села Горюхино. 6. Вылейной, прилейной, прилейной с окантовкой, пришивной с фальцем. 10. Малый жернов для ручных мельниц. 11. Сестра Бени Крина в "Одесских рассказах" И. Бабеля. 12. Жидкость, заполняющая полости спинного и головного мозга. 13. Жанр арабской музыки, по форме близкий к рапсодии или сюите. 15. ...в вине — любимое блюдо миллионов. 16. Полуостров, за открытие которого Набот получил от короля в награду 10 фунтов стерлингов. 20. Страна, на долю которой в XVIII веке приходилась почти половина торговых и рыболовных судов Европы. 23. Академик, примерно 130 лет назад писавший, что Крит — лишь осколок Атлантиды. 24. В Индии "напиток бессмертия" — сома, в Персии — ... 25. Периодическая проверка преподавателем нервов в общении со студентами. 26. Предшественник пульты у ацтеков, который тоже делали из цветочных агавы. 27. Обращение к священнику в Италии. 28. Препарат, ради которого спиливают молодые рога у маралов. 34. "Штат столетия" в США. 37. Ф. Вигель в "Записках" говорит о се-

бе: в театре "была вся..., все утешение моей жизни". 38. Сумна андерсеновского солдата, где побывали медные, серебряные и золотые деньги. 39. Зерно дошумерских жителей Междуречья. 40. Родной город художника Рафаэля. 41. Возлюбленная Пирама, к чьей трагической смерти в Вавилоне восходит эпизод в склепе из "Ромео и Джульетты". 42. Тихоокеанская птица, роющая на травянистых островах нору глубиной до двух метров, куда и откладывает единственное яйцо. 43. Английский художник, чьи картины называют "разговорными".

По вертикали. 1. Химический элемент, побочный продукт в производстве цинка и свинца. 2. Пора, когда Манедонский порицал Филиппа II за пьянство и пиршества, хотя позже и сам последовал его примеру. 3. Граф, сильно облегчивший участь Радищева и его семьи. 4. О грязноте говорят, что у него под ногтями ... 5. Злейший враг нутрий на Кавказе и в Средней Азии. 7. Змеехвостка, способная жить на океанской глубине 8 километров. 8. Равноправный брак в арабских странах. 9. Богиня, которой перед жатвой в древней Италии приносили в жертву свинью. 14. Командир подлодки С-13; потопив девятипалубный лайнер "Вильгельм Густлов" с пятью тысячами гитлеровцев, стал "личным врагом Германии". 17. Святой, образом которого отец, умирая, благословил Наталию Захарьину, будущую жену А. Герцена. 18. Титул Марии Исабелы на картине Гойи "Портрет семьи короля Карла IV". 19. Фигура простого пилотажа. 20. Соловей берет за душу, а бандит — за ... 21. Ружейная пуля, свинцовым цветом разворачивающаяся в теле жертвы. 22. ... - село, крестьянин — весь (в IX-XI веках). 27. Импрессионист, до 1865 года считавший себя учеником Кору. 29. Приток Амазонки, с которого француз Рабо впервые привез в Европу аквариумных неонов. 30. Сняк, шишка. 31. Альтернатива нуту. 32. Первая сура Корана. 33. Самый сиреневый самоцвет. 35. Свободный ото льда участок в Антарктиде. 36. Академик, придумавший понятную фразу из непонятных слов: "Глокая куздра штеко бодланула бокра и курдючит бокренка". ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 4. Жандо... 7. Ересь. 10. Омфала. 12. Порфиритовид. 13. Диапазон. 14. Чабукиани. 15. Ильм. 16. Объем. 18. Табун. 20. Нио. 21. Гомер... 23. Минор. 24. Аил. 25. Фений. 26. Рип... 27. Мороз. 29. Эксод. 30. Янг. 31. Нупол. 36. Новин. 37. Жели. 38. Установка. 40. Церуссит. 41. Висьневский. 42. Дарвин. 43. Хадан. 44. Маина.

По вертикали. 1. Болдуин. 2. Офтальмолог. 3. Юлиан. 5. Агон. 6. Диффамация. 8. Ратник. 9. Смирндирид. 1. ...Эрзурум. 12. Полба. 14. Чет. 17. Щенок. 19. Нитка. 20. Королевство. 21. Гимнастика. 22. Реконкиста. 28. Зубодер. 32. Лоа. 33. "Тимей". 34. Дифтонг. 35. Бальса. 39. Шуман. 40. Цинк.

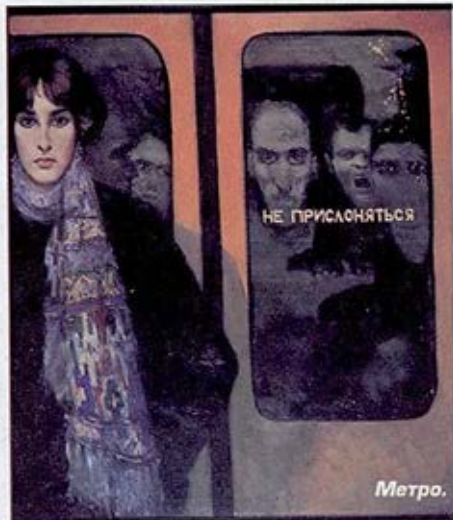

Дмитрий ЕВТУШЕНКО

Простые, в общем-то, сюжеты — молодые люди молча стоят в вагоне метро, почтовые ящики в неухоженном подъезде с облупленной штукатуркой, на окраине города, возле ветхого сарая на ветру сушится рабочая одежда, вагонное купе с неизменным стаканом чая на столике... Житейские сценки нашей повседневности, которые мы в суете даже не замечаем. "Я люблю писать обыденную жизнь, — говорит Дмитрий Евтушенко, — то, с чем сталкиваюсь буквально каждый день: вид из окна, подъезд, лестничную клетку, улицу. Но и здесь я ищу некую поэтичность и возвышенность".

Творчество Дмитрия довольно разнообразно, помимо жанровых картин, он пишет пейзажи, натюрморты. Недавно закончил цикл городских пейзажей Литвы, куда выезжал в творческую командировку. Но, пожалуй, особое место в творчестве художника занимают портреты. Он пишет друзей, знакомых, известных людей искусства, своих коллег, художников. "Увлекательна попытка передать "музыку" человеческой души, внутренние переживания, и выразить это не только посредством пластики лица, но и с помощью колористической гаммы, и даже аксессуаров портрета... Именно психологический портрет занимает меня больше всего. Хочется уловить в модели вечное, а не сиюминутное. Поэтому люблю изображать углубленный в себя взгляд, духовную силу человека". И, видимо, не случайно дипломной работой в Академии живописи, ваяния и зодчества, которую окончил и где учился в аспирантуре Дмитрий, стал портрет Анны Ахматовой.

Анна Ахматова.

На первый взгляд — торжественный портрет. Гордая, величественная осанка, спокойный, независимый взгляд. Но стоит она на пороге обветшалого деревянного дома, все в запустении, неуютно, тоскливо. И пропадает пафос, потому что этот

Женский портрет.

печальный антураж словно обнажает жизнь великого человека, которому не было места в своей, такой огромной стране.

В Академию Дмитрий поступил в 1993 году, а уже через год, студентом второго курса, принял участие в своей первой выставке. С того времени их состоялось более десятка, и групповых, и персональных. Его работы находятся в частных собраниях Америки, Австралии, Швеции, Германии и России.

В большинстве своих работ художник следует традиции русской и европейской живописной школы начала минувшего века и достигает того же единства идеи и исполнения, присущего старым мастерам. Пишет он и в современной манере, для чего использует, наряду с масляными красками, и акрил. Но в каких бы жанрах, в какой бы технике ни работал Дмитрий, в его полотнах всегда присутствуют чувство и настроение самого художника. "Мне нравятся те мгновения, когда забываешь обо всем, и уже не ты руководишь процессом написания холста, но что-то неведомое движет тобой и приводит к непредсказуемому результату". ■

Светлана ТОНИНА

Вильнюс. Старый двор.

Наш адрес:
143530
Московская обл.,
Истринский р-н,
г. Дедовск,
керамический завод
Тел.: (095) 561-74-87,
561-75-50
Факс: (095) 561-74-83,
561-72-60
Розничная торговля:
Тел.: (095) 561-75-04

ВЫСОКИЙ
ПОЛЁТ

ПРОИЗВОДСТВО
И РЕАЛИЗАЦИЯ
КЕРАМИЧЕСКИХ ПЛИТОК

